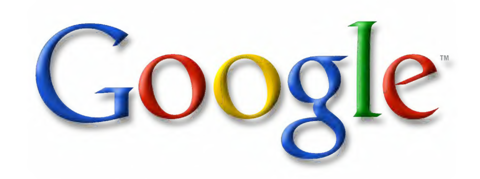

Google

VE RI TAS

Книжка 67

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

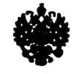
Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ III Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка 117.
1908.

ОТДѢЛЪ I.

Малорусская этнографія на XIV археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ.

Тогда какъ великорусская этнографія за послѣдніе годы постоянно обогащалась новыми трудами,—вспомнимъ хотя бы капитальные сборники былинъ Маркова, Ончукова и труды Московской комиссіи по собиранію памятниковъ народнаго творчества,—малорусская этнографія послѣ большихъ сборниковъ Гринченка, можно сказать, застыла (это, впрочемъ, не относится къ дѣятельности австрійскихъ малороссовъ). Даже бывшіе подрядъ на территоріи Украйны четыре археологическіе съѣзда не прибавили чего-либо значительнаго къ разработкѣ малорусской этнографіи. Столь же бѣднымъ въ этомъ отношеніи оказался и послѣдній XIV съѣздъ въ Черниговѣ. Изданій съ этнографическимъ матеріаломъ къ съѣзду не было выпущено, если не считать „Трудовъ Черн. Предварительнаго Комитета по устройству XIV съѣзда", въ которыхъ напечатано нѣсколько документовъ, имѣющихъ нѣкоторый бытовой интересъ, и замѣтка на трехъ страницахъ: „Черниговскія писанки" *В. Д.* На самомъ съѣздѣ было прочитано три реферата по малорусской этнографіи: А. Миллера—„Лотосъ въ украинскомъ орнаментѣ", С. Шелухина—„Украинскія причитанія надъ умершими" (на малорусск. яз.) и Х. Ящуржинскаго—„Почитаніе ключей и колодцевъ въ Малороссіи" (на малор. яз.). Было заявлено еще два реферата: Х. Ящуржинскаго—„Украинскіе заговоры отъ уроковъ" и А. Синявскаго—„Бытовыя малорусскія пѣсни Екатеринославской губ. въ XIX в."—но послѣдніе рефераты прочитаны не были. Изъ представленныхъ рефератовъ докладъ г. Миллера обладалъ научнымъ обоснованіемъ и былъ построенъ на изученіи малорусскаго орнамента сравнительно съ орнаментомъ восточнымъ (персидскимъ, киргизскимъ, татарскимъ). Г. Миллеръ выводитъ съ Востока довольно часто встрѣчающееся на малорусскихъ рушникахъ изображеніе махроваго цвѣтка, видя

въ немъ отзвукъ рисунка лотоса, употребительнаго въ восточномъ орнаментѣ. Чтеніе г. Миллера было иллюстрировано какъ рисунками вышивокъ, такъ и образцами рушниковъ. Докладъ г. Шелухина объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ былъ построенъ на небольшомъ количествѣ собранныхъ имъ самимъ матеріаловъ, среди которыхъ немалая доля пришлась на народные анекдоты. На основаніи своего матеріала г. Шелухинъ пытался доказать, что въ Малороссіи не было наемныхъ плакальщицъ, и что малорусскія причитанія представляютъ продуктъ индивидуальнаго творчества въ противоположность причитаніямъ великорусскимъ, представляющимъ неизмѣнныя формы, передающіяся отъ одной плакальщицы къ другой. Для доказательства перваго положенія рефентъ совершенно отрицалъ достовѣрность свидѣтельства польско-латинскаго писателя XVI вѣка, Себастіана Фабіана Кленовича—Acernus'а, въ его поэмѣ „Roxolania“, о существованіи въ Галицкой Руси наемныхъ плакальщицъ, на томъ основаніи, что въ приводимомъ Кленовичемъ причитаніи встрѣчаются слова: „capitolinus anser“—„капитолійская гуска“ что невозможно въ устахъ простой бабы. Но докладчикъ не принялъ во вниманіе характера всей „Роксоланіи“ Кленовича, которая ни въ комъ изъ историковъ литературы не вызывала подозрѣній въ невѣрности описываемаго авторомъ быта. Русскій изслѣдователь дѣятельности Кленовича г. Стороженко (Кіевск. Унив. Изв. 1881 г.) говоритъ, что поэма „Roxolania“— „настоящій кладъ для занимающихся южнорусской стариной“.

Вотъ свидѣтельство Кленовича. Когда умираетъ, говоритъ онъ, человѣкъ,—„тотчасъ за плату (mercede) старуха заводитъ заученныя (doctas) причитанія (querelas), и такъ по заказу (jussa) женщина оплакиваетъ не своего мужа. Продажныя слезы (venales lacrimas) противъ воли выжимаетъ она изъ глазъ... Нанятыми за деньги рыданіями (conductis pretio) она оглашаетъ воздухъ“ [1]). Столь опредѣленное свидѣтельство мы сможемъ отвергнуть только тогда, когда не признаемъ всю описываемую Кленовичемъ бытовую обстановку, на что, однако, нѣтъ никакихъ данныхъ. Изъ того, что въ настоящее время въ Малороссіи неизвѣстно существованіе плакальщицъ, нельзя заключать того же по отношенію къ Галиціи XVI вѣка. Сербы занимаютъ меньшую территорію, чѣмъ украинцы, но и въ Сербіи по свидѣтельству В. Караджича въ его книгѣ: „Живот и обичаји народа српскога“, въ одномъ мѣстѣ есть плачевницы, въ

[1]) См. мое сообщеніе: „Древнѣйшее малорусское причитаніе“. Кіев. Стар., 1904 г. декабрь, стр. 148—153.

другомъ ихъ нѣтъ. Въ доказательство того, что наемныя плакальщицы существовали въ Малороссіи, можетъ быть приведенъ рисунокъ изъ альбома француза Де-Ла-Флиза, относящійся къ началу XIX вѣка и изображающій малорусское погребеніе на саняхъ. Въ фигурахъ женщинъ, одѣтыхъ одинаково во все бѣлое и идущихъ рядами за гробомъ вмѣстѣ съ нищими, можно безошибочно видѣть не родственницъ покойнаго, а именно приглашенныхъ плакальщицъ [1]).

Второе положеніе референта, а именно, что малорусскія причитанія являются продуктомъ индивидуальнаго творчества, опровергается извѣстнымъ въ литературѣ матеріаломъ. Всѣ причитанія, сколько ихъ ни было напечатано у Метлинскаго, Чубинскаго и Милорадовича, очень однообразны и представляютъ небольшое количество опредѣленныхъ похоронныхъ формулъ-мотивовъ, которыми и пользуется причитающая женщина. Малорусскія причитанія отличаются однообразнымъ содержаніемъ, единствомъ стиля и поэтическихъ представленій, что и создаетъ изъ нихъ опредѣленный, цѣльный видъ народнаго малорусскаго творчества. Объ индивидуальномъ творчествѣ здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его докладчикъ, т. е., что каждое отдѣльное причитаніе соотвѣтствуетъ каждому отдѣльному случаю смерти и погребенія.—Вопросъ объ украинскихъ причитаніяхъ очень интересенъ и еще ждетъ своего изслѣдователя. Въ „Кіевской Старинѣ" за 1904—05—06 гг. и въ „Украинѣ" 1907 г. мы помѣстили рядъ очерковъ, посвященныхъ причитаніямъ, изъ которыхъ укажемъ двѣ работы: „Одна глава объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ" и „Символика птицъ и растеній въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ".

Лучше была представлена малорусская этнографія на выставкѣ, устроенной при Съѣздѣ. Экспонаты были собраны особой экспедиціей Русскаго Музея Императора Александра III, Черниговской Архивной Комиссіей и частными лицами. Постройки, домашняя утварь, промыслы, одежда, все это было представлено полно и достаточно освѣщало народный бытъ. Особенное вниманіе обращали на себя не относящіеся къ малорусской этнографіи, но идущіе изъ Черниговской г. старинные женскіе костюмы стародубскихъ старообрядцевъ. Предметы, бывшіе въ этнографическомъ отдѣлѣ, описаны въ „Каталогѣ выставки", изданномъ въ Черниговѣ.

В. Даниловъ.

---

[1]) Рисунокъ былъ напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ".

Первобытныя древности на XIV археологическомъ съѣздѣ.

Въ числѣ рефератовъ, поступившихъ на XIV археологическій съѣздъ, значительный интересъ представляли рефераты, прочитанные въ секціи первобытныхъ древностей, каковы: К. В. Хилинскаго—„Трипольская культура", чешскаго проф. В. О. Пича „Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи", И. Е. Евсѣева—„Раскопки по верхнему теченію р. Оки", В. Д. Языкова—„О раскопкахъ въ окрестностяхъ Маяцкаго городища на Дону", П. В. Селиванова—„По поводу производства раскопокъ и храненія добытаго матеріала", В. Г. Ляскоронскаго—„Городища, курганы, майданы въ области днѣпровскаго лѣвобережья", Ѳ. К. Волкова — „Палеолитическая стоянка близь с. Мезени (Черниговск. г.)", Л. Г. Лопатинскаго—„Находка мастерской бронзоваго вѣка на Кавказѣ въ области Куры", А. М. Мартиновича—„Хозарское городище на р. Воронежѣ", В. А. Городцова—„Раскопки Бѣльскаго городища и сопровождающихъ его кургановъ", К. В. Болсуновскаго „Культъ предковъ по памятникамъ эпохи неолита", В. А. Бабенко—„Соотношеніе верхне-салтовскихъ могильниковъ и могильниковъ сѣвернаго Кавказа", А. А. Миллера „Археологическое обслѣдованіе устьевъ р. Дона" и В. Е. Данилевича—„Раскопки въ Курской губерніи". Съ захватывающимъ интересомъ былъ выслушанъ докладъ г. Хилинскаго о загадочной такъ называемой „трипольской культурѣ", слѣды которой обнаружены В. О. Пичемъ въ Молдавіи въ Кукутенахъ, Г. Оссовскимъ—въ восточной Галиціи около Золотого Бильча и В. В. Хвойко—близъ М. Триполья Кіевской губ., а также близъ с. Крутобородицъ Летичевскаго у., Подольской губ. Докладчикъ приписывалъ эту культуру народу арійской расы и предлагалъ назвать ее географическимъ терминомъ „карпато-днѣпровской культурой". Но описываемая культура распространена также въ Азіи, въ Ѳессаліи—близъ древнихъ Сузъ, Асхабада, Мерва и проч. Вѣроятнѣе всего, за этими находками утвердится терминъ—„до-микен-

ской культуры", т. к. они встрѣчаются ниже предметовъ микенской культуры (въ Ѳессаліи).

Обстоятельный докладъ чешскаго профессора В. О. Нича ознакомилъ русскихъ археологовъ со своеобразными городищами Чехіи, которыя можно раздѣлить по три категоріи: 1) городища съ валами изъ сплавленныхъ на огнѣ камней, 2) городища съ валами изъ камней, сложенныхъ безъ всякаго цемента и 3) городища съ земляными валами. По мнѣнію референта городища 1-й категоріи принадлежатъ только славянамъ, а не Боямъ, которымъ приписывали ихъ многіе ученые.

Заслуживаютъ быть отмѣченными доклады: Ѳ. К. Волкова—объ открытой незадолго до съѣзда палеолитической стоянкѣ на берегу р. Десны, близъ с. Мезеня; А. А. Миллера, которому удалось обнаружить слѣды древняго Танаиса на островѣ въ устьяхъ рѣки Дона и В. А. Городцова, внимательно изслѣдовавшаго Бѣльское городище Полтавской г., пріурочиваемое докладчикомъ ко времени скифовъ.

При устройствѣ выставки древностей, добытыхъ изъ раскопокъ, предварительнымъ комитетомъ по организаціи съѣзда были заботливо собраны коллекціи изъ различныхъ древлехранилищъ (Старая Рязань, Кіевская губ., Полтавская, Харьковская, Курская, Тамбовская и др.), а также орагонизованы спеціальныя раскопки въ с. Мезенѣ Кролевецкаго у. и въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Глуховскаго у. Отдѣлъ первобытныхъ древностей, не будучи обширнымъ, заключалъ въ себѣ, однако, весьма интересныя коллекціи, каковы, напр., находки близъ с. Мезеня, Кролевецкаго уѣзда, а также замѣчательные сосуды трипольской культуры (изъ раскопокъ В. В. Хвойко), украшенные поразительно интереснымъ орнаментомъ. Перечень древностей, бывшихъ на выставкѣ, занимаетъ 54 страницы „Каталога" (изд. подъ редакціей П. М. Добровольскаго) и 4 страницы „дополненія" къ нему.

Ив. Абрамовъ.

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ*).

(*Продолженіе* **).

2. Начала пастурели

Устранивъ возможность школьнаго вліянія [52]), равно какъ и искусственной организаціи данной пѣсенной схемы, мы хотѣли бы указать на крайне интересные факты обрядоваго порядка, которые, какъ намъ кажется, скорѣе могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи интересующей насъ формы.

Умыканіе или насильственный увозъ дѣвушки, сыгравшіе такую огромную роль въ исторіи брака, оставили, какъ извѣстно [53]), глубокій слѣдъ въ современной брачной обрядности народовъ различнаго происхожденія и культурной формаціи. Свадебное дѣйство открывается сватовствомъ. Сваты приходятъ къ дому невѣсты обыкновенно вечеромъ и просятъ впустить ихъ, покормить коней [54]). Они проѣзжіе [55]) или странники [56]). Но еще

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.", вып. II, 1908 г.

[52]) H. Reich, переоцѣнивающій значеніе греко-римскаго мима, видитъ его отраженіе не только въ пастурели, но разсматриваетъ всю вообще пасторальную поэзію Франціи, Италіи, Испаніи и др. какъ переживаніе его буколической формы. Опицъ и Г. Гауптманъ (Потонувшій колоколъ) замыкаютъ эту историческую цѣпь. Der Mimus, Ein litterarentwickelungsgeschichtlicher Versuch, т. I (Берлинъ, 1903), стр. 894.

[53]) E. Westermarck, Gesch. der menschlichen Ehe (нѣм. перев. Katscher и Grazer, Jena, 1893), стр. 384 сл.; M. Kulischer, Interkommunale Ehe durch Raub und Kauf въ Zs. f. Ethnol., X (1878), стр. 200 сл.; J. Kohler, Studien über Frauengemeinschaft, Frauenraub und Frauenkauf въ Zs. f. vgl. Rechtswiss., (Stuttg., 1883), V, стр. 334 сл.

[54]) Шейнъ, Русск. нар. п. (Москва, 1870), I, стр. 536, 548.

[55]) П. Чубинскій, Матер. и изслѣдов. (Спб. 1877), IV, стр. 599.

[56]) F. Kraus, Sitte und Brauch bei den Südslaven (1885), стр. 357, ср. его же Südslav. Sagen und Märchen, I, стр. 124—142; Шейнъ, о. с., стр. 599 (Волог. губ.).

чаще они называютъ себя охотниками. Они съ княземъ гнали звѣря, который, однако, ушелъ отъ нихъ и, какъ показываетъ слѣдъ, скрылся въ данномъ домѣ [57]). Въ Полтавск. у. [58]) отецъ невѣсты спрашиваетъ пришедшихъ къ нему на сватанье „старостъ“:

— А що ви за люди, и відкіля васъ Богъ приніcъ? Чи зъ далека, чи зъ близька? Може ви охотники які, а може вольні козаки?

— Ми люде німецки,—отвѣчаютъ старосты,—ідемо зъ землі турецькоі. Разъ дома у нашій землі випала пороша. Я й кажу товаришу: що намъ дивиться на погоду, ходімъ лишень шукать звіриного сліду. Отъ и пішли. Ходили, ходили—нічого не знайшли; атъ—гулькъ! назустричъ иде нашъ князь (молодой), підніма у гору плечі и говоритъ намъ таки речі: „Эй, ви, хлопці, добрі охотники! Будте ласкові, покажіть дружбу мені. Трапилась мені куниця, красная дівица. Не імъ, не пью и не сплю одъ того часу, та все думаю, якъ іі достати? Поможіть іі мені поймати“. Отъ ми й пішли по слідамъ, по всімъ городамъ, а все куниці не знайшли. Отъ якъ у це село війшли, тутъ упять випала пороша: ми вранці встали и таки на слідъ напали. Вірно що звірь нашъ та пійшовъ у двіръ вашъ, а зъ двору у хату, та й сівъ у кімнату. Тутъ и мусимо ёго поймати. Тутъ застряла наша куниця. Оце-жъ нашому слову конецъ, а ви дайте ділу вінець: оддайте нашому князю куницю—вашу красну дівицю. Кажить же діломъ, чи виддаете, чи нехай ще пидросте? [59]) Въ Волынской и Подольской губ. сваты ищутъ телку. Этотъ послѣдній или аналогичные ему образы были переработаны и съ точки зрѣнія купли, измѣнившей основной мотивъ діалога — погоню. У лужичанъ сваты спрашиваютъ у отца невѣсты, нѣтъ ли у него продажной скотинки [60]); поляки говорятъ о продажной коровѣ [61]), лужицкіе сербы [62]) моравы [63]),

---

[57]) Шейнъ, o. c., стр. 416.

[58]) Ср. свадьбу, записанную въ селѣ Ждановкѣ у Чубинскаго, о. с., IV, стр. 581 сл.

[59]) Ср. тамъ же, стр. 59—60, 557—558 (Полт. губ.), 633 (Волынск. губ.).

[60]) М. Ковалевскій, Первобытное право, II, стр. 120.

[61]) Жена—корова, Gajus—Gaja, см. F. Liebrecht, Zur Volkskunde (1879), стр. 423; сл. М. Ковалевскій, о. с., стр. 121. сл.; Сумцовъ, О свад. обычаяхъ, стр. 22, 26.

[62]) Kulischer, о. с., стр. 225; Reinsberg—Düringsfeld, Hochzeitsbuch, стр. 168.

[63]) Kulischer, о. с., стр. 224.

ярославцы [64]), жители Гродненской [65]) и Сѣдлецкой губ. [66]) — о телкѣ.

Та же форма сватовства, погоня, хорошо извѣстна финнамъ и эстамъ. Въ діалогѣ сватовъ у православнаго населенія вост. Финляндіи (Кареліи) мотивъ купли и погони (исканія) чередуются. Описаніе страны, изъ которой они являются, напоминаетъ нѣмецкихъ людей и турецкую землю малорусскаго сватанья [67]). Сваты гонятся за лисицей, покупаютъ птицу. На вопросъ, бывали ли они когда либо въ этомъ краю, они отвѣчаютъ: „одинъ изъ насъ былъ здѣсь, да на отъѣздѣ потерялъ рукавицы (rukkaset), вотъ мы и пріѣхали сюда, чтобы поискать ихъ". Разговоръ, происходящій внѣ избы, продолжается до тѣхъ поръ, пока не впустятъ въ комнату. У эстовъ сватъ, isamees, ищетъ обыкновенно пропавшую молодую корову (mulikas), темной или свѣтлой масти, въ зависимости отъ цвѣта волосъ невѣсты (въ районѣ Oberpahlen'a). Если предложеніе не желаютъ принять, то отвѣчаютъ отрицательно и всякій разъ настаиваютъ на томъ, что ничего о пропавшей не знаютъ. Въ противномъ случаѣ разговоръ поддерживаютъ разспросами со своей стороны: спрашиваютъ, напр., о масти коровы и т. п., разрѣшаютъ поискать ее въ домѣ, и невѣсту находятъ въ комнатѣ. Подробности различны, смотря по мѣстности. Такъ по словамъ Neus'a [68]) сваты ищутъ иногда ягненка; Petri [69]) говоритъ о розыскахъ теленка, овцы, гуся или какой нибудь другой птицы. Въ Дерптскомъ у. отыскиваютъ обыкновенно õhwaakene, Kühstärke, или толкуютъ о покупкѣ стога сѣна (Kuje), рѣже о подстрѣленной птицѣ, тетеревѣ [70]). Въ приходѣ klein St. Johannis (у Oberpahlen'a) сваты держатъ приблизительно такую рѣчь: „мы послы турецкаго короля; у насъ случилась бѣда: улетѣлъ отъ насъ тетеревъ, и вотъ король въ безутѣшномъ горѣ. Тетеревъ пустился какъ разъ по этому направленію — не видали ли вы его?" Сторона невѣсты отвѣчаетъ отрицательно. Но послы настаиваютъ: „Однако нашъ стрѣлокъ

---

[64]) ibd., стр. 225.

[65]) V. Bogišić, Pravni običaji u slovena (=III Književnik, Zagreb 1867), стр. 89.

[66]) Чубинскій, о. с., IV, стр 671.

[67]) См. описаніе свадьбы д-ра А. О. Heikel'я, напечатанное у v. Schroeder'a, Hochgeitsgebräuche der Esten, стр. 243.

[68]) Neus, Estnische Volkslieder, стр. 240.

[69]) J. C. Petri, Ehstland und die Ehsten, II (Gotha, 1802), стр. 280, 281.

[70]) teder. См. v. Schroeder, о. с., стр. 225.

отлично видѣлъ, какъ онъ влетѣлъ въ вашъ домъ, въ окно коморы“ (гдѣ живутъ обыкновенно дѣвушки) и т. п. Въ концѣ концовъ имъ позволяютъ искать птицу и они выводятъ въ избу невѣсту. Въ концѣ XVIII в., въ пору крѣпостного права, подобныя рѣчи держали готовившіеся къ браку эсты своимъ помѣщикамъ [71]). Они говорили также о пропажѣ коровы, телки, овцы и т. п., и на вопросъ, удалось ли имъ найти ушедшую скотинку, отвѣчали утвердительно и сообщали имя невѣсты.

У латышей сваты разсказываютъ о пропажѣ пастушки, гуся или какой-нибудь иной птицы, овцы, и просятъ ее выдать [72]). У мазуровъ сватъ ѣдетъ къ будущей невѣстѣ съ кочнемъ капусты, который онъ даетъ предварительно объѣсть своему коню. „Къ намъ въ огородъ“, говоритъ онъ по пріѣздѣ, „забралась дикая коза (или просто коза), обгрызла капусту. Но я выслѣдилъ ее вплоть до вашего дома и хочу посмотрѣть на нее“. Родители дѣвушки выводятъ ее къ пріѣзжимъ [73]). Если въ Chrudim'ѣ [74]) сваты, пришедшіе по невѣсту, говорятъ, что пришли за кладомъ, сокровищемъ, которое спрятано въ домѣ, то пѣсня, которую поетъ женихъ на свадьбѣ въ Чехіи во время торжественнаго пляса о похищеніи рябчика ворономъ, переноситъ насъ къ прежнимъ зоологическимъ образамъ.

Венгерскій kérö, предводительствующій группой сватовъ, обращается къ отцу невѣсты со слѣд. вопросомъ: „красивый голубокъ улетѣлъ отъ насъ и опустился какъ разъ надъ вашимъ почтеннымъ домомъ; намъ очень хотѣлось бы знать, не видѣли ли вы его?“ — „Нѣтъ, вашей птицы мы не видѣли; есть у насъ голубокъ, только свой собственный. Ступайте своей дорогой дальше да поищите голубка въ другомъ мѣстѣ“. Сваты выходятъ, но скоро снова возвращаются и kérö повторяетъ свой вопросъ, къ которому онъ присоединяетъ обѣщаніе беречь голубка, если ему его отдадутъ, посадить его въ хорошую клѣтку. На это ему отвѣчаютъ, что сразу нельзя дать отвѣта, нужно обдумать дѣло, пусть онъ пока уходитъ. За этимъ слѣдуетъ новое возвращеніе, новый діалогъ въ стилѣ прежнихъ,

---

71) Petri, o. c., стр. 283.

72) Reinsberg—Düringsfeld, o. c., стр. 20.

73) ibd., стр. 203—204; (ср. аналогичные факты въ Зап. Пруссіи у v. Schroeder, o. c., стр. 39. Великорусскія параллели у Веселовскаго, Триглавы, стр. 39—40).

74) ibd., стр. 192.

пока вопросъ не окажется исчерпаннымъ и невѣста не будетъ представлена сватамъ [75]).

Аналогичный обрядъ существуетъ у румынъ. Женихъ идетъ къ невѣстѣ въ сопровожденіи своихъ родителей, музыканта и сватовъ (petitori). Музыкантъ, скоморохъ по профессіи, обращается къ отцу невѣсты съ рѣчью: „дѣды наши и предки, охотясь, пришли нѣкогда случайно въ нашу страну, богатую молокомъ и медомъ. Слѣдуя ихъ примѣру охотился и нашъ молодой, NN, бродя по полямъ, лѣсамъ и горамъ. На пути своемъ онъ повстрѣчалъ робкую серну (лань), которая, испугавшись его, скрылась; но мы нашли ея слѣды, которые и привели насъ сюда. Вы должны выдать намъ ее или указать то мѣсто, гдѣ она скрывается, потому что преслѣдованіе ея стоило намъ большого труда и силъ“.—Въ отвѣтъ на это выводятъ обыкновенно бабку невѣсты или другую старую женщину и показываютъ ее пришедшимъ. „Не она ли?“—„Нѣтъ“, отвѣчаютъ тѣ, „у нашей красавицы золотые волосы, глаза сверкаютъ какъ брилліанты, зубы что жемчугъ, а алыя губы напоминаютъ черешню. Видомъ она львица, ея шея бѣла какъ шея лебедя, пальцы нѣжны какъ воскъ, лицо сіяетъ подобно солнцу“ и т. п. Комплименты тянутся безконечной вереницей, насколько хватаетъ воображенія говорящаго ихъ, пока наконецъ не выводятъ дѣвушку [76])

Голубку ищутъ и сваты на Riviera della Castella, между Spalato и Traú, но соотвѣтствующій діалогъ пріуроченъ къ другому моменту. Въ день свадьбы къ дому невѣсты направляется поѣздъ жениха со знаменосцемъ и главнымъ сватомъ (starisvat) во главѣ, который выстрѣломъ даетъ сигналъ къ выступленію. Необычайно яркая и красивая картина старой отмицы. Поѣзжане останавливаются передъ домомъ невѣсты, и отецъ ее спрашиваетъ: „кто тамъ?“—„Друзья“, отвѣчаютъ ему. „Зачѣмъ вы здѣсь съ этимъ поѣздомъ?“—„Мы знаемъ“, отвѣчаетъ starisvat, „что въ вашемъ дома скрывается нѣчто такое, чему здѣсь не мѣсто; мы ищемъ это“.—„Хорошо, входите и ищите“. Всѣ садятся за столъ, уставленный разными яствами и напитками. Поѣвъ сваты говорятъ: „ну, теперь мы поищемъ своего голубка, что спрятался въ этомъ домѣ“. Начинаются поиски. Имъ показываютъ самую старую родственницу въ домѣ: „это вашъ голубь?“—„Нѣтъ, нашъ не таковъ“.

---

[75]) ibd., стр. 44—45.
[76]) ibd., стр. 53.

Наконецъ показываютъ невѣсту. „Не онъ ли?“ спрашиваютъ сватовъ снова.„ —Да, вотъ это и есть тотъ голубь, который улетѣлъ отъ насъ“. Дѣвушку отрываютъ отъ отца и уводятъ. Но на порогѣ сватовъ встрѣчаетъ толпа сосѣдей, собравшихся постоять за невѣсту. Завязывается примѣрный бой, прекращаемый уплатой выкупа, послѣ чего вся процессія направляется въ церковь [77]). На ту же тему о похищеніи голубка жалуется послѣ свадьбы и братъ невѣсты.

Въ приморьи Stagno, старой области Рагузы, отецъ жениха, являющійся сватомъ въ домъ невѣсты (dan prstenovanja), говоритъ ея отцу о красномъ цвѣткѣ, котсрый онъ увидѣлъ, проходя мимо его дома, и который ему хочется пересадить въ свой садъ. Одну за другой показываетъ хозяинъ гостямъ своихъ дочерей—цвѣты, пока дѣло не доходитъ, наконецъ, до невѣсты, которой и вручается кольцо [78]). Точно также ищетъ эстонскій сватъ по сообщенію Neus'а [79]) цвѣтка, потеряннаго его спутниками; въ Приморьи Makarska предметомъ исканія представляется яблоко, играющее роль и въ соотвѣтствующихъ обрядахъ французовъ. Оба ряда обрядовъ комбинируются въ жалобѣ испанской дѣвушки, которой она отвѣчаетъ на просьбу trobador'а, говорящаго отъ имени жениха: „я еще молода. Кто хочетъ оторвать голубка отъ матери, кто хочетъ сломать почку, которая не успѣла еще распуститься. Я не знаю тебя. Кто ты?“ [80]). Въ Сардиніи, сохранившей много древнихъ традиціонныхъ обрядовъ и обычаевъ, отецъ жениха или опекунъ его проситъ у отца невѣсты уступить ему голубя или телку; голубь утѣшалъ бы его въ старости, телка была бы лучшимъ украшеніемъ его стада [81]).

Символическое дѣйство, въ которомъ просвѣчиваютъ древнія отношенія умыканія, пристраивалось къ различнымъ моментамъ свадебной церемоніи, дававшимъ поводъ къ такимъ безсознательнымъ, лучше, игровымъ воспоминаніямъ старыхъ реальныхъ отношеній. Характеръ момента опредѣлялъ всякій разъ подробности игры, пріурочивавшейся то ко вступительному эпизоду свадебной драмы—сватовству, то къ центральному ея моменту, ко дню свадьбы, когда поѣздъ жениха является къ невѣстѣ, чтобы везти ее подъ вѣнецъ, то къ заключающей дѣй-

[77]) ibd., стр. 80—81.
[78]) ibd., стр. 74.
[79]) o. c., стр. 240.
[80]) Reinsberg-Düringsfeld, o. c., стр. 263.
[81]) ibd., стр. 94.

ство сценѣ, свадебному пиру, послѣ котораго молодой хватаетъ въ охабку новобрачную и бросается съ ней изъ дому; молодая вырывается отъ мужа, дѣвушки защищаютъ ее, но женихъ овладѣваетъ ею и уводитъ къ себѣ.

Соотвѣтственно съ этимъ чередуется и пріуроченіе пѣсенъ, разрабатывающихъ обряды, навѣянные указанными бытовыми отношеніями. Мотивъ охоты очень часто лежитъ въ основѣ ихъ; какъ, напр., въ слѣд. записанной въ Щигровскомъ у. Курской губ. [82]):

Па подъ небисью исменъ соколъ лcraталъ...

Съ нею можно сопоставить свадебную Сарат. губ. исполняемую передъ невѣстой послѣ сговора:

Соколъ лебедь ловилъ... [83]).

Въ эстонской свадебной пѣснѣ, пріуроченной къ моменту, когда женихъ является къ невѣстѣ, чтобы ѣхать съ нею къ вѣнцу, и ее прячутъ, поется:

Hier ging hin des Vögleins Stimme;
Durch Gesträuch des Entleins Stimme,
Eben wie des Eichhorn Sprünge!
Hier gestanden hat das Vöglein,
Hat die Schuh geschnürt die Ente.
Thuet auf die weiten Thüren... [84])

Въ Харьковск. губ. на заручинахъ (рукодаіни, руковини) поютъ небольшую пѣсню, иллюстрирующую моментъ своими охотничьими образами:

Вчера зъ вечера та порошенька впала... [85])

Тѣ же образы, но въ иномъ положеніи, отвѣтятъ позже и другимъ обрядамъ символирующимъ умыканіе: куница заблудилась въ лѣсу и проситъ соболя вывести ее [86]). У бѣлоруссовъ такая пѣсня поется послѣ вѣнчанія, въ домѣ жениха или еще

[82]) Веселовскій, Психологическій параллелизмъ, стр. 44.

[83]) М. Соколовъ, Великорусск. свадебн. пѣсни и причитанія, записанныя въ Саратовской губ., (Саратовъ, 1898), стр. 1—2, № 2.

[84]) v. Schroeder, o. c., стр. 59.

[85]) Чубинскій, o. c., IV, стр. 84.

[86]) Потебня, Объясненіе малорусск. и сродн. нар. пѣс., II, стр. 344.

до сватовства [87]). Исполняемая на бѣлорусской свадьбѣ послѣ заручинъ: Ходила козынька по ламу... [88]) возвращаетъ насъ снова къ мотиву охоты.

Рядомъ съ нимъ уже самый обрядъ намѣчаетъ и другой мотивъ:—исканіе пропавшаго при тѣхъ или иныхъ условіяхъ; онъ шире прежняго, ибо онъ позднѣе: отсюда и большая пестрота образовъ связываемыхъ основными мотивами въ цѣлую картину. Сваты ищутъ телку, гуся, корову и т. п. Въ малорусской пѣснѣ [89]) разсказывается о потери парнемъ въ лѣсу козы, отыскивая которую онъ встрѣчаетъ дѣвушку. Та же ситуація въ одной литовской народной пѣснѣ. Молодецъ потерялъ коня; находитъ дѣвушку [90]). Коня заперли, но онъ вырвался и, бросившись въ садъ, откусилъ тамъ три цвѣтка руты.

Въ другой литовской пѣснѣ подробности разоренія произведеннаго конемъ иныя [91]).—Основной мотивъ старый, но образъ коня указываетъ на новую точку зрѣнія пѣсни: искомое не женскій символъ, а мужской; отсюда идея выкупа.

Финалъ пѣсенъ приводитъ насъ къ новымъ символамъ брака, характеризующимъ все тотъ же моментъ насилія: ломаніе, топтаніе посѣяннаго, посаженнаго (сада, винограда, руты, проса и т. п.). Обобщившись они дали образъ разрушенія въ широкомъ смыслѣ. Цитированныя литовскія пѣсни лучше всего комментируются русской игрой въ „сѣянье проса“ [92]); спутанность нѣкоторыхъ подробностей объясняется забвеніемъ смысла основного образа; игровое преніе овладѣло имъ и дало пѣснѣ иное направленіе, хотя въ конечномъ обмѣнѣ молодцемъ и дѣвицей сквозитъ совершенно опредѣленно первоначальная мысль игры. Конь, конечно, молодецъ. Болѣе прозаическая „Посѣяли

---

[87]) Шейнъ, Бѣлорусск. нар. пѣсни (Спб. 1874), стр. 323, № 556, 337, 601).

[88]) ibd., стр. 460 № 28.

[89]) Я. Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси (Москва, 1878), III/1, стр. 343 № 76.

[90]) Вс. Миллеръ и Ф. Фортунатовъ, Литовск. нар. пѣсни (Москва, 1873), стр. 100—101, № XXXXVI.

[91]) У G. H. F. Nesselmann, Littauische Volkslieder (Berlin, 1853)' стр. 147 № 181. Ср также Соболевскій, Пѣсни, II, 222: у козака пропалъ конь; онъ находитъ его у корчмы, но на немъ оказывается дѣвушка.

[92]) Терещенко, IV, 307; Потебня, о. с., I, стр. 39 сл.; Веселовскій, Три главы, стр. 30—31. Ср. также игру (въ Risano) описанную Vrčević'емъ въ его Srpske narodne igre (Бѣлградъ, 1868), стр. 29—30 и Fr. Krauss'омъ въ Sitte und Brauch der Südslaven (Вѣна, 1885), стр. 147—148

дѣвки ленъ“ [93]) выражается яснѣе: парень повадился въ ленъ ходить:

Весь бѣлый ленъ притопталъ,
Маковочки прищипалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ [94]).

Въ другомъ варьянтѣ еще болѣе опредѣленныя указанія:

Со льну цвѣты сорывалъ,
Два вѣночка совивалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ [95]).

Ой ходила Марися по новиму двору,
Сіяла садъ-виноградъ съ триполу,
Забула воротечки заченити,
Ажъ мусіла батенька просити:
„Ой піди—жъ, мій батеньку, зачини воритця:
Яки приде Иванъ зъ боярами,
То витопче садъ-виноградъ кониками“ [96]),

поется въ Новоградъ-волынскомъ уѣздѣ на заручинахъ. Въ великорусской пѣснѣ [97]) молодецъ обѣщаетъ выкупъ дѣвицѣ за потоптанный его конемъ садъ. Въ связь съ этими образами и отмѣченными выше литовскими пѣснями нужно поставить и крайне интересную эстонскую игру, стоящую, правда, внѣ свадебнаго обряда, но рядомъ съ игровыми пѣснями. Г. Калласъ приводитъ описаніе ея въ приложеніи къ своей работѣ [98]). Играющіе разбиваются на три группы: одни становятся въ кругъ, другіе входятъ внутрь его, третьи остаются внѣ. Затѣмъ начинается діалогъ между двумя послѣдними группами. (Приношу за содѣйствіе въ переводѣ текстовъ искреннюю благодарность лектору А. Игельстрёму и проф. І. Миккола):

„Сынъ мой, ты, что̀ сторожишь коней (hoburine=Pferdewächter), не видѣлъ ли ты моего коня, бродящаго въ туманный день, разгуливающаго въ дождливый день?“ — „Какой масти

[93]) Плясовая и вечериночная, см. Соболевскій, о. с., III, №№ 472—478.
[94]) ibd., № 477.
[95]) ibd., № 474.
[96]) Чубинскій, о. с., IV, стр. 70—71, № 19. Ср. Nesselmann, o. c., № 49.
[97]) Шейнъ, Русск. нар. п., 148—150.
[98]) O. Kallas, Die Wiederholungslieder der estnischen Volkspoesie (1901), I. Ср. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Просв., т. 342 (1902), № 8, отд. 2, стр. 442 сл.

твой конь?“—„Утромъ масть его, что молодой посѣвъ; на зарѣ—что золото; въ сумеркахъ—что закатъ солнца (viettü?); днемъ—что разсвѣтъ; въ полдень—что (мясо) семги“.—„Конь твой прошелъ дорогою дѣвушекъ (проходъ между двумя изгородями), новой улицей: много бѣды натворилъ онъ, когда уходилъ, много бѣды натворилъ онъ и въ другой разъ, когда приходилъ: онъ испортилъ свой хомутъ, испортилъ гужи, повредилъ желѣзныя ворота, опрокинулъ полъ-тонны меду, погрызъ (цѣлый) ларь грѣховъ. Зѣвая (конь твой) сломалъ оглобли, мотнувъ головой,—разорвалъ узду. Загремѣлъ жемчужный конь, загремѣло на дорогѣ (обставленной) плоскими каменьями, затрещала вязовая дуга“. Ржи, ржи, конь (мой) мышиной масти, зови, меринъ, купцовъ, ржи, зови своего хозяина, зови (громко) того, что скачетъ на твоей спинѣ, ржи подъ хозяиномъ, кричи подъ купцами!

Аналогичную игру мы встрѣчаемъ въ Финляндіи (стр. 358 сл.):

— Съ уздой на плечахъ, я ищу лошадку, уздечка жеребенка (у меня) за спиной. Если ты конь моего отца,—ржи, чтобы я могъ тебя услышать, ступай домой къ овсу, къ овсу, что шуршитъ; ступай домой къ сѣну, къ хрустящему сѣну. Сломай хворостяную изгородь, сломай изгородь, крѣпкую, какъ желѣзо; сломай хворостяную изгородь, опрокинь изгородь жердяную! Hette, lette, бросай прочь, taari, laari, начинаю снова!—Въ Эстляндіи, на Эзелѣ, Монѣ и въ Перновскомъ уѣздѣ (Pärnumaa) цитированный выше текстъ игры развился въ балладу, введеніе въ которую совершенно тожественно съ началомъ пѣсни объ „украденномъ поцѣлуѣ“ (II, 7). Дѣвушка (или дѣвушки) собираютъ въ лѣсу вѣтви для вѣнковъ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ дѣвушка названа по имени, Anu, Viru neitsike, Sula Salmi n., Salvi или Salme (послѣднія имена, очевидно, подъ вліяніемъ крайне интересныхъ и ждущихъ еще разъясненія пѣсенъ о Salme, выросшей изъ курицы, за которую послѣдовательно сватаются солнце, мѣсяцъ и звѣзды. См. Fennia, 1, с. № 2). Слѣдуетъ описаніе встрѣчи съ парнемъ, отыскивающимъ своего коня (вар.: парень названъ Ot't' ormus, osmus или ohmus poisikene). Діалогъ скалькированъ съ текста игры, Въ другихъ варіантахъ дѣвушка разсказываетъ о томъ страшномъ разгромѣ, который конь произвелъ въ домѣ ея отца (съѣденъ весь хлѣбъ, выпито нѣсколько бочекъ пива и т. п.). Парень предлагаетъ возмѣстить убытки и дѣлаетъ дѣвушкѣ предложеніе. Иногда, оказывается, что конь запертъ въ конюшнѣ и можетъ быть возвращенъ лишь подъ условіемъ выкупа или же дѣвушка прямо заявляетъ парню, предугадывая

его намѣренія: „ты не коня ищешь, ты, злой человѣкъ, вздумалъ свататься за меня. Но у насъ такой обычай: объ этомъ говорятъ только въ присутствіи отца и матери".

Въ цѣломъ рядѣ варіантовъ перемѣщены роли: отыскиваетъ коня не парень, а дѣвушка; очевидно забылся смыслъ первоначальнаго образа. Въ пинской свадебной пѣснѣ ищутъ голубки (утки), она ушла въ очеретъ; дѣвушки ищутъ молодой, она ушла уже въ клѣть (она уже въ домѣ жениха):

Ключами забраждясела,
А сукнямы зашастѣла [99]).

То же обобщеніе ситуаціи въ массѣ литовскихъ, великорусскихъ, малорусскихъ и другихъ пѣсенъ. Дѣвушка пасла коней:

Красная панна малада Ганна кони пасэ,

поется въ бѣлорусской волочебной пѣснѣ [100]), или въ безыменной малорусской [101]):

Ой, за гаэмъ зелененькимъ
Пасла дiвка конi воронii,
А пасучи загубила...

Также въ пѣсняхъ польск. и моравск. [102]). Въ другихъ рѣчь идетъ о пастьбѣ воловъ, образъ, который не выводитъ насъ еще за предѣлъ символики коня; ср. образъ воловъ въ плугѣ [103]). Такъ въ малорусской колядкѣ:

Пасла Ганнуся воли... [104]),

или литовск. пѣснѣ у Юшкевича, Liet. dajnos, II № 1015. Гораздо распространеннѣе образы, которые мы уже встрѣтили въ рѣчи сватовъ во время перваго ихъ пріѣзда въ домъ невѣсты, если только они не позднѣйшія черты, внесенныя въ данныя рамки. Въ великорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаются овцы [105]), но особенно гуси, лебеди [106]).

[99]) Веселовскій, Психологич. параллелизмъ, стр. 28.
[100]) У Шейна, Бѣлор. нар. п., стр. 101—102.
[101]) У Чубинскаго, о. с., V, стр. 1073.
[102]) Kolberg, Lud, I, 133: Sušil, Mor. nar. p. 155.
[103]) Головацкій, о. с., II, 435, 760.
[104]) ibd., IV 86—87, 133, II 144, III 228 сл.; Чубинскій, о. с., V, 908.
[105]) Соболевскій, о. с., II № 48; у малороссовъ также просто стадо, ср. колядку у Головацкаго, о. с. II 75.
[106]) Соболевскій, о. с., II 49—57, V 742—746; въ малорусской—павы у Головацкаго, о. с., III/2 № 29—колядка.

Кое гдѣ сохранился мотивъ выкупа [107]); другія пѣсни останавливаются еще на мотивѣ исканія, причемъ мысль очень часто проходитъ впередъ отъ желанія или ожиданія къ исполненію, такъ что не исканіе пропавшаго приводитъ къ встрѣчѣ съ женихомъ, къ браку, а, наоборотъ, находка становится возможной, такъ какъ рѣшенъ главный вопросъ: ни отецъ ни мать, ни братъ не могутъ отыскать пропавшаго стада, пока дѣвушкѣ не приходитъ въ голову обратиться къ милому:

„Піди милейкий стада глядати!"
Мілейкий пішовъ, стадайко найшовъ.
Ліпший милейкий, якъ братъ рідненький! [108]).

Такую же метаморфозу встрѣчаемъ мы и въ пѣсняхъ о садѣ. Не тотъ кто придетъ и силой овладѣетъ садомъ и его плодами станетъ мужемъ, суженымъ; дѣвушка сама даетъ яблоко милому, отказывая въ томъ отцу, матери и роднымъ. Такая перестройка мотива въ болѣе мягкомъ и гуманномъ смыслѣ отвѣтила, очевидно, новымъ бытовымъ запросамъ и воззрѣніями.

Разложеніе старой схемы шло и другимъ путемъ.—Вниманіе останавливалось преимущественно на финальномъ эпизодѣ встрѣчи, остальное разсматривалось какъ введеніе, какъ поводъ къ ней. Къ этому вела оторванность пѣсни отъ обряда, вызвавшая трактовку ея какъ баллады, какъ пѣсни о нѣкогда реальномъ фактѣ. Такъ въ литовской пѣснѣ у Фортунатова — Миллера, стр. 116—117, № LIV, 2 и 1 (ср. 114—115— № 1) [109])—пастьба только аксессуаръ, фонъ, на которомъ разыгрывается любовная сценка. Въ одной великорусской пѣснѣ [110]) дѣвушка сгоняетъ своихъ гусей-лебедей, собираясь итти домой; но

...гуси не табунятся,
По бережку разбѣгаются,
По кустикамъ разлетаются.

Ненужная подробность, такъ какъ ниже оказывается, что она

Собрала гусей, домой пошла.

---

[107]) Бѣлорусск. волочебная у Шейна, Бѣл. нар. п. 101—102; Kolberg, Lud, I 133, Sušil, o. c., 115.

[108]) Колядка дѣвушки, Головацкій, о. с., II 75.

[109]) Ср. малорусскую пѣсню у Головацкаго, о. с., III/1, стр. 174—175, № 48 и стр. 182, № 57.

[110]) Соболевскій, о. с., II 52, 49.

Остается только пастушеская, обстановка, которая вовсе не предваряетъ дальнѣйшаго: aoristus могъ имѣть мѣсто и при другихъ обстоятельствахъ.

Погоню овечку
За быструю рѣчку,
За калиновъ частый мостикъ.
На встрѣчу младенькѣ
Донской младой казакъ [111]).

Діалогъ обыкновенно развитъ слабо; завязываетъ его молодецъ [112]).

Форма изложенія пѣсни можетъ быть, при способности народной пѣсни мѣнять этого рода оттѣнки [113]), и „личной", и „объективной".

Такой схемой могли овладѣть французскіе пѣвцы, развивши подъ вліяніемъ популярныхъ débats зародышъ діалога, и обративъ ее въ позднѣйшую пастурель. Къ этому уже шла и народная пѣсня, сосредоточившаяся на моментѣ любовнаго débat; пасторальные элементы стали шаблоннымъ вступленіемъ. Женская по-преимуществу пѣсня (почти во всѣхъ варіантахъ этого типа въ центрѣ женщина) была снова переработана съ точки зрѣнія мущины.

Не только на почвѣ Франціи, о которой идетъ рѣчь, но и на почвѣ Германіи или Италіи мы напрасно искали бы народныхъ пѣсенъ, аналогичныхъ тѣмъ, которыя приводили сейчасъ, и которыя всѣ записаны въ восточной половинѣ Европы. Въ обширномъ сборникѣ Erk-Böhme [114]) мы встрѣчаемъ одну пастурель, которой имѣются нѣсколько варіацій [115]). Обстановка обычная для французской пастурели, несмотря на народный характеръ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей. Ситуація одной изъ первыхъ пьесъ того же сборника, можетъ быть, также навѣяна пастурелью. Пѣсня разсказывала о похищеніи пастушки Рюбецалемъ, явившимся въ образѣ рыцаря (Силезія). Въ діалогѣ оригинала дѣвушка говоритъ на силезскомъ діалектѣ, Рюбецаль—

---

[111]) Соболевскій, о. с., II 48.

[112]) Казакъ, l. c.; молодой парень II 49, 52, 54, 55, солдатъ 51, сержанъ 53, лакей 50 и даже дворянскій сынъ 57. Только въ V 742 на сценѣ милый. Дворянчикъ, можетъ быть, не безъ вліянія пастурелей, прошедшихъ съ Запада, пѣсенъ вродѣ „Вышелъ баринъ изъ лѣсочка".

[113]) Ср. Соболевскій, II 631.

[114]) Deutscher Liederhort, Lz. 1893—1894.

[115]) I 26: Reiter und Hirtenmädchen, сл. стр. 442.

на литер. нѣм. языкѣ [116]). Источникъ пьесъ этого типа сквозитъ и въ подробностяхъ французскихъ „народныхъ“ пастурелей. Герой оказывается бариномъ [117]), кавалеромъ [118]), рыцаремъ [119]), королевскимъ сыномъ [120]), лѣсничимъ [121]). охотникомъ [122]); въ финалѣ одной пастурели Haupt'а [123]) рѣчь идетъ о замкѣ и т. п. Въ одной изъ очень популярныхъ пьесъ этого рода, напечатанной Гастономъ Парисомъ [124]), дѣвушка называетъ своего собесѣдника sire; на общественное положеніе ея нѣтъ прямыхъ указаній, но общій характеръ пьесы—обычный тонъ куртуазной пастурели. Тоже можно сказать и о №№ IV и LX сборника Париса. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ чувствуется литертурный прототипъ [125]), сказывающійся и въ цѣломъ рядѣ народныхъ пастурелей, записанныхъ недавно [126]).

Обстановка и подробности знакомы намъ хорошо изъ сборника Bartsch'а. Пастурели XV в. въ этомъ отношеніи ближе всего къ ихъ средневѣковымъ параллелямъ. Обычную форму зачина: L'autrier quant je chevauchoys [127]) или тождественную ей мы не найдемъ въ сборникѣ Haupt'а, древнѣйшая изъ пастурелей котораго (Mon père m'envoye, p. 100) заимствована изъ пѣсенника 1538 г., не говоря уже о новѣйшихъ собраніяхъ

---

116) Другія пѣсни, изображающія аналогичныя встрѣчи, примыкають скорѣе къ прототипамъ chansons à personnages. Ср. I 70, 73; I 120, 121, 123a и b, 125, 204a; II 437, 438, 440, 443, 444; II 517; III 1295; III 1436, 1437, 1450. Сл. также Des Knaben Wunderhorn III 305; Haupt und Schmaler, I 79; Arwidsson, Svenska Fornsånger, III p. 271; Weddigen, Gesch. d. d. Volksdichtung (Висбаденъ, 1891), стр. 207, 212—213.

117) J. Tiersot, Histoire de la chanson popul. en France (Парижъ, 1889), стр. 54.

118) J. Bujeand, Chants et chansons popul. des provinces de l'Ouest etc. (Niort, 1866), I стр. 311—312, ср. E. Rolland, Recueil des chansons populaires (Парижъ, 1883 — 1887) I xcm, lxi и II стр. 124.

119) Chevalier tout en blanc, Haupt, Französische Volkslieder. (Lz., 1877), p. 141; ср. Bujeaud, o. c., p. 309-310, 312 вар.

120) Bujeaud, o. c., стр. 109—110; ср. Rolland, o. c., I cxxi и II стр. 144 сл.

121) Forestier du roi, Haupt, o. c., p. 129; Rolland, o. c., I ш, ср. II стр. 22 сл.

122) Bujeaud, o. c., стр. 213—214, 215—216, ср. стр. 207—208, 209—210, 211, 212, 213.

123) o. c., стр. 110—111.

124) Chansons du XV siècle (Парижъ, 1875, SATFr), № LXIII.

125) Ср. №№ IX, XXIX, L, CXVI.

126) Ср. Bujeaud, o. c., стр. 254—255, 266—267; Rolland, o. c., I, lxi.

127) Сборникъ Париса №№ XXIX, ср. *IV, VI, IX, XXIX, L, LX, *LXIII, CXVI.

народныхъ пѣсенъ. Описаніе внѣшняго вида пастушки сведено до простыхъ ничего не говорящихъ эпитетовъ, какъ gaie [128]), jeune [129]), belle au cuer plaisant, belle [130]), jolie [131]), aimable, d'une aimable beauté [132]). Начальныя стихи Rolland, LXI, поэтому, поневолѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя:

Quant la bergère s'en va-t-aux champs
Bien peignée, bien coiffée,
Sa quignolette à son joli côté...

Характеристика его еще болѣе скудна; короткимъ и сухимъ beau valeton [133]) исчерпывается описаніе въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ разсказъ ведется отъ лица пастушки. Никакихъ указаній на время встрѣчи [134]), его настроеніе и даже на мѣсто встрѣчи [135]): ситуація предполагается извѣстной. Сравнительно чаще встрѣчаются указанія на занятія ея въ данный моментъ: она поетъ и плететъ вѣнокъ [136]);

Je fleuris ma houlette
Tout pleine de fleurs...

говорится въ другой современной пастурели изъ Оверни [137]). У Haupt'а, стр. 129, дѣвушка собираетъ фіалки. Центръ тяжести интереса сосредоточивается въ діалогѣ, которому, поэтому, и отведено главное мѣсто. Подробности, которыя мы встрѣтимъ въ предѣлахъ его, нами уже знакомы: эпизодъ съ волкомъ мы находимъ въ сборникѣ Париса, XXIX, у Haupt'а стр. 129, Rolland III; на настойчивыя просьбы героя она отвѣчаетъ болѣе или менѣе рѣзкимъ отказомъ [138]), или ссылкой на недосугъ [139]) или на то, что любитъ другого [140]), шуткой [141]). Но страстныя

---

128) i b d., №№ XXIX. CXVI.
129) i b d., №№ LXIII, XCIII c.
130) i b d., № LX.
131) Rolland, I IIId, Xa, LXIb.
132) i b d., XCIIId.
133) Haupt, o. c., p. 110. Cavalier tout en blanc, i b d., стр. 141.
134) Вечеръ—сборникъ Париса, №№ LX и *LXIII; май—i b d., № LXIII,
135) Кратко у Париса LXIII, LX, XXIX, CXVI, VI, IV; Haupt, стр. 129, 141; Rolland LXI.
136) Сб. Париса, CXVI.
137) Rolland Xa.
138) Сб. Париса III, VI, LXIII.
139) i b d., XXIX.
140) Rolland, XCIII; Bujeaud, II, стр. 311—312.
141) Rolland Xa и b.

рѣчи, импровизуемыя неожиданнымъ поклонникомъ начинаютъ въ концѣ концовъ заражать ее: она проситъ его говорить тише: иначе отецъ или мать ихъ услышатъ [142]); она готова почти уступить, но нѣтъ, она дастъ ему только поцѣлуй [143]); еще одно, послѣднее усилiе съ его стороны и дѣло кончается или согласiемъ ея [144]) или насилiемъ въ случаѣ упорства или нерѣшительности дѣвушки [145]). „Типическая“ форма пастурели— единственная вошедшая въ обиходъ народной пѣсни; это объясняется контрастомъ, на которомъ она построена и который могъ заинтересовать, существованiемъ аналогичныхъ схемъ въ составѣ народной поэзiи, и можетъ быть, наличностью прототипа пастурели. Сценки не пережили эпохи литературнаго интереса къ пастурели, что объясняется, конечно, характеромъ ихъ содержанiя. Правъ ли послѣ этого Гастонъ Парисъ, считавшiй возможнымъ признать и за ними народные оригиналы, переработанные наравнѣ съ пастушескимъ contrasto?

Кое-гдѣ привычные пѣсенные прiемы измѣнили традицiонный обликъ пастурели (ср. сб. Г. Париса I, II, III), но переработка коснулась только формы, внѣшней организацiи, въ которую внесены были типическiя для народной пѣсни черты отрывочности, полудосказанности, неустойчивости точки зрѣнiя, съ которой передается содержанiе пьесы и т. п. Самымъ яркимъ признакомъ вульгаризацiи этой формы нужно признать несомнѣнно обращенiе ея въ женскую пѣсню. Еще въ сборникѣ Г. Париса всѣ пастурели сложены съ точки зрѣнiя героя. Пьесы Haupt'a,— всѣ безъ исключенiя женскiя пѣсни; въ сборникахъ Bujeaud и Rolland чередуютъ формы изложенiя объективная [146]) съ женской [147]) и мужской [148]), но женвская преобладаетъ. — Въ Германiи пастурель мало популярная въ эпоху ея расцвѣта во Францiи, среди пѣвцовъ рыцарства, почти неизвѣстна въ народѣ; во Францiи она демократизовалась, если не въ составѣ своемъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ предметъ литературнаго обмѣна. При всемъ томъ, мы были бы, однако, далеки отъ мысли утверждать категорически на основанiи

---

[142]) Rolland IIIa и IIId.

[143]) ibd., IIIc.

[144]) Сб. Париса, II, IV, LX; Haupt, стр. 110.

[145]) Rolland LXIa и b; сб. Париса, L.

[146]) Bujeaud I, стр. 254—255, 266—267; Rolland, Xb, LXI, IIIc и d.

[147]) Bujeaud, I, стр. 109—110, 309—310, II 311—312, 313; Rolland, IIIa и b CXXI.

[148]) Bujeaud, I, стр. 209—215; Rolland, XCIII.

приведенныхъ фактовъ, что за пастурелью не стоитъ никакой народной схемы, что она искуственный во всѣхъ отношеніяхъ литературный продуктъ, какъ это дѣлаетъ Е. В. Аничковъ [149]). Записи народной пѣсни слишкомъ поздни для того, чтобы можно было строить на нихъ широкія обобщенія. Да и вызваны они, конечно, прежде всего литературными, эстетическими запросами: слѣд. полународность сборника Г. Париса столько же въ его составѣ, сколько, очень возможно, и въ качествѣ записи; припомнимъ народныя пѣсни эпохи Макферсона и романтиковъ. Все это требуетъ большой осторожности въ оцѣнкѣ матерьяла, выдаваемаго и принимаемаго за народный.— Не объясняется ли популярность пастурели во французской народной поэзіи тѣмъ, что почва была подготовлена аналогичными мотивами, т. е. въ пору, недоступную нашему анализу, обѣ пѣсенныя схемы стояли рядомъ.

Предполагая существованіе народнаго прототипа пастурели во Франціи мы опираемся прежде всего на распространенность въ Европѣ того обряда сватовства, который отражается въ указанныхъ выше пѣсняхъ. Правда, на существованіе подобнаго обряда во Франціи нѣтъ прямыхъ указаній, но его можно предположить рядомъ съ многочисленными свадебными обрядами, представляющими собой переживаніе насильственнаго увоза жены [150]). Помимо обряда важно существованіе въ этой части Романіи множества образовъ отражающихъ въ себѣ древнія брачныя отношенія, образовъ, которыя извѣстны не только всюду въ Европѣ, но и далеко за предѣлами ея. Растительные, цвѣточные символы преобладаютъ, что объясняется отчасти бытовыми условіями, отчасти вліяніемъ средневѣковой поэзіи на народную. Но съ ними чередуются и такіе, которые стоятъ ближе къ образамъ нашей гипотетической пастурели. Садъ садить, жать, полоть, ломать цвѣты, розу, сучья—безконечной вереницей тянутся черезъ пѣсни и игровыя дѣйства Франціи, Германіи и т. д., въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и сочетаніяхъ. Встрѣча молодца съ дѣвушкой на лугу въ тотъ моментъ, когда она ломаетъ розу, въ лѣсу, когда она собираетъ вѣтки, въ саду,—популярны по обѣ стороны Рейна не

---

[149]) Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ, I, (Спб. 1904), стр. 12 сл., особ. 14.

[150]) См. Reinsberg—Düringsfeld, o. c., стр. 245 сл.; Laisnel de la Sale, Le Berry. Moeurs et coutumes въ Les littér. pop. de toutes les nations, т. XLIV (Парижъ, 1902), стр. 54 сл. Ср. также пѣсню у Rolland, I LXI.

менѣе, чѣмъ въ Великороссіи или вост. Финляндіи. Схему нѣм. пѣсни Die schöne Holzlerin [151]) мы видимъ въ лат.-нѣм. пьесѣ Carmina Burana [152]). Съ французскими chansons à personnages, въ которыхъ поэтъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ дамой pres d'un vergier (I 49), en un jardin (I 64), de joste un vergier (I 68) и др. могутъ быть сопоставлены, если не французскія же пьесы вродѣ En allant au bois [153]), ибо можно спорить о ихъ народномъ происхожденіи [154]), или нѣмецкія пѣсни о розовомъ саду и встрѣчѣ въ лѣсу [155]), то по крайней мѣрѣ великорусскія о дѣвушкѣ, которая въ саду крапиву жнетъ, цвѣты собираетъ, грушу ломаетъ и т. п. [156]). Обстановка французскихъ chansons à personnages постоянная, такъ какъ передъ нами символъ обратившійся въ формулу; это не изобрѣтенная жонглёрами рамка для contrasto. Послѣднее могло быть въ предѣлахъ даннаго мотива сопутствующей формой, другой стороной „объективной", выражаясь французскимъ терминомъ пѣсни, если предположить (что вполнѣ вѣроятно) существованіе рядомъ съ послѣдней тождественной съ ней по содержанію игры. Слабое развитіе діалога, сказывающееся подчасъ въ чисто формальномъ присутствіи поэта, почти перестающимъ быть героемъ описываемаго, объясняется не тѣмъ, что схема эта вышла изъ монолога, къ которому искусственно приращивали потомъ, какъ думалъ Г. Парисъ разныя детали, но 1) тѣмъ что данная пѣсенная форма была далеко не такъ популярна какъ пастурель, и 2) одностороннимъ увлеченіемъ maumariée съ ея естественнымъ послѣдствіемъ тяготѣніемъ къ ламентаціи, т.-е. монологу. Въ цитированныхъ русскихъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, но иногда описывается и ухаживаніе за замужней. Это приводило къ мотиву о несчастномъ бракѣ, популярному въ народной поэзіи, далеко за предѣлами Франціи, какъ на то справедливо указалъ Г. Парису Cesareo [157]). Изолированная народ-

---

151) Erk-Böhme, I 73.

152) C. B. 145 (p. 216). Ср. финскія пѣсни объ Айно и ихъ эстонскія параллели (Kallas, o. c.).

153) Bujeaud, I, стр. 244—246, вар. ibd., стр. 248—251, 251—253; E. de Beaurepaire, Etudes sur la poésie pop. en Normandie, (1856): Chanson de l'oranger Tiersot, o. c., стр. 46, 52—53; сборникъ Париса, № LXXXI.

154) Ср. Bujeaud, II, стр. 171—173; сл., впрочемъ, I стр. 57, Rolland, I LXI и II стр. 98 сл., I CXIII.

155) Erk-Böhme, I 68a и II 57; ср. I 70, 121, 141, II 40, 443, 444 и др.

156) Соболевскій, IV 281—284.

157) Origini della poesia lirica, стр. 64 и сл.

но-пѣсенная ситуація могла легко обобщиться въ средѣ, въ которой культъ дамы являлся протестомъ чувства противъ замыкавшей его дѣловой или необходимой сдѣлки.

Мы отошли нѣсколько отъ нашей прямой задачи, хотя, въ сущности, отмѣченная связь образовъ смоглабыть гораздо шире. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣмецкой поэзіи хорошо знакомъ образъ оленя, топчущаго садъ [158]); французы поютъ о королевскомъ сынѣ, убившемъ утку дѣвушки [159]); въ другой пѣснѣ молодецъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ застрѣлилъ жаворонка, чтобы изъ перьевъ его сдѣлать подушку себѣ и своей Jeannette [160]). Я не говорю уже объ образахъ сокола, голубя. Наконецъ и мотивъ выхода изъ затруднительнаго положенія съ помощью человѣка, который въ награду требуетъ любви отлично знакомъ французской народной пѣснѣ [161]).

Нѣтъ, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, достаточныхъ основаній отрицать существованіе на почвѣ Франціи тѣхъ пѣсенныхъ схемъ, которыя при извѣстныхъ условіяхъ развились въ художественную форму пастурели. Всѣ необходимыя для нея матерьялы могли быть собраны и обработаны затѣмъ жонглёрами, тѣмъ болѣе что обрядовое значеніе мотива обезпечивало, въ извѣстной мѣрѣ, его сохранность; рядомъ съ лирической формой въ самой рыцарской средѣ могла еще исполняться отвѣчающая ей игра, которую есть полное основаніе предполагать при условіи обрядоваго толкованія пѣсенной схемы.

В. Шишмаревъ.

---

158) In meinem Garten geht ein Hirsch, Tritt nieder alle Blüthen; см. Веселовскій, Психологическій параллелизмъ, стр. 12.

159) Bujeaud, I стр. 134, вар. стр. 135; ср. Haupt, стр. 41; Rolland, I CXXVI, II стр. 147.

160) Bujeaud, I, стр. 139.

161) Ср. Rolland, I XLIV, L; II, стр. 95 сл.

Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ.

(По поводу статьи г. М. А. Большакова).

(Окончаніе).

Г. Большаковъ, приведя первую, помѣщенную выше цитату изъ моей работы, спѣшилъ увѣрить меня, „что сельское общество, *какъ таковое*, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ никогда не присваиваетъ себѣ права распорядковъ надъ земельными угодьями“... Но если бы г. Большаковъ внимательнѣе отнесся къ цитатѣ (и вообще ко всей моей работѣ), то онъ, конечно бы, увидѣлъ, что я говорилъ въ ней о сельскомъ обществѣ не какъ „о таковомъ“, а имѣлъ въ виду, такъ сказать, „общество“ генеральнаго межеванія, получившее дачу и документы на нее. Въ этомъ смыслѣ я могъ, конечно, безъ большого риска говорить, что „право распорядковъ луговыми землями сельскія общества стараются удержать за собой“; и это, конечно, не значитъ, что я „навязываю“ сельскимъ обществамъ, „этимъ административнымъ органамъ“, роль въ выработкѣ хозяйственныхъ общинъ,—какъ предполагалъ г. Большаковъ. „Сельское общество“ здѣсь то же, что „составная сѣнокосная община“, стремящаяся разверстать сѣнокосныя угодья возможно равномѣрно и справедливо между всѣми хозяйствами всѣхъ селеній общины, почему она обычно гонитъ, скажемъ, хозяевъ дер. Ивановки на покосы за 10 верстъ, хотя бы таковые и были расположены у Ивановцевъ, что называется, подъ бокомъ,—гонитъ потому, что „подъ бокомъ“ покосовъ потомъ ни у кого изъ селеній общины нѣтъ.

Затѣмъ, болѣе вдумчивое отношеніе къ моей работѣ въ этой части, можетъ быть, помогло бы г. Большакову понять, что̀ я разумѣю подъ терминами „земельная община“, „хозяйственная община“ и „земельно-хозяйственная община“. Онъ увидѣлъ бы, можетъ быть, что при данномъ положеніи дѣла эти понятія совершенно равнозначущи, будучи противопоставленіемъ лишь чисто административнымъ функціямъ сельскаго общества. Но г. Боль-

шаковъ не видѣлъ всего этого. Вотъ почему я пожалѣлъ выше, что рукопись моей работы не побывала въ моемъ просмотрѣ до отпечатанія ея въ „Итогахъ..." Можетъ быть мнѣ удалось бы тогда внести въ работу такія дополненія и поясненія, что и г. Большакову пришлось бы понять, что̀ я хочу сказать"...

Но что всего неизвинительнѣе для г. Большакова, это—его обращеніе съ „фактами" и „примѣрами" для „иллюстраціи" своихъ „положеній". Здѣсь уже прямо сказывается какое-то упорное нежеланіе понять и видѣть эти „факты", какъ они есть. А, между тѣмъ, „факты" эти, какъ мнѣ хорошо извѣстно, входили въ районъ „непосредственныхъ наблюденій" автора.

Приведу нѣсколько примѣровъ, въ интересахъ которыхъ я подчеркивалъ выше цитаты изъ статьи г. Большакова.

Полемизируя противъ моего будто бы предположенія о присвоеніи сельскимъ обществамъ, „какъ таковымъ", права распорядковъ надъ земельными угодьями, г. Большаковъ утверждалъ, что если это иногда бываетъ (т. е., если сельское общество распоряжается землей), то „оно дѣйствуетъ здѣсь какъ составная община, случайно съ нимъ совпавшая"; что, „анализируя ходъ и причины образованія составныхъ общинъ", онъ показалъ, какъ онѣ формируются; и что „онѣ иногда бываютъ менѣе общества, иногда болѣе"... Затѣмъ г. Большаковъ приводитъ „примѣръ" Пожегодской составной сѣнокосной общины, „въ которую входятъ не только селенія Пожегодскаго сельскаго общества, но и д.д. Скородумская и Кырнышъ, входящія въ составъ другого общества"—и заключаетъ: „такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ".

Особо эффектенъ этотъ примѣръ „Пожегодской составной общины" послѣ „анализа хода и причинъ образованія составныхъ общинъ"!

Если бы г. Большаковъ не такъ увлекался своимъ „анализомъ", то вѣроятно увидѣлъ бы, что Пожегодская составная община есть ни что иное, какъ *община генеральной дачи*, нарѣзанной на бывшую тогда (при межеваніи) „Пожегодскую волость"; что она по сіе время цѣликомъ охватываетъ *всѣ селенія этой дачи*, хотя два изъ нихъ — входящія въ дачу, — въ 60-хъ годахъ, по соображеніямъ административнаго свойства, были причислены въ составъ болѣе близкаго къ нимъ, Помоздинскаго сельскаго общества; что не будь этого случайнаго по отношенію къ общинной жизни перехода названныхъ селеній, мы имѣли бы здѣсь типъ той общины, въ которой *„сельское*

общество, генеральная дача и хозяйственная единица совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ"; теперь же такое совпаденіе наблюдается лишь между двумя послѣдними понятіями, т. е. генеральной дачей и составной общиной, ибо сельское общество, какъ мы сказали, по причинамъ стороннимъ для общинной жизни, измѣнилось въ своемъ составѣ.

Или, можетъ быть, г. Большаковъ предполагаетъ, что его „анализъ хода и причинъ образованія составныхъ общинъ" объясняетъ принадлежность с.с. Скородумскаго и Кырныша къ Пожегодской общинѣ, не смотря на то, что селенія эти находятся отъ *средоточія общиннаго управленія — первое въ 21, а второе въ 17 верстахъ?*

Не думаемъ, чтобы и самъ г. Большаковъ вѣрилъ въ притягательную силу раскрытыхъ имъ „причинъ" на такомъ разстояніи, вѣрилъ и въ такую всеобъемлемость своего „анализа". Проще, намъ думается, предположить, что г. Большаковъ дѣлалъ свой „анализъ", не считаясь съ анализируемыми „элементами" и не зная ихъ, какъ слѣдуетъ, почему самъ себя побилъ своимъ „примѣромъ" и свелъ результаты „анализа" къ нулю... [1]).

Потомъ, г. Большаковъ, какъ мы видѣли, прибавилъ, что „такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ".

Что онъ этимъ хочетъ сказать? Если то, что „составныя общины иногда бываютъ менѣе сельскаго общества, иногда— болѣе",—то дѣйствительно *такихъ* примѣровъ можно привести „не одинъ". (Хотя, надо сказать, и не очень ужъ много: они встрѣчаются лишь въ тѣхъ 8 обществахъ, въ которыхъ, какъ мы указывали выше, общинные порядки наиболѣе развиты). Но если разумѣть подъ „примѣрами" такіе факты, когда дача генеральнаго межеванія и хозяйственная единица совпадаютъ другъ съ другомъ, а сельское общество, будучи по административнымъ соображеніямъ измѣнено въ своемъ составѣ, уже не соотвѣтствуетъ имъ,—то такихъ примѣровъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, наберется не много: ихъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ всего два-три.

Или вотъ еще „иллюстрація" г. Большакова. Приводя мои слова—„также Шиловское и Уркинское общества, передѣлив-

---

[1]) А, вѣдь, Пожегодская община должна быть наиболѣе хорошо извѣстна г. Большакову. Онъ лично тамъ былъ и работалъ, а на стр. 90—91 своей брошюры приводитъ даже краткую исторію борьбы между селеніями этой общины на почвѣ земельныхъ отношеній.

шія землю по наличнымъ членамъ мужского пола, выражаютъ цѣликомъ и хозяйственныя единицы"...—г. Большаковъ, между прочимъ, спрашиваетъ: „какая хозяйственная связь до 1900 года могла существовать между селеніями Шиловскаго общества, когда эти селенія прямо писали въ приговорѣ: землю изъ деревни въ деревню не переводить?" Какой смыслъ можно вложить въ этомъ случаѣ въ понятіе „хозяйственная община", относимое къ Шиловскому обществу?

Sit venia verbo,—меня прямо оторопь беретъ отъ этихъ вопросовъ г. Большакова,—до того они, такъ сказать, далеки отъ существующаго положенія вещей въ Шиловскомъ обществѣ, которое беретъ для своей „иллюстраціи" авторъ.

А, вѣдь, г. Большаковъ долженъ хорошо знать и это общество: онъ тоже здѣсь былъ лично, работалъ, а на стр. 68—69 своей работы пишетъ слѣдующее:

„Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ (выше излагался пресловутый „анализъ"... В. П.) образованіе составныхъ общинъ идетъ впередъ быстрыми шагами. Въ видѣ иллюстраціи укажемъ на ту эволюцію, которую испытали общины Шиловской волости. Въ 1884 году волостнымъ сходомъ было постановлено: „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить и дѣлить въ деревнѣ сколько таковой окажется позагонно"...

„Подеревенская разверстка въ результатѣ повлекла къ тому, что на наличную душу м. п. (каковая принята за единицу при разверсткѣ) въ различныхъ деревняхъ приходилось неодинаковое количество угодій". (Слѣдуетъ примѣрная таблица о количествѣ пашни на душу по отдѣльнымъ деревнямъ. В. П.).

„Такое различіе въ величинѣ паевъ по деревнямъ не могло держаться, и въ 1900—1901 году постановлено раздѣлить пахотныя и сѣнокосныя (?) угодья безъ отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ, чѣмъ и достигнуть одинаковой величины душевыхъ долей по всей волости [1]). Но уже при перемѣркѣ земель выяснилось практическое неудобство этого способа, заключающееся въ томъ, что крестьянинъ, получившій дополнительное количество земли въ другой, отдаленной деревнѣ, фактически не могъ воспользоваться имъ за дальностью разстоянія, и, какъ видно изъ дополнительнаго приговора Шиловскаго

---

[1]) Относительно *сѣнокосныхъ* угодій утвержденіе автора совершенно не вѣрно (я отношу это къ опискѣ). Угодья эти никогда въ распоряженіи отдѣльныхъ селеній и третей не бывали. Ниже объ этомъ я еще буду говорить. В. П.

волостного схода, крестьяне избрали средній путь: они раздѣлили волость на три части, назвали ихъ „третями“ и произвели уравненіе внутри каждой трети. Хотя между деревнями различныхъ третей и осталась нѣкоторая разница въ величинѣ паевъ, но она значительно менѣе прежней“. (Слѣдуетъ опять примѣрная таблица. В. П.).

„Группы селеній, или „жила“, преобразовываются такимъ образомъ съ теченіемъ времени въ составныя полныя общины. *Бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной*“ (курсивъ мой. В. П.).

Присмотримся поближе къ приведеннымъ сейчасъ разсужденіямъ г. Большакова.

Прежде всего необходимо установить здѣсь твердо такое положеніе: *сѣнокосныя* земли Шиловскаго общества *никогда* не бывали въ отдѣльномъ распоряженіи и владѣніи ни селеній, ни третей (что я и отмѣтилъ выше, въ подстрочномъ примѣчаніи, объясняя упоминаніе авторомъ „сѣнокосныхъ“ угодій,—которыя будто бы тоже рѣшено въ 1900 году дѣлить безъ „отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ“,—опиской). Угодья эти и прежде разверстывались и теперь разверстываются en masse, цѣликомъ, всѣмъ обществомъ-общиной прямо между отдѣльными хозяйствами, а не между деревнями или третями. Такимъ образомъ здѣсь мы опять встрѣчаемъ „составную сѣнокосную единицу“, *вполнѣ совпадающую*, съ одной стороны, съ сельскимъ обществомъ (и даже съ волостью), а съ другой,—дачей генеральнаго межеванія. Значитъ, рѣшенія о томъ или иномъ порядкѣ раздѣла земель касались только пахотныхъ угодій (что, впрочемъ, явствуетъ и изъ цитаты приговора Шиловскаго схода, приводимой самимъ г. Большаковымъ: „*пахотную* землю изъ деревни въ деревню не переводить“... и т. д.).

Итакъ, что же мы видимъ?

Въ 1884 году „Шиловскій волостной сходъ“ [1]) находилъ нужнымъ *при общемъ передѣлѣ земель* „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить“ и дѣлить въ деревнѣ ту, какая оказывалась тогда въ ея пользованіи. Въ 1900 году тотъ же сходъ находитъ нужнымъ измѣнить этотъ порядокъ и постановляетъ дѣлить „пахотныя земли безъ отнесенія къ отдѣльнымъ деревнямъ“ (т. е. такъ же, какъ дѣлятся сѣнокосы). Это рѣшеніе при проведеніи на практикѣ оказалось малоудоб-

[1]) На самомъ дѣлѣ, конечно, не „волостной“, а *сельскій* сходъ, ибо Шиловская волость состоитъ изъ одного общества.

нымъ, и сходъ вновь постановляетъ: межъ-хозяйственное уравненіе пахотныхъ земель произвести по третямъ, на которыя дѣлится общество-община [1]). При всѣхъ этихъ перемѣнахъ право разверстки *сѣнокосныхъ* угодій ни разу не затрагивается; оно оставалось и остается цѣликомъ за обществомъ-общиной.

И вотъ, г. Большаковъ спрашиваетъ: какая „хозяйственная" связь могла существовать между селеніями Шиловскаго общества до 1900 года? Какое понятіе можно вложить въ выраженіе, что „Шиловское общество представляетъ изъ себя цѣликомъ одну хозяйственную общину?"

Неужели г. Большаковъ самъ не въ состояніи видѣть эту „связь" и понять выраженіе: „Шиловское сельское общество = одной хозяйственной общинѣ?" Неужели онъ не видитъ, что всѣ эти перемѣны и порядки—„земли изъ деревни въ деревню не переводить", „земли дѣлить безъ отнесенія къ отдѣльнымъ деревнямъ", „земли дѣлить по третямъ"—установляетъ и санкціонируетъ Шиловскій общественный (общинный—тожъ) сходъ?

Не будетъ ли, наконецъ, все это яснѣй для г. Большакова, если я укажу, что рѣшеніе Шиловскаго схода, состоявшееся въ 1901 году, объ уравненіи пахотныхъ земель *внутри третей съ переводомъ ихъ изъ деревни въ деревню*, не есть что-нибудь новое. Съ 1870 по 1884 годъ (когда шиловцы рѣшили „пахотныя земли изъ деревни въ деревню не переводить") существовалъ именно тотъ порядокъ, который они вздумали повторить при передѣлѣ въ 1900—901 году. Въ 1870 году Шиловское общество впервые оффиціально разбилось на „трети" и уравняло пахотныя земли внутри этихъ третей, переводя ихъ (т. е. земли) изъ деревни въ деревню...

Что, наконецъ, скажетъ г. Большаковъ, если Шиловскому сходу при слѣдующемъ передѣлѣ опять вздумается постановить, чтобы земли „изъ деревни въ деревню не переводить?" А, вѣдь, это вполнѣ возможно, ибо никакихъ—ни юридическаго, ни земельно-бытоваго характера препятствій для этого пока не имѣется.

Но я думаю, что и тогда г. Большаковъ „не пойметъ" хозяйственной связи между селеніями Шиловскаго общества и

---

[1]) Это подраздѣленіе Шиловскаго общества-общины на трети соотвѣтствуетъ географическому положенію селеній, составляющихъ какъ бы три отдѣльныя компактныя группы, и существовало уже издавна, а не создано въ „1900 году", какъ это полагаетъ г. Большаковъ. Объ этихъ „третяхъ" мнѣ еще придется сказать два-три слова.

содержанія понятія „Шиловская хозяйственная община" и такъ же будетъ задавать свои вопросы. Ему, вѣдь, рѣшеніе Шиловскаго схода 1901 года объ уравненіи земли по третямъ важно, какъ признакъ того, когда „группы селеній преобразуются въ составныя полныя общины", когда „бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной"[1]). Онъ, вѣдь, и описывалъ земельные порядки въ Шиловскомъ обществѣ спеціально для „иллюстраціи" своего „анализа причинъ и хода образованія составныхъ общинъ", а анализъ этотъ, очевидно, требовалъ видѣть въ земельно-хозяйственной жизни упомянутаго общества не то, что есть въ дѣйствительности, а нѣчто другое, могущее служить примѣромъ, иллюстраціей[2]).

---

[1]) См. подчеркнутый мною выше конецъ послѣдней цитаты изъ г. Большакова.

[2]) Я былъ бы неправъ, если бы не упомянулъ объ одномъ, по существу правильномъ и дѣльномъ замѣчаніи г. Бол—ва по поводу моей статьи. Замѣчаніе это вызвано тѣмъ, что я, перечисляя сельскія общества „представляющія изъ себя одну земельно-хозяйственную единицу", включилъ въ число ихъ, *безъ всякихъ оговорокъ*, Кочергинское и Верхолузское общества. Г. Бол—въ на стр. 72—73 своей брошюры справедливо указалъ на довольно пеструю картину юридическихъ правъ на землю въ этихъ обществахъ, связанную съ существованіемъ въ нихъ массы мелкихъ починковъ, заброшенныхъ на десятки верстъ другъ отъ друга, а потому не имѣющихъ между собой никакой связи на земельно-хозяйственной почвѣ. Оговорить все это я, конечно, былъ обязанъ. Но, принимая во вниманіе, во-первыхъ, что—какъ я уже говорилъ—отпечатана моя работа съ рукописи, не бывшей въ моемъ разсмотрѣніи; во-вторыхъ, что положеніе мое относительно коренныхъ селеній („жила") упомянутыхъ обществъ, на которыя были выданы документы генеральнаго межеванія, все же остается правильнымъ,—принимая, я говорю, все это во вниманіе, можно считать допущенный мною пробѣлъ не за слишкомъ важную „ошибку".

Кстати, долженъ упомянуть еще вотъ о чемъ: г. Бол—въ, указывая на эти общества, говоритъ, что „достаточно для иллюстраціи привести одинъ примѣръ" (т. е. примѣръ этихъ обществъ), и нѣсколько ниже продолжаетъ ...„почти всѣ общества имѣютъ, если не подобную, то развѣ немного меньшую спутанность правъ". Здѣсь г. Бол—въ опять, по своему обыкновенію идетъ мимо дѣйствительности: „примѣръ" этихъ обществъ на самомъ дѣлѣ совершенно таки единственный. Больше у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда обществъ съ такимъ пестрымъ составомъ землевладѣнія нѣтъ. Въ данномъ же случаѣ созданію пестроты правъ на землю способствовали особыя (мѣстныя) причины, на которыя отчасти указалъ самъ г. Бол—въ въ двухъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту своихъ разсужденій. (См. 72 стр. его брошюры).

Было бы, можетъ быть, въ извѣстномъ смыслѣ поучительно нѣсколько ближе разобраться въ этомъ „анализѣ причинъ и хода образованія составныхъ общинъ",—каковой анализъ г. Большаковъ, очевидно, ставитъ себѣ въ особую заслугу... Но моя замѣтка уже и безъ того растянулась, и, кромѣ того, теперь—послѣ всего сказаннаго—я совершенно не вижу какой-либо необходимости входить въ разборъ не соотвѣтствующихъ дѣйствительности теоретическихъ построеній г. Большакова. Поэтому въ дальнѣйшемъ я ограничусь лишь нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Изъ приведенныхъ выше (послѣ разсужденій о Шиловскомъ обществѣ) заключительныхъ словъ г. Большакова, что „такимъ образомъ жила преобразовываются въ полныя составныя общины", а „бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной",—можно заключить, что г. Большаковъ за Шиловской составной общиной не хочетъ признавать „земельнаго" значенія вплоть до 1900—901 года и видитъ въ ней до этого времени какую-то только „бытовую-административную общину".

Послѣдній довольно таки загадочный терминъ употребленъ г. Большаковымъ здѣсь въ первый разъ, и насколько можно догадываться изъ всего содержанія его статьи,—онъ вкладываетъ въ него понятіе недостаточно развитыхъ и не сполна выраженныхъ общинныхъ порядковъ землевладѣнія, присущихъ менѣе подвижнымъ формамъ послѣдняго,—каковыя формы, какъ мы видѣли выше, пока наиболѣе характерны для земельно-хозяйственной жизни зырянъ Устьсысольскаго уѣзда.

Было бы излишне спорить съ г. Большаковымъ по этому поводу и доказывать, что землевладѣніе по дробнымъ частямъ ревизской души, въ той или иной мѣрѣ всегда примѣняется къ наличному составу семей, какъ равно землевладѣніе Шиловскаго и Пожегодскаго обществъ [1]) въ ихъ цѣломъ есть именно *общинныя землевладѣнія* какъ по духу, принципу, такъ и по установленію порядковъ его и по тенденціи этихъ порядковъ къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Тенденція же эта выражается въ двухъ ясно обозначившихся направленіяхъ: во-первыхъ, въ желаніи достигнуть наиболѣе справедливаго способа земляраспредѣленія по отдѣльнымъ хозяйствамъ, каковой способъ въ концѣ концовъ находитъ свое вы-

---

[1]) Упоминаю только объ этихъ обществахъ-общинахъ, конечно, лишь для примѣра, какъ уже нѣсколько извѣстныхъ намъ.

раженіе въ разверсткѣ земли по ѣдокамъ,—и, во-вторыхъ, въ стремленіи, такъ сказать, обособиться, разбиться на болѣе мелкія и компактныя хозяйственныя единицы, чтобы такимъ образомъ избѣжать громоздкой возни по землевладѣнію цѣлыми обществами-общинами, состоящими обычно изъ такихъ селеній, которыя иногда удалены другъ отъ друга на десятокъ и болѣе верстъ.

По имѣющимся въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, развитіе общинно-земельной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда неуклонно и прежде шло, и теперь идетъ въ обоихъ сейчасъ указанныхъ направленіяхъ, и—кстати сказать—оно шло бы несомнѣнно быстрѣе, если бы дѣло не осложнялось вопросомъ о сѣнокосныхъ угодьяхъ, которыя, въ виду особой своей хозяйственной цѣнности и по условіямъ расположенія относительно селеній, трудно поддаются такому разверстанію между отдѣльными, стремящимися обособиться частями сложныхъ общинъ, которое бы удовлетворило всѣ эти части—будущія болѣе мелкія общины. Но не смотря на все это—какъ я уже сказалъ, эволюція земельно-общинной жизни совершается безостановочно, выражаясь, какъ въ улучшеніи способовъ землераспредѣленія между отдѣльными дворами, такъ и въ распаденіи крупныхъ общинъ на болѣе мелкія. Приведенное выше раздѣленіе Шиловской общины на „трети“ есть, конечно, одинъ изъ такихъ примѣровъ распада, дающаго то удобство, что въ настоящее время передѣлы и разверстки пахотныхъ земель могутъ происходить самостоятельно внутри каждой изъ этихъ третей, не считаясь съ порядками, существующими въ другихъ третяхъ.

Наиболѣе лучшій и полный примѣръ эволюціи земельно-общинной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда даетъ, по моему мнѣнію, Вотчинское общество, имѣющее свой отдѣльный (групповый) планъ генеральнаго межеванія. Въ концѣ 60-хъ годовъ это общество разбилось на три хозяйственныя общины, при чемъ, въ виду особо благопріятныхъ условій расположенія сельско-хозяйственныхъ угодій относительно существующихъ селеній, удалось раздѣлить по вновь образованнымъ общинамъ не только пахотныя, но и сѣнокосныя земли. При этомъ, въ одну общину вошло 8 селеній, въ другую 3 и въ третью одно (самое большое въ обществѣ). Затѣмъ, въ началѣ 70-хъ годовъ первыя восемь селеній раздѣлились еще на 2 вполнѣ самостоятельная общины; а въ половинѣ 80-хъ годовъ возникла упорная борьба на почвѣ выдѣленія въ особую общину одного изъ трехъ селеній второй общины. Борьба эта въ концѣ концовъ

(въ 90-хъ годахъ) завершилась тѣмъ, что всѣ три селенія образовали особыя *пахотныя* общины, хотя и связанныя общностью владѣнія *сѣнокосными* угодьями, но съ сильно выраженнымъ стремленіемъ обособиться и этими послѣдними. (Нашло ли это стремленіе свое осуществленіе—я, къ сожалѣнію, сейчасъ подъ руками свѣдѣній не имѣю).

Такимъ образомъ, съ конца 60-хъ годовъ изъ одной сложной общины, совпадавшей съ сельскимъ обществомъ и съ дачей генеральнаго межеванія, образовалось шесть вполнѣ сформировавшихся земельно-хозяйственныхъ общинъ, съ предусмотрѣнными сроками коренныхъ предѣловъ и съ землераспредѣденіемъ по ѣдокамъ.

Послѣ сейчасъ высказаннаго, мнѣ думается, нѣтъ нужды ни спорить съ г. Большаковымъ, ни указывать на фактическую неправильность его утвержденія, что „онъ не знаетъ ни одного случая распаденія составной общины" и что „наоборотъ — соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную — заурядное явленіе" [1]).

Распаденіе составныхъ общинъ—какъ мы уже это видѣли—представляетъ изъ себя одно изъ естественныхъ звеньевъ эволюціи земельно-общинной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда, а соединеніе простыхъ общинъ въ составную явленіе совершенно несвойственное зырянскому землевладѣнію,— если только не считать за „соединеніе" такіе случаи (возможные, но мнѣ совершенно не извѣстные), когда, скажемъ, нѣсколько дворовъ, образовавшихъ новый починокъ не вдалекѣ отъ своего селенія-метрополіи, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе расширенія площади хозяйственныхъ угодій, опять сливаются этими послѣдними со своимъ селеніемъ, обобщаясь при этомъ и земельными угодьями. Насколько можно судить по соображеніямъ, высказаннымъ г. Большаковымъ на стр. 63—64 своей брошюры, онъ именно подобные случаи и имѣетъ въ виду, говоря о „заурядности" соединенія простыхъ общинъ въ составную. Но мы рѣшительно повторяемъ, что хотя подобные случаи и возможны, но могутъ быть крайне рѣдкими. Описанное же г. Большаковымъ сліяніе пахотными угодьями самостоятельныхъ такъ сказать селеній *никогда* само по себѣ не ведетъ къ соединенію въ одну пахотную общину. Такіе примѣры теперь не наблюдаются да по существу они и не возможны. Нѣчто подобное могло на-

---

[1]) Эти положенія г. Большакова я подчеркивалъ въ первой своей цитатѣ изъ его брошюры.

блюдаться только въ стародавнія времена, въ эпоху образованія крупныхъ (иногда до 300 и бол. дворовъ) зырянскихъ поселеній изъ отдѣльныхъ посемейныхъ выселковъ. Впрочемъ, дальше, на стр. 75 и сл., г. Большаковъ самъ разбиваетъ свое положеніе о „соединеніи простыхъ общинъ". Хотя здѣсь онъ какъ будто говоритъ „въ будущемъ времени" и видитъ теперь лишь „зачатки" разложенія составной общины, но на это даетъ ему возможность исключительно неправильное освѣщеніе фактической стороны земельно-хозяйственной жизни.

Я далеко не могъ исчерпать въ этой краткой замѣткѣ всѣхъ тѣхъ фактовъ, положеній и выводовъ г. Большакова, которые или прямо неправильны, или возбуждаютъ крупное сомнѣніе. Но онъ въ заключеніи рекомендуетъ „заглянуть" въ свою работу „тѣмъ лицамъ, на долю которыхъ выпадаетъ поземельное устройство зырянъ" и при этомъ высказываетъ въ своемъ резюме,— „что должно имѣть въ виду этимъ дѣятелямъ"...

Ничего конечно не имѣя противъ того, чтобы „заглянуть" въ работу г. Большакова, и даже рекомендуя это сдѣлать непремѣнно, я, однако, долженъ повторить къ свѣдѣнію будущихъ дѣятелей поземельнаго устройства зырянъ, что „заглядывать" въ работу г. Большакова слѣдуетъ непремѣнно съ острымъ критическимъ скальпелемъ въ рукахъ.

В. Ф. Поповъ.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

(*Продолженіе*).

Донесеніе о торговлѣ.

Въ донесеніи вашему сіятельству отъ 11 прошлаго февраля, изложивъ подробности, относящіяся собственно до путешествія моего въ западные города Китая, Чугучакъ и Кульджу, имѣю честь представить теперь свѣдѣнія и наблюденія мои по части торговли, производимой чрезъ Семипалатинскъ [1]) съ западными областями Китая.

Нужнымъ считаю представить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, дабы дать яснѣйшее понятіе о сей торговлѣ, нынѣшнемъ ея состояніи и основаніяхъ, на коихъ она производится. Свѣдѣнія сіи тѣмъ необходимѣе, что объ образѣ производства ея существуютъ довольно сбивчивыя понятія и она въ подробности еще не была изслѣдована.

Взглядъ на прежнее состояніе сей торговли. Не входя здѣсь въ историческія розысканія о началѣ торговыхъ нашихъ сношеній съ западными владѣніями Китая, не распространяясь о предметѣ, который далеко бы отвлекъ отъ главныхъ и существенныхъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросовъ, я долгомъ поставляю только изъяснить, что торговля наша съ мѣстами, гдѣ нынѣ Чугучакъ и Кульджа, т. е. съ бывшею Джунгаріею, или Зюнгоріею, и городами Восточнаго Туркестана производилась издавна: караваны наши еще въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія ходили въ такъ называемую Калмыцкую Ургу (мѣстопребываніе Джунгарскихъ контайшей, или владѣльцевъ), гдѣ была довольно

---

[1]) Подъ Западными областями Китая разумѣются здѣсь: *Илійская область* (бывшая Джунгарія), въ коей находятся города́: Чугучакъ, Кульджа, Урумджи, Баркюль, Хáми и проч., и *Кашкарія*, или Восточный Туркестанъ, гдѣ главные города́ суть: Кашгаръ, Яркентъ, Аксу, Хотенъ и другіе.

значительная по тогдашнему времени мѣна товаровъ. Купцы проникли даже въ Урумджи, одинъ изъ богатыхъ городовъ вынѣшней Илійской области, лежащій ближе къ внутреннимъ Китайскимъ провинціямъ. Къ намъ также приходили тогда караваны изъ Зюнгоріи, и главный торгъ ихъ былъ въ крѣпостяхъ Ямышевской и Семипалатной. Но, по завоеваніи сей страны китайцами, чтó послѣдовало въ 1755 году, торговля эта совершенно прекратилась: изъ указа 1762 года видно, что за неприходомъ болѣе каравановъ изъ Зюнгоріи велѣно было даже распустить всѣхъ таможенныхъ служителей въ таможняхъ Семипалатинской и Ямышевской [1]).

Въ послѣдствіи времени, и по основаніи уже китайцами, на новыхъ западныхъ предѣлахъ ихъ, городовъ Кульджи (Или) и Чугучака (Тарбагатая), торговля опять стала возникать, но уже въ другихъ видахъ и, такъ сказать, *тайная*. — Поелику никакими трактатами Россіи съ Китаемъ не было установлено торговли въ помянутыхъ мѣстахъ, и какъ съ другой стороны мѣновой въ нихъ торгъ свободно былъ разрѣшенъ киргизамъ,— то купцы (бóльшею частію азіятцы, у насъ проживавшіе) прибѣгнули къ посредничеству киргизовъ и султановъ ихъ и чрезъ нихъ проложили себѣ первую дорогу въ западные китайскіе города. Они для этого брали письма отъ помянутыхъ султановъ къ мѣстнымъ китайскимъ властямъ (къ чугучакскому амбаню и къ кульджинскому джанджуну, или главнокомандующему); брали также нѣкоторые къ нимъ подарки, состоявшіе обыкновенно въ лошадяхъ, и отъ имени султановъ, *и какъ бы съ ихъ товарами*, являлись уже въ Чугучакъ и Кульджу и производили тамъ торгъ свой. Но потомъ торговля въ Западномъ Китаѣ разрѣшена была и аньджанамъ (хокандцамъ и ташкентцамъ), и обычай брать письма мало по малу отмѣнился, или сдѣлался одною пустою формою. Когда именно разрѣшена была со стороны китайскаго правительства торговля ташкентцамъ и хокандцамъ, съ точностію неизвѣстно; но достовѣрно, что она имъ позволена.

Нынѣшнее состояніе торговли съ Западнымъ Китаемъ. Первые обороты наши съ западомъ Китая, какъ и естественно, были весьма слабые: русскіе купцы вовсе почти въ оныхъ не участвовали, кромѣ татаръ и ташкентцевъ. Главнѣйшая торговля производилась киргизскимъ скотомъ, вымѣниваемымъ купцами отъ киргизовъ и потомъ сбываемымъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ на дáбы,

---

[1]) Объ этомъ упоминается въ Историческомъ описаніи Россійской коммерціи Чулкова, Т. III, Кн. II, стр. 329.

бязи, кирпичный чай и грубый сабетъ-чай (въ мѣшкахъ). Еще въ 1825 году весь отпускъ нашъ по семипалатинской таможнѣ не превышалъ 256,097 р. асс. (73,170 р. 57 к. сер.), включая тутъ и товары, которые частію шли въ Киргизскую степь и Хокандъ. Но около этого времени вывозъ нашихъ произведеній, особенно же нанки, полуситца, сукна и металлическихъ издѣлій, постепенно сталъ возрастать; а съ 1837 года сталъ являться въ этой торговлѣ (изъ привозныхъ статей) байховый чай, который съ 1839 года замѣтно началъ возрастать, что̀ придало торговлѣ новое движеніе.

Оборотъ торговли. Впрочемъ, торговля эта и теперь въ сущности еще незначительна и далеко не соотвѣтствуетъ нашимъ ожиданіямъ. Я имѣю честь при семъ представить четыре вѣдомости, полученныя изъ семипалатинской таможни объ отпускныхъ и привозныхъ чрезъ сію таможню товарахъ, начиная съ 1825 года по 1844-й включительно, и особо двѣ вѣдомости за 1845 годъ. Таблицы сіи представляютъ весь ходъ торговли за послѣднія 20 лѣтъ и изъ нихъ видно, что въ настоящее время оборотъ нашъ съ Западнымъ Китаемъ простирается на сумму 230,536 р. 17 к. сер., по отпускнымъ статьямъ, и на 254,617 р. 70 к. сер. по привознымъ изъ Китая, *а всего на 485,153 р. 80 к. сер.* Доходъ же семипалатинской таможни (собственно по торговлѣ же съ западными городами Китая) можно полагать въ 56 тыс. р. сер. по привознымъ и отвознымъ товарамъ [1]).

Предметы отпуска. Главные предметы отпуска суть: изъ шерстяныхъ издѣлій — сукно, котораго въ прошломъ году вывезено 11,928 арш. (на 17,936 р. сер). и драдедамъ, который сталъ идти только съ недавняго времени; изъ бумажныхъ же нанка, составляющая постоянно одну изъ главныхъ статей отпуска (ея отправляется до 500 т. арш., на сумму до 80 тыс. р. сер.), полуситецъ, вейверетъ, или плисъ, миткаль, коленкоръ, платки и т. п.; изъ кожевенныхъ — юфтевыя кожи. Затѣмъ отправляется еще не малое количество разныхъ желѣзныхъ, чугунныхъ и мѣдныхъ издѣлій: котловъ, тагановъ, тагильскихъ подносовъ, столовъ и т. п. Прочія статьи отпуска состоятъ въ разныхъ мелочахъ, какъ то: въ фарфоровой посудѣ, мишурѣ, сундукахъ и проч.

[1]) Всѣ таможенные доходы за 1845 годъ простирались до 67,848 р. 53 коп. серебромъ; но въ этомъ числѣ заключаются и сборы по торговлѣ съ киргизскою степью и Хокандомъ; послѣдніе составляли въ прошломъ году 11,800 р. сер. съ небольшимъ.

Относительно сихъ отпускныхъ нашихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что̀ большая часть ихъ суть весьма грубыя произведенія фабричной и заводской промышленности: сукно лучшее, какое идетъ въ Чугучакъ и Кульджу, сто̀итъ не свыше 4 р. 50 к. асс. (Мизиритскихъ суконъ во̀все еще нейдетъ въ сію торговлю); плисъ и бо̀льшая часть бумажныхъ издѣлій (платки, миткаль, коленкоръ, ситецъ) — такой же низкой доброты. Вообще всѣ эти товары не могутъ выдержать никакого сравненія съ кяхтинскими; но тѣмъ не менѣе сбытъ ихъ полезенъ и необходимъ для нашихъ фабрикъ и поддержанія мелкой фабричной промышленности. Замѣчательно еще, что многихъ предметовъ, которые въ кяхтинской торговлѣ составляютъ немаловажныя статьи и которыхъ китайцы съ той стороны постоянно требуютъ, вовсе нѣтъ въ этой торговлѣ, производимой чрезъ Семипалатинскъ; такъ, наприм., вовсе нейдетъ чешуйки, мало, или почти нейдетъ тика, — двухъ статей, которыя въ кяхтинской отпускной торговлѣ занимаютъ важное мѣсто; то же слѣдуетъ сказать о сафьянахъ и козлахъ. Пушныхъ товаровъ, которые въ огромномъ же количествѣ требуются на Кяхтѣ, также съ этой стороны вовсе не сбывается, а напротивъ, наши купцы вывозятъ изъ Кульджи нѣкоторые пушные товары, какъ, напр., лисицъ и волковъ, доставляемыхъ въ Чугучакъ и Кульджу киргизами.

Привозныя статьи. Привозныя же статьи изъ Китая главнѣйше состоятъ: въ байховомъ черномъ, или такъ называемомъ торговомъ чаѣ, въ кирпичномъ чаѣ, въ бумажныхъ издѣліяхъ (дабахъ и бязяхъ) и въ шелковыхъ матеріяхъ (канфахъ, канчахъ, фанзахъ, чучунчахъ и т. п.). Байховый чай началъ идти, какъ выше сказано, съ недавняго времени и хотя по сравненію съ количествомъ кяхтинскаго чая его вывозится еще незначительная пропорція (по вѣдомостямъ семипалатинской таможни въ 1845 году вывезено было 1.637 пудовъ); но тѣмъ не менѣе онъ уже въ послѣдніе годы сталъ занимать первое мѣсто между привозными товарами изъ Чугучака. Въ Кульджѣ же торговля имъ (для китайцевъ вообще весьма выгодная) также начинаетъ усиливаться; но доселѣ въ Кульджѣ главные товары суть шелковые матеріи и бязи; изъ Чугучака же шелковыхъ матерій вовсе почти не идетъ, и въ этомъ главная разница между чугучакскимъ и кульджинскимъ рынками по предметамъ вывоза. Прежде изъ западнаго Китая не мало также шло къ намъ серебра въ слиткахъ, или такъ называемыхъ *ямбъ* (его привозилось болѣе 200 пудовъ, какъ въ 1831 и 1833 годахъ); но теперь эта статья значительно упала, и серебра, по срав-

ненію съ прежними годами, доставляется уже немного. (Въ прошломъ году было всего въ привозѣ 43 пуда).

Кто торговцы съ нашей стороны. Производители теперь нашей торговли съ Чугучакомъ и Кульджею суть главнѣйше ташкентцы, съ давняго времени поселившіеся въ Семипалатинскѣ, и наши татары. Изъ русскихъ купцовъ по сіе время участвуютъ въ ней еще весьма не многіе, и тѣ обыкновенно посылаютъ свои товары чрезъ ташкентцевъ же и татаръ, не отваживаясь сами ѣздить въ Чугучакъ и Кульджу. Только два три купца отправляютъ свои товары съ русскими прикащиками, и то въ одинъ Чугучакъ; въ Кульджу же почти исключительно ѣздятъ наши ташкентцы, и вся кульджинская торговля находится, можно сказать, въ ихъ рукахъ: изъ русскихъ въ ней участвуетъ только купецъ Самсоновъ, посылающій туда свои товары съ прикащикомъ. О ташкентцахъ слѣдуетъ однако же замѣтить, что доколѣ наша торговля съ Чугучакомъ и Кульджею не учредится на законныхъ основаніяхъ, азіятцы эти необходимы для торговыхъ сношеній съ западомъ Китая: безъ нихъ кульджинская торговля для насъ не существовала бы.

Немногіе русскіе, которые ѣздятъ теперь въ Чугучакъ (помянутые три прикащика и еще человѣкъ пять мелкихъ торговцевъ) являются туда подъ видомъ азіятцевъ, переодѣтые въ азіятское платье. Китайцы, впрочемъ, очень хорошо знаютъ, что они русскіе и сами торговцы наши нисколько этого не скрываютъ. Въ Чугучакѣ, напр., я явился хотя тоже въ азіятскомъ платьѣ, но подъ русскимъ именемъ и объявилъ прямо въ китайской таможнѣ, что я русскій. Китайскій чиновникъ при этомъ только съ улыбкою замѣтилъ, что русскимъ не позволено пріѣзжать въ Чугучакъ и затѣмъ безпрепятственно допустилъ къ торгу. Доступность Чугучака для природныхъ русскихъ, конечно, есть явленіе довольно пріятное, но оно еще ничего особеннаго не доказываетъ, какъ увидимъ далѣе, и нисколько не ручается за развитіе сей торговли: доступность эта должна покупаться немалыми пожертвованіями и сопряжена съ разными уничиженіями.

Большихъ капиталистовъ вовсе еще нѣтъ въ этой торговлѣ: самыми значительными купцами въ ней считаются: помянутый купецъ Самсоновъ, ведущій торгъ съ Кульджею и посылающій товаровъ всего на 20 т. р. сер., и Ибрагимъ Амировъ (изъ азіятцевъ), торгующій исключительно съ Чугучакомъ на сумму не болѣе 15 т. р. сер. Изъ прочихъ купцовъ кто торгуетъ тысячи на четыре, кто на пять; остальные и вообще вся масса

суть ничто иное какъ мелочники, которыхъ въ Чугучакъ и Кульджу, и особенно въ первый изъ сихъ городовъ ѣздитъ весьма не мало. Для большаго сбыта всякихъ грубыхъ нашихъ издѣлій они также народъ полезный, но нельзя съ другой стороны не сознаться, что мелочники эти, дабы сбыть только скорѣе товаръ свой, портятъ цѣны на русскія произведенія, и тѣмъ наносятъ немалый вредъ этой торговлѣ. Если въ послѣднее время китайскіе товары и въ Чугучакѣ стали доставаться нашимъ купцамъ не дешево, такъ что имъ, безъ особенныхъ незаконныхъ продѣлокъ, трудно иногда сводить концы съ концами, то это явленіе надобно главнѣйше приписать наводненію чугучакскаго рынка всякимъ мелкимъ торгующимъ народомъ, хотя тутъ есть и другія еще причины, о коихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Торговля съ китайской стороны предоставлена теперь купечеству. Съ китайской стороны производители торговли въ Чугучакѣ и Кульджѣ *суть теперь китайскіе купцы.* Прежде вся эта торговля была исключительно въ рукахъ мѣстнаго китайскаго начальства: пріѣзжавшіе иностранные купцы не иначе могли сбывать пригоняемый ими для промѣна скотъ и разные товары, какъ въ китайскую казну, которая платила за оные дабами и бязями; на сторону же, т. е. китайскимъ купцамъ, дозволялось продавать только то малое количество товаровъ, которое оставалось за промѣномъ въ казну. Отъ этого купцы, пріѣзжавшіе съ русскими товарами, прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, чтобы скрывать отъ взоровъ китайскаго начальства небольшую частицу лучшихъ своихъ товаровъ, за которые отъ казны назначалась та же плата, какъ и за самые посредственные, они прятали ихъ въ своихъ юртахъ, въ землю и т. п.—(Получаемые китайскою казною товары обращались въ жалованье пограничному войску и китайскимъ чиновникамъ; лучшіе изъ нихъ, разумѣется, разбирались джанджуномъ, амбанемъ и таможенными чиновниками. Вымѣниваемые же бараны, рогатый скотъ и лошади, за употребленіемъ изъ всего этого сколько надобно было на казенныя надобности, передавались въ казенные китайскіе табуны, содержимые калмыками въ окрестностяхъ Чугучака и Кульджи).—Но съ бо́льшимъ впослѣдствіи развитіемъ торговли, съ бо́льшимъ противъ прежняго приливомъ разныхъ мануфактурныхъ товаровъ, которые по времени взяли верхъ надъ торговлею киргизскимъ скотомъ, а можетъ быть и вслѣдствіе неоднократныхъ жалобъ азіятскаго купечества на притѣсненія китайскихъ чиновниковъ, отъ произвола коихъ за-

висѣло назначеніе цѣнъ товарамъ, правительство китайское сочло, наконецъ, нужнымъ измѣнить эти правила и *передать торговлю въ руки китайскихъ купцовъ.* Первоначально измѣненіе это послѣдовало въ Чугучакѣ, гдѣ уже лѣтъ десять купцы наши имѣютъ дѣло съ пріѣзжающими туда китайскими торговцами; въ китайскую же казну представляютъ только, въ видѣ пошлины, десятую часть изъ каждаго привезеннаго ими товара, и то, впрочемъ, не даромъ, а за назначаемую китайскимъ начальствомъ половинную цѣну (сія половинная цѣна опредѣлена, сообразуясь съ базарными цѣнами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ взятыми, изъ чего составлено родъ тарифнаго положенія). Въ Кульджѣ же новый этотъ порядокъ (дозволеніе продавать китайскимъ купцамъ) возымѣлъ свое дѣйствіе только съ прошлаго 1845 года. Тамъ сдѣлано еще противъ Чугучака то облегченіе, что половинная цѣна за товаръ, *поступающій въ пошлину,* назначена, вслѣдствіе особеннаго ходатайства нашего каравана, большая нежели, какая опредѣлена въ Чугучакѣ.

Вольнаго торга еще нѣтъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ. Конечно, всѣ эти измѣненія для торговли благопріятны; купцы въ силу оныхъ до нѣкоторой степени болѣе противъ прежняго избавлены отъ прижимокъ китайскихъ чиновниковъ; они могутъ также привозить товары въ бо́льшемъ количествѣ, имѣя дѣло уже не съ одною казною (потребности коей въ товарахъ всегда ограничены); могутъ привозить и лучшаго качества товары, продавая ихъ по вольной цѣнѣ. Если торговля развилась въ послѣднее время противъ кульджинской, то это должно отчасти приписать вышеизъясненнымъ перемѣнамъ. *Притѣсненія со стороны китайскихъ властей.* Но со всѣмъ этимъ вполнѣ вольнаго торга, свободныхъ и безпрепятственныхъ сношеній съ китайскимъ купечествомъ, еще не существуетъ: торговля все еще находится, такъ сказать, въ когтяхъ китайскихъ чиновниковъ, и почти во всемъ зависитъ отъ ихъ произвола: прежде нежели наприм., разрѣшается купцамъ торгъ съ китайцами, отъ нихъ (кромѣ товаровъ, слѣдующихъ въ пошлину) вымогаются еще разныя вещи для джанджуна, для амбаня, для разныхъ чиновниковъ, и разумѣется, по цѣнамъ весьма низкимъ и въ явный для купцовъ убытокъ; если же послѣдніе не соглашаются отдать за сіи низкія цѣны, то начинаются разнаго рода прижимки и притѣсненія. Примѣровъ подобныхъ самопроизвольныхъ поступковъ, грубаго обращенія и обидъ нашему купечеству со стороны китайскихъ чиновниковъ можно бы привести множество;

но довольно сказать, что во время прошлогодняго торга въ Кульджѣ всѣхъ насъ, за то только, что не соглашались вдругъ безусловно на всѣ новыя торговыя постановленія китайцевъ и просили сбавки пошлины, китайское начальство продержало почти цѣлый мѣсяцъ въ осадномъ положеніи, не пропуская ни хлѣба для насъ, ни корма для нашего скота. Бывали даже примѣры, что пріѣзжавшихъ изъ Россіи купцовъ (по счастію не русскихъ, а азіятцевъ) китайское начальство, безъ всякихъ съ ихъ стороны проступковъ, а за то только, что не удовлетворяли иногда его корыстолюбію, подвергало, подъ самыми пустыми предлогами, тѣлесному наказанію [1]). Въ самомъ взиманіи товаровъ, поступающихъ въ пошлину, существуетъ тотъ же произволъ и стѣсненіе: по положенію слѣдуетъ брать одну десятую съ каждаго товара за полцѣны; между тѣмъ въ Чугучакѣ, наприм. въ прошломъ году, съ предъявленныхъ мною товаровъ взято было съ иныхъ гораздо болѣе нежели сколько слѣдовало по ихъ количеству, съ другихъ же, которые китайскимъ чиновникамъ не нравились, вовсе ничего не было взято, и за все назначена была цѣна произвольная: за мизиритское сукно, плисъ и другіе товары, въ пошлину отъ меня поступившіе, назначена была полуцѣна, какъ за подобныя же издѣлія, несравненно низшаго качества, которыя были предъявлены прочими купцами.

Послѣ всего этого легко вообразить себѣ, можетъ ли процвѣтать торговля въ этихъ мѣстахъ, при такомъ положеніи ея! *можетъ ли привлечь она капитальныхъ людей*, безъ коихъ значительной торговли никогда и нигдѣ не существовало!

О пошлинѣ съ Русскихъ товаровъ. О товарахъ, взимаемыхъ теперь китайскимъ правительствомъ въ пошлину, долгомъ считаю еще присовокупить, что назначеніе ихъ то же, какое было и при прежнемъ порядкѣ сей торговли, т. е. лучшіе изъ нихъ идутъ въ карманъ джанджуна и прочихъ китайскихъ властей; другіе же, и весьма уже въ маломъ теперь количествѣ, поступаютъ на жалованье пограничному китайскому войску. Вообще китайская казна тутъ мало выигрываетъ; главный же сборъ ея — собственно съ китайскихъ купцовъ, вымѣнивающихъ отъ насъ товары. Сія послѣдняя пошлина (съ китайскихъ купцовъ)

---

[1]) Такимъ образомъ въ 1839 г., въ Кульджѣ начальнику нашего каравана, прибывшаго изъ Семипалатинска, ташкентцу Мирвопѣ, дано было нѣсколько ударовъ плетьми за то только, что онъ пустилъ въ свою юрту китайскаго купца прежде, нежели окончена была торговля съ китайскою казною.

взимается уже не товарами, а деньгами, съ цѣны, по какой вымѣненъ ими товаръ. Она довольно значительна, по 3 фынъ съ сари; это составляетъ около 8%.

Образъ производства самаго торга. Что касается до образа производства сей торговли, до самаго механизма ея, то по сему предмету слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что ни въ Чугучакѣ, ни въ Кульджѣ для промѣна китайцамъ нашихъ товаровъ не составляется между нашими купцами никакого предварительнаго *положенія* (по чемъ отдавать свой товаръ и по чемъ принимать китайскій): всѣ товары, по привозѣ, представляются въ китайскую таможню и по очисткѣ ихъ пошлиною, по выдачѣ чего слѣдуетъ джанджуну, амбаню и прочимъ чиновникамъ, всякій уже промѣниваетъ по какой хочетъ цѣнѣ китайскимъ купцамъ, не будучи удерживаемъ никакими постановленіями купечества. Самый же промѣнъ дѣлается такимъ образомъ: что сначала русскій и китайскій купцы производятъ расцѣнку своимъ товарамъ; потомъ окончательно условливаются, — и всѣ наединѣ, — какой именно товаръ и сколько какого получить въ обмѣнъ. Расцѣнка товаровъ въ Чугучакѣ дѣлается на дабы, замѣняющія тамъ ходячую монету; въ Кульджѣ же на серебро. Главная при всемъ этомъ трудность съ нашей стороны бываетъ — склонить китайца дать такой именно товаръ, а не другой; что же касается до самыхъ цѣнъ, то оныя довольно скоро устанавляются (базарныя цѣны на всѣ главныя статьи)[1] и только на первыхъ порахъ, при открытіи торга, подаютъ поводъ къ нѣкоторымъ спорамъ и возраженіямъ. Обыкновенно китайскіе купцы желаютъ болѣе сбыть байховаго чая; наши же купцы, напротивъ того, въ количествѣ вымѣниваемаго товара желаютъ болѣе получить дабъ и кирпичнаго чая, такъ какъ эти статьи представляютъ вѣрный и выгодный сбытъ, расходясь въ значительномъ количествѣ между киргизами и по всей нашей линіи.

Не смотря, однако, на нѣкоторую теперь неохоту нашихъ купцовъ брать отъ китайцевъ чай, торговля приняла въ послѣднее время такой оборотъ, особенно въ Чугучакѣ, что купцы находятся въ необходимости брать главнѣйше отъ китайцевъ это произведеніе, т. е. байховый чай ихъ. Въ Чугучакѣ прошлаго года купцы наши къ концу расторожки даже ничего другаго не могли уже получить отъ китайцевъ въ обмѣнъ на свои произведенія, кромѣ чая.

---

[1]) Но цѣны, разумѣется, не такія, какія могли бы установляться, если бы составлялось между нашими купцами *Положеніе о промѣнѣ товаровъ.*

О цѣнахъ на Русскіе и Китайскіе товары и проч. Представляю при семъ выписку изъ особаго отчета о промѣненныхъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ товарахъ. Изъ нея можно видѣть, по чемъ расцѣнены были русскіе товары и по чемъ китайскіе, поступившіе въ обмѣнъ на оные. Прилагаю также записку о цѣнахъ вообще на главные русскіе и китайскіе товары въ помянутыхъ двухъ городахъ, съ разными замѣчаніями на оные китайскихъ купцовъ.

Въ Кульджѣ, кромѣ мѣны, существуетъ также и продажа на чистыя деньги; но уже это болѣе для всякихъ мелочныхъ статей, выставляемыхъ для покупателей всѣхъ классовъ. На сихъ мелочахъ торговцы получаютъ иногда значительныя прибыли.

Относитетьно цѣнъ на наши товары въ Чугучакѣ и Кульджѣ можно вообще сказать, что онѣ довольно выгодны *въ сравненіи съ ихъ покупными цѣнами*; но такъ какъ вѣрный расчетъ о выгодности или невыгодности торга можно только сдѣлать по окончаніи всего оборота,—по сбытѣ въ Россіи вымѣненнаго китайскаго товара,—то разсматривая съ этой точки, выводы не всегда будутъ въ пользу нашего купечества. Вообще промѣнъ товаровъ, особенно въ Чугучакѣ, теперь уже не такъ сдѣлался для торговцевъ прибыленъ, какъ былъ прежде тому нѣсколько лѣтъ, и главною причиною, что китайскіе товары въ послѣднее время значительно поднялись въ цѣнахъ ихъ, особенно чай, составляющій теперь, какъ выше было замѣчено, главную статью привозной нашей торговли. Обстоятельство это, въ соединеніи съ тѣмъ, что въ Ирбитѣ, главномъ мѣстѣ сбыта семипалатинскихъ чаевъ), цѣна на чай осталась прежняя и по сравненію съ цѣною на Нижегородской ярмаркѣ весьма низкая, дѣлаетъ то, что торговля чаемъ не можетъ для семипалатинскихъ купцовъ представлять особенныхъ выгодъ, а напротивъ, вести иногда къ явнымъ убыткамъ [1]). Купцы, однако, же умѣ-

[1]) Представляю здѣсь расчетъ по вымѣну чая въ Чугучакѣ, въ прошломъ 1845 году, на нанку,—главный нашъ товаръ въ Западномъ Китаѣ.

На ящикъ чернаго чая, въ 80 фунтовъ, обыкновенно даютъ 14 кусковъ нанки (она расцѣнивается, при промѣнѣ, въ 11 дабъ за кусокъ; чай же (изъ обыкновенныхъ сортовъ)—въ 150 дабъ ящикъ въ 80 ф. вѣсомъ; итого выходитъ 14 кусковъ нанки за ящикъ чая). Нанка эта стоитъ русскому купцу (считая по 35 к. ас. за аршинъ, а за кусокъ въ коемъ 40 арш.,—14 р. ас.)—196 р. ас. За провозъ ея отъ Ирбита до Семипалатинска, считая по 3 р. съ пуда, за 2 пуда (вѣсъ 14 кусковъ нанки)—6 р. ас. За провозъ отъ Семипалатинска до Чугучака (по 1 р. 50 к. ас. съ пуда)—3 р. ас. Проѣздъ и содержаніе себя въ пути, а также кормъ работниковъ и проч., на что примѣрно

ютъ уравновѣшивать сіи невыгоды провозомъ вымѣненнаго ими чая помимо таможни, чему обширность нашей границы даетъ всѣ средства. Огромная контрабанда по Сибирской линіи есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію и всѣмъ извѣстный. Таможенное начальство не разъ уже о семъ представляло, изыскивыя разныя мѣры пресѣченію сей контрабанды; разумѣется, обыкновенныя мѣры тутъ недостаточны. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значительности сей контрабанды скажу только, что байховаго чая по семипалатинской таможнѣ за 1845 годъ показано было въ привозѣ и дѣйствительно въ оную предъявлено 1.637 пудовъ (что, по свѣдѣніямъ изъ той же таможни, составляетъ 1.002 ящика); между тѣмъ какъ одинъ только китайскій купецъ въ Чугучакѣ, по собственнымъ словамъ его, промѣниваетъ ежегодно нашимъ купцамъ до 1.000 ящиковъ чая. Количество всего вымѣниваемаго нашими торговцами въ Чугучакѣ и Кульджѣ чая можно по самой малой мѣрѣ полагать въ 6 т. ящиковъ [1]). Изъ этого можно видѣть сколь велика, по нашей Сибирской линіи контрабанда чаемъ. Непріятнымъ всего этого послѣдствіемъ то, что честнымъ торговцамъ трудно вести эту торговлю [2]): они всегда противъ торгующихъ контрабанднымъ образомъ останутся въ накладѣ, и тѣмъ болѣе, что по теперешнему обороту торговли, также должны будутъ брать отъ китайцевъ преимущественно чай. Обстоятельство это въ совокуп-

---

надобно положить 10 к. на рубль,—20 р. ас. Итого *225 р. ас.*, или 64 р 29 к. сер., не считая еще процентовъ, которые купецъ долженъ заплатить за взятый имъ товаръ, такъ какъ почти всѣ они торгуютъ въ долгъ.

На нанку эту купецъ получаетъ, какъ выше сказано, ящикъ байховаго чая въ 80 фун. Расходы по сему вымѣненному товару слѣдующіе: зашивка ящика — 2 дабы, или на наши деньги 4 р. ас. Провозъ отъ Чугучака до Семипалатинска (считая въ ящикѣ съ укупоркою 3 пуда, а за пудъ по $1^1/_4$ дабы)—$3^3/_4$ дабы, или 7 р. 50 к. асс. Пошлина за 80 фунтовъ сего чая по 60 к. сер. съ фунта,—48 р. сер. или 168 р. ас. Провозъ отъ Семипалатинска до Ирбита за 3 пуда—9 р. ас.—Итого (не считая издержекъ по своему проѣзду и содержанію въ обратный путь) *188 р. 58 к. ас.*, или 53 р. 86 к. сер.

Итакъ, чтобы выручить цѣнность поступившаго въ промѣнъ за ящикъ чая товара своего и всѣ издержки посему обороту (пошлинныя, провозныя и другія) купцу, по самому строгому расчету, надобно получить за вымѣненный имъ чай *413 р. ас.* (118 р. сер.). А цѣна чая въ Ирбитѣ 320 р. ас. и никакъ не болѣе 350 р. ас. за ящикъ. Слѣдственно купецъ не только не выручаетъ своихъ денегъ, но даже теряетъ около 30 р. сер. на каждый ящикъ чая.

[1]) *Изъ Кульджи* вывозится не болѣе 500 ящиковъ.

[2]) Трудно вести *при теперешнемъ ея положеніи*, когда она вся въ рукахъ мелкихъ торговцовъ и законнымъ образомъ не установлена.

ности съ разными другими, тоже не можетъ *въ настоящемъ положеніи вещей* слишкомъ заманивать порядочныхъ людей въ сію торговлю, гдѣ не только не представляется имъ особенныхъ выгодъ (не смотря на всѣ трудности, уничиженія и притѣсненія, какимъ они должны подвергнуться въ китайскихъ городахъ), по явный даже убытокъ, если только будутъ вести дѣла свои частнымъ образомъ. *Уменьшеніе контрабанды*, при учрежденіи сей торговли на правильныхъ основаніяхъ (если когда-нибудь къ этому приступятъ) *составляетъ важный вопросъ въ этомъ дѣлѣ.*

На возвышеніе цѣнъ на китайскіе товары отчасти дѣйствуетъ и то, что не составляется, какъ выше было замѣчено, между купцами Положенія о промѣнѣ товаровъ на мѣстѣ, отъ чего мелочники особенно портятъ цѣны. Но дѣло въ томъ, что Положеніе это, о коемъ нѣкоторыя изъ купцовъ уже не разъ помышляли, если и можетъ быть составляемо, то только въ Кульджѣ, гдѣ болѣе между ними единства и порядка; а въ Чугучакѣ (гдѣ теперь главный нашъ рынокъ) весьма трудно это сдѣлать и даже, при настоящемъ положеніи вещей, не возможно: по близости Чугучака отъ нашей границы туда пріѣзжаетъ, въ теченіе всего лѣта, множество всякаго народа: и ташкентцы, и бухарцы, и киргизы, и бѣглые наши татары; всѣ съ русскими товарами пріѣзжаютъ въ разное время: одинъ оканчиваетъ свои дѣла, тогда какъ другой только является и начинаетъ ихъ. При такомъ порядкѣ нельзя и думать о составленіи Положенія. Разумѣется это было бы легко и возможно, *если бы въ Чугучакъ появилось болѣе капитальныхъ людей*, которые тогда привлекли бы къ себѣ главную массу китайскихъ товаровъ, и могли бы и дѣлать Положеніе и возвышать, при постоянныхъ и благоразумныхъ усиліяхъ, цѣны на свои товары: въ ихъ рукахъ была бы, такъ сказать, вся оптовая торговля, а тѣмъ осталась бы мелочная, и все могло бы тогда принять другой оборотъ.

О караванныхъ путяхъ въ Чугучакъ и Кульджу. Докончу теперь всѣ эти замѣчанія о нашей торговлѣ съ Западнымъ Китаемъ нѣкоторыми подробностями о самыхъ торговыхъ путяхъ, ведущихъ въ Чугучакъ и Кульджу.

Пути въ Чугучакъ: Изъ Семипалатинска (главнаго и, можно сказать единственнаго пункта, чрезъ который торговля эта производится), ведутъ въ Чугучакъ два пути (оба лежатъ чрезъ Киргизскія степи): одинъ—*чрезъ Кокбектинскій нашъ Приказъ* и чрезъ Тарбагатайскій хребетъ горъ, который обыкновенно

караваны переѣзжаютъ въ мѣстѣ, называемомъ Сай-асу, и отъ коего по китайскимъ уже владѣніямъ идутъ до самаго Чугучака. Пространство собственно отъ Тарбагатая (южнаго его склона) до Чугучака составляетъ не болѣе 50 верстъ; весь же путь, по расчету нашихъ купцовъ, составляетъ 470 верстъ. Другой путь имѣетъ свое направленіе западнѣе, и именно: *чрезъ Аягузскій Приказъ*, и потомъ чрезъ такъ называемый Котель (переходъ чрезъ Тарбагатай), и далѣе, до самаго Чугучака, степями киргизовъ, считающихся именательно въ китайскомъ подданствѣ. Разстояніе отъ Семипалатинска до Чугучака по сему послѣднему пути можно считать въ 512 верстъ. Здѣсь прилагаю маршруты какъ тому, такъ и другому изъ вышеозначенныхъ путей. Въ отношеніи къ разнымъ удобствамъ (корму для вьючнаго скота, воды и проч.) какъ тотъ, такъ и другой путь равно удобны, мѣстá бóльшею частью привольныя; самая же переправа черезъ Тарбагатай по Аягузскому тракту, т.-е. чрезъ Котель, удобнѣе нежели по Кокбектинскому, чрезъ Сай-асу, хотя и послѣдній не представляетъ особенныхъ затрудненій. Купцы однако же предпочитаютъ послѣдній трактъ, т.-е. Кокбектинскій, по бóльшей его краткости. Оба сіи пути могутъ назваться и тележными, хотя доселѣ главная масса товаровъ перевозится на верблюдахъ и только самая незначительная часть на телегахъ. Караваны употребляютъ на переѣздъ отъ Семипалатинска до Чугучака, чрезъ Кокбекты, 12 и не болѣе 15 дней; черезъ Аягузъ же идутъ двумя, или тремя днями долѣе. Обыкновенная цѣна за провозъ товаровъ отъ Семипалатинска до Чугучака 43 к. сер. съ пуда, а въ обратный путь—отъ 55 до 85 к. сер. (1 до $1^1/_2$ дáбы); если же нанимать въ оба конца съ тѣмъ, чтобы въ Чугучакѣ пробыть не болѣе 15 дней, то возчики берутъ 1 р. сер. съ пуда, или около того.

Путь въ Кульджу. Путь въ Кульджу лежитъ чрезъ тотъ же Аягузскій Приказъ и чрезъ Котель, слѣдуя до извѣстнаго пункта, называемаго Урджаръ, по той же дорогѣ, которая ведетъ изъ Аягуза въ Чугучакъ; съ Урджара же караваны, отдѣляясь отъ Чугучакскаго тракта, берутъ направленіе къ югу и слѣдуютъ *мимо озера Алакуля*, по восточной сторонѣ его, и далѣе—чрезъ разные хребты горъ: Тохтý (гдѣ начинаются уже китайскіе караулы), Канджигý и Талкý, отъ коей до Кульджи не болѣе 40 верстъ. Путь этотъ, по случаю переправъ чрезъ означенные высокіе хребты горъ, сопряженъ съ разными трудностями, которыя при обратномъ слѣдованіи изъ Кульджи (чтó

обыкновено бываетъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ) увеличиваются отъ недостатка въ иныхъ мѣстахъ топлива и отъ скудности, мѣстами же, подножнаго корма. Разстояніе отъ Семипалатинска до Кульджи по сему пути считаютъ приблизительно въ 830 верстъ. Его можно совершить въ 25 дней съ небольшимъ. Товары въ Кульджу иначе не возятся (по затруднительности вышеозначенныхъ переправъ чрезъ горы), какъ вьюками на верблюдахъ. Цѣна за наемъ вьючнаго верблюда, поднимающаго не болѣе 12 пудовъ клади, въ оба конца—70 р. асс., слѣдственно менѣе 6 р. асс. съ пуда; но купцы обыкновенно перевозятъ на собственныхъ своихъ верблюдахъ, которыхъ нарочно для этого содержатъ въ Киргизской нашей степи.

Новый путь въ Кульджу. Кромѣ вышеозначеннаго пути въ Кульджу есть другой путь, гораздо удобнѣйшій, и именно: чрезъ такъ называемыя *Семь-рѣкъ*, или Большую Орду. Слѣдуя по сему пути, караваны могутъ избавиться отъ трудностей, выше сего исчисленныхъ: по оному одна только переправа чрезъ Югантасъ (отрасль Алатаускаго хребта) и то нисколько незатруднительная; а затѣмъ — корма для скота, топлива, воды и т. п. въ изобиліи. Купцы однако же не ѣздятъ по сему тракту, опасаясь своевольства и всякихъ насилій со стороны киргизовъ Большой Орды. Въ прошломъ 1845 году учиненъ былъ мною первый опытъ слѣдованія по сему пути, изъ Кульджи въ Семипалатинскъ и опытъ этотъ вполнѣ убѣдилъ въ превосходствѣ сей дороги предъ тою, по коей доселѣ ходили наши караваны. Симъ двумъ путямъ въ Кульджу имѣю честь у сего же представить подробные маршруты.

Безопасны ли означенные пути? Что касается до вопроса о безопасности вышеозначенныхъ караванныхъ путей, то о Чугучакскихъ двухъ путяхъ можно вообще сказать, что слѣдованіе по онымъ до Тарбагатая, чрезъ степи нашихъ киргизовъ Средней Орды, совершенно безопасно. Но что касается до степей, лежащихъ по ту сторону помянутаго хребта горъ, гдѣ кочуютъ киргизы, извѣстные подъ названіемъ Байджигитовъ, считающіеся въ китайскомъ, или, лучше сказать, ни въ чьемъ подданствѣ, то хотя ордынцы эти въ послѣднее время сдѣлались противъ прежняго смирнѣе, но тѣмъ не менѣе мѣста эти, (т.-е. все пространство отъ Тарбагатая до Чугучака) не могутъ еще считаться совершенно безопасными для слѣдованія каравановъ, по временамъ бываютъ тамъ со стороны Байджигитовъ шалости и грабежи: въ прошломъ году, при Котели, они ограбили нашего толмача изъ Аягузскаго приказа, и неподалеку

отъ Сай-асу напали (прошлою же осенью) на небольшой караванецъ, возвращавшійся изъ Чугучака и принадлежавшій одному татарину, котораго убили. Путь въ Кульджу (обыкновенный путь, по коему караваны доселѣ слѣдовали) пролегаетъ, по минованіи Тарбагатая, чрезъ кочевья тѣхъ же Байджигитовъ и потомъ чрезъ кочевья Кызайцевъ, которые считаются еще бо́льшими грабителями. По степямъ сихъ киргизовъ прежде караваны иначе не ходили какъ въ сопровожденіи казачьей команды, которая, по распоряженію начальства, отряжалась для сего изъ Аягузскаго приказа, и только съ 1839 года (со времени поимки извѣстнаго своими разбоями султана Сиванкула), купцы стали уже ходить одни, безъ казачьихъ командъ. Впрочемъ, они и теперь въ Кульджу иначе не могутъ пускаться, какъ всегда большимъ караваномъ. Обстоятельство это дѣлаетъ то, что въ Кульджу изъ Семипалатинска купцы отправляютъ караванъ только *единожды въ годъ*, (въ іюнѣ, или въ іюлѣ мѣсяцѣ), тогда какъ въ Чугучакъ, по бо́льшей безопасности пути, торговцы ѣздятъ безпрестанно, въ теченіе всего лѣта, небольшими караванами.

На счетъ же *новаго пути* въ Кульджу, чрезъ Семь-рѣкъ, слѣдуетъ замѣтить, что хотя купцы, считая сей путь самымъ опаснымъ, доселѣ по оному не ѣздили, но отношенія къ намъ киргизовъ Большой Орды теперь начинаютъ измѣняться къ лучшему, и безопасность сего новаго пути будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ мѣръ, которыя приметъ Правительство въ отношеніи къ помянутымъ киргизамъ.

Можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ сдѣлаться для насъ значительною? Изложивъ всѣ таковыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи торговли нашей съ Чугучакомъ и Кульджею,— свѣдѣнія, служащія вмѣстѣ и отвѣтомъ на нѣкоторые пункты данной мнѣ Инструкціи,—приступаю теперь къ главному и существенному вопросу, и именно: можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ развиться и сдѣлаться значительною?

Отвѣчаю положительно и по внутреннему моему убѣжденію, что *можетъ*, если только будетъ существовать на другихъ основаніяхъ, если будетъ установлена правильнымъ образомъ, по обоюдному согласію нашего и китайскаго правительствъ.

Возраженіе, что она доселѣ не представляла ничего значительнаго, что въ теченіе десятковъ лѣтъ не развилась въ желаемой степени, еще ничего не доказываетъ. Изъ нѣсколькихъ указаній, выше сего сдѣланныхъ на стѣснительное ея положеніе, уже видно, можетъ ли она желательнымъ образомъ раз-

виваться при теперешнемъ порядкѣ вещей. Надобно еще удивляться, что она существуетъ.

Чтобы представить болѣе убѣдительные всему этому доводы, полагаю, что прежде надобно вникнуть въ вопросы: какъ велика въ Чугучакѣ и въ Кульджѣ потребность на наши произведенія? Куда идутъ оттуда наши товары? Велики ли рынки, гдѣ оные сбываются китайскими купцами? Начну прежде съ изложенія свѣдѣній о мѣстахъ, потребляющихъ наши произведенія въ Западномъ Китаѣ. Изъ всѣхъ показаній о семъ китайцевъ и нашихъ купцовъ видно, что русскіе товары, по вымѣнѣ ихъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, отправляются китайцами *въ городъ Урумджи*, отстоящій отъ Чугучака на 15 дней караваннаго хода, а отъ Кульджи на 18. Урумджи, къ коему ведетъ весьма удобная тележная дорога, есть одинъ изъ богатыхъ городовъ Илійской области. Тамъ находятся главныя конторы китайскаго купечества, производящаго торгъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ и торгъ съ Кашкаріею. Товары наши, по полученіи, отправляются изъ Урумджи частію въ Кашкарію (въ города Яркентъ, Кашгаръ, Аксу, Хотенъ и другіе, гдѣ тоже у китайскихъ купцовъ имѣются конторы), а частію *во внутреннія* провинціи (западныя) Китая. Въ Кашкарію идутъ преимущественно всѣ бумажныя издѣлія, какъ то: нанка, ситецъ, коленкоръ, миткаль и т. п., а въ Китай,—въ провинціи, прилегающія къ Западнымъ его владѣніямъ,—часть нашихъ суконъ и драдедамовъ, а также плисъ, за распродажею другой ихъ части собственно въ Илійской области. Кожевенныя же издѣлія, чугунныя и желѣзныя—главнѣйше расходятся между калмыками и киргизами.

И такъ, для сбыта нашихъ произведеній на западѣ Китая, представляются: во-первыхъ, *Илійская область*, съ городами Чугучакомъ, Хами и другими; во-вторыхъ, *Кашкарія*, съ массою своего народонаселенія и съ многолюдными городами, выше сего означенными, и затѣмъ еще *внутреннія провинціи Китая:* Гань-су, Сы-чуань и другія. Что же касается до существующей во всѣхъ этихъ мѣстахъ потребности на наши произведенія и особенно на мануфактурныя, то достаточно сказать, что съ нѣкотораго времени проникли въ Кашкарію даже англинскіе товары и проникли въ значительномъ количествѣ, особенно миткаль, коленкоръ, ситецъ и драдедамъ. Китайскіе купцы, несмотря на огромность разстоянія до Кашкаріи отъ главныхъ мѣстъ закупа ими англинскихъ внутри Китая товаровъ, нашли для себя выгоднымъ дѣлать подобные обороты и отправлять помянутые товары въ

Кашкарію. Привозъ туда сихъ англинскихъ издѣлій, какъ сказывали мнѣ сами китайскіе купцы, въ послѣднее время съ каждымъ годомъ сталъ увеличиваться: одинъ торговый домъ въ Урумджи пересылаетъ ежегодно въ Кашкарію не менѣе какъ 20 т. кусковъ англинскаго миткаля. Миткаль этотъ даже появился въ Кульджѣ, и я для образца вывезъ одинъ кусокъ онаго съ англинскимъ клеймомъ. Спрашивается: какимъ образомъ могли бы проникнуть эти товары въ край столь для нихъ, повидимому, недоступный, проходить *изъ Китая* (не изъ Индіи), чрезъ всѣ внутреннія Китайскія провинціи, на Западную оконечность сего государства, во внѣшнія его области, если бы наши произведенія удовлетворяли потребностямъ жителей этихъ мѣстъ, которыя, по географическому положенію ихъ исключительно должны бы были снабжаться нашими товарами? (Отъ Кульджи до ближайшихъ городовъ Кашкаріи всего 10 дней караваннаго хода).

Замѣчательное также обстоятельство и которое тоже могло бы ручаться за развитіе торговли, если бы торговля была открыта—это, что всѣ китайскіе купцы, съ нами торгующіе въ Чугучакѣ и Кульджѣ, суть шансійцы, жители той же шансійской провинціи, изъ которой всѣ купцы, производящіе торгъ на Кяхтѣ, и всѣ они, какъ и на Кяхтѣ, торгуютъ также кампаніями, или торговыми домами, состоящими изъ нѣсколькихъ участниковъ. Главныя ихъ конторы, какъ выше сказано, находятся въ Урумджи, а урумджинскія завѣлываютъ находящимся отъ тѣхъ же торговыхъ домовъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и въ разныхъ городахъ Кашкаріи, посылая отчеты въ Шанси, гдѣ остаются главные хозяева [1]). Въ Кульджѣ имѣется до 30 человѣкъ купцовъ отъ этихъ торговыхъ домовъ; въ Чугучакѣ же человѣкъ 10, или 15, но изъ нихъ три отъ домовъ весьма значительныхъ. Если бы въ Чугучакъ и Кульджу болѣе привозилось нашихъ произведеній, то и китайскіе купцы могли бы доставлять своихъ товаровъ въ обмѣнъ *сколько угодно*; но привозятъ теперь, разумѣется, сообразуясь съ положеніемъ рынка, съ количествомъ нашихъ привозныхъ товаровъ. Это говорили мнѣ сами китайцы и справедливость словъ ихъ, между прочимъ, подтверждается и самымъ появленіемъ и распространеніемъ въ семипалатинской

---

[1]) Дорога отъ Урумджи до внутреннихъ провинцій Китая, сначала идетъ телѣжная до города Хами, а далѣе до крѣпости Дзя-юй-гуань (до великой Китайской стѣны) хотя уже лежитъ черезъ пески, но къ переходу каравановъ не представляетъ, по отзыву китайскихъ купцовъ, никакихъ особенныхъ затрудненій; по ней товары обыкновенно возятся на верблюдахъ.

торговлѣ байховаго чая. Мы долгое время полагали, что чайной торговли съ западомъ Китая быть не можетъ, что тамъ могутъ вымѣниваться только нѣкоторыя бумажныя и шелковыя издѣлія, кирпичный чай и грубый сабетъ-чай; полагали такъ, основываясь на долголѣтнемъ опытѣ, на томъ, что въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, какъ существуетъ эта торговля, не привозилось къ намъ байховаго чая. Но вотъ вдругъ купцы наши пожелали имѣть его; стали съ охотою разбирать первые появившіеся чаи и лишь только китайцы замѣтили это стремленіе и убѣдились въ возможности ввести сію новую статью въ ихъ торговлю, какъ въ самое непродолжительное время стали привозить байховаго чая, можетъ быть, въ большемъ количествѣ, нежели сколько купцы наши желали бы теперь имѣть его. Достойно также вниманія, что чай, который къ намъ идетъ изъ Чугучака и Кульджи, есть тотъ же фуцзянскій чай, т. е. добываемый въ Фуцзяни, (откуда идутъ къ намъ всѣ байховые чаи), а не изъ другой какой либо провинціи, какъ нѣкоторые думали; это также мнѣ говорили сами китайскіе купцы. Они главнѣйше закупаютъ его въ Шанси отъ купцовъ, имѣющихъ непосредственныя дѣла съ Фуцзянью, (вѣроятно отъ тѣхъ, которые производятъ торгъ съ Кяхтою, какъ главныхъ закупщиковъ чая въ Фуцзяни); но нѣкоторые китайскіе дома, въ Чугучакѣ и Кульджѣ торгующіе, недавно вошли сами въ непосредственныя сношенія съ Фуцзянью и стали отправлять туда своихъ коммиссіонеровъ, для закуповъ чая. Теперь въ чугучакскую и кульджинскую торговлю идутъ, изъ байховыхъ чаевъ, одни только торговые, или черные, которые съ каждымъ годомъ улучшаются, такъ что хорошіе сорта ихъ не уступаютъ нисколько кяхтинскимъ. Цвѣточныхъ же чаевъ хотя еще нѣтъ въ оборотѣ сей торговли; но нѣкоторые китайскіе купцы уже дѣлали опыты ихъ вывоза и надобно ожидать, что со временемъ и сіи чаи будутъ тѣми же путями доставляться въ Семипалатинскъ.

Изъ всего вышеизложеннаго, кажется, не обинуясь можно вывести заключеніе: *что торговля съ западными областями Китая можетъ развиться*, при нѣкоторыхъ, разумѣется, для сего условіяхъ (если устранятся существующія препятствія).

Не произведетъ ли развитіе семипалатинской торговли вреда для кяхтинской? Здѣсь по порядку слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ: не повредитъ ли ея развитіе кяхтинской торговлѣ? По сему предмету прежде всего долгомъ считаю замѣтить, что мѣста потребленія въ самомъ Китаѣ нашихъ произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ, совершенно иныя нежели тѣ, гдѣ потребляются

русскія же произведенія, идущія через Кяхту. Для первыхъ какъ выше сего было объяснено, представляются: Илійская область, Кашкарія и частью западныя провинціи внутренняго Китая; для кяхтинскихъ же товаровъ вся сѣверная, а частію средняя и южная его полосы. Доказательствомъ сей разности мѣстъ потребленія нашихъ произведеній въ Китаѣ (произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ и промѣниваемыхъ на Кяхтѣ), служитъ между прочимъ и то, что многія изъ статей весьма важныхъ въ отпускной кяхтинской торговлѣ, какъ наприм., чешуйка, тикъ и всѣ пушные товары, не находятся въ торговлѣ семипалатинской; слѣдственно и въ самомъ Китаѣ товары наши, чрезъ Чугучакъ и Кульджу получаемые, имѣютъ другихъ потребителей. Къ этому должно еще присовокупить, что по обширности Китайскаго государства, по огромности народонаселенія его, можно быть почти увѣрену, что какъ бы ни распространились наши съ нимъ торговыя сношенія, недостатка въ рынкахъ для русскихъ произведеній тамъ не будетъ и ожидать тѣсноты въ этомъ отношеніи едва ли возможно. Все это ведетъ къ тому заключенію, что отпускъ нашихъ товаровъ въ самой Кяхтѣ, отъ усиленія отпуска чрезъ Семипалатинскъ, сколько мнѣ кажется, не можетъ уменьшиться: требованія на нихъ въ Китаѣ отъ того не измѣнятся. Одно, чтó только можно сказать, это, что съ бóльшимъ распространеніемъ торговли въ западныхъ областяхъ Китая, безъ сомнѣнія будетъ увеличиваться и самый привозъ къ намъ байховаго чая, и слѣдственнно кяхтинскіе купцы въ этомъ отношеніи встрѣтятъ въ семипалатинскихъ купцахъ какъ бы соперниковъ собственно по чайной торговлѣ на внутреннихъ рынкахъ Россіи. Но ужели обстоятельство это должно удерживать отъ открытія для фабричной и мануфактурной промышленности нашей бóльшихъ истоковъ, въ коихъ она нуждается, и подвергать ее опасности (въ случаѣ какихъ-либо размолвокъ нашихъ купцовъ съ китайскими на Кяхтѣ) оставаться, такъ сказать, въ застоѣ, безъ движенія, и въ необходимости уменьшать производство нѣкоторыхъ издѣлій (закрывать фабрики, какъ этому уже были примѣры, послѣ несостоянія расторжки на Кяхтѣ въ 1843 году)! При существованіи семипалатинской торговли въ желаемыхъ размѣрахъ и подобное явленіе на Кяхтѣ (остановка тамъ торговли) уже не будетъ сопровождаться столь непріятными для нашей промышленности послѣдствіями

Къ вышеизложенному долгомъ считаю присовокупить, что если бы даже семипалатинская торговля, по бóльшей близости Чугучака и Кульджи отъ внутреннихъ нашихъ рынковъ,

со временемъ развилась до того, что привлекла бы къ себѣ главную массу нашихъ товаровъ (что, конечно, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ скоро совершиться не можетъ), то и въ такомъ случаѣ нельзя ожидать вредныхъ отъ сего послѣдствій ни для нашей промышленности вообще, ни для сибирской въ частности. Для Россіи все равно—тѣмъ или другимъ путемъ будетъ болѣе идти нашихъ произведеній, лишь бы шло ихъ болѣе. А что касается до Сибири, то пушная торговля всегда останется за Кяхтою: звѣриные промышленники слѣдственно пострадать ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Относительно же всѣхъ промышляющихъ по сибирскому тракту провозомъ кяхтинскихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что положеніе ихъ теперь измѣнилось и, при распространившемся въ Сибири золотодобываніи, благосостояніе ихъ уже не такъ связано съ вышеизъясненнымъ промысломъ (извозомъ товаровъ).

Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ.

(Этнографическій очеркъ).

В. Ф. Трощанскаго [1]).

Предлагаемый вниманію читателей „Живой Старины" очеркъ представляетъ собою отрывокъ изъ подготовляемаго мною къ печати посмертнаго труда *В. Ф. Трощанскаго*: „Наброски о якутахъ Якутскаго округа", первыя двѣ главы коихъ посвящены, главнымъ образомъ, описанію домашней обстановки якутовъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ мин. 1907 г. онѣ были прочтены мною въ засѣданіяхъ Императ. Русскаго Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи по слѣдующей программѣ, исчерпывающей содержаніе обѣихъ помѣщаемыхъ ниже главъ:

Зимнее жилище—юрта или балаганъ. Лѣтнее жилище—берестяная юрта (ураса). Внѣшняя и внутренняя обстановка жилища. Каминъ. Культъ огня. Роль хозяйки, какъ хранительницы очага. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь якутской семьи: посуда, одежда, разныя хозяйственныя принадлежности. Наружность якутовъ и якутокъ. Два физическіе типа якутовъ.

Въ текстѣ мною сдѣланы незначительныя вставки и прибавлены якутскія названія упоминаемыхъ авторомъ предметовъ.

Эд. Пекарскій.

I.

Ѣдучи въ Якутскую область, я рисовалъ себѣ самыя мрачныя картины жизненной обстановки якутовъ на основаніи тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя случайно долетали до меня. Но вотъ, не доѣзжая верстъ 200 до Якутска, мнѣ представился случай ознакомиться съ жильемъ того народа, среди котораго предстояло коротать дни. То, что я при этомъ увидѣлъ, только реализовало въ конкретной формѣ мои болѣе или менѣе неопредѣленные страхи и произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе.

[1]) Автора изслѣдованія: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ" Казань. 1902.

На одной изъ почтовыхъ станцій мнѣ предложили осмотрѣть якутскую юрту, которая находилась, по словамъ почтосодержателя, въ нѣсколькихъ шагахъ. Я вышелъ на дворъ и, пройдя немного, остановился въ недоумѣніи, такъ какъ нигдѣ не оказывалось и признаковъ человѣческаго жилья. Но каково же было мое удивленіе, когда мнѣ указали на какой-то коричневый холмъ съ небольшимъ отверстіемъ, заткнутымъ льдиной, и сказали, что вотъ именно этотъ холмъ и есть якутская юрта, а льдина—не что иное, какъ окно. Нужно замѣтить, что сами якуты никогда не называютъ своего жилья юртой [1]). Для обозначенія вообще всякой жилой постройки у нихъ есть слово дјіä (= џіä), а то, что русскіе называютъ юртой, они зовутъ балаганомъ (балаҕан). Балаганъ—слово персидское; принесли ли якуты съ собою это слово или заимствовали его у русскихъ—неизвѣстно, но что сама постройка заимствована у послѣднихъ—болѣе чѣмъ вѣроятно. Помнится, я читалъ гдѣ-то описаніе старинныхъ казачьихъ куреней, и, помнится, принципъ постройки ихъ тотъ же, что и якутскихъ балагановъ. Правда, самый принципъ этой постройки до того простъ, что можно бы, разумѣется, обойтись и безъ заимствованія, но,—въ виду того, что якуты заимствовали у русскихъ даже такой, простой конструкціи и въ то же время крайне необходимый, предметъ, какъ столъ (о трехъ ножкахъ), называющійся по-якутски о с т у о л,—трудно предположить, что до постройки балагана, требующей болѣе значительной сообразительности и технической сноровки, они додумались сами. Кромѣ того, едва ли якуты имѣли возможность, до пришествія русскихъ, срубать и обдѣлывать болѣе или менѣе толстыя деревья своими первобытными инструментами,—туземное происхожденіе теперешняго якутскаго топора для меня весьма сомнительно, такъ какъ его форма рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ формы русскаго топора. Къ тому же, въ одной сказкѣ, дѣвушка, обращаясь къ матери, говоритъ: „Достань, дай мнѣ ремень, которымъ я увязываю с ѣ н о и д е р е в о. Дай оправленный оловомъ н о ж ъ, которымъ

---

[1]) Якутское слово с у р т (пепелище) = тюрк. ј у р т (мѣсто жительства стоянка, жилище), отъ котораго происходитъ русское ю р т ъ или ю р т а, встрѣчается въ обиходной рѣчи, очень рѣдко, въ значеніи „лѣтника“, „зимника“ (к ы с ы ӈ ӈ ы с у р т) или заброшеннаго жилья (х ā л б ы т с у р т), чаще—въ названіяхъ мѣстностей: Кылаі сурда, Хотӯр сурда, Сурт сысы̄ и пр. По *Сѣрошевскому* („Якуты“, 347), с у р т назывались мѣста, гдѣ пасли скотъ: „былъ кобылій суртъ; былъ коровій суртъ. Якуты перебирались изъ урасы въ урасу, изъ сурта на суртъ“. *Э. П.*

я играю—строгаю траву и дерево! Дай топоръ, которымъ я играю—перерубаю траву и дерево!" [1]) Во-первыхъ, мы видимъ, что запасать сѣно и дрова лежало на обязанности женщинъ, а потому топоръ не могъ быть такимъ тяжелымъ, какимъ мы его видимъ теперь; во-вторыхъ, онъ не могъ быть такимъ и потому, что его съ одинаковымъ удобствомъ употребляютъ для „перерубки" травы и дерева; наконецъ, онъ употребляется наравнѣ съ ножомъ, а потому, въ качествѣ орудія, не можетъ значительно отличаться своею приспособленностью къ обработкѣ, а главное—къ рубкѣ болѣе или менѣе толстыхъ бревенъ. Но имѣются еще основанія въ пользу того, что балаганъ—не якутскаго происхожденія.

Еще и теперь можно встрѣтить кое у кого изъ богачей коническую юрту изъ бересты, которая имѣетъ спеціальное якутское названіе—у р а с а [2]). Ея постройка очень характерна для якутской техники, а потому я и скажу нѣсколько словъ объ ней.

Ураса, которую я спеціально осматривалъ, имѣетъ около $3^1/_2$ саж. вышины и, по формѣ, напоминаетъ сахарную голову, такъ какъ линія продольнаго сѣченія урасы—кривая. Оконъ нѣтъ, но она освѣщается свѣтомъ, падающимъ сверху черезъ дымовое отверстіе, которое очень велико; въ ней имѣется дверь, въ старину лѣтомъ завѣшивавшаяся берестой, а зимой шкурами. Я буду описывать урасу въ томъ порядкѣ, какъ она строится. Нужно замѣтить, что урасу можно строить изъ самаго мелкаго лѣса. Прежде всего, вкапываютъ вертикально столбы,—въ осмотрѣнной мною юртѣ ихъ было 12,—вышиною въ сажень на разстояніи отъ $2^1/_2$ до 3 арш. другъ отъ друга; внизу между каждыми двумя столбами врублены горизонтально два бревна, лежащія другъ на другѣ. Въ верхніе концы столбовъ врублены дугообразныя плахи, такъ что получается деревянный кругъ (о р т о к у р д ӯ), поддерживаемый столбами. Отступя наружу аршина $1^1/_2$ отъ столбовъ, вкапываютъ наклонно длинныя, гладко выстроганныя жерди такъ, что онѣ лежатъ на вышеупомянутомъ деревянномъ кругѣ; жерди вкапываются на разстояніи вершковъ 4-хъ другъ отъ друга. Затѣмъ, изъ двухъ или трехъ выгнутыхъ и связанныхъ между собою жердей дѣ-

---

1) *Худяковъ, И. А.* Верхоянскій Сборникъ. Ирк. 1890, стр. 93.
Э. П.

2) Ср. бурятское u r u s e (палаточное или шатерное древко), которое Castrén (Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. St. Petersburg, s. 102b) сравниваетъ, впрочемъ, съ якутскимъ у р а ҕ а с — шестъ, жердь.
Э. П.

лаютъ кольцо, равное по величинѣ кругу примѣрно средняго сѣченія предполагающагося конуса, и насаживаютъ его на пропущенныя внутрь жерди, нажимая ихъ на деревянный кругъ; одна треть жердей—такой длины, что концы ихъ связываются между собою въ верхушкѣ конуса, тогда какъ остальныя не доходятъ до вершины аршина $1^1/_2$ или 2 и ихъ концы привязываются къ другому, гораздо меньшему кругу изъ крученыхъ талинъ. На этотъ остовъ изъ жердей надѣвается плотно пригнанный берестяный покровъ, сшитый конскими волосами изъ небольшихъ кусковъ бересты; затѣмъ, этотъ покровъ еще обкладывается кусками бересты, но уже не сшитыми, а сверхъ всего этого лежатъ также вкопанныя нижними концами жерди, которыя опять пригнетаются посрединѣ кольцомъ; съ верхними концами жердей поступаютъ какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Въ серединѣ урасы устраивается холумтан или состуок русск. шестокъ)—деревянный ящикъ вышиною въ 4—5 вершковъ, плотно набиваемый глиной и служащій очагомъ. По обѣ стороны очага вкопано по столбу въ $2^1/_2$ арш. вышиною; столбы (ачāх или kȫlȫ) соединены между собою перекладиною, имѣющею сквозной продольный прорѣзъ, въ которомъ движутся деревянные крючки (kȫхȫ) для навѣшиванія котловъ[1]). Отъ нижнихъ бревенъ, соединяющихъ основные столбы, идутъ къ берестяному покрову неподвижныя лавки, орон'ы, вокругъ всей урасы, оставляя свободнымъ только пространство противъ дверей.

Въ нашемъ[2]) наслегѣ имѣется только три урасы, и въ нихъ живутъ лѣтомъ; въ настоящее время ихъ почти не строятъ[3]), такъ какъ онѣ очень дорого стоятъ, а для лѣтняго помѣщенія устраиваются такіе же балаганы, какъ и для зимняго, но только изъ болѣе мелкаго лѣса. Если бы якуты умѣли строить свои балаганы до прихода русскихъ, то имъ, значитъ, извѣстно было бы и слово балаганъ, а потому нужно было бы признать, что они принесли съ собою изъ своей прежней родины какъ самое слово, такъ и умѣнье строить балаганы, но, въ такомъ

---

1) У г. Сѣрошевскаго („Якуты", стр. 350) ошибочно перекладины названы ачāх; затѣмъ, у него же, а также у Маака (Вил. окр., III, стр. 46) деревянныя крючья ошибочно названы kȫlȫ вм. kȫхȫ. *Э. П.*

2) Авторъ жилъ въ 3-емъ Жехсогонскомъ наслегѣ Ботурусскаго улуса *Э. П.*

3) Въ упомянутомъ наслегѣ богатый родовичъ Н. П. Слѣпцовъ, бывшій голова улуса, выстроилъ на своей усадьбѣ урасу съ цѣлью сохранить для потомства этотъ родъ стариннаго якутскаго жилья, признаваемаго Сѣрошевскимъ (Якуты I, 347) „за самую древнюю форму якутскихъ жилищъ". *Э. П.*

случаѣ, такія же постройки должны были бы быть и у ихъ родичей—бурятъ, изъ настоящаго мѣстожительства которыхъ якуты и пришли сюда, но тамъ ихъ нѣтъ. Съ другой же стороны, если имъ были извѣстны балаганы, то, въ такомъ случаѣ, что могло побудить ихъ строить урасы, которыя хуже защищаютъ отъ стужи и непогоды и требуютъ больше труда и трудно добываемаго матеріала? Можно подумать, что онѣ строились только для лѣтнихъ помѣщеній, но и это невѣрно, такъ какъ у якутовъ сохранилось названіе буор ураса, указывающее, что эти сооруженія обкладывались дерномъ или обмазывались глиной, а это могло дѣлаться только съ помѣщеніями, предназначавшимися для зимы [1]). Предположить же, что якуты сами додумались до постройки балагана на своей новой родинѣ, также невозможно, потому что тогда они удержали бы круговую форму, замѣнивъ только бересту и жерди сплошными стѣнами изъ бревенъ и построивъ потолокъ. Круговую форму они должны были бы сохранить какъ потому, что она была имъ болѣе привычна, такъ и потому, что въ первое время имъ легче было бы строить круговые балаганы, чѣмъ четырехугольные. Кромѣ того, я не могу допустить, чтобы народъ, сумѣвшій самостоятельно дойти до постройки балагана, связывая остовъ его разнообразными зарубками, сохранилъ до прихода русскихъ свой столъ, который состоялъ только изъ столешницы, сшитой изъ бересты и прикрѣпленной къ четыремъ палкамъ, связаннымъ между собою по угламъ;—сохранилъ бы до настоящаго времени свои нарты (сани) въ первобытномъ ихъ видѣ, скрѣпляя между собою различныя части ремнями,—даже копылья привязаны или, вѣрнѣе сказать, пришиты узкими ремнями къ полозьямъ. Я полагаю, что сшитыя нарты болѣе сооотвѣтствуютъ сшитой урасѣ и сшитой же берестяной посудѣ, а если прибавить еще, что даже выгребныя лопаты сшиваются изъ мелкихъ досточекъ, которыя прикрѣпляются ремешками къ рукояткѣ,—что лодки и деревянныя части сѣделъ также сшиваются,

---

[1]) Въ Колымскомъ округѣ и до сихъ поръ якуты живутъ „въ коническихъ обсыпанныхъ землею чумахъ". Записки Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. II. вып. I. Ирк. 1892: Очерки крайняго сѣверо-востока. *И. Шкловскаго*, стр. 37, *Прим. автора.*

По сообщенію В. И. Іохельсона, эти коническія обложенныя дерномъ (но не обсыпанныя землей) юрты встрѣчаются у якутовъ глубокаго сѣвера какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Верхоянскомъ округѣ (въ послѣднемъ округѣ чаще). Въ нихъ живутъ только лѣтомъ во время промысла рыбы. В. И. Іохельсонъ разсматриваетъ этотъ типъ лѣтняго жилья якутскихъ рыболововъ заимствованнымъ отъ осѣвшихъ тунгусовъ. Объякутѣвшіе (по языку и образу жизни) тунгусы устья Лены лѣтомъ живутъ въ такихъ урасахъ. *Э. П.*

то для насъ станетъ вполнѣ ясно, что принципъ постройки балагана совершенно иной и не имѣетъ ничего общаго со сшиваніемъ, которое у якутовъ было единственной технической основой [1]).

Но, какъ бы то ни было, передъ нами стояло человѣческое жилье-юрта, а отверстіе, заткнутое льдиной, дѣйствительно, оказалось окномъ, обращеннымъ къ югу, тогда какъ съ восточной стороны обнаружилась дверь, обшитая коровьей шкурой.

Былъ мартъ мѣсяцъ. Въ воздухѣ тепло, но земля покрыта еще толстымъ слоемъ снѣга. Лена скована непроницаемой броней, и, какъ ни старается солнце разжечься,—ничего не выходитъ.

Только на этой коричневой глыбѣ и подлѣ нея нѣтъ снѣга, только надъ ней струится воздухъ отъ легкой испарины, далеко разнося ароматъ якутской весны,—ароматъ, отъ котораго тошнитъ; въ немъ преобладаетъ ѣдкій запахъ амміака съ запахомъ горѣлаго навоза, потому что, въ это время года, обсохшая на поверхности юрта тамъ и сямъ загорается отъ падающихъ изъ трубы искръ, и якутки съ ребятишками постоянно засыпаютъ снѣгомъ или заливаютъ водою загорѣвшіяся мѣста. Горитъ коровій навозъ, которымъ облѣплена юрта поверхъ глиняной обмазки.

Обыкновенно каждую осень, когда начинаетъ и днемъ подмораживать, якутскія женщины набрасываютъ на стѣны юрты лопатами свѣжій коровій навозъ безъ всякой подмѣси, а затѣмъ разглаживаютъ его, и эта работа производится ежедневно недѣли двѣ, по мѣрѣ накопленія смазочнаго матеріала,—вотъ почему весной эта глыба, постепенно оттаивая, благоухаетъ. Къ тому же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилья вы можете увидѣть цѣлыя горы коровьяго навоза, накопившагося за зиму, а иногда и за много зимъ, потому что не всегда его лѣтомъ сжигаютъ; онъ также таетъ въ эту пору и также возвѣщаетъ своимъ благоуханіемъ о наступленіи весны,—якутской весны съ глубокимъ снѣгомъ и отвратительнымъ смрадомъ. Судя по величинѣ этихъ горъ, вы можете составить себѣ понятіе о сте-

[1]) По мнѣнію *Миддендорфа* (Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, отд. IV. Спб. 1878, стр. 780), якутскій народъ „перенялъ у тунгусовъ ихъ зимнее жилье, ӯтăн, но не передѣлалъ его, а удовольствовался только расширеніемъ его“; ӯтăн—охотничій шалашъ, устроенный изъ конусообразно-поставленныхъ жердей, съ отверстіемъ вверху, и обмазанный глиною или обложенный дерномъ. „Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленнаго дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревенъ“ (ibidem). Ср. *Сѣрошевскій*, „Якуты“, стр. 362—3. *Э. П.*

пени благосостоянія хозяина; это—едва ли не единственное вѣрное мѣрило, такъ какъ жизненная обстановка якутовъ ничего вамъ не скажетъ: сплошь и рядомъ состоятельные якуты живутъ въ такой же обстановкѣ, какъ и бѣдные, и зачастую не признаешь даже богача по его домашней обстановкѣ и обычной одеждѣ, особенно богача, нетронутаго цивилизаціей, т.-е. неграмотнаго и не ѣздящаго въ г. Якутскъ.

Но такъ какъ мы въ скотоводческой странѣ, то весьма естественно, что картина весны пріобрѣтаетъ окончательно пасторіальный характеръ отъ присутствія на ея фонѣ коровъ и телятъ, еще болѣе оттѣняющихъ характеръ этого края. Да, глядя на этотъ жалкій, мелкій, истощенный скотъ, съ уродливыми рогами и копытами, съ плотно присохшимъ на бокахъ и на заднихъ ногахъ толстымъ слоемъ навоза, который отвалится только къ серединѣ лѣта вмѣстѣ съ шерстью, съ такимъ же образомъ облѣпленнымъ хвостомъ, со взбитой, грязной шерстью, мѣстами вытертой, съ отвратительнымъ запахомъ, распространяющимся вокругъ этихъ скрючившихся коровъ и телятъ,— вы уже предчувствуете, что васъ ожидаетъ въ юртѣ.

Вотъ, прежде всего, чѣмъ поражаетъ васъ жизнь якутовъ,— поражаетъ ваше зрѣніе, обоняніе и дыханіе. Но не поддавайтесь этимъ впечатлѣніямъ, а главное—не дѣлайте никакихъ обобщеній и сближеній подъ вліяніемъ благоуханія якутской весны, а то рискуете очутиться въ положеніи человѣка, открывающаго несуществующую Америку. Въ такое положеніе попадаютъ многіе русскіе, незнающіе якутскаго языка, но имѣющіе слабость къ стремленію пролить свѣтъ истины на основаніи данныхъ того же языка. Каждый изъ нихъ обязательно откроетъ, что с а х а, которымъ называютъ себя якуты, имѣетъ общій корень со словомъ с ā х, коровій навозъ, а затѣмъ дѣлаются болѣе или менѣе неожиданныя сближенія и заключенія. Но постарайтесь запомнить, что между этими двумя словами—какъ увѣряютъ прекрасно знающіе языкъ и практически, и теоретически—не существуетъ никакого лингвистическаго родства. Когда уже были написаны эти строки, мнѣ пришлось прочесть въ высшей степени забавное открытіе въ этомъ родѣ, превзошедшее своею бойкостью всѣ извѣстныя мнѣ анекдотическія открытія. В. Л. Приклонскій напечаталъ въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества за 1887 годъ[1]), что якуты

[1]) Томъ XVIII. Ирк. 1888. См. также въ „Живой Старинѣ“ 1890, вып. II: Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки), гл. II, стр. 32.

Э. П.

„носитъ названіе с а х а — навозъ“ (стр. 13). Чего можетъ быть проще и вразумительнѣе: якуты такъ-таки прямо и называютъ себя навозомъ! А между тѣмъ, какъ я уже говорилъ выше, для народа и навоза существуютъ два разныхъ слова; но почтенный авторъ „Матеріаловъ по этнографіи якутовъ“ не подозрѣвалъ этого, а разъ онъ этого не подозрѣвалъ, то, разумѣется, никакія сомнѣнія не колебали его рѣшимости обогатить этнографію и иныя науки, и онъ обогащаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Навозомъ обмазывали и обмазываютъ юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду (?); з а о т с у т с т в і е м ъ г л и н ы хозяйство якута безъ навоза немыслимо“. Начать съ того, что обмазка якутами своего жилья началась, по всѣмъ вѣроятіямъ, недавно, такъ какъ въ сказкахъ нигдѣ не встрѣчается указаній па то, чтобы юрты обмазывались навозомъ, а всегда онѣ обкладываются землей; затѣмъ тунгусы называютъ якутовъ „земляными“ (б у о р с а х а л а р [1]), а не навозными. Далѣе, неизвѣстно, о какой посудѣ говоритъ авторъ? Разъ глины совсѣмъ нѣтъ, то, значитъ, и горшки дѣлаютъ изъ „навоза“—что̀ можетъ быть любопытнѣе для этнографа? Но фактъ тотъ, что „изъ навоза“ якуты не дѣлаютъ никакой „посуды“ [2]). Я живу 8-й годъ среди якутовъ, и мнѣ пришлось только одинъ разъ видѣть нѣчто въ родѣ большой ванны, сдѣланной изъ коровьяго „навоза“; въ ней якуты обмолачиваютъ зимою хлѣбъ, а потому происхожденіе этой навозной посуды позднѣйшее, такъ какъ якуты стали сѣять хлѣбъ очень недавно. Что же касается до того, будто Якутская область представляетъ изъ себя песчаную Аравію, то я ужъ и не знаю, какъ назвать это открытіе. Глины въ Якутской области даже болѣе, чѣмъ нужно, и только на берегахъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ имѣются пески. Я живу въ 200 верстахъ отъ г. Якутска у небольшой рѣчки [3]) и, чтобы имѣть песокъ, которымъ обмазывается деревянная лопатка, употребляемая для правки косы, я вынужденъ возить его для себя — а всего то мнѣ нужно фунтовъ 7— 8—

---

[1]) *Худ.*, стр. 68. *Э. П.*

[2]) Говоря, что якуты дѣлаютъ изъ навоза посуду, покойный Приклонскій имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, ту большую чашу изъ навоза, которую онъ описываетъ такъ: „Съ наступленіемъ морозовъ насыпаютъ кучу снѣга въ видѣ полушарія, облагаютъ его свѣжимъ коровьимъ пометомъ и, когда онъ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкій таръ изъ ушатовъ“ (Жив. Ст., ор. с., стр. 43). Таръ—прокисшее за лѣто молоко. *Э. П.*

[3]) Татты, лѣваго притока Алдана. *Э. П.*

изъ-за 35 верстъ, да и тамъ онъ имѣется на небольшомъ клочкѣ земли, а въ большомъ количествѣ можно его достать только въ 20-ти верстахъ на р. Амгѣ. Но вернемся къ прерванному разсказу.

Итакъ, я вижу передъ собою усѣченную четырехугольную пирамиду коричневаго цвѣта, вышиною аршина въ 4, съ закругленными углами и съ расплывающимся основаніемъ, съ едва выпуклой земляной крышей, обложенной по краю невысокими бортами изъ навоза, съ наискось торчащей трубой изъ жердей, скрѣпленныхъ тальниковымъ кольцомъ и вымазанныхъ съ внутренней стороны глиной.

Я обратилъ ваше вниманіе на то, что двери юрты выходили на востокъ, и это не случайность, такъ какъ даже и въ настоящее время у громаднаго большинства юртъ двери всегда выходятъ на востокъ, а въ старину это было общимъ правиломъ. Герой одной сказки, построивъ себѣ юрту, говоритъ: „Весеннее мое солнце, кажись, съ этой стороны всходитъ" и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная-выходная дверь" [1]). Чѣмъ это объясняется? Естественно, если якуты предпочитаютъ устраивать на южной сторонѣ окна, чтобы, какъ говорится въ варіантѣ той же сказки, „мое девятилучистое полное (т.-е. во время полудня) солнце, поворачиваясь на югъ, закинуло свои лучи въ домъ" [2]); точно такъ же понятно, почему они загораживаютъ свою юрту съ сѣверной стороны хотон'омъ (коровникъ). Но затѣмъ для нихъ должно быть безразлично—устроить ли двери на востокъ или на западъ. Почему же они предпочитаютъ востокъ? Нужно думать, что въ старину якуты считали необходимымъ, чтобы первое, что имъ представится при выходѣ поутру изъ юрты, было животворящее солнце. То обстоятельство, что якуты считали для себя обязательнымъ обращаться въ извѣстныхъ случаяхъ лицомъ къ востоку, находитъ подтвержденіе и въ томъ фактѣ, что они и о своемъ скотѣ думаютъ то же самое, т.-е. они думаютъ, что ихъ скотъ предпочитаетъ стоять, обращая свои взоры къ востоку, потому что переднюю часть скотины они называютъ восточной, и если вы желаете купить переднюю часть туши, то должны назвать ее восточной [3]). По-якутски однимъ словомъ

---

[1]) *Н. Гороховъ* Юрюнгъ Уоланъ. Якутская сказка. Ч. 1-я (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XV, №№ 5—6, 1884 г. Ирк. 1885, стр. 44). *Э. П.*

[2]) *Худ.*, стр. 132. *Э. П.*

[3]) Въ якутскомъ языкѣ ilin значитъ: передъ и востокъ, передній и восточный. *Э. П.*

(арҕа) означается спина, тылъ и западъ, сѣверъ называется лѣвой стороной (хаҥас), а югъ правой (уҥа). „По китайскимъ лѣтописямъ,—говоритъ Д. Банзаровъ въ „Черной вѣрѣ“,—ханы хунскіе задолго до христіанской эры имѣли обычай выходить ежедневно утромъ для поклоненія солнцу“ (13—14); съ другой стороны, персы—солнцепоклонники, а якуты вышли изъ долины Заревшана въ сѣверную Монголію, а оттуда въ Сибирь [1]).

Если же взять во вниманіе еще и то обстоятельство, что на одеждѣ шамана, въ которой онъ камлаетъ, имѣется изображеніе продырявленнаго въ центрѣ солнца (кӱн), т.-е. обезсиленнаго, то мы должны будемъ признать, что въ старину солнце занимало важное мѣсто въ вѣрованіяхъ якутовъ, но что оно (мѣсто) утрачено, и утрачено, повидимому, очень давно, такъ какъ теперь якуты, на мои вопросы по этому поводу, высказали только въ видѣ предположенія, что нѣкогда солнце было, вѣроятно, богомъ у якутовъ.

Я не рѣшаюсь утверждать, что и металлическій кругъ (туосахта), который нашиваютъ якутки спереди на свои зимнія шапки, имѣетъ аналогическое значеніе съ кругомъ шаманскаго костюма, но я все-таки считаю возможнымъ упомянуть объ этомъ, потому что круговая форма украшенія встрѣчается только на шапкѣ [2]), а, слѣдовательно, она не можетъ быть случайной, тѣмъ болѣе, что гораздо труднѣе сдѣлать металлическій кругъ незамысловатыми инструментами якутскаго кузнеца, чѣмъ четырехугольникъ или какую-нибудь неправильную фигуру, какъ и дѣлаютъ въ другихъ случаяхъ. Знаменательно то обстоятельство, что женщины, принося жертву богинѣ родовъ [аjы̄сыт], надѣваютъ свои шапки задомъ напередъ,—не устраняютъ ли онѣ, такимъ образомъ, изображеніе солнца, которое считается мужчиной, отъ присутствія при жертвоприношеніи, такъ какъ въ это время всѣ мужчины изгоняются изъ юрты? Интересно и то, что невѣста пріѣзжаетъ въ домъ жениха до восхода солнца и, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы, въ качествѣ новаго члена семьи, съ перваго же дня встрѣтить солнце. Но имѣются еще и другія косвенныя доказательства. Кӱн тојон—собственное имя, Господинъ Солнце; слово кӱн, солнце, употребляется также для выраженія почтенія; солнце въ полномъ блескѣ называется „лас-

---

[1]) Соображенія автора о прародинѣ якутовъ см. въ его изслѣдованіи: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“, стр. 12—17. *Э. П.*

[2]) Также и въ серебряномъ грудномъ украшеніи, свѣшивающемся ниже пояса и называемомъ іін кӓбісӓр. *Э. П.*

ковымъ солнцемъ“ (аламаі кӳн). Кӳн һāн буолла! померкло солнце, прости солнце!—восклицаніе, съ которымъ умирающій якутъ разстается съ жизнію. Солнце имѣетъ еще эпитеты: почтеннѣйшій чародѣй и слѣдящая особа. Кӳн уота— солнечные лучи, т.-е. солнечный огонь, а огонь у якутовъ— божество и, въ то же время, сынъ солнца [1]).

Но войдемъ же, наконецъ, въ юрту, хотя, по правдѣ сказать, торопиться нечего, такъ какъ едва только вы успѣете сунуть носъ въ это логовище, какъ васъ шибанетъ такой ароматъ, котораго вы нигдѣ не встрѣтите. Я не въ силахъ опредѣлить ароматъ якутской юрты. Если вы спросите якута, каковъ, напримѣръ, вкусъ водки или уксуса, онъ отвѣтитъ, что то и другое не такъ ѣдки, какъ желчь, но болѣе ѣдки, чѣмъ соль,—такъ они опредѣляютъ всѣ вкусовыя ощущенія веществъ не-сладкихъ. Къ тому же способу опредѣленія и я вынужденъ прибѣгнуть, чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ атмосферѣ юрты. Она менѣе ужасна, чѣмъ смрадъ отъ падали, но невыносимѣе атмосферы казарменныхъ отхожихъ мѣстъ глухихъ провинцій,—въ юртѣ и этотъ запахъ имѣется въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ, такъ какъ дѣти до трехъ-четырехлѣтняго возраста совершаютъ всѣ свои отправленія на полу и гдѣ придется въ теченіе всей зимы, а полъ—земляной и никогда не исправляется, какъ это дѣлается съ земляными полами на югѣ Россіи. Къ этому запаху примѣшивается въ большомъ количествѣ ѣдкій амміачный запахъ хотон'а, который часто бываетъ даже совсѣмъ не отгороженъ отъ жилой юрты, и оба помѣщенія имѣютъ общую входную дверь, такъ что либо скотъ проходитъ въ хотон черезъ край юрты, либо люди проходятъ въ юрту черезъ край хотон'а. При входѣ въ юрту, у васъ сейчасъ же завертитъ буравомъ въ носу, потомъ крутнетъ во лбу и запершитъ въ горлѣ, а затѣмъ станетъ тошнить, но вы мужайтесь, ибо, въ концѣ концовъ, придется свыкнуться съ подобнымъ запахомъ.

Входя въ юрту, будьте осторожны, такъ какъ, кромѣ нечистотъ, на которыя вы легко можетъ наступить, на полу масса выбоинъ, и вы можете свалиться и испачкать не только

---

[1]) Во время весенняго праздника устраивается ысыах [кумысная попойка] съ жертвоприношеніемъ, и въ одной сказкѣ говорится: „Бѣлый Юноша развѣялъ убитаго дьявола по землѣ на ысыах солнцу и мѣсяцу“ (*Худ.*, 161). Итакъ, солнцу приносятъ жертвы, какъ божеству, и приносили не только во время весенняго праздника, но и въ другихъ случаяхъ.

Прим. автора.

обувь. Предположимъ, вы благополучно укрѣпились въ какомъ-нибудь пунктѣ юрты и начинаете осматриваться въ этомъ полумракѣ подвала, который съ одной стороны освѣщается огнемъ камина, а съ другой—едва пробивающимся черезъ оконныя льдины, покрытыя слоемъ инея, дневнымъ свѣтомъ. Прежде всего, вамъ бросаются въ глаза ребятишки въ количествѣ достаточномъ, чтобы отравить жизнь бѣдняка, но только не якута, потому что онъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, выносливъ,—выносливъ, какъ и его коровы, быки, лошади; всѣ они выносятъ самыя, казалось бы, невозможныя условія существованія. Якутъ тупо относится къ тому, что его ребятишки живутъ впроголодь, какъ потому, что это—нормальное положеніе большинства якутскихъ ребятъ, такъ и потому, что онъ самъ, его жена, его престарѣлые родители, его скотъ, его собака и кошка живутъ впроголодь изо дня въ день всю жизнь и только изрѣдка насыщаются до отвалу; и можно съ увѣренностью сказать, что даже мыши его юрты живутъ голодомъ, такъ какъ поживиться у хозяина нечѣмъ. Это—страна систематическаго голоданія. Существуетъ разсказъ, что какой-то еврей пріучилъ свою лошадь къ тому, чтобы она обходилась безъ пищи, и что это ему удалось блистательно, но на бѣду она околѣла. Можно подумать, что этотъ еврей набрелъ на такую счастливую мысль, живя среди якутовъ и видя, какъ они добиваются того же, но безъ достаточной выдержки. Мнѣ разсказывали такой характерный случай изъ якутской жизни. Былъ старый якутъ, имѣвшій много рогатаго и коннаго скота, но ни онъ самъ, ни его семья никогда не ѣли мяса, а потому, разумѣется, зиму жили впроголодь. Каждую осень онъ выбиралъ обыкновенно самую тощую корову, которую нужно было бы усиленно кормить, чтобы она могла дожить до лѣта, и убивалъ ее, а мясо держалъ для тѣхъ случаевъ, когда проѣздомъ останавливался у него ночевать какой-нибудь почетный якутъ, котораго нельзя не кормить мясомъ. Однажды другой якутъ заявилъ на наслежномъ собраніи, что онъ, будучи сосѣдомъ этого богача, опасается быть обвиненнымъ въ томъ, что допустилъ его или кого-либо изъ его семейства умереть голодной смертью, а потому считаетъ необходимымъ поставить общество въ извѣстность о возможности подобнаго печальнаго случая и предложить, для отвращенія его, назначить кого-либо, кто выбралъ бы у голодающаго богача нѣсколько жирныхъ скотинъ, убилъ бы ихъ и кормилъ его и его семейство мясомъ, ибо онъ самъ, по своей крайней скупости, никогда не рѣшится на это. Все общество выслушало рѣчь молча и

вполнѣ серьезно,—на это якуты большіе мастера. Скаредъ же, по окончаніи рѣчи, испугавшись, что его станутъ черезъ мѣру кормить мясомъ, поспѣшилъ уѣхать домой, а дома велѣлъ поймать самую жирную кобылу и убить ее,—такъ онъ и его семейство стали ѣсть мясо. Это не анекдотъ, а дѣйствительный случай.

Якуты отъѣдаются лѣтомъ, когда у нихъ много молока, а наѣдаются до отвалу, въ началѣ осени, хоть одинъ разъ: такъ какъ въ это время многіе бьютъ скотъ, то и бѣдняку удается поѣсть гдѣ-нибудь мяса. Въ неурожайный же годъ и бѣднота бьетъ скотъ: или очень молодой (бычковъ), или очень старый, который не идетъ въ продажу. Когда какой-нибудь якутъ бьетъ скотину, то сосѣди его моментально слетаются, какъ вброны на падаль, ибо каждый гость не только поѣстъ мяса, но получитъ еще кусокъ и на домъ. Въ виду такого обычая, вытекающаго изъ родовыхъ отношеній, сосѣди (не богачи) бьютъ осенью скотъ поочереди, и счетъ съѣденнаго сосѣдями мяса и данныхъ кусковъ ведется самымъ тщательнымъ образомъ, такъ какъ, накормивъ кого-нибудь и давъ ему мяса, я пріобрѣтаю право воспользоваться у него тѣмъ же.

Богачи большую часть года живутъ сыто, но и они къ веснѣ тощаютъ, потому что къ тому времени и у нихъ истощается пища, которую изъ скупости запасаютъ въ недостаточномъ количествѣ. Однажды весною я замѣтилъ нашему улусному головѣ, человѣку богатому, что онъ въ послѣднее время значительно похудѣлъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что весною всѣ якуты худѣютъ,—таковъ законъ природы.

Ребятишки, которыя толпятся у камина, указываютъ ясно, что вы находитесь среди первобытнаго народа. Маленькія дѣти, 2—3 лѣтъ, совершенно голы, съ громаднѣйшими животами, тонкими ногами и руками, а тѣ, которыя постарше,—въ рваныхъ и въ высшей степени грязныхъ рубахахъ изъ синей дабы. У мальчиковъ головы обстрижены подъ гребенку, а у дѣвочекъ волосы заплетаются въ одну косу, туго перевязанную узенькимъ ремнемъ и увѣшанную серебряными бляшками и трубочками, а также разноцвѣтными бусами; голова же всклокочена до такой степени, что волосы торчатъ во всѣ стороны,—совсѣмъ воронье гнѣздо. Дѣти грязны до невозможности, часто покрыты струпьями, со слезящимися глазами,—очень мало якутовъ, у которыхъ никогда не болѣли бы глаза; относительно же струпьевъ они думаютъ, что каждый ребенокъ долженъ имѣть ихъ въ извѣстномъ возрастѣ.

Ребятишки, при видѣ „нучи“ (нӯча—русскій), съ испугомъ, а иногда и съ плачемъ бросаются къ взрослымъ членамъ семьи, ища защиты; женщины не менѣе пугаются „нучи“, но не бѣгутъ, а только поглядываютъ съ опаской, да и мужчины смотрятъ исподлобья на незнакомаго „нучу“. Вообще, чѣмъ глуше мѣсто, тѣмъ большую сенсацію производитъ появленіе „нучи“.

Дѣти, какъ и взрослые, постоянно толпятся у камина, который, при здѣшнихъ холодахъ въ теченіе 8 зимнихъ мѣсяцевъ, служитъ центромъ всей якутской жизни. Въ каминѣ, впрочемъ, огонь горитъ круглый годъ, и только въ самое жаркое лѣтнее время якутка, войдя въ юрту, не подойдетъ къ камину грѣть руки и не скажетъ: „ычча“! (холодно!). Во всякое же другое время якуты обоего пола и всѣхъ возрастовъ, придя со двора, суютъ руки въ самый огонь, а затѣмъ согрѣваются сами, поворачиваясь около камина и заворачивая полы верхняго платья. Якуты постоянно сидятъ передъ огнемъ,—работаютъ ли, ѣдятъ ли, пьютъ ли чай, или болтаютъ. Гостю, которому желаютъ оказать уваженіе, предлагаютъ мѣсто у камина. Каминъ же служитъ имъ главнымъ средствомъ лѣченія: больной, чѣмъ бы онъ ни былъ боленъ, жарится у камина по цѣлымъ днямъ; во время оспенной эпидеміи я видѣлъ взрослаго якута, который, захворавъ, немилосердно жарился у огня, сидя безъ рубахи.

Якутки—я говорю о массѣ—дома всегда ходятъ только въ одной рубахѣ и коротенькихъ штанахъ (зимой — изъ телячьей шкурки, а лѣтомъ—изъ синей дабы), на головѣ—бумажный платокъ, а на ногахъ—кожаная обувь. Якуты сидятъ дома также въ однѣхъ рубахахъ и въ кожаныхъ штанахъ; на ногахъ у нихъ такая же кожаная обувь, но болѣе теплая; они, кромѣ того, всю зиму носятъ теплые набрюшники. Якутки, отправляясь къ сосѣдямъ версты за 3—4, чтобы поболтать или занять горсть муки, щепотку чаю и пр., надѣваютъ шапку (цабакка) съ верхушкой (туорчах) изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ сукна и широко опушенную мѣхомъ, затѣмъ суконный или кожаный „сон“—верхняя одежда съ таліей, широкими рукавами у плечъ и съ разрѣзомъ назади до самой поясницы,—надѣваютъ также рукавицы и въ такомъ видѣ отправляются по 40 — 48° морозу. Якутъ, собираясь ѣхать за дровами или за сѣномъ, подвязываетъ себѣ уши бумажнымъ платкомъ, надѣваетъ мѣховую шапку, опять же „сон“, но короткій и безъ разрѣза,—беретъ теплыя рукавицы, иногда обвязываетъ физіономію шарфомъ или большимъ теплымъ женскимъ платкомъ и въ такомъ видѣ ѣдетъ

верхомъ на быкѣ, запряженномъ въ сани, и ѣдетъ верстъ за 10; такимъ же порядкомъ, т.-е. верхомъ на быкѣ, возвращается онъ съ дровами или сѣномъ.

Якуты не любятъ ходить пѣшкомъ и потому, какъ бы ни былъ тяжело нагруженъ возъ и какой бы сильный морозъ ни былъ, они сидятъ верхомъ на быкѣ, напѣвая иногда свою незатѣйливую пѣсню. Если якуту представляется возможность завернуть по дорогѣ въ юрту, то онъ не пропуститъ удобнаго случая. При этомъ онъ ничего не теряетъ, такъ какъ у него спѣшныхъ дѣлъ нѣтъ, а выиграть можетъ хоть понюшку табаку, а, можетъ-быть, и чашку чаю, или хоть просто поболтаетъ и погрѣется. Онъ не заѣдетъ только въ томъ случаѣ, если везетъ сѣно, потому что не только бродящій вокругъ юрты скотъ нападаетъ на возъ, но и хозяйка, замѣтивъ остановившагося съ сѣномъ простофилю, нарочно выгоняетъ скотъ изъ **хотон'а.**

Богатые якуты одѣваются, разумѣется, теплѣе.

Съ другой стороны, тѣ же якуты уже съ ранней осени, когда нѣтъ еще и 10° мороза, одѣваются точно такъ же, какъ они одѣваются и въ 48°,—разумѣется, они не одѣваются теплѣе въ большіе морозы не потому, что имъ было бы слишкомъ жарко, а потому, что у нихъ нѣтъ болѣе теплой одежды. Я видѣлъ, какъ якутки, отправляясь по вечерамъ въ концѣ августа доить коровъ, одѣваютъ тотъ самый „**сон**", въ которомъ онѣ щеголяютъ въ сильнѣйшіе морозы, и какъ онѣ, возвращаясь отъ коровъ, оказывались совсѣмъ прозябшими, хотя на дворѣ было около +8°. Якуты, на мой взглядъ, народъ зябкій, но только привыкшій безропотно выносить и холодъ, и голодъ, и всякія невзгоды, такъ что со стороны можно подумать, что они не чувствительны ко всему этому, хотя, несомнѣнно, чувствительность ихъ слабѣе, чѣмъ у народовъ культурныхъ. — Я вспоминалъ самоѣдовъ, которыхъ имѣлъ случай видѣть въ Мезени. Тѣ, дѣйствительно, свыклись съ суровостью своего климата до того, что, во время поѣздокъ въ городъ по дѣламъ, они всегда привозятъ съ собой чумъ, который и разбиваютъ на чьемъ-либо дворѣ,— въ избѣ они едва могутъ высидѣть минутъ 15, да и то еще выбѣгая на морозъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОТДѢЛЪ II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ, НАИБОЛѢЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЯ НА ВОЛЫНИ.

Лирники и кобзари до настоящаго времени не перевелись на Волыни; но ихъ пѣсенный репертуаръ подвергся значительной перемѣнѣ. Благодаря гоненію на историческія малорусскія пѣсни со стороны администраціи, украинскіе миннезингеры стали предпочитать „пісьні божествени" и забываютъ знаменитыя думы, къ счастью, уже попавшія въ книги. Здѣсь я привожу нѣсколько украинскихъ думъ, которыя донынѣ можно услышать на дорогахъ и деревенскихъ улицахъ Волыни отъ слѣпыхъ лирниковъ [1]).

Дума про Бондарівну.

Ой у місті на риночку капелія грала,
Молодая Бондарівна з радощив гуляла.
Говорили Бондарівні стари люде тихо:
— Втікай, втікай, Бондарівно, буде тобі лихо.
А втікала Бондарівна по межи до мами,
А за нею два жандара, с гострими шаблями.
А догнали Бондарівну на високим мосту
Сама вона хорошая, хорошого зросту.
А прибіли Бондарівну до якоїсь хати,
Там убрали Бондарівну як до шлюбу мати.
А в нашої Бондарівни вінок из барвинку,
Так убрали Бондарівну, як до шлюбу дівку.
Посадили Бондарівну на золотим крислі, —
— Співай, співай, Бондарівна, жалобної пісні!
Та став, та став пан Каневськи ружо набівати,
— Ой чи будешь, Бондарівно, в суконьках ходити,

[1]) Текстъ приводимыхъ думъ полученъ мною изъ рукописныхъ матеріаловъ Городецкаго музея (Ровенск. у.) бар. Ѳ. Р. Штейнгель.

Ой чи будешь, Бондарівно, в сирій землі гнити?
— Лучче мені, пан Каневські, в сирій землі гнити,
Ниж с тобою, збиточникомъ, на цім світі жити.
Ой як вдарив Бондарівну під правее ухо,
Лежить, лежить Бондарівна ни слаба, ни глуха.
Ох як вдарив Бондарівну пид правую ручку,
То потекла з Бондарівни кривавая річка.
А в нашої Бондарівни жовти черевички,
Куда ведуть Бондарівну все криваві річки.
А в нашої Бондарівни подолком мережка,
Куда її проводили—все кривава стежка.
Ой як сказав пан Каневській в капелію грати,
Молодую Бондарівну хороше сховати.
Грае, грае, капелія до гробу идучи,
Плаче, плаче стари Бондар за дочкою йдучи.
Ой як стали Бондарівну в дил спускати,
То став, то став старій Бондар с жалю умлівати.
Як висипав пан Каневській на стил бочку гроши,
— Ото тобі стари Бондар за дочку хорошу!
Як висипав на стил гроши, а все талярами,
— Ото тобі старій Бондар за личко біляве...

Бужовецкая волость, Засл. у.

Дума про Коваленка.

У неділю та пораненьку
Збирав женців та Коваленко,
Збирав же він все добиршії,
Хлопці и дивчата все молодиї.
— Ой жніть, женці, розжинайтеся,
Та на чорну хмару оглядайтеся,
А я пійду та по сніданьне,
Та по раньнее та обіданьне;
А я пойду та поснідаю,
Свого домовства одвідаю.
Ой жнуть женці, розжинаюця,
Та на чорну хмару оглядаюця.
За годину, за дві Коваленко йде
И за собою орду веде,
Чорни очи заслоняни,
Назад ручки завязани:
— Утікайте, хлопці, як сила зможе,
Куди которому Бог допоможе,
Бо вже мене та Господь скарав,
Що я в неділю женців збирав!..

С. Посягва, Острожск. у.

Дума про Немирівночку.

На дорогій горілочці на меду,
Продала мати свою дочку молоду.
— Ой за що ж ти, мою мамцю, в корчмі пьешь,
Десь ти мене молоденькую продаешь?
— Ой продаю, моя донечко, продаю,
За молодого Денькевича замуж отдаю.
— Ой не хочу, моя матінко, не хочу,
Лучше пійду в бистру річеньку ускочу.
— Ой вінчайся, моя донечко, вінчайся,
Тай въ чисте поле з паном Денькевичем пускайся.
Ой пишла Немирівночка горою,
А за нею пан Денькевич другою.
— Ой чого ж ти, Немирівночко, пішки йдешь,
Десь ти у мене та воронихъ коней не маешь?
— Як есть коні вороній—не мої,
Не до мишлі, пан Денькевич, моеї.
— Ой чого ти, Немирівночко, боса йдешь,
Десь ти у мене та черевичок не маешь?
— Як есть в мене черевиченькі—не мої.
Не до мишлі, пан Денькевич, моеї.
Ой як догнав Немирівночку на мосту,
Та привязав коню вороному до хвосту.
— Ой ступою, мій конику, ступою,
— Бо не зийде Немирівночка з тобою.
Ой в неділю та ранесенько до зорі
Мандрувала Немирівночка три милі,
А в неділю вранці до сонця
Сидить плаче Немирівночка в виконці

С. Посягва, Острожск. у.

Дума про Почаевську гору.

Зийшла зора̀ серед мора
Над монастиромъ стала,
Вивернуло турецьке військо,
Як чорная хмара.
Вивернуло турецьке військо
И святу гору укривае,
Вийшовъ отець Зелізо̀
З жалю умирае.
— Ой вийди, вийди, Божая мати,
Монастир погибае.
Вийшла, вийшла Божая мати
На крижові стала,

Кулі вертала, турків вбивала,
Коням вязи звертала.
Питаеця найстарши турокъ:
— „Що то за пані стала?
— Не есть то пані, то Божа мати,
Тут вам всім погибати.
— „Ой перестань Божа мати
На вас воювати,
Ми присягнемъ—до монастира,
Що року дань давати.
Зсукали свічу из ярого воску,
Під тую свічу сім па́р волив запрягали.
Приснилось найстаршому черпецю,
Теї свічи не пріймати,
Вивезти свічу въ чисте поле
И сокірами розрубати.
Вывезли свічу в чистее поле,
Сокірами разрубили—
Кулі патрони и всякі знамени
По полю розсипали.

С. Милостово, Ровенск. у.

Сообщилъ *Ив. Абрамовъ*.

Волынская сказка про жаднаго попа и бѣднаго Кирика.

Що ся стало на Волині, въ Овручском повіті; таке було чудо, як не може бути на світі. У тим селі в Нездиборі, там тече річка, стоить хрест зелений, св. Ивана капличка, и в тим селі чоловік Кириком звався, робив щире, нигди добра ни дождався. Мав, ди титко единим едное, от бідности шолудиве, пузате, слабое; прийшов рабочи час жнивка, померла Кирику дитинка; пишов Кирик до попа, упав на колінки: „Помилуй честний ойче, померла мені дитинка, и коб могли, честни отець, дитятко сховати, а грошей, що буде належатися, до осени заждати“. „Лучше я тобі Кирику скажу: иди ти мені на лан косити, а твоя жинка нехай йде мені жати, то тепера я тобі буду дитя ховати, ниж я маю тобі до осени ждати“.— „Не можно, добродзею, тепер не той час, як же ви и сами знаете, тра панщину одробити, и собі кусок хліба заробіти“. Піп тупнув ногою, стряснув бородою, вдарив Кирика в спину: „Пошол, бродяга, сукинъ сыну!“ Пришов Кирик до дидича, упав на колінка: помилуй мене, пане, померла мені дитинка и не хоче мене ни піп, ни громада знати, як же я можу, несчастний, дитя сховати. „Ой, що я тобі, Кирику, скажу: не хоче тебе, ни піп ні громада знати, можеш ти и сам собі дитя поховати“. Прийшов Кирик до дому. Що мае з лиха робити? Взяв заступа и лопату, пишов на могилки, зачав ямку значити; иде дідок: шапочка ясненька, одижка на ним красненька. „Що ти, Кирику, думаешь? Ямку копать? не копай тут, бо тут тобі за твердо буде, нехай тут копають кріпшиї люде, иди на долинку копати ямку на свою дитинку“. Пишов Кирик, не довго копався, до котла добрався, открывае сміло: карбованці білиі зніс у гори очи, взяв гроши пид полу, пішов до дому охочи; гроші в комору, а жинці своїй лучшій обід распорядив и пишов до коршми, взяв спуст горілки и другій вина, и постарався йісти, е вже що лучь и у богатиря. На завтра рано пишов до попа, став сміло питати: „щоб то честний ойче, треба за похорони дати“? Піп зачав на него очи витрещати: „Чи ти, Кирик, зворовав? Чи ти скрутився? чи ти до грошей добився? Дай пьятнадціть рублівъ! Кирик довго не думае, на стил корбованці викладае... И просив вин на обід сусід близеньких: попа съ попадею и братчикив из цілою риднею. Нихто ж ни завидлнвий був, як піп с попадею, що вчора Кирик на колінка падав, не було в него и сухара, сегодня есть що їйсти й пити, лучь як у богатира. Похоронивши дитятко, пришов піп до дому; сильно задумався. „Ах, добродзійко, як би тут дознаться, де Кирик до грошей добрався!“

— „Не знаешь, мое миле голубя, що: пристань на мое разсужденье,— приде свята висповідь, не дай ему разрішенья, Кирик признаеця де гроши взяв“. Чуть на висповідь займае, піп по Кирика посилае. „А шо он ти, скоте негодний! Ти пьешь, гуляешь, а об своїй души не помятаешь? Окаянный! Де ти гроши взяв?“ „Найшов, добродзею, на могилках, як дитя ховав“. Піп развеселився. „Ах, добродзійка! Кирик мені признався. Будемъ тепер думати, як би от

Кирика гроши одибрати". „Не знаешь ты, мое миле голубя, що, пристань на мое разсужденье: есть у нас на горі съ чорного вола великая шкура, ще й съ сумними рогами, я тебе в нее уберу, пійдешь у пивночи до Кирика, станешь двери ломати и дивними голосамі кричати. Скажи-ж так: „оддай мои собственниї гроши! Взявъ на могилках, як дитя ховав"!.. Кирик перестрашився, за котел! На рижок ему повисив, а сам сів и думку думае. Піп прійшов до дому, попадя зрадовалась, за котел вхопила, тай руки вкипіли; вона руки одирвала, хтила гроши вибирати, але не хочуть гроши из купки розливатись; хтіла вона и с попа шкуру сдирать, але ж зачала кровь литись. Сидить піп над грошіма, вже й на світ займае; піп попадю по Кирика посилае. Кирик трошки знав; а решту догадався: „Э-э зачім то добродзій на висповіді попитався"!

Прійшов Кирик до попа,—сидить піп над грошіма, страшній, у шкурі, спустив в землю очи, а Кирик до него говорить охочій. „Эй, Кирику! Визьми свои собственниї гроши до дому, змилуйся, ни кажи ни кому!" „Не хочу я тих грошей брати, нехай я пиду, дам дідичові знати". Пишов Кирик до дидича, дав за сее знати. Дидич казав усю громаду зигнати, хтоб то миг отъ попа Кирикови гроши взяти. Хтила громада взяти, але который визьме за котел, то не хочуть руки отставати.

— „Возьми, Кирику, свои гроши собственниї до дому".

Кирик гроши сміло взяв и запис до дому а попа веревкою за роги повели до Почаева, де Божая мати. Вийшов архирей, подивився, одибрав бумагу и зачав читати: „Ах, чудотворе, чудотворе, забудешь ти чудов витворяти! Одишлю я тебе до Ганополя, там тобі буде несчастная доля". Привели до Ганополя, вийшов архимандритъ, ставъ бумагу читати: „Ах, чудотворе, чудотворе, забудешь ты чудов витворяти"! и казав его по базару провожати. Взяли веревкою за роги, повели на базар, біжать люде, идень до другого кричать, так що нигде не стало въ хаті и живої души; бо одни кажуть що город палиццця, а други сказали, що жидивській мишіямъ заявився, а други здибали межи до мами, думали, що зловила чорта з рогами; водили, водили, потим положили на смітті, щей палками біли, завели на нич у пусту каплицю. Зачав піп дримати, аж тут над ним стало світло палати и зачало ему буцім во сні придаватись: „Забудься чудов витворяти, то шкури позбудесся"! то вин зачав без сон кричати: „Господе, буду забувати, вдамся до покути, абі шкури позбути"! „Встань же рано, встрепенися, шкури посбудешься"! Встав піп рано, встрепенувся, шкури позбувся, пишовъ архимандриту поклонився, опьять на парахвію добився.

Записалъ учитель В. Качковскій
въ с. Ледянкѣ, Заславскаго уѣзда.

Сообщилъ *Ив. Абрамовъ*.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ И ПѢСНИ ВЪ Г. СТАРОДУБѢ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Стародубъ—уѣздный городъ Черниговской губерніи—принадлежитъ къ очень древнимъ русскимъ городамъ.

Въ 1080 году онъ уже подвергался нападенію Половцевъ, и съ тѣхъ поръ почти каждый годъ его жизни записывался кровью: татары, польша, литва, Москва, внутреннія смуты—разоряли, сжигали, кровью заливали городъ.

Одна улица и до сихъ поръ зовется Красной отъ когда-то пролитой тамъ массы крови.

Съ конца 18-го столѣтія жизнь города становится спокойнѣе.

Послѣ раздѣленія Малороссіи на полки при гетманѣ Иванѣ Брюховецкомъ сталъ извѣстенъ и полкъ Стародубовскій, съ входящими въ него 11-ю сотнями, въ числѣ которыхъ были 1-я и 2-я полковыя Стародубовскія сотни.

Въ 1763 году 17 февраля гетманъ Разумовскій, учреждая для Малой Россіи земскіе, подкоморскіе и гродскіе Суды—раздѣлилъ ее кромѣ полковъ еще и на повѣты.

„Повѣтъ составлялъ нѣкоторое знатное число селеній, нѣсколько сотенъ въ себѣ заключающее". [1])

Въ Стародубскомъ полку было три повѣта: Стародубовскій, Погарскій и Глуховской.

Съ прекращеніемъ гетманскаго правленія въ Малороссіи, генералъ-губернаторъ и президентъ второй Малороссійской коллегіи гр. Румянцевъ учредилъ въ каждомъ повѣтѣ коммиссарства; на обязанности коммиссаровъ было не только собираніе денежныхъ доходовъ, но они „должны были въ своемъ округѣ переходящія войска провожать и жителей отъ обидъ защищать" [2]).

Въ полку Стародубовскомъ было три коммиссарства: Стародубовское, Топальское въ Стародубѣ и Новгородъ-Сѣверское.

Въ 1782 году было совершено раздѣленіе Малороссіи на три намѣстничества изъ которыхъ Новгородское-Сѣверское было торжественно открыто 27 января. Въ числѣ 11 уѣздныхъ городовъ въ этомъ намѣстничествѣ оказывается и Стародубъ.

---

[1]) Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе... сочиненное Дѣйств. статскимъ сов. и кавалер. А. Шафонскимъ въ Черниговѣ 1786 г. Изд. Судіенко. Кіевъ 1851. Ч. I, стр. 95.

[2]) То же, ч. I, стр. 101.

Въ 1796 году онъ причисляется къ городамъ Малороссійской губерніи и лишь съ 1802 года занимаетъ мѣсто уѣзднаго города Черниговской губерніи.

Какъ видно уже изъ этого очерка, Стародубъ игралъ видную роль въ жизни края и въ немъ происходилъ постоянный притокъ и отливъ людей.

Теперь это захолустный городокъ съ едва слышнымъ пульсомъ жизни.

Населеніе состоитъ изъ казаковъ, купцовъ и мѣщанъ. Среди населенія нерѣдки случаи занятія отхожими промыслами, особенно на югъ, въ донецкія копи.

Наклонность къ сношеніямъ съ далекими рынками обнаруживалась у Стародубцевъ уже и раньше, такъ напр. въ 1701 году извѣстны торговыя ихъ сношенія съ Архангельскомъ, куда они отправлялись съ товарами [1]).

Имѣя сношенія съ крайнимъ сѣверомъ, югомъ, Петербургомъ и Москвою [2]), Стародубъ до нѣкоторой степени долженъ былъ получить чуждыя ему слова и напѣвы, которые изрѣдка слышатся въ немъ какъ отголосокъ далекихъ пѣсенъ и переплетаются въ причудливыхъ извивахъ съ его родными пѣснями.

Откладывая до слѣдующей статьи разборъ и сравненіе пѣсенъ всѣхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, я въ этой статьѣ приведу пѣсни Стародуба во всей ихъ чистотѣ, сохраняя по возможности и произношеніе словъ.

Начинаю же я съ пѣсенъ Стародуба потому, что, какъ я сказалъ, городъ этотъ является однимъ изъ древнѣйшихъ Черниговской губерніи, а кромѣ того и я съ нимъ наиболѣе близко знакомъ, такъ какъ живу въ немъ около 27 лѣтъ.

Пѣсни я записывалъ отъ нѣсколькихъ пѣсенниковъ и сравнивалъ однѣ и тѣ же пѣсни, но продиктованныя разными лицами—для избѣжанія субъективной передачи.

Если встрѣчается разница въ строфѣ или словѣ, то я помѣщаю варьянтъ тутъ же въ скобкахъ.

Особенно много пѣсенъ я записалъ отъ казака Ивана Прокофьевича Кастрюбы, письмоводителя инспектора народныхъ училищъ и его сестеръ, меньше отъ казака Федора Яковлевича Лужкова, служителя при Стародубской мужской гимназіи и казака Молчанова, служащаго въ казначействѣ.

Нѣкоторые изъ поименованныхъ лицъ участвовали въ исполненіи „царя Максимиліана“ и „ходили со звѣздой“. Также принималъ участіе въ моей работѣ инспекторъ народныхъ училищъ Г. С. Меверницкій; Стародубскій городской голова В. А. Плешко былъ весьма обязателенъ, доставивъ мнѣ всѣ необходимыя справки.

---

[1]) Письма канцлера графа Гавріила Ивановича Головкина къ гетману И. Скоропадскому LXXIV. Матер. для отечественной исторіи изд. М. Судіенко. Кіевъ. 1855. Т. II, стр. 209.
[2]) См. прим. I. стр. 406.

Обычаевъ свадебныхъ, крестинныхъ, и проч. я описывать не буду, такъ какъ Пригаровскимъ [1]) описаны таковые для с. Меленска, находящагося всего въ 12 верстахъ отъ Стародуба; они довольно близко походятъ на Стародубскіе, если же есть небольшая разница, то она будетъ мною указана въ слѣдующемъ сравнительномъ очеркѣ.

Пѣсни я располагаю въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Щедровныя. } Рождественскія пѣсни.
2. Коза. }
3. Пѣсни звѣздоносцевъ. }
4. На масляной.
5. Хороводныя.
6. Ивановскія.
7. Гряныя (передъ жнивьемъ).
8. Жнивыя.
9. Конопляныя.
10. На работу.
11. Съ работы.
12. Осеннія.
13. Свадебныя.
14. Крестинныя (кстинныя).

Конечно, здѣсь переплетаются пѣсни города и пригородныхъ деревушекъ, изъ которыхъ много народа приходитъ на поденныя работы въ Стародубъ: на огороды, „на табакъ", убирать хлѣбъ подъ городомъ, на сѣнокосы и проч.; а нѣкоторыя деревушки (Костинка) занимаются стиркой бѣлья для города, что заставляетъ поддерживать постоянныя сношенія со Стародубомъ.

Въ этихъ деревушкахъ пригородныхъ вы встрѣтите тѣ же пѣсни, что и въ городѣ, да и жители ихъ, занимаясь плотничествомъ или другими ремеслами въ городѣ, мало отличаются отъ коренныхъ городскихъ жителей.

Въ началѣ всѣхъ пѣсенъ я помѣщу „царя Максимиліана", котораго разыгрывали на Рождество.

Лѣтъ 10—12 уже его почти совсѣмъ не играютъ и пьеса эта понемногу забывается.

Причиною къ запрещенію ее играть послужили нерѣдкія столкновенія артистовъ съ горожанами; вообразите себѣ парней 50, молодыхъ, веселыхъ, разгоряченныхъ успѣхомъ и не знающихъ, куда дѣвать накопившуюся въ душной хатѣ энергію. Конечно, шутками ихъ не была довольна полиція, вслѣдствіе чего эти представленія и были запрещены.

А тутъ еще маленькое происшествіе съ невѣстой офицера въ 1-мъ дѣйствіи: ее игралъ молоденькій, хорошенькій мальчуганъ, одѣтый „мамзелью".

Публикѣ эта псевдо-барышня понравилась, и одинъ баринъ рѣшилъ ее отбить у артистовъ; для этой цѣли состоялся цѣлый заговоръ и, послѣ порядочной свалки, псевдо-дѣвица была отнята въ темномъ коридорѣ.

[1]) *Пригаровскій.* Описаніе с. Меленска. Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. 1866 г.

Но когда на свѣту мальчишка сбросилъ платье и предсталъ въ своемъ натуральномъ костюмѣ—у отбивавшаго его донъ Жуана физіономія перекосилась отъ злобы и досады. Быть можетъ, эта досада, отчасти, вылилась и на всю труппу.

Стародубскій варіантъ „царя Максимильяна", нося общій всѣмъ варіантамъ характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ сильно отличается отъ приводимыхъ Каллашомъ [1]) варіантовъ своими чисто мѣстными вставками и цѣлымъ дѣйствіемъ—сценой у разбойниковъ.

Положимъ, все это находитъ свое объясненіе въ мѣстныхъ условіяхъ жизни: гнѣзда разбойниковъ, дѣйствительно, славились по всей округѣ; попы клинцовскіе, т.-е. раскольничьи, рѣзко отличались населеніемъ отъ своихъ поповъ; евреевъ неоднократно вырѣзывали стародубцы; среди горожанъ находится довольно большой процентъ евреевъ, такъ что въ субботу, пожалуй, ничего и не купить, такъ какъ лавки по большей части еврейскія... Ненависть къ евреямъ стародубцы питаютъ особенную.

Вотъ эти нѣсколько особенныя условія жизни и создали рядъ тѣхъ добавленій, которыми Стародубскій варьянтъ „царя Максимиліана" отличается даже отъ ближайшаго къ нему изъ записанныхъ—Глуховскаго.

Глава I.

Царь Максимиліанъ.

Человѣкъ 50 парней, одѣвши сверхъ своихъ театральныхъ костюмовъ полушубки или теплыя пальто, являлись въ заранѣе назначенный домъ, гдѣ и давали представленіе, длившееся около 3-хъ часовъ.

Занавѣсъ былъ свой, состоящій изъ нѣсколькихъ сшитыхъ кусковъ полотна.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Атаманъ—въ красной рубахѣ и синихъ шароварахъ; сбоку виситъ сабля; усы лихо подняты кверху; волосы черные, длинные; видъ страшный.

Есаулъ—одѣтъ также, по бѣднѣе.

Разбойники—одѣты въ красныя рубахи и синіе или черные шаровары, съ кинжалами, саблями, топорами, кастетами, пистолетами и проч.

Лица у нихъ звѣрскія, у многихъ шрамы и кровоподтеки на лицахъ.

Офицеръ—въ курткѣ или сюртукѣ съ эполетами изъ золотой бумаги, съ саблей, въ фуражкѣ съ кокардой, а иногда въ черкесскѣ и шапкѣ.

Невѣста его—молодой парень, одѣтый въ корсетку и юбку, въ платкѣ или иногда въ шляпкѣ.

---

[1]) *Каллашъ.* Къ исторіи народнаго театра. Царь Максимиліанъ. Изъ XXXIX кн. Этногр. Обозр.

Царь Максимиліанъ—въ царскомъ одѣяніи съ золотой короной на головѣ. Черезъ плечо лента, на груди звѣзда, на плечахъ эполеты.

Венера—молодой женоподобный парень одѣтъ въ кофту и юбку; съ огромнымъ бюстомъ.

Тѣлохранители—въ треуголкахъ, съ булавами въ рукахъ, въ камзолахъ и шароварахъ.

Скороходъ—въ огромныхъ сапогахъ, съ булавой и въ треуголкѣ.

Попъ—одѣтъ въ рогожу и очень растрепанъ, на головѣ какая-то шапка.

Пономарь—въ подрясникѣ, весь измятый и растрепанный.

Адольфъ—въ серебряной коронѣ, съ лентой черезъ плечо и со звѣздой.

Татары—въ колпакахъ.

Старикъ гробокопатель—въ старомъ сюртукѣ, согнутый.

Соломонида—въ тряпкахъ, видъ отчаянный.

Докторъ—съ очками на носу, носъ красный, несетъ огромную спринцовку.

Фельдшеръ—заклеена щека пластыремъ, глазъ подбитъ, носъ красный, съ огромной бутылкой съ рецептомъ.

Жидъ—совершенно оборванный, въ грязныхъ тряпкахъ, которыя висятъ на немъ лентами, въ ермолкѣ, съ огромными пейсами.

Шмерка—одѣтъ въ одну рвань.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Атаманъ, есаулъ, разбойники, затѣмъ офицеръ и его невѣста.
Сцена представляетъ пещеру. На аванъ-сценѣ стоитъ столъ, накрытый бѣлой скатертью.

Явленіе первое.

(Атаманъ, есаулъ, разбойники).

Выходитъ атаманъ въ красной рубахѣ и синихъ шароварахъ, вооруженъ шашкой и кинжаломъ; поетъ:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы.

Атаманъ (шашка наголо). Есаулъ!

Есаулъ. А что изволишь, баринъ атаманъ?

Атаманъ. Подать графинъ съ водкой

Есаулъ. Пойду и принесу графинъ съ водкой. (уходитъ и приходитъ съ графиномъ).

Атаманъ (беретъ графинъ и поетъ):

Братья, въ жизни горя много,
Кто его не испыталъ?
Богъ намъ далъ вино на радость,
Самъ мудрецъ святой писалъ.

Братья, въ рюмки наливайте,
Лейте черезъ край вино!
Все до капли выпивайте,
Осушайте въ рюмкахъ дно!

Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволитъ баринъ атаманъ?

Атаманъ. Садись-ка, мы съ тобою поговоримъ, я тебѣ разскажу про жизнь свою. (Есаулъ садится, опираясь на саблю).

Насъ было двое: братъ и я [1]);
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость,—
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь,
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь...
Не долго братья пировали,
Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынесть больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами,
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.

Есаулъ. Ну, полно, баринъ-атаманъ, намъ говорить про больного,
Давай-ка лучше выпьемъ хмельного.

Атаманъ. Иди и принеси изъ-подъ носка,
Чтобъ не брала атамана тоска!

Есаулъ. Пойду и принесу изъ-подъ носка,
Чтобъ не брала атамана тоска.

(Уходитъ и сейчасъ же возвращается съ графиномъ и стаканомъ).

Атаманъ. Ну, братъ, наливай-ка и выпей прежде самъ, я знаю, что ты горькій пьяница.

Есаулъ. Пью за здоровье атамана. Ура!

Ватага разбойниковъ тоже кричитъ „ура“; есаулъ въ это время наливаетъ водки атаману).

---

[1]) Братья-разбойники, Пушкина. Когда появилась эта вставка—я не могъ установить.

Атаманъ. Пью за здравье шайки бойкой,
Пью преcладкую настойку! Ура!

(Ватага разбойниковъ кричитъ „ура“!).

Атаманъ (Есаулу): Поднеси-ка шайкѣ!

(Есаулъ подноситъ шайкѣ; разбойники пьютъ и кричатъ „ура“, раздается ихъ говоръ и хохотъ).

Атаманъ. Есаулъ!
Есаулъ. Чего изволитъ, баринъ-атаманъ?
Атаманъ. Что за шумъ?
Есаулъ. Наши молодцы какого-то чудака привели.
Атаманъ. Дать имъ волю, пусть ихъ дуракъ потѣшитъ.

(Шайка смѣется до слезъ надъ дуракомъ).

Атаманъ. Есаулъ!
Есаулъ. Чего изволитъ, баринъ-атаманъ?
Атаманъ. Полно шутить! А ну-т-ка, пошли посмотрѣть въ подзорную трубку; пусть хорошо поглядятъ, не идетъ ли кто, не везетъ ли чего?
Одинъ изъ разбойниковъ (всматривается и говоритъ): Вижу!
Атаманъ. Что видишь?
Разбойникъ. На вербѣ сучки.
Атаманъ. О-то самые полицейскіе крючки!
Смотри-ка лучше!
Разбойникъ. Вижу!
Атаманъ. Что видишь?
Разбойникъ. На водѣ колода.
Атаманъ. О-то самый есть воевода —
Онъ насъ хочетъ поймати,
Въ тюрьму сплавляти! Смотри-т-ка лучше
Разбойникъ. Вижу!
Атаманъ. Что видишь!
Разбойникъ. Край рѣки, теремъ, а въ томъ теремѣ красна-дѣвица Анастасьюшка.
Атаманъ. А нельзя ли ее достать?
Есаулъ. Прикажи-т-ка гребцамъ-молодцамъ сѣсть на лодку да поѣхать.
Атаманъ. Достать мнѣ, товарищи, ту дѣвицу, что край водицы.

(Разбойники садятся и будто плывутъ, изображая это стукомъ въ ладоши; они поютъ):

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ и т. д.

(послѣ этой пѣсни еще:)

Эхъ, вы, хлопцы, не робѣйте,
Своихъ ручекъ не жалѣйте,
Пригребайте красну лодочку
Къ Анастасьиному дворочку.
Анастасьюшка выходила,
Графинъ съ водкой выносила,

Всимъ ребятамъ подносила,
Съ атаманомъ рѣчи говорила.
Не прогнѣвайся, самъ хозяинъ,
Въ чемъ стояла, въ томъ и выбѣжала!

Явленіе второе.

(Офицеръ и его невѣста входятъ въ разбойничье жилище, озираясь съ испугомъ кругомъ).

Офицеръ. Ахъ, Боже мой, куда это мы забрались; кругомъ ружья, кинжалы, ножи, вѣроятно, это разбойничье атаманское жилище.

(Выбѣгаетъ атаманъ и хватаетъ его за грудь.)

Атаманъ. Такъ точно, атаманское разбойничье жилище.
А ты какъ сюда зашелъ
И съ собой красну-дѣвицу завелъ?

Офицеръ. Выслушай, кровожадный разбойникъ: это есть не дѣвица, а моя нарѣченная невѣста, съ которой я пришелъ въ Стародубъ закалупиться законнымъ бракомъ.

Атаманъ. Значитъ, ты мой соперникъ? Полѣзай!

Офицеръ. Боюсь!

Атаманъ. Полѣзай!

Офицеръ. Боюсь!

Атаманъ. Полѣзай! [1])

Офицеръ. Боюсь!

Атаманъ. Значитъ, ты трусъ!

Офицеръ. Нѣтъ, я не трусъ, а такъ боюсь! Я готовъ душу на плаху, а голову на количекъ посадить!

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. А что изволитъ баринъ-атаманъ?

Атаманъ Отведи-тка этого молодца не на кухню, а на конюшню, пусть нашихъ трехдневныхъ щей похлебаетъ, да моихъ коней попасетъ!

(Есаулъ уводитъ офицера, который, обращаясь къ невѣстѣ, поетъ: „прощаюсь ангелъ мой съ тобою").

Атаманъ (обращаясь къ дѣвицѣ). А тебя какъ звать?

Дѣвица. Людмила.

Атаманъ. А, не даромъ ты кавказскаго офицера полюбила! А званія какого?

Дѣвица. Поповскаго.

Атаманъ. Ахъ, эти намъ попы да протопопы, всѣ зашейки оттолкали. А водку ты пьешь?

Дѣвица. Пью.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. А что изволитъ баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Подай графинъ съ водкой!

Есаулъ. Пойду и принесу графинъ съ водкой.

(Уходитъ и возвращается съ графиномъ; отдавъ его атаману, снова уходитъ).

---

[1]) Совершенно нельзя добиться, куда атаманъ заставляетъ лѣзть офицера.

Атаманъ (наливая вино, подаетъ Людмилѣ). Пей за смерть своего мужа.

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Пей за смерть своего мужа!

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Пей за смерть своего мужа!

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. А что изволитъ баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Эту красу-дѣвицу отведи на покой, да смотри самъ не подшути!

(Есаулъ уводитъ Людмилу и украдкой отъ атамана ее цѣлуетъ).

(Шайка идетъ на добычу, слышится перестрѣлка, во время которой вдругъ раздается крикъ: „атаманъ мертвъ!“ Складываютъ разбойники нѣсколько ружей и несутъ на нихъ атамана съ пѣсней):

Среди лѣсовъ дремучихъ
Разбойнички идутъ,
На рукахъ могучихъ
Товарища несутъ. } 2 раза.
Носилки не простыя,—
Изъ ружей сложены,
А поперекъ стальные
Мечи положены. } 2 раза.
Два длинныхъ пистолета
За поясомъ висятъ
И два стальныхъ кастета
У рукава блестятъ. } 2 раза.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТУНГУССКІЯ ПРЕДАНІЯ.

Помѣщаемыя ниже тунгусскія преданія записаны мной въ Туруханскомъ краѣ въ 1905 г., на обратномъ пути изъ Хатангской экспедиціи. По завершеніи ея главныхъ задачъ и раздѣленіи состава экспедиціи на двѣ партіи для слѣдованія въ обратный путь, мнѣ пришлось ѣхать съ начальникомъ ея И. П. Толмачевымъ, направлявшимся на Олекминскъ на р. Ленѣ. Часть этого пути между оз. Ессеемъ и оз. Яконгдой мы совершили съ илимпейскими тунгусами. Въ пути на ночлегахъ, въ чумѣ у тунгусовъ, я занимался записываніемъ тунгусскихъ словъ и фразъ и собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній. При этомъ же мнѣ были сообщены и предлагаемыя преданія. Главнымъ разсказчикомъ былъ тунгусскій князь Николай Хирагиръ, по прозвищу Чунго,—человѣкъ выдающійся по уму въ своей средѣ. Только одно преданіе „Умна"—разсказано другимъ тунгусомъ. Оба мои разсказчика не говорили на якутскомъ языкѣ, которымъ я владѣю, почему приходилось пользоваться переводомъ тѣхъ, которые знали этотъ языкъ, записывая преданія уже на русскомъ языкѣ у себя въ чумѣ, непосредственно за разсказомъ. При этомъ я старался держаться возможно ближе его духа. Пять изъ этихъ преданій относятся исключительно къ тунгусскому быту. Одно,—озаглавленное мною „Юраки",—по словамъ самого разсказчика, позаимствовано отъ юраковъ, на р. Енисеѣ. Наконецъ, послѣднее—„Дыгын"—представляетъ, повидимому, одинъ изъ варіантовъ извѣстнаго якутскаго преданія, заимствованный отъ якутовъ и нѣсколько видоизмѣненный. Всѣ эти преданія приводятся здѣсь безъ всякихъ измѣненій, какъ были записаны мною въ то время, въ предположеніи, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ онѣ были воспроизведены съ большимъ сохраненіемъ колорита и что позднѣйшія поправки и передѣлки лишь отдалили бы ихъ отъ духа разсказа.

В. Васильевъ.

Уріан и Мolунà.

Жилъ въ старину витязь, по имени Уріан. Онъ былъ прекрасный охотникъ и неустрашимый боецъ. Не было звѣря, котораго онъ не могъ бы догнать и убить; не было человѣка, который могъ бы противостоять ему; всѣхъ онъ побѣждалъ, лучше всѣхъ стрѣлялъ и былъ сильнѣе всѣхъ.

Далеко шла слава объ удаломъ, непобѣдимомъ витязѣ Уріан'ѣ; всѣ тунгусы о немъ знали и слышали, всѣмъ были извѣстны его подвиги. Въ то же время жилъ другой тунгусскій витязь Мolунà, такъ же знаменитый, одолѣвшій многихъ сильныхъ и главныхъ удальцовъ-тунгусовъ. Много наслышался и Мolунà объ Уріан'ѣ и досадно ему было, что о немъ говорятъ меньше, чѣмъ объ Уріан'ѣ, и завидно; хотѣлось ему уничтожить славнаго Уріан'а, но вступить съ нимъ въ открытый бой онъ не рѣшался. Слава объ Уріан'ѣ между тѣмъ росла да росла и не давала покою Мolунà. Наконецъ онъ собралъ своихъ людей и направился къ жилищамъ Уріан'а. Жилъ послѣдній на берегу одной рѣчки, гдѣ стоялъ его чумъ и чумы его людей. Подкрался Мolунà со своими людьми къ рѣчкѣ вечеромъ; уже темнѣло. Уріан съ частью своихъ людей въ это время были дома. Мolунà со своими людьми, держа въ рукахъ свои луки вверхъ подобно рогамъ, стали перебредать рѣчку. Уріан слышалъ, что на водѣ происходитъ что-то, и, увидѣвъ въ темнотѣ какіе-то торчащіе къ верху предметы вродѣ роговъ, рѣшилъ, что это дикіе олени.

— Ну, утромъ поохотимся на нихъ, а теперь темно,—сказалъ не подозрѣвающій ничего Уріан и успокоился.

Люди его и работники разошлись тѣмъ временемъ по разнымъ дѣламъ, кто въ лѣсъ, кто куда. На одного изъ нихъ какъ разъ напали люди Мolунà: схватили бѣднаго тунгуса, скрутили и привели къ вождю своему. Мolунà посмотрѣлъ на схваченнаго и говоритъ ему:

— Скажи намъ, какъ узнать твоего вождя, по какимъ примѣтамъ, и мы оставимъ тебя въ живыхъ, а иначе тебѣ грозитъ смерть.

Испугался плѣнникъ и говоритъ:

— Когда мы сядемъ за ѣду, онъ одинъ лишь среди насъ будетъ сидѣть на камнѣ, [1]) и когда ему станутъ давать пищу, будетъ подставлять не голую ладонь, какъ мы, а таловыя стружки, чтобы не смягчить на пальцахъ кожу и мозоли отъ тетивы лука; вы это и примѣчайте.

— Хорошо, да смотри, не проговорись,—сказалъ Мolунà.

Тунгусъ ушелъ и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь, наступило утро. Уріан со своими людьми сѣли на берегу у костра ѣсть. Но только что онъ принялся за ѣду, какъ надъ головой его прожужжала стрѣла, пущенная изъ-за кустовъ рукой Мolунà. Не ожидавшій ничего подобнаго, Уріан метнулся съ мѣста и

---

[1]) Въ тѣ времена люди садились за ѣду не въ чумѣ, а внѣ его, вокругъ костра.

однимъ прыжкомъ, безъ всякаго оружія, перескочилъ черезъ рѣчку, но здѣсь его догнала вторая стрѣла Моlунâ и впилась ему въ икру ноги. Безоружный и раненый Уріäн сѣлъ на берегу, а враги его тѣмъ временемъ, выскочивъ изъ-за кустовъ, стали осыпать его тучами стрѣлъ.

Однако—и безоружный, и раненый—Уріäн такъ ловко отстранялся отъ направленныхъ на него стрѣлъ, что ни одна изъ нихъ не попадала въ него. Долго стрѣляли въ него, но все безъ результата. Наконецъ Уріäн крикнулъ своимъ противникамъ:

— Что же вы одни все стрѣляете? Бросьте и мнѣ кто нибудь свой лукъ и стрѣлы, попробую и я пострѣлять въ васъ!

Никто, разумѣется, не бросилъ ему своего лука.

— Ну, все равно,—сказалъ тогда Уріäн,—что мнѣ теперь маяться хромому; скоро вы меня такъ ли иначе доканаете, такъ стрѣляйте же хорошенько!—и, закрывъ глаза, тотчасъ же палъ, пораженный въ нѣсколькихъ мѣстахъ стрѣлами.

Моlунâ съ людьми очень скоро послѣ этого справились и съ людьми, и съ работниками Уріäн'а. Жена Уріäн'а сдѣлалась добычей побѣдителя, но передъ тѣмъ, какъ быть уведенной, успѣла спрятать маленькаго сына своего подъ опрокинутый котелъ.

Довольно далеко отъ мѣста побоища, въ сторонѣ, въ лѣсу, жилъ престарѣлый отецъ убитаго Уріäн'а. Туда то и направился Моlунâ. Явившись къ старику, Моlунâ съ насмѣшкой сказалъ ему:

— Убили сегодня одного мойку [1]), но онъ оказался настолько худъ, что даже мозги растаяли [2]).

Понялъ старикъ, какая участь постигла его сына, поникъ головой и проговорилъ:

— Какъ не быть сухимъ и не стаять мозгамъ, въ послѣдніе три года онъ одинъ своей охотой на дичь прокармливалъ семь семей.

Посмотрѣлъ Моlунâ на старика, на его дряхлость и, рѣшивъ, что не стоитъ убивать его, отправился къ себѣ домой. По его уходѣ старикъ пошелъ къ мѣсту табора своего сына, увидѣлъ его трупъ, нашелъ подъ котломъ мальчугана и, взявъ его съ собой, вернулся къ себѣ домой. Сталъ старикъ воспитывать своего внучка. Долго-ли, коротко-ли—неизвѣстно, сколько прошло времени—мальчикъ ужъ подросъ, сталъ рѣзвиться, поигрывать лукомъ а скоро сталъ и охотиться. Гоняясь за дичью, каждый разъ дальше и дальше отъ дома сталъ уходить сынъ Уріäн'а: что ни день, то онъ позже и позже возвращался домой. Бродя такъ по лѣсамъ и лугамъ, между горъ и озеръ, онъ увидѣлъ однажды затесь на деревѣ, тамъ другую, третью. Затесь была старая, совсѣмъ посѣрѣвшая. Сталъ парень прослѣживать затесь и увидѣлъ, что она показываетъ чей то путь, идя въ одномъ направленіи, правильно и на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Вернувшись домой, парень сталъ разспрашивать дѣда—какія это затеси на деревьяхъ? Старикъ отдѣ-

---

[1]) Годовалый олений теленокъ.

[2]) Костный мозгъ оленя въ сыромъ видѣ—у тунгусовъ лакомое блюдо. У сухого животнаго онъ разжижается и теряетъ свой вкусъ, почему выбрасывается.

лался незнаніемъ. Заинтересовали парня эти старыя затеси, чуялось ему, что тутъ кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаще и чаще сталъ онъ приходить къ этимъ затесямъ и пробовать прослѣдить ихъ и чаще и настойчивѣе разспрашивать о нихъ дѣда. Спрашивалъ онъ его и объ отцѣ своемъ:

— Скажи же, дѣдъ, вѣдь долженъ быть у меня отецъ и мать; гдѣ же они, или что съ ними сталось?

Но дѣдъ упорно молчалъ. Сталъ сынъ Уріäн'а приходить къ загадочнымъ затесямъ еще чаще и прослѣживать ихъ еще дальше, такъ что началъ уходить уже не на день, а на нѣсколько дней и настойчивѣе приставать къ старику съ разспросами. Видитъ старикъ, что парень возмужалъ и окрѣпъ и что его не удержишь: того и смотри—уйдетъ самъ, и разсказалъ ему все объ Уріäн'ѣ и его смерти.

— Былъ у меня Моlунà,—добавилъ старикъ къ своему разсказу,—посмѣялся надо мной и сказалъ, что на обратномъ пути сдѣлаетъ затеси, чтобы его могли отыскать, если найдутся какіе-нибудь родственники и мстители за Уріäн'а. Но ты, дитя мое, не вздумай преслѣдовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя былъ отецъ, и не плохъ долженъ быть человѣкъ, которому удалось убить его; не тебѣ съ нимъ тягаться.

Не таковъ былъ однако сынъ Уріäн'а, чтобы его можно было испугать. Попрощался онъ со старикомъ, взялъ свои охотничьи снаряды и отправился въ путь. Долго онъ шелъ и пришелъ, наконецъ, къ старому кузнецу. Здѣсь парень остался на нѣкоторое время и заставилъ старика ковать себѣ оружіе, а самъ занялся охотой и прокармливалъ старика, пока тотъ ковалъ ему. Скоро старикъ выковалъ ему броню желѣзную и множество стрѣлъ, но догадываясь о томъ, кто можетъ быть его заказчикъ, долго уговаривалъ его—не ходить къ Моlунà и вернуться обратно. Тотъ опять таки не послушался. Тогда старикъ указалъ ему путь къ Моlунà и пожелалъ ему успѣха и тотъ снова отправился въ путь. Скоро показался лагерь Моlунà. Снялъ сынъ Уріäн'а съ себя броню, колчанъ со стрѣлами, отложилъ лукъ, спряталъ все это въ лѣсу и самъ, одѣвшись въ рваную одеженку, пошелъ къ чумамъ. По серединѣ лагеря стоялъ чумъ, сдѣланный лучше и просторнѣе другихъ. Рѣшивъ, что это и долженъ быть чумъ вождя, парень вошелъ въ него. Въ чумѣ были однѣ женщины, мужчины же ни одного.

Стали женщины разспрашивать парня, кто онъ, откуда и зачѣмъ ходитъ. Пришлецъ выдалъ себя за заблудившагося сироту, случайно набредшаго на жилье. Скоро стали слышны голоса возвращающихся съ охоты хозяевъ. Сынъ Уріäн'а выглянулъ за дверь и, увидѣвъ подходящихъ къ чумамъ людей, сразу и безошибочно опредѣлилъ— кто изъ нихъ долженъ быть самъ Моlунà Дѣйствительно, скоро вошелъ въ чумъ самъ Моlунà, и, замѣтивъ новое лицо, спросилъ, что это за парень. Тотъ самъ повторилъ ему то же, что передъ тѣмъ говорилъ женщинамъ.

— А накормили ли его?—спросилъ хозяинъ бабъ.

— Кормили,—отвѣтили тѣ.

Сталъ Моlунà тутъ разсказывать, какъ онъ убилъ когда-то Уріäн'а, какъ дѣлалъ затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Уріäн'а родныхъ,—закончилъ онъ,—иначе пора бы кому-нибудь притти.

— Гмъ, такъ ты хвалишься, оказывается, тѣмъ, что убилъ его хитростью, изъ-за угла?!—воскликнулъ сынъ Уріäн'а, вскочивъ съ мѣста;—я прослѣдилъ твой путь и пришелъ по твоимъ слѣдамъ!

Услышавъ это, Моłунà кинулся на него съ ножемъ, но тотъ успѣлъ выскочить. Крикнулъ тогда Моłунà своимъ людямъ:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но Уріäн'овъ сынъ былъ уже далеко; онъ прибѣжалъ въ лѣсъ, къ тому мѣсту, гдѣ спряталъ свои доспѣхи, одѣлся, взялъ свои стрѣлы и лукъ и двинулся на встрѣчу людямъ Моłунà. Тѣмъ временемъ и самъ Моłунà, одѣтый и вооруженный, вышелъ къ своимъ людямъ, а тѣ уже начали стрѣлять въ пришельца; уже цѣлыя тучи стрѣлъ летѣли на сына Уріäн'а, но ни одна не могла попасть въ него, такъ какъ онъ увертывался и отклонялся отъ каждой изъ нихъ, между тѣмъ какъ люди Моłунà одинъ за другимъ падали пораженные стрѣлами пришельца; ни одной стрѣлы онъ не пустилъ мимо; что ни выстрѣлъ—то убитый или смертельно раненый. Со свистомъ летѣли его смертоносныя стрѣлы, опустошая ряды его враговъ. Мѣтко стрѣлялъ парень, ни разу не промахнулся и скоро перестрѣлялъ всѣхъ людей и работниковъ Моłунà. Остались они вдвоемъ другъ противъ друга; у нихъ уже начали разрываться отъ стрѣлъ соединительныя вязки броней, а сынъ Уріäн'а все приближается къ своему противнику.

— Пощади, не убей; есть у меня дочь, возьми ее себѣ въ жены; дамъ я тебѣ за ней оленей и другого добра, сохрани только жизнь мнѣ!—взмолился Моłунà.

Парень опустилъ свой лукъ и пересталъ стрѣлять. Помирившись, Моłунà дѣйствительно выдалъ за него свою дочь. Тутъ же сынъ Уріäн'а нашелъ свою мать. Долго ли прожилъ здѣсь сынъ Уріäн'а—неизвѣстно, только однажды онъ собрался въ обратный путь. Взялъ онъ свою жену, мать, оленей съ женинымъ имуществомъ и двинулся въ свою сторону. Дорогой, на обратномъ пути, онъ охотился. Иногда останавливались и дневали, тогда онъ уходилъ охотиться на цѣлый день. Однажды на одной изъ такихъ остановокъ ихъ догналъ Моłунà, хозяина не было дома. Моłунà зналъ это; онъ давно уже слѣдилъ за своимъ зятемъ и искалъ лишь удобнаго случая убить его. Выдача за него замужъ своей дочери была съ его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя въ чумъ, Моłунà приказалъ женщинамъ собрать всю кладь вокругъ чума. Когда женщины исполнили это, онъ сказалъ:

— Сынъ Уріäн'а придетъ вечеромъ, поздно; я спрячусь здѣсь, между кладью. Вечеромъ, когда онъ будетъ возвращаться, вы откройте дверь чума ему навстрѣчу, и когда огонь освѣтитъ его въ темнотѣ—я застрѣлю его.

Женщины не посмѣли ослушаться. Залегъ Моłунà между тюками и сталъ ждать. Наступилъ вечеръ, стемнѣло. Скоро послышались и шаги человѣка. Вотъ они ближе и ближе подходятъ къ чуму. Въ это время раскрылась дверь чума и огонь отъ костра освѣтилъ сына Уріäн'а. Охотникъ подошелъ къ чуму и только что сталъ заносить ногу, чтобы войти, какъ мимо него прожужжала стрѣла.

— Ну, Моlуна, на этотъ разъ я тебя уже не пощажу,—проговорилъ сынъ Урiан'а, сразу узнавъ своего врага, и бросился къ тому мѣсту, откуда прилетѣла стрѣла. Увидѣвъ, что промахнулся, что старая испытанная рука измѣнила, Моlуна кинулся бѣжать; но не долго бѣжалъ онъ: стрѣлы, пущенныя вѣрной и сильной рукой Урiан'ова сына, поразили его на смерть. Такъ кончилъ Моlуна свою жизнь, а сынъ Урiан'а съ женой и матерью продолжалъ на утро свой путь.

'Оран.

Среди Илимпейскихъ тунгусовъ былъ одинъ человѣкъ, по имени Оран. Жилъ онъ на рѣчкѣ и, перегораживая ее заколомъ, добывалъ себѣ рыбу. Однажды человѣкъ около тридцати тунгусовъ направились къ нему, чтобы убить его. На послѣднемъ ночлегѣ передъ встрѣчей съ нимъ двое изъ нихъ остались хозяйничать, а остальные направились къ 'Оран'у. Подкравшись тихонько лѣсомъ къ рѣчкѣ, они увидѣли 'Оран'а. Тотъ былъ на своемъ заколѣ. Тутъ же въ водѣ, у закола былъ вбитъ развилистый колъ, на которомъ былъ повѣшенъ его лукъ. Изъ предосторожности онъ не оставлялъ свое оружiе на берегу. Увидавъ 'Оран'а и неразлучность его со своимъ оружiемъ, тунгусы не рѣшились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли къ оставшимся двумъ товарищамъ, тѣ спросили ихъ—убили ли они 'Оран'а.

— Нѣтъ,—отвѣтили тѣ и разсказали, что видѣли.

— Эхъ, вы, столько человѣкъ и побоялись напасть на одного!—замѣтили два оставшихся тунгуса.

— Вы говорите такъ, какъ будто вы можете убить его,—возразили тѣ,—такъ идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдемъ!—сказали оставшiеся и дѣйствительно отправились.

Придя къ заколу, храбрецы увидѣли, что 'Оран'а тамъ уже нѣтъ и что онъ укочевалъ, причемъ шелъ, не выбирая чистыя мѣста для своего аргиша[1]), какъ дѣлали и дѣлаютъ обыкновенно, а прорубая цѣлыя просѣки, если попадалась чаща. Двигался 'Оран поэтому медленно и тунгусы скоро подошли къ нему настолько близко, что могли разсмотрѣть его. Тогда они обошли его и, зайдя къ нему спереди, спрятались за вывороченное корневище дерева, какъ разъ противъ пути 'Оран'а, такъ что послѣднiй въ своемъ стремленiи итти прямо долженъ былъ непремѣнно выйти на нихъ.

Выбили они въ двухъ мѣстахъ глину съ корневища вродѣ маленькихъ окошекъ и стали ждать. Скоро дѣйствительно подошелъ 'Оран и всего въ какихъ нибудь 2—3 саженяхъ отъ засады сталъ рубить мѣшавшее ему деревцо. Одинъ изъ спрятавшихся пустилъ въ него изъ своего окошка стрѣлу, но промахнулся, такъ какъ 'Оран успѣлъ уклониться отъ нея, прокричавъ крикомъ какой то птицы. Страхъ тутъ напалъ на сидѣвшихъ въ засадѣ и они бро-

[1]) Обозъ. *Ред.*

сились бѣжать. 'Оран пустилъ имъ въ догонку стрѣлу и убилъ одного изъ нихъ. Затѣмъ онъ закричалъ:

— Эй, подожди маленько, я не убью тебя!

Тотъ остановился. Подойдя къ нему, 'Оран спрашиваетъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя,—отвѣчаетъ тунгусъ.

— А развѣ вы слыхали объ 'Оран'ѣ, что пришли убить его?

— Какъ не слыхать; всѣ говорятъ о тебѣ, вотъ и пришли мы.

— А много васъ?

— Да, порядочно,—отвѣтилъ тунгусъ.

— Ну, такъ я не убью тебя, какъ и обѣщалъ; теперь же ты ступай и скажи своимъ, что видѣлъ 'Оран'а и что одинъ изъ васъ поплатился за свое желаніе убить меня,—и 'Оран мирно отпустилъ тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

Два брата.

Жили два брата: старшій, женатый—велъ хозяйство, младшій же, холостой парень—былъ лѣнтяй. Однажды жена старшаго брата замѣтила, что къ нимъ подходятъ три вооруженныхъ луками человѣка, и сообщила своему мужу. Тотъ посмотрѣлъ и видитъ, что дѣйствительно идутъ люди и, какъ ему показалось, довольно подозрительные. Затѣмъ старшій братъ говоритъ, обращаясь къ младшему:

— Слушай, братъ! Если я увижу, что это худые люди, то я мигну тебѣ. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымокуръ для оленей (а надо замѣтить, что была комариная пора), и, выйдя, приготовь тихонько отказъ [1]) и лукъ.

Братъ ничего не отвѣтилъ. Тѣмъ временемъ пришли и замѣченные люди, всѣ вооруженные и очень подозрительнаго вида. Поговоривъ немного съ пришельцами, хозяинъ мигнулъ брату, потомъ еще разъ и еще, а тотъ и не смотритъ на него; уставился глазами въ полъ и сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ это время одинъ изъ пришельцевъ вытащилъ ножъ и ударилъ имъ въ лѣнтяя; ударъ пришелся въ самое сердце и парень тутъ же умеръ. Увидя это, хозяинъ кое-какъ, въ чемъ былъ, успѣлъ выскочить на дворъ; ни лука, ни чего другого, кромѣ стараго отказа, онъ не успѣлъ съ собой захватить и пустился бѣжать. Пришельцы пустились за нимъ, но имъ не удалось догнать его и онъ спасся. Нѣкоторое время онъ скрывался, но потомъ, когда вернулся наконецъ домой, то ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья тамъ уже не оказалось. Все было ограблено и похищено; даже съ брата его, съ мертваго—было снято все, и онъ лежалъ голый. Ничего не осталось у бѣдняка, ни поѣсть или попить чего, ни одѣться во что, ни укрыться гдѣ отъ стужи; остался онъ въ одномъ лѣтнемъ платьѣ. Долго скитался бѣднякъ въ поискахъ своихъ обидчиковъ, питаясь чѣмъ Богъ пошлетъ.

---

[1]) Большой ножъ на древкѣ. *Ред.*

— Неужели жена моя, баба умная, не придумаетъ ничего, какъ намъ опять соединиться? — думалъ онъ, а самъ все искалъ, да искалъ.

Наконецъ ему удалось напасть на ихъ слѣдъ. Нашелъ онъ тутъ, на мѣстѣ одного изъ ночлеговъ, кусочекъ мяса, спрятанный его женой. Въ другомъ мѣстѣ онъ нашелъ старые унты [1]). Такъ находилъ онъ, идя изо дня въ день по слѣдамъ, въ разныхъ мѣстахъ кой какія необходимыя для него вещи. Пока такъ скитался ограбленный мужъ, наступила уже осень; пошелъ снѣгъ, начались холода. Скиталецъ мерзъ, голодалъ, ночевалъ гдѣ придется, но шелъ все впередъ, пока наконецъ не открылъ убѣжища своихъ обидчиковъ. Однако онъ не могъ ничего подѣлать: похитители, три брата, изъ которыхъ старшій владѣлъ всѣмъ его добромъ и женой, всегда были на-сторожѣ. Между тѣмъ морозы росли. Наконецъ, въ одинъ морозный день, послѣ такой же ночи, старшій братъ говоритъ своимъ младшимъ братьямъ:

— Ну, врагъ нашъ теперь навѣрное уже замерзъ и болѣе не придетъ, такъ что опасаться намъ нечего больше.

— А порозъ [2]) вашъ былъ охотничій? — спросилъ онъ, обратясь затѣмъ къ своей плѣнницѣ.

— Да, былъ охотничій,—отвѣтила та.

— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь сегодня охотиться,—сказалъ онъ,—вы тоже можете итти поохотиться, если хотите,—добавилъ старшій, обращаясь къ братьямъ, и дѣйствительно уѣхалъ на охоту за дикими оленями. Братья тоже уѣхали въ разныя стороны. Осталась плѣнница одна домовничать. Замѣтивъ, что всѣ разошлись изъ чума, слѣдившій за ними ограбленный мужъ пришелъ въ чумъ, гдѣ нашелъ свою жену.

— Ты еще живъ?—воскликнула обрадованная женщина.

— Да, живъ! Ну, а лукъ мой еще цѣлъ? — спросилъ въ свою очередь мужъ.

— Цѣлъ. Каждый изъ нихъ пробовалъ натянуть твой лукъ, но ни одинъ не смогъ.

Взялъ человѣкъ свой лукъ, но, обезсиленный долгимъ холоданьемъ и голоданьемъ, не могъ и самъ натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча дала такой совѣтъ:

— Ты теперь голоденъ и слабъ, такъ не стрѣляй изъ далека, промахнешься, а выжди лучше и стрѣляй, когда они сядутъ за ѣду, чтобы бить навѣрняка.

Мужъ такъ и рѣшилъ поступить, а самъ спрятался. Время шло; день близился къ концу. Къ вечеру, одинъ за другимъ пришли младшіе братья и такъ же, одинъ за другимъ, были убиты мстительной рукою стрѣлка. Наконецъ послѣднимъ сталъ подъѣзжать и старшій братъ. Порозъ подъ нимъ, почуявъ стараго хозяина, сталъ хоркать [3]).

— Что ты хоркаешь? или пришелъ твой старый хозяинъ?! Нѣтъ,

---

[1]) Обувь изъ оленьихъ камусовъ (ножныхъ шкурокъ). *Ред.*

[2]) Нехолощеный самецъ. *Ред.*

[3]) Хрюканіе оленя, напоминающее хрюканіе свиньи, на сѣверѣ называютъ „хорканіемъ".

братъ, шалишь; онъ ужъ теперь не придетъ; ужъ замерзъ поди гдѣ нибудь!—говорилъ сѣдокъ, сердясь на оленя и нанося ему удары палкой по рогамъ. Олень тѣмъ не менѣе не переставалъ хоркать. Подъѣхалъ охотникъ домой, оглянулся, осмотрѣлся, но, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, вошелъ къ себѣ въ чумъ. Женщина собрала ему ѣсть, но только что онъ сѣлъ и взялся за первый кусокъ, какъ свалился, пронзенный вражьей стрѣлой; смертельно раненый, онъ тутъ же умеръ, едва успѣвъ сказать вышедшему къ нему врагу:

— Тамъ я убилъ сегодня дикаго оленя, такъ ты не бросай его; онъ жирный.

Мужъ же на утро, взявъ указаннаго дикаго оленя и забравъ съ собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитымъ, поѣхалъ на старое мѣсто, гдѣ жилъ раньше.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ III

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Новости этнографической литературы.

Русская этнографія находится въ счастливомъ положеніи: ею занимаемся не мы одни, русскіе; ею усердно занимаются и поляки. Польскіе этнографическіе журналы имѣютъ статей по русской этнографіи едва ли не больше, чѣмъ статей по польской этнографіи. Конечно, поляки интересуются малоруссами и бѣлоруссами, а не великоруссами. Къ сожалѣнію, они мало знаютъ нашу, русскую, литературу по этнографіи и ею почти не пользуются, разумѣется, къ невыгодѣ для себя.

Сырой матеріалъ по русской этнографіи до сихъ поръ настолько преобладаетъ, что изслѣдованія въ немъ теряются и его почти никогда не исчерпываютъ. Само собою разумѣется, наши общества разныхъ наименованій не въ силахъ справляться съ грудою разнообразныхъ записей и описаній, и потому значительная ихъ часть складывается пока въ архивахъ, въ ожиданіи лучшихъ дней, когда появится издатель или изслѣдователь.

Лучшіе дни настаютъ для сборника пѣсенъ *Гоголя*. Его небольшое собраніе, составленное изъ великорусскаго и малорусскаго матеріала, отысканное въ Румянцевскомъ музеѣ въ одной изъ его записныхъ книжекъ, уже печатается Академіей Наукъ.

Черезъ годъ оно выйдетъ въ свѣтъ и тогда только можетъ быть оцѣнено по достоинству.

То же можно сказать о знаменитомъ собраніи Петра Васильевича *Кирѣевскаго*. Забытое было своимъ собственникомъ—московскимъ Обществомъ Любителей Россійской словесности, оно опять показывается передъ ученой публикой. Общество недавно поручило А. В. Маркову подготовить его къ изданію, съ тѣмъ, чтобы выпустить въ свѣтъ понемногу, сообразно съ денежными средствами Общества. Какъ извѣстно, Общество уже издало, подъ редакціей Безсонова, былины и историческія пѣсни этого собранія; оно же предоставило Безсонову воспользоваться изъ него духовными стихами. Но всетаки остается издать огромное количество лирическихъ и бытовыхъ пѣсенъ, въ записяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

О новѣйшихъ собраніяхъ этнографическаго матеріала я не буду говорить. Изъ нихъ нѣтъ ни одного столь важнаго, чтобы оно заслуживало особеннаго вниманія. Поэтому я перехожу къ изслѣдованіямъ.

Первое по достоинству и по значенію принадлежитъ г. *Ветухову* и называется: „Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова“, Варшава, 1907. Авторъ—послѣдователь покойнаго Потебни (стр. 4); уже и поэтому мы должны ожидать отъ него нѣкоторой односторонности.

И такая односторонность у него дѣйствительно есть.

„Задача изслѣдователя, говоритъ г. Ветуховъ (стр. 2),—вскрывать хотя отчасти тѣ основы, на которыхъ созидалась вѣра въ чудодѣйную силу заговора, подглядѣть иногда, какъ бьется или билась мысль народная, стараясь оградить себя отъ могучихъ силъ стихійныхъ“.

Всѣмъ извѣстно, что заговоры нерѣдко оказываютъ желаемое дѣйствіе, что спеціалисты успѣшно „заговариваютъ“ кровь и зубы, что они излѣчиваютъ отъ лихорадки. Вообще сила заговоровъ несомнѣнна. Въ чемъ же она?

Авторъ указываетъ на внушеніе и самовнушеніе, важность которыхъ уже вполнѣ признается и медициной и экспериментальной психологіей. Даже пресловутый „отводъ глазъ“, говоритъ авторъ (стр. 3), „получаетъ нынѣ серьезное основаніе въ наблюденіяхъ надъ нервными больными, причемъ открывается возможность передачи чувствительности другому лицу или даже предмету, подмѣчается способность человѣка жить—такъ сказать—двумя душами въ одномъ тѣлѣ“.

„Созданіе заговоровъ, точнѣе—творчество мысли народной въ этомъ направленіи, продолжаетъ авторъ (стр. 41), не прекратилось и понынѣ. Живучесть ихъ поразительна; для нихъ нѣтъ строго опредѣленной, отмежеванной эпохи, когда они народились и потомъ, исподволь развившись, существуютъ лишь какъ культурное переживаніе“.

Источникъ народнаго творчества въ области заговоровъ—вѣра въ могущество человѣческаго слова.

Какъ стараются выгнать изъ больнаго болѣзнь или злаго духа, шумомъ, криками, выкуриваньемъ, какъ пытаются „передать болѣзнь“ другому лицу черезъ передачу ему вещи больного, такъ на болѣзнь и на человѣка дѣйствуютъ заговоромъ.

Авторъ разбираетъ формы заговоровъ, распредѣляетъ заговоры по группамъ и затѣмъ приступаетъ къ отдѣльнымъ заговорамъ.

Изслѣдованіе объ отдѣльныхъ заговорахъ составляетъ большую часть его книги.

Онъ начинаетъ съ заговоровъ русскихъ, отъ нихъ переходитъ къ славянскимъ, нѣмецкимъ, романскимъ и т. п. и вообще не упускаетъ ничего подходящаго изъ доступной ему литературы предмета. Конечно, ему приходится пользоваться большими сборниками и монографіями, такъ какъ пытаться исчерпать матеріалъ нашихъ губернскихъ вѣдомостей и журналовъ заграничныхъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ почти что невозможно.

Такимъ образомъ г. Ветуховъ послѣдовательно разбираетъ заговоры отъ лихорадки, отъ сглаза, отъ кровотеченія, отъ зубной боли, отъ рожи, чирьевъ, бородавокъ, утина и т. д.

Разборъ производится съ отличнымъ знаніемъ и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Обширная (слишкомъ 500 страницъ) монографія г. Ветухова, дающая новыя точки зрѣнія и превосходно объясняющая многое изъ того, надъ чѣмъ останавливались въ недоумѣніи ученые,—наиболѣе выдающееся явленіе въ нашей этнографической литературы послѣдняго времени. Она доставила бы честь любой литературѣ европейскаго Запада.

Но, какъ я сказалъ, въ ней есть нѣкоторая односторонность.

Г. Ветуховъ мало интересуется литературными вліяніями и обращаетъ меньше, чѣмъ нужно, вниманія на литературное заимствованіе.

То, что мы называемъ теперь *заговоромъ*, у грековъ византійскаго періода, имѣло часто форму *апокрифической молитвы*.

Значительное число апокрифическихъ молитвъ въ переводѣ на церковно-славянскій языкъ разновременно перешло отъ грековъ къ православнымъ славянамъ, всего болѣе къ русскимъ.

Г. Ветуховъ знакомъ съ частью изданныхъ греческихъ и славянскихъ апокрифическихъ молитвъ (съ сборникомъ Васильева, „врачевальными молитвами" Алмазова, съ монографіей Мансветова о трясавицахъ), но пользуется ими наравнѣ съ народными заговорами, разсматривая ихъ не какъ источники послѣднихъ, а какъ параллельныя данныя.

Между тѣмъ въ рядѣ случаевъ апокрифическія молитвы были, несомнѣнно, источниками заговоровъ какъ въ цѣломъ, такъ въ частяхъ, въ многочисленныхъ отдѣльныхъ подробностяхъ. „Шелъ Іисусъ Христосъ", такъ начинается одинъ заговоръ; „шли апостолы Петръ и Павелъ", такъ начинается другой. Подобные приступы мы находимъ нерѣдко въ апокрифическихъ молитвахъ. „На морѣ на окіянѣ": иногда такъ начинаются заговоры. И подобный приступъ имѣется въ апокрифическихъ молитвахъ.

Однимъ словомъ взаимныя отношенія заговоровъ и апокрифическихъ молитвъ нуждаются въ изслѣдованіи и могутъ дать для многихъ подробностей заговоровъ важные результаты.

Само собой разумѣется, для такого изслѣдованія необходимо воспользоваться прежде всего недавнимъ, очень важнымъ сборникомъ апокрифическихъ молитвъ Алмазова: „Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры. Къ исторіи византійской отреченной письменности", Одесса, 1901, а также другими сборниками: Порфирьева, Каратыгина, Качановскаго, Алмазова и наконецъ Прагеля [1]).

Другая монографія принадлежитъ польской литературѣ. Авторъ ея—*М. Жмигродскій* (M. Żmigrodzki): Lud Polski i Rusi wśród Słowian i Aryów. Obrzędy weselne", Краковъ, 1907.

Авторъ задался мыслью дать сравнительное освѣщеніе и оцѣнку народнымъ обычаямъ и вѣрованіямъ поляковъ и малоруссовъ и началъ со свадебнаго ритуала.

Мысль его можно назвать счастливой, но выполненіе оставляетъ желать много лучшаго.

Сначала онъ подробно описываетъ ритуалъ польскій, по-

---

1) *Pragel*; „Griechische und süditalienische Gebete, Beschworungen und Rezepte des Mittelalters". Giessen, 1907.

томъ ритуалъ малорусскій, но такъ, что въ описаніи ритуала польскаго пользуется данными и терминами несомнѣнно малорусскими (коровай, дружко, прыданка и т. п.). Кажется, по обычаю многихъ поляковъ, онъ отрицаетъ существованіе русскаго населенія въ предѣлахъ Царства Польскаго и потому матеріалы изъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній признаетъ за польскіе.

Описаніе этихъ двухъ ритуаловъ занимаетъ половину монографіи.

Описанія остальныхъ ритуаловъ болѣе или менѣе кратки.

За ритуаломъ малорусскимъ авторъ помѣщаетъ ритуалъ южно-славянскій. Его описаніе составлено исключительно на основаніи совершенно устарѣвшихъ трудовъ Крауса (1885 г.) и Сумцова (1881 г.); даже обильные матеріалы „Сборника" болгарскаго министерства нар. просв. остались ему неизвѣстны.

Описаніе остатковъ ритуала западно-славянскаго—лучше предыдущаго, но и въ немъ не видно знакомства автора съ новѣйшими этнографическими изданіями. Описанія ритуаловъ литовскаго и латышскаго, римскаго и итальянскаго, древне-греческаго, древне-индійскаго и ново-индійскаго, нѣмецкаго, французскаго, ирландскаго и т. д. составлены кратко и наскоро, но даютъ полезный матеріалъ.

Великорусскому ритуалу у г. Жмигродскаго совсѣмъ не посчастливилось. Ему извѣстно его разнообразіе; тѣмъ не менѣе онъ описалъ его всего на 20 страницахъ, исключительно на основаніи далеко не современныхъ трудовъ Н. Ѳ. Сумцова.

Выводовъ г. Жмигродскій не даетъ никакихъ. Его попытки уяснить значеніе или происхожденіе нѣкоторыхъ подробностей свадебнаго обряда рѣдко бываютъ удачны.

Значеніе купальскаго праздника и теперь, и особенно въ старое время заставляетъ меня упомянуть о статьѣ г. *Матусяка* въ львовскомъ журналѣ „Lud" (т. XIII): „Sobótka".

Къ сожалѣнію, авторъ ограничивается объясненіями названій этого праздника: польскаго *Sobótka*, русскаго *Купало—Купайло*, словинск. *Kres*, очень мало удачными; по его мнѣнію, первое происходитъ отъ того, что будто бы въ старой Польшѣ прогалины въ лѣсу назывались *соботками*, второе и третье—отъ именъ древняго славянскаго божества...

А. Соболевскій.

Д-ръ Генрихъ Шурцъ. „Исторія первобытной культуры". Переводъ съ нѣмецкаго проф. *И. Н. Смирнова*, подъ редакціей, съ предисловіемъ и дополненіями *Д. А. Клеменца*. 434 рис. въ текстѣ, 8 хромолитографій, 15 гравюръ и автотипій и 1 карта. С.-Петербургъ. Книгоиздательство „Просвѣщеніе".

Объемистый томъ въ 663 страницы, принадлежащій перу талантливаго, рано скончавшагося ученика Фр. Ратцеля—Генриха Шурца, появившійся въ переводѣ двухъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ, представляетъ несомнѣнно цѣнный вкладъ въ небогатую, въ общемъ, нашу этнографическую литературу. Книга Шурца имѣетъ большой интересъ не только для ученыхъ—спеціалистовъ, которые найдутъ въ ней много оригинальныхъ мыслей и смѣлаго исканія новыхъ путей въ области этнологическихъ изысканій, но и для читателей—неспеціалистовъ, такъ какъ она способна возбудить живой интересъ къ изученію исторіи культуры и освѣтить для нихъ многое въ окружающей насъ жизни, мимо чего нерѣдко даже образованный человѣкъ проходитъ равнодушно, не чувствуя величія часто неблестящихъ предметовъ и скромныхъ по своему содержанію фактовъ и явленій.

Большіе труды Шурца (списокъ всѣхъ его трудовъ, до мелкихъ газетныхъ статей включительно, читатель найдетъ на стр. 664 и 665-й русскаго изданія) вообще производятъ впечатлѣніе, будто авторъ ихъ предвидѣлъ скорую свою кончину и торопился высказать свои мысли, которыя давили его самого и перебивая другъ друга, просились на бумагу. И это впечатлѣніе выступаетъ особенно отчетливо при чтеніи его „Исторіи первобытной культуры". Этнологія ждетъ еще своего Дарвина, и только тотъ, кто во всеоружіи массы фактовъ, которыми располагаетъ современное народовѣдѣніе, будетъ обладать геніальнымъ мышленіемъ великаго біолога, въ состояніи будетъ написать книгу, которая оправдаетъ такое заглавіе. Шурцъ ясно сознавалъ всю трудность своей задачи и не переоцѣнивалъ своихъ силъ. „У культурныхъ народовъ нѣтъ еще настоящей исторіи ихъ бытія и возникновенія" — говоритъ онъ въ заключеніи своей книги. „Если когда нибудь возьмутся за писаніе такой исторіи, то прежде всего нужно будетъ заложить прочный фундаментъ, а для этого необходимо изслѣдованіе тѣхъ весьма несложныхъ, но мало понятныхъ явленій, на которыхъ возвышается колоссальный храмъ высшей цивилизаціи. Фундаментомъ же будетъ служить не что иное, какъ созданный упорной и тяжелой работой многихъ компетентныхъ работниковъ трудъ. Моя книга можетъ считаться только подготовительной работой къ будущей, которая дастъ намъ настоящую и всестороннюю исторію первобытной культуры". Такъ смотрѣлъ на свою работу самъ авторъ ея. И можно съ увѣренностью сказать, что своими трудами, въ которые онъ вложилъ всю свою недолгую, полную кипучей работы жизнь, Шурцъ самоотверженно и добросовѣстно поработалъ надъ закладкой фундамента того храма, который онъ видѣлъ вдали, и почву для этого фундамента онъ расчищалъ надежною и неутомимою рукою. Много труда въ разныхъ областяхъ положено имъ было на изслѣдованіе „зачаточныхъ явленій", но пылкій темпераментъ и большія познанія вмѣстѣ съ недюжиннымъ талантомъ — влекутъ его почти

всегда и вездѣ на путь болѣе широкаго строительства. Изслѣдуя, напримѣръ, вопросъ о возникновеніи одежды, онъ хочетъ создать не менѣе чѣмъ „философію одежды“ и въ то же время горячо настаиваетъ на дедуктивномъ методѣ въ этнологіи, свои же выводы строитъ на болѣе чѣмъ неполномъ матеріалѣ, такъ какъ основательно изученъ имъ былъ лишь матеріалъ, касающійся этнографіи Африки. И въ этомъ слабая сторона работъ Шурца вообще, какъ впрочемъ, и всей школы, изъ которой онъ вышелъ. Заключенія и слишкомъ широкія обобщенія дѣлаются безъ полнаго и обстоятельнаго знакомства съ генезисомъ и постепеннымъ развитіемъ матеріальныхъ факторовъ культурнаго развитія человѣчества. И въ этомъ смыслѣ надежнѣе путь, избранный французской школой въ лицѣ ея молодыхъ представителей, которые именно съ особеннымъ стараніемъ и любовью занялись изученіемъ генезиса „зачаточныхъ явленій“ и фактовъ и отказываются пока отъ созиданія всего зданія исторіи культуры или хотя-бы „философіи“ отдѣльнаго ея элемента.

Обстоятельную критику міросозерцанія Г. Шурца вмѣстѣ съ краткой его біографіей читатели найдутъ въ весьма цѣнномъ предисловіи къ русскому изданію его книги, написанномъ Д. А. Клеменцомъ. Предисловіе это можетъ служить образцомъ безпристрастной критики вообще. Спокойно и съ любовью къ собрату по научнымъ интересамъ, авторъ критическаго обзора работъ Шурца вскрываетъ всѣ основные пункты разногласія, которые образуютъ зіяющую пропасть, отдѣляющую нѣмецкаго патріота націоналиста со всѣми присущими этому типу грубыми чертами міровоззрѣнія отъ широкаго гуманиста съ нѣжной и многосторонней славянской душой; вскрываетъ безъ раздраженія, съ тихой грустью надъ заблужденіями своего противника, съ полнымъ признаніемъ его таланта, ума и заслугъ въ области науки.

Перу Д. А. Клеменца принадлежатъ также многочисленныя примѣчанія редактора, которыя содержатъ то цѣнныя библіографическія указанія, то дополненія и примѣры изъ личныхъ наблюденій и обширнаго знакомства съ этнографіей Сибири, то важныя разъясненія, которыя будутъ по достоинству оцѣнены читателями — неспеціалистами въ области этнологіи и археологіи. Въ лицѣ Д. А. Клеменца съ его предисловіемъ и примѣчаніями такой читатель имѣетъ надежнаго путеводителя.

Н. Могилянскій.

М. А. Энгельгардтъ. Вредныя и благородныя расы. Спб. 1908 Стр. 40. Ц. 15 коп.

Съ большимъ интересомъ читается популярно написанная брошюра г. Энгельгардта, задавшагося цѣлью разобраться въ противорѣчивыхъ взглядахъ разныхъ ученыхъ на пониманіе термина „раса“. Авторъ, прежде всего, останавливается на попыткахъ „связать съ опредѣленнымъ соматическимъ (физическимъ) типомъ расы опредѣленный типъ моральныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ“, т.-е. „по соматическимъ признакамъ опредѣлять признаки психическіе“. Тщательный анализъ этихъ попытокъ приводитъ автора къ заключенію, что „во всякомъ случаѣ никакой связи между соматическими расовыми

признаками и психическимъ типомъ мы установить не можемъ“ и что „вообще нельзя установить опредѣленнаго физическаго (соматическаго) типа, соотвѣтствующаго опредѣленному психическому типу“. По опредѣленію автора, расовый признакъ есть признакъ „прирожденный“ и „наслѣдственный“, независимый отъ внѣшнихъ условій и неизмѣнный. „Негръ во всѣхъ климатахъ будетъ родиться чернымъ, и, сколько бы поколѣній негровъ ни смѣнилось въ умѣренной странѣ, они будутъ родить черныхъ дѣтей... Расы *вымираютъ* въ борьбѣ съ другими расами (старыми или вновь возникающими); но не *измѣняются*“ (стр. 15). Ме мало мѣста удѣляетъ г. Энгельгардтъ вопросу о смѣшеніи расъ: въ то время какъ данныхъ о вредѣ этого смѣшенія почти нѣтъ, если не считать бѣглыхъ наблюденій туристовъ и путешественниковъ,—въ пользу благотворнаго вліянія скрещиванія расъ данныхъ такъ много, что о превосходствѣ „чистой расы“, каковою считается попреимуществу арійская, не можетъ быть и рѣчи. Теорія благородства арійской расы, въ смыслѣ ея моральнаго и интеллектуальнаго превосходства, не выдерживаетъ критики, такъ какъ „*никакого соотношенія* (курсивъ автора) между количествомъ арійскаго элемента въ составѣ націи и даровитостью этой націи не обнаруживается“ (стр. 32).

Въ результатѣ изложенія выводъ о несостоятельности раздѣленія расъ на „благородныя“ и „неблагородныя“ напрашивается самъ собою.

Книжку г. Энгельгардта прочтутъ съ пользой не только обыкновенные читатели, но и очень многіе газетные и журнальные публицисты, смѣшивающіе сплошь и рядомъ понятіе о расѣ съ понятіемъ о націи или народности. Не чуждъ такого смѣшенія, между прочимъ, извѣстный публицистъ г. Шараповъ.

Заголовокъ брошюры не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію, и въ самомй брошюрѣ „благороднымъ“ расамъ вездѣ противополагаются „неблагородныя“, а не „вредныя“, какъ значится на заглавномъ листѣ.

П. Э.

Д-р Іларіон Святицький. Відродженє білоруського письменства. Львовъ. 1908. 58 стр. 8°.

Вышедшая за границей на малорусскомъ языкѣ маленькая книжка можетъ остаться совсѣмъ незамѣченной, а между тѣмъ въ ней содержатся очень любопытныя указанія на быстрое возрожденіе бѣлорусской письменности. Почтенный авторъ ознакомился съ новѣйшей бѣлорусской литературой и справедливо замѣчаетъ, что въ настоящее время, даже безъ особыхъ доказательствъ, можно говорить объ этомъ возрожденіи.

Довольно богатая въ свое время бѣлорусская письменность, отъ которой дошло до насъ сотни двѣ-три грамотъ, правительственныхъ актовъ и другихъ рукописей XIII—XVII вв. да сотни двѣ печатныхъ произведеній конца XVI и начала XVII в., потомъ совершенно замерла и, казалось, угасла навсегда, если не считать собранныхъ въ теченіе XIX в., обширныхъ матеріаловъ по народной словесности и небольшихъ произведеній Маньковскаго, Чечота, Борщевскаго, Марцинкевича, Бурачка, Лучины и др. Только въ послѣднее время,

начиная съ 1904 г., среди бѣлоруссовъ началось усиленное движеніе по изданію брошюръ, книгъ и газеты на народномъ бѣлорусскомъ языкѣ. Для издательства бѣлорусскихъ произведеній возникло два кружка: „Беларусская супблка“ — Загляне сонцэ и у нашэ ваконцэ—въ С.-Петербургѣ (1904 г.) и „Общество изученія бѣлорусскаго края въ городѣ Могилевѣ“ (1905 г.). Первый проявилъ чрезвычайно живую дѣятельность, второй не обнаруживаетъ признаковъ жизни. Кромѣ того въ г. Вильнѣ небольшой кружокъ молодыхъ бѣлорусскихъ дѣятелей издавалъ двухнедѣльникъ „Наша Доля“, потомъ „Наша Нива“. Въ 1906 г. появилось около 50 нумеровъ газеты „Бѣлая Русь“, но она прекратила свое существованіе.

Г. Святицкій приводитъ множество отрывковъ изъ твореній новыхъ бѣлорусскихъ поэтовъ и писателей. Изъ этихъ любопытныхъ открывковъ отчасти и можно заключить о возрожденіи бѣлорусской литературы.

А. Сержпутовскій.

Ахмаровъ, Г. Н. Тептяри и ихъ происхожденіе. (Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. при Казан. Университетѣ. Т. XXIII, вып. 5, стр. 340—364).

Во введеніи къ своему очерку авторъ говоритъ: „Цѣль настоящихъ изслѣдованій — не этнографическое описаніе тептярей въ различныхъ отношеніяхъ, а лишь желаніе внести въ этнографическую литературу нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія спорнаго вопроса о народности тептярей, о происхожденіи ихъ названія, объ отношеніи ихъ къ тѣмъ или другимъ инородцамъ Поволжья и пр.“ (стр. 341).

Цѣль очень почтенная, если принять во вниманіе, что, по свидѣтельству автора, „литература о тептяряхъ довольно бѣдна“ и „никто ихъ тщательно не изслѣдовалъ въ различныхъ отношеніяхъ“, такъ что даже происхожденіе названія „тептярь“ остается до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ (стр. 343). Неудивительно, поэтому, что г. Ахмаровъ, несмотря на свое крайне отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ сообщеніямъ о тептяряхъ, „голословнымъ и неправдоподобнымъ“ (напр. въ книгѣ г. Рыбакова: „Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта“. Спб. 1897),—все-таки вынужденъ прибѣгать и къ такого рода литературѣ, въ погонѣ за стремленіемъ исчерпать возможно полнѣе скудный литературный матеріалъ. Предупрежденный авторомъ читатель долженъ, конечно, отнестись соотвѣтственнымъ образомъ къ „незаслуживающимъ вѣроятія“ сообщеніямъ, не подтвержденнымъ „никакими данными“, и постарается ихъ просто игнорировать, какъ излишній балластъ, мѣшающій усвоенію болѣе цѣнныхъ свѣдѣній. Это единственный упрекъ, который мы можемъ сдѣлать автору по прочтеніи его интереснаго и обстоятельнаго, не взирая на небольшой объемъ, очерка.

Читатели, которые почему-либо не могутъ ознакомиться непосредственно со статьею г. Ахмарова, найдутъ подробное ея изложеніе въ библіографической замѣткѣ г. *А. А. Б.*, помѣщенной въ I книжкѣ „Землевѣдѣнія“ (стр. 163—166) за тек. годъ, гдѣ, между

прочимъ, г. Ахмаровъ ошибочно названъ Ахматовымъ [1]). Поэтому, здѣсь мы ограничимся лишь сообщеніемъ слѣдующаго заключенія, къ которому пришелъ авторъ на основаніи данныхъ литературы и собственныхъ историко-этнографическихъ изысканій въ губерніяхъ Вятской (уѣзды: Елабужскій и Сарапульскій), Уфимской и другихъ:

„1) Названіе „тептярь" есть искаженное персидское слово дефтярь... и означаетъ запись, списокъ (именъ башкирскихъ припущенниковъ).

„Ведя особую запись своимъ припущенникамъ для обложенія ихъ оброкомъ за пользованіе землею, башкиры назвали ихъ (въ отличіе отъ прочихъ сосѣдей) по названію этой записи.

„2) Числившіеся у башкиръ по такимъ записямъ ихъ припущенники (тептяри) не составляютъ изъ себя особой народности,... а суть особый разрядъ крестьянъ, находившихся въ прежнее время въ нѣкоторой зависимости отъ башкиръ.

„3) Тептяри дѣлятся по національностямъ на тептярей-татаръ, тептярей-черемисъ и тептярей-вотяковъ. Прочихъ инородцевъ, а также и русскихъ, въ числѣ тептярей не находится.

„4) Тептяри дѣлятся также и по вѣроисповѣданіямъ—на мусульманъ и не-мусульманъ. Къ первой группѣ относятся тептяри-татары, ко второй—язычники черемисы и вотяки.

„5) Тептяри переселились въ Башкирію изъ бывшаго ханства Казанскаго, послѣ его паденія.

„6) Огромное большинство тептярей въ настоящее время составляютъ татары, религія, языкъ и обычаи которыхъ, а также и названія населенныхъ мѣстъ, доказываютъ, что они вышли изъ нынѣшнихъ губерній Казанской и Вятской и имѣютъ родственную связь съ татарами этихъ губерній, т.-е. съ казанскими татарами".

Въ концѣ статьи проф. *П. Кротовъ* сдѣлалъ такого рода выноску: „Задача тюркологовъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы происхожденіе тептярей было доказано и лингвистичесимъ путемъ". Изъ этихъ словъ г. *Кротова* явствуетъ, что онъ тюркское происхожденіе тептярей считаетъ уже достаточно доказаннымъ приведенными г. Ахмаровымъ историко-этнографическими данными и ждетъ отъ тюркологовъ лишь подтвержденія послѣднихъ данными лингвистическими. Быть можетъ, въ рѣшеніи спорнаго вопроса болѣе важную роль сыграли бы, какъ справедливо замѣтилъ и вышеупомянутый рецензентъ г. Б., данныя антропологическія, на которыя въ литературѣ о тептяряхъ нѣтъ и намека.

Обращаемъ вниманіе читателя, что послѣдній абзацъ на стр. 346 плохо редактированъ и для удобопонимаемости долженъ читаться такъ:

„Имѣя въ виду..... означающее запись, *что* административнаго значенія...... „дэптюлинь", *я* пришелъ къ заключенію" и т. д.

Э. П.

[1]) Та же ошибка въ фамиліи автора допущена и „Этнографическимъ Обозрѣніемъ" (1908, № 1 и 2: Хроника, стр. 221).

К. Иностранцевъ. Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья. Спб. 1907. Стр. 120. Ц. 1 р. 50 к. (Отд. оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XVIII, стр. 113—232).

Въ своемъ новомъ трудѣ г. Иностранцевъ даетъ арабскій текстъ сочиненія, возводимаго къ арабскому писателю IX вѣка Джāхизу (стр. 1—27), переводъ текста (стр. 28—58) и, наконецъ, его разборъ и комментарій къ нему (стр. 59—120). Сочиненіе это, несмотря на краткость, представляетъ, по мнѣнію г. Иностранцева, интересъ для науки въ трехъ отношеніяхъ: „Оно интересно во-первыхъ тѣмъ, что авторомъ его считается Джāхизъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей древняго періода арабской литературы, всѣ сочиненія котораго заслуживаютъ внимательнаго изученія и изданія. Во-вторыхъ... оно по содержанію является однимъ изъ древнѣйшихъ въ арабской литературѣ и столь мало еще изученныхъ сборниковъ примѣтъ и повѣрій, коренящихся съ одной стороны въ древней наукѣ, съ другой въ народномъ міросозерцаніи. Въ-третьихъ... эти примѣты и повѣрья возводятся въ до-мусульманскую Персію и такимъ образомъ даютъ намъ матеріалъ для ея культурной исторіи“ (стр. 60).

Разсматривая изданный трактатъ „какъ нѣчто составное“, г. Иностранцевъ раздѣлилъ свой комментарій на нѣсколько главъ, въ которыхъ выясняетъ вопросъ объ источникахъ трактата (гл. 1), касается отношеній древне-индійскихъ науки и повѣрій къ сасанидской Персіи (гл. 2), затѣмъ, переходя къ группировкѣ примѣтъ, разбираетъ повѣрья и примѣты, имѣющія связь съ календаремъ (гл. 3) и относящіяся къ опредѣленнымъ животнымъ и къ огнямъ (священному огню въ храмахъ и огню домашняго очага), а также примѣты и повѣрья общаго характера (гл. 4), и заканчиваетъ свое изслѣдованіе разборомъ физіономической части трактата, останавливаясь особенно подробно на двухъ значительныхъ группахъ физіономическихъ наблюденій: гаданіи по родимымъ пятнамъ и гаданіи по дрожанію членовъ (гл. 5).

Въ своемъ взглядѣ на значеніе примѣтъ г. Иностранцевъ примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія К. Кавелина, по мнѣнію котораго „примѣты не только памятники бытовые, но и памятники эволюціи народной психики“ (стр. 72).

Мы не беремся судить, насколько г. Иностранцевъ удачно справился съ предметомъ своего изслѣдованія, предоставляя сдѣлать это людямъ, обладающимъ спеціальною подготовкою, и ограничимся лишь сообщеніемъ, что данная работа была представлена авторомъ въ петербургскій университетъ на соисканіе ученой степени магистра арабской словесности, каковой степени авторъ и удостоенъ послѣ публичной защиты своего труда.

Э. П.

Изданія сербской Королевской Академіи за 1907 г.

Изъ изданій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ этнографіи, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить **Насеља српских земаља књ. IV подъ редакціей проф. Цвиjића.** Это огромный томъ въ 1088 стр. Въ немъ помѣщены двѣ работы: 1) д-ра Јов. Ердељановића: Кучи,

племе у Црној гори и 2 Колубара и Подгорина Любомира Павловића. Въ первой изъ нихъ слѣдующія главы: 1) Область, занимаемая племенемъ. 2) Заселенныя имъ мѣста. 3) Древности и исторія Кучей. 4) Ихъ происхожденіе. 5) Физическія особенности. 6) Общественная жизнь: родовыя группы, племенная организація, юридическій строй. 7) Экономическія условія. 8) Матеріальная культура. 9) Изъ духовной культуры: языкъ и обычаи. Вторая раздѣляется на двѣ части: общую и частную. Въ первой идетъ рѣчь о географическомъ положеніи областей, ихъ исторіи, природѣ и заселенныхъ мѣстахъ. Эта послѣдняя глава обнимаетъ экономическія условія и занятія населенія, устройство дома съ имѣющимися при немъ постройками, уцѣлѣвшія древности и данныя о старожилахъ и позднѣйшихъ поселенцахъ и о характерныхъ особенностяхъ ихъ быта. Во второй части слѣдуетъ подробное описаніе каждаго села въ отдѣльности. Къ той и другой работѣ присоединены указатели географическихъ и этнографическихъ терминовъ и именъ мѣстъ и лицъ. Заслугой проф. Цвијића является его дѣятельность, какъ руководителя географическихъ и этнографическихъ работъ въ предѣлахъ сербскихъ земель Балканскаго полуострова. Цѣлый рядъ изслѣдователей обогатили и обогащаютъ сербскую географическую и этнографическую литературу, собирая и группируя обильные матеріалы. Г. Ердељановић написалъ свою работу послѣ путешествія въ Черногорію, которое онъ предпринялъ, получивъ пособіе изъ фонда проф. Карића. Выборъ племени Кучей изслѣдователь объясняетъ интересомъ, который оно представляетъ. Кучи живутъ на границѣ сербовъ съ албанцами, они только 28 лѣтъ, какъ присоединены къ Черногоріи, а до того жили племенною жизнью внѣ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній. Въ то же время это одно изъ самыхъ большихъ черногорскихъ племенъ. Ихъ изученіе интересно для сужденія о томъ, до какого состоянія дошла извѣстная часть народа, предоставленная самой себѣ. Изъ предшественниковъ, трудами которыхъ г. Ердељановић пользовался, онъ называетъ извѣстный трудъ П. А. Ровинскаго и книгу воеводы Марка Миљанова: Племе Кучи у народној причи и пјесми. Биоград. 1904. Нѣкоторыя данныя, касающіяся обычаевъ населенія, были сообщены г. Ердељановићу Стефаномъ Дучићемъ изъ Подгорицы, который занятъ подробнымъ описаніемъ обычаевъ и вѣрованій этого черногорскаго племени. Пользуясь этими трудами изслѣдователь постоянно даетъ поправки къ нимъ и дѣлаетъ посильныя попытки къ разъясненію цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ остатками старины и особенностями быта. Таковы напр. объясненія происхожденія разсѣянныхъ вблизи жилыхъ мѣстъ кургановъ изъ камней и земли „камене и земљане гомиле“ (тумули), племеннаго имени Кучъ и отдѣльныхъ мѣстностей. При этомъ г. Ердељановић постоянно имѣетъ въ виду, въ какой формѣ извѣстное имя слышится у сербовъ и албанцевъ. Такимъ образомъ выясняется цѣлый рядъ названій и выдѣляются изъ славянскихъ такія, которыя получаютъ объясненіе изъ албан. яз. Собранный здѣсь матеріалъ представляетъ большой интересъ. Г. Ердељановичъ не соглашается съ мнѣніями ученыхъ, напр. Пайскера, который ссылается на Н. Дучића и Ровинскаго, отрицающихъ задругу у черногорцевъ. Въ главѣ о матеріальной культурѣ заслуживаютъ вниманія рисунки на стр. 249, 250,

251. Но еще болѣе даетъ ихъ Атласъ, вышедшій къ этой работѣ отдѣльно и заключающій 10 картъ и 86 фотографическихъ снимковъ. Общая карта съ нанесенными на ней именами приготовлена въ географическомъ заведеніи Университета. Карта важна для исправленя неточностей карты Ровинскаго и еще большихъ австрійской карты. Рисунки представляютъ виды мѣстностей, постройки, типы.

Г. Павловиħ изучалъ избранную имъ мѣстность Колубара и Подгорина, пользуясь руководящими указаніями проф. Цвиjиħа, опубликованными еще въ 1896. Помимо своихъ наблюденій распрашивалъ многихъ мѣстныхъ жителей, которыхъ имена и называетъ, принося имъ благодарность за оказанную помощь. Во всей этой мѣстности, центромъ которой является Валево, живетъ самое чистое сербское населеніе. Вслѣдъ за общей частію, написанной сжато, слѣдуетъ подробное, напечатанное мелкимъ шрифтомъ описаніе отдѣльныхъ селъ.

Книга 7 сербскаго этнографическаго сборника заключаетъ собраніе народныхъ обычаевъ: Обичаjи народа српскога, књига прва. Въ этомъ сборникѣ помѣщены труды Стан. М. Миjатовиħа: Обичаjи српског народа из Левча и Темниħа, свящ. Дена Дебељковиħа: Обичаjи српског народа на Косову пољу и Ат. Петровиħа: Народни живот и обичаjи у Скопскоj црноj гори. При описаніи постоянно приводятся поющіяся при совершеніи извѣстнаго обряда пѣсни. Двѣ послѣднія работы интересны помимо другого и тѣмъ, что относятся къ области Старой Сербіи и Сѣверной Македоніи. Весь томъ заключаетъ цѣнный матеріалъ, пользоваться которымъ помогаютъ указатели.

Книга 9 этнографическаго сборника редактирована Т. Р. Ђорђевиħем и посвящена сербскимъ народнымъ играмъ: **Српске народне игре** кн. 1. Во введеніи редакторъ останавливается на вопросѣ: шта je игра, т. е. что такое игра, затѣмъ говоритъ о дѣленіи игръ: деоба игара. Послѣ того слѣдуютъ замѣтки о играхъ въ такомъ порядкѣ: 1) Витешке игре, которыя предназначены для укрѣпленія тѣла, 2) забавне игре, т. е. служащія для увеселенія, 3) игре духа, загадки и пр., 4) игре за добит, т. е. азартныя игры и 5) орске игре, т. е. хороводныя, танцы. Редакторъ смотритъ на свой трудъ не какъ на монографію, посвященную играмъ, а лишь какъ на такую книгу, которая могла бы служить для руководства при собираніи матеріала. Поэтому тотчасъ за перечисленіемъ игръ слѣдуютъ напомене за скупљаче и описиваче народних орских игара, всего 119 вопросовъ. Это, разумѣется, весьма цѣнный опытъ. Послѣ замѣчаній о значеніи народныхъ игръ идетъ указаніе доставленныхъ сборниковъ игръ, вошедшихъ въ первую книгу. Это: 1) Луке Грђиħа Бjелокосиħа, собранныя въ Босніи и Герцеговинѣ, 2) Ст. М.Миjатовиħа, собранныя въ Левчѣ, и 3) Ат. Петровича, собранныя въ Скопльской Черной Горѣ.

Желая помочь собирателямъ оріентироваться, редакторъ даетъ библіографическія указанія, относящіяся къ дѣтскимъ играмъ въ сербской литературѣ, за что всякій интересующійся этимъ вопросомъ долженъ благодарить редактора. Послѣ этого слѣдуетъ описаніе самыхъ игръ собирателями, при чемъ мѣстами имѣются рисунки. Въ концѣ книги приложенъ указатель.

Въ выпускахъ **Гласа LXXII и LXXIV** помѣщены слѣдующія статьи: I. Октавиjанов илирски рат и изгнање Скордиска из Горње Мезиje

Н. Вулића; Илирска царина у римско доба, его же; Старогрчки споменици у Србији Н. Васића; Два питања из историје римске Мезије Н. Вулића; К историји домицијановых дачких ратова Н. Вулића. Поновно певање народно. Прилог испитивању српских народних песана А. Гавриловића; О песнику Јов. Дошеновићу его же, Један рани хришћански саркофаг изъ Београда В. Петковића; Један прилог историји Александра Великог Н. Вулића. А. Гавриловић, коснувшійся въ своей статьѣ пѣсенъ о Маркѣ Кралевичѣ, предлагаетъ въ концѣ ея такое дѣленіе сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Первый періодъ. Ритуальныя пѣсни: эпическо-лирическія. 2-й періодъ. Историческія пѣсни. Первая эпоха — эпическо-лирическія. Вторая эпоха: эпическія. А. Пѣсни вторичнаго происхожденія (поновно певање или препевање): а) библейско-легендарныя, б) историческія до конца XV в. Б. Новыя пѣсни (непосредно или ново певање): а) пѣсни о лицахъ до XVI в., но спѣтыя только въ это время по образцу пѣсенъ о современныхъ лицахъ того времени и событіяхъ, или съ заимствованнымъ сказочнымъ матеріаломъ; б) о ускокахъ; в) о гайдукахъ; г) объ остальныхъ лицахъ и событіяхъ до XIX в.; д) о возстаніи за освобожденіе. Сообразно съ этимъ обычный кругъ пѣсенъ о Кралевичѣ Маркѣ распадается на пѣсни, относящіяся къ отдѣламъ Аб и Ба, а косовскія пѣсни вмѣщаются всѣ въ группу Аб.

Если за основу дѣленія взять форму пѣсенъ, тогда это дѣленіе нѣсколько измѣняется. Первый, періодъ. Эпическо-лирическія пѣсни. 1) ритуальныя, 2) историческія (до конца XV в.). Второй періодъ. Эпическія пѣсни; тотъ же порядокъ, что и выше.

Не имѣя задачей входить въ разборъ этого дѣленія, должны замѣтить, что ничего новаго оно не представляетъ. Авторъ трактуетъ вопросъ слишкомъ поверхностно.

LXXIV. Јован Стеријин Поповић, од Стојана Новаковића. Интересный разборъ литературной дѣятельности сербскаго драматическаго писателя.—Један поглед на еволуционистичку правну школу, од Жив. Перића.—Мезијске легије до године 68 по Хр.; од. Н. Вулића.

Стојановић Люб. Вукова преписка книга прва. Неутомимый издатель сочиненій В. С. Караджича выпустилъ первую книгу его богатой переписки. Въ 1-й книгѣ помѣщена переписка съ Милутиновичемъ, Стеф. Живковичемъ, К. Јов. Рашковичемъ, П. Томичемъ, М. Радоничемъ, Јан. Димитријевичемъ Ђуричемъ, Ст. Ненадовичемъ, Фот. Попичемъ, Јевт. Савичемъ-Чотричемъ, Мих. Павловичемъ, Кастріотомъ, Х. В. Петровичемъ, Совѣтомъ народнымъ, Т. Тирка, Пант. Радовановичемъ, Сарой Михайловой, Копитаромъ, Савой Текели, Платономъ Атанацковичемъ, Д. Фрушичемъ, Б. Ружичемъ. Изданіе было начато П. Ђорђевичемъ, но смерть не дала ему довести до конца и половину книги. Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, переписка съ Копитаромъ. Заслуживаетъ вниманія также переписка съ Милутиновичемъ, Атанцковичемъ, Фрушичемъ. Но, разумѣется, извѣстный интересъ, особенно для біографіи, Караджича, представляютъ и всѣ другія письма. Можно пожелать редактору поскорѣе довести изданіе до конца [1]).

П. Лавровъ.

[1]) Изъ сербскихъ журналовъ, вышедшихъ лѣтомъ, видно, что вышелъ и 2-й томъ Переписки. П. Л.

Журналы за 1907—1908 гг.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. *Е. Ө. Карскій.* Бѣлоруссы Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія.—*Вл. Топоръ-Рабчинскій* Макіавелли и эпоха Возрожденія.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 1. *И. Лаппо.* Гродскій судъ въ вел. княж. Литовскомъ въ XVI столѣтіи. — *А. Рыстенко.* Фроловскій списокъ „Сновъ Шаханши".—*В. Веретенниковъ.* Очерки по исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени (и № 5). **№ 2.** *Л. Карсавинъ.* Изъ исторіи духовной культуры падающей Римской имперія.—*Фр. Вестбергъ.* Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ (и № 3). **№ 3.** *П. Г. Васенко.* Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ „Временника". **№ 4.** *А. Грушевскій.* Изъ Харьковскихъ лѣтъ Костомарова.—*В. Миллеръ.* Къ былинѣ о Добрынѣ и Василіи Казимировичѣ.—*Н. Шапошниковъ.* Ремесло.—*С. Шумаковъ.* Столбцы помѣстнаго приказа. **№ 5.** *А. Мулюкинъ.* О свободѣ пріѣзда иностранцевъ въ Московское государство. — *А. Тюменевъ.* Пересмотръ извѣстій о смерти царевича Димитрія (и № 6). **№ 8.** *Е. Бобровъ.* Научно-литературная дѣятельность И. А. Худякова.—*И. Джаваховъ.* Обзоръ теорій и литературы о происхожденіи Грузинскаго языка. — *В. Чекаевскій.* Методы изученія права. **№ 9.** *В. Миллеръ.* О братьяхъ суздальцахъ. — *И. Тихомировъ.* Строельная книга г. Пензы, какъ матеріалъ для исторіи заселенія Восточной Россіи въ XVII вѣкѣ.—*А. Яцимирскій.* Значеніе румынской филологіи для славистики и романскихъ изученій.

Записки Классическаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго О-ва. Т. V. *А. Г. Бекштремъ.* Прошлое и настоящее этрускологіи, ея успѣхи и задачи.—*Д. В. Айналовъ.* Этюды по исторіи искусства Возрожденія. — Протоколы засѣданій Отдѣленія Археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской за 1907 г.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. LXXXI. Зміст: Слово про збурене пекла. Українська пасійна драма, написав Др. *Іван Франко.*—Невідомі вірші єромонаха Климентія (з поч. XVIII в), подав *Василь Доманицький.*—Урядові заходи против холери в 1831 р., подав *Михайло Зубрицький.*—Азбучна статя Миколи Кмицикевича з р. 1834, подав. Др. *Василь Щурат.*—Микола Дашкевич (1852† 20. І. 1908), написав *Михайло Грушевський.*—*Miscellanea*: а) Причинки до історії Мазепинщини, под. *С. Томашівський;* б) До історії закріпощеня селянства въ Лівобічній Україні, под. *В. Барвинський;* в) Із кореспонденції Р. Моха, под. *М. Возняк.*—*Наукова хроніка*: Студії А. Петрова до історії Угорської Руси, нап. *С. Томашівський.*—*Бібліографія* (рецензії й справоздання). —Показчик до тт. LXXV — LXXX Записок Наук. Тов. ім. Шевченка.

Т. LXXXII. Зміст: Присвята і портрет В. Антоновича.—Памяти Володимира Антоновича, написав *Михайло Грушевський.*—Надгробні хрести на Україні, написав *Кость Широцький.*—Нові матеріяли до історії українського вертепа, подав Др. *Іван Франко.*—Проектъ правописи Івана Жуківського на зїзді „руських учених", подав *Михайло Возняк.*—Польські конспірації серед руських питомців и духовенства в Галичині в рр. 1831—1846, студія Дра

Кирила Студинського.—Miscellanea: а) Причинок до історії „свобідних маєтностей“, под. *В. Барвинський;* б) Рукопись Бродовича: „Widok przemocy“-под. *Ів. Шпитковський*; в) Із історії галицької літератури: І. Дві пісні А. Якубинського про самбірську Богородицю з 1770 р.; II. Загадкова польска пісня в українськім перекладі, под. Др. *В. Щурат.—Наукова хроніка*: Антропольогічні й археологічні часописи за 1906 р., огляд Др. *З. Кузелї.— Библіографія* (рецензії й справоздання).

Т. LXXXIII. Студії над українськими народніми піснями, подає *Іван Франко*. Причинки до студій надъ писаннями Лаврентія Зизанія, написавъ *Михайло Возняк*. Угорщина і Польща на початку XVIII в., написав *Стефан Томашівський*. Причинки до історії Колїївщини, V: Тринітарський мемуар про Колїївщину, подав *Іван Шпитковський*. З сорокових років, студії *Олександра Грушевського:* „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“ Кулїша. Miscellanea: а) Дві замітки до тексту найдавнїйшої лїтописи, под. *І. Франко;* б) З сїльського архіва, под. *І. Франко*; в) Ukrainica в альбомі Н. Гербеля,под. *В. Доманицький*. Наукова хроніка: Антропольогічні й археольогічні часописи за 1906 р., огляд Зенона *Кузелї*. Библіографія (рецензії й справоздання).

Збірник історично-фільософічної секції Наукового Тов. ім. Шевченка. Т. X. Історія України-Руси. Написав Михайло Грушевський Том VI, ч. І. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Київ—Львів. Зміст: І. Економічне житє: торговля й промисл.—II Господарство сїльське.

Т. XI. Історія України-Руси. Написав Михайло Грушевський. Том VI, ч. II. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Київ—Львів. Зміст: III. Відносини культурні й національні: національний склад і національні елементи.—IV. Побут і культура.—V. Культурно і релігійно-національний рух на Україні в XVI віці.—VI. Боротьба за і против унії по її проголошенню, в житю і письменстві.—Примітки.—Показчик імен і річей.

Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и словесности И. А. Н. кн. 2-я. *Ф. Ѳ. Фортунатовъ*. Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ.—*Н. Н. Виноградовъ*. Бѣлорусскій вертепъ. (Его устройство. Описаніе куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представленія въ Спасъ-Деменскѣ. Съ XVII табл. рис.).—*Н. Степановъ*. Таблицы для рѣшенія лѣтописныхъ задачъ на время.—*В. В. Латышевъ*. Замѣтки къ агіологическимъ текстамъ.—*М. А. Островская*. Четыре древнія частныя грамоты.—*А. И. Яцимирскій*. Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературамъ. LI—LX.—*А. И. Томсонъ*. Родительный—винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ.—*М. Н. Сперанскій*. Николай Павловичъ Дашкевичъ.—*Д. В. Айналовъ*. Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства. II. О дарахъ русскимъ князьямъ и посламъ въ Византіи. III. О нѣкоторыхъ серіяхъ миніатюръ Радзивиловской лѣтописи.—*А. В. Рыстенко*. Матеріалы для литературной исторіи толковой Палеи. I—II.—Библіографія.

Národopisný Věstník českoslovanský. (Чешско-славянскій Этнографическій Вѣстникъ). **№ 4.** *І. Янко*. Нынѣшнія мнѣнія о древнихъ Индоевропейцахъ. І.—*К. Хотекъ*. Андрей Кметь (некрологъ). Рецензіи на: Т. Д. Флоринскій. Славянское племя.—K. Krotoski. Stosunki etnograficzne na Spisu.—Revue des Études Ethnographiques et Sociologiques. — W. F. O'Connor. Folk Tales from Tibet.—Библіографія: Сочиненія теоретическія, антропологическія, этнологическія и пр. —Этнографическія мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. *І. Кубинъ*. Чешскія сказки изъ Кладскаго края съ комментаріями *Ю. Поливки*.—Отчетъ О-ва Чешско-славянскаго Этнографическаго Музея за 1907 годъ. **№ 5—6** (двойной). Продолженіе статьи *Янко*.—*А. Кадлецъ*. Валтазаръ Богишичъ (некрологъ).—Рецензіи на: F. Heger. Hölzovy Evropske typy národní. — Rostafiński. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian. — I. Anerhan. Ceské kolonie v jižních Uhrách. — Paměti Fr. J. Vaváka. — А. И. Сонни. Горе и Доля въ народной сказкѣ.—Библіографія: Малороссы. Русскіе. Южные славяне. Сосѣднія народности. — Этнографическія мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ. — Приложеніе. Сборникъ сказокъ *І. Кубина*. **№ 7.** Народные обычаи въ уѣздныхъ мѣстечкахъ въ семидесятыхъ годахъ. *Т. Новакова*.—Рецензіи на: Т. Д. Флоринскій. Славянское племя.—D-r. O. Howorka u. d-r. A. Kronfeld. Vergleichende Volksmedicin. — Antropological essays presented to Edward Burnett Tylor.—D-r. M. Haberlandt. Neuer Führer durch die

Sammlungen des Museums für Österreichische Volkskunde. — Библіографія: Мелкія сосѣднія племена славянъ. Нѣмцы. — Этнографическія мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ. — Приложеніе. Сборникъ сказокъ *I. Кубина*.

Славянскія Извѣстія. 1907. Кн. 1—8. *Ѳ. Ю. Мука*. Полабскіе славяне.— *В. К—въ*. Славянское племя. — Когда средняя Европа была заселена славянами. — *П. А. Заболотскій*. Культурная работа у славянъ. Чехи. Словаки. *В. И. Никольскій*. О русскомъ національномъ самосознаніи.

Труды Саратовской ученой архивной Коммиссіи. Вып. XXIV. *М. Е. Соколовъ*. О дулѣбахъ. — *И. Горизонтовъ*. Раскопка кургана близъ г. Саратова.—*Ф. Черновъ*. Раскопка кургана въ г. Царицынѣ.—*Б. Зайковскій*. Къ докладамъ И. П. Горизонтова и Ф. И. Чернова. — *Его-же*. Каменныя бабы въ Саратовскомъ Поволжьѣ. — *Его-же*. Городище Бэльджаменъ. — *Его-же*. Бугоръ Стеньки Разина. — *А. И. Минхъ*. Бытъ духовенства Саратовскаго края въ XVIII и началѣ XIX ст. — *М. Е. Соколовъ*. Фонетическая запись сказки объ Ильѣ Муромцѣ.—*Его-же*. О языкѣ сказокъ, пѣсенъ и областныхъ словаряхъ.—*Его-же*. Великорусскія пѣсни, записанныя фонетически.—*Его-же*. Историческія пѣсни Саратовской губ.—*Б. Зайковскій*. Новый варіантъ Царицынской легенды.—Смѣсь. Преданія о Стенькѣ Разинѣ и Емелькѣ Пугачевѣ. Казнь Березина. Мѣры противъ холеры. Почему хохловъ дразнятъ: наставная башка. Изобрѣтеніе счетовъ.

Филологическія Записки, вып. II. Культурныя движенія въ Московской Руси въ половинѣ XV в. — Рецензіи на: В. Трахтенбергъ. Блатная музыка. — Л. Лэже. Славянская миѳологія.

Этнографическое Обозрѣніе, 1907, № 4. Дунгане селенія Каракунузъ Пишпекскаго у. Семирѣченской области. II. Свадьба. *Ѳ. В. Пояркова*. — О былинномъ царѣ Калинѣ. *Всев. Миллера*.—Нѣкоторыя замѣчанія о роли загадки въ сказкѣ. *Е. Елеонской*. — По поводу замѣтки Р. Андрэ о новомъ этнографическомъ музеѣ въ Антверпенѣ. *В. Харузиной*.—Смѣсь. Изъ свадебныхъ обрядовъ и повѣрій Ярославской губ. *И. Костоловскаго*. — Праздникъ воскресенья до христіанства. *Д. А.* — Нѣсколько пѣсенъ лиро-эпическаго характера. *А. Маркова*. — Баксы. *А. Диваева*. — Критика и библіографія. — Хроника. **№ 1—2 (двойной), 1908 г.** Ограниченіе отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого. *А. Максимова*.—Замѣтки по поводу употребленія слова фетишизмъ. *В. Харузиной*.—Памяти бытописателя Грузіи кн. И. Г. Чавчавадзе *Вс. Миллера*. — Князь И. Г. Чавчавадзе, какъ этнографъ. *А. Хаханова*.—Бытъ и нравы грузинскаго народа средины XIX вѣка въ литературныхъ произведеніяхъ кн. И. Г. Чавчавадзе. *Г. Жорданія*.—Кн. Чавчавадзе и его произведенія въ грузинской народной пѣснѣ. *Д. Аракчіева*.—Смѣсь.—Итъ-ала-казъ. (Повѣрье). *А. Диваева*.—Какъ киргизы развлекаютъ дѣтей. *Его-же*.—Духовные стихи крестьянъ-старообрядцевъ Челябинскаго уѣзда, по сообщенію *Ив. Крашенинникова*. — Къ этнографіи сѣвера Европейской Россіи. *А. Маркова*. — „Коляда“ и „Купало“ въ Бѣлоруссіи. *А. Петропавловскаго*.—Критика и библіографія.—Хроника.

Н. В.

Новости этнографической литературы [1]).

Аловъ, Вик. Русскіе „еретики“ XIV—XVI вв. Стригольники. — Жидовствующіе. — Матвѣй Башкинъ. — Артемій Троицкій.—Θеодосій Косой. (Всеобщая библіотека, № 11). Спб.

Алтайскій сборникъ. Вв. VI—VIII. Барнаулъ. 1907.

Ardalić, V. Narodne pripovijetke iz Bukovice и Dalmaciji. Komentare napisao dr. I. Polivka. Zagreb. 72 стр.

Астрологія. Спиритизмъ. Хиромантія. Сомномантія. Френологія. Психометрія. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей В. Синга. Спб.

Барадійнъ, Б. Путешествіе въ Лавранъ. Спб.

Барацъ, Г. М. Библейско-агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ. Кіевъ.

Бобринскій, А. А., гр. Горцы верховьевъ Пянджа (Ваханцы и Шикашимы). Очерки быта по путевымъ замѣткамъ. М.

Божерьяновъ, П. Н. Женщины древней Греціи. Историческій очеркъ. Спб.

Бончъ-Бруевичъ, В. Программа для собиранія свѣдѣній по изслѣдованію и изученію русскаго сектантства и раскола. Спб.

Брянчаниновъ, Николай. Скитанія. (Нубія. — Суданъ. — Палестина.—Ливанъ). М.

Бубновъ, Н. М. Ариθметическая самостоятельность Европейской культуры. Культурно-историческій очеркъ. Кіевъ. X+408. стр.

Веніаминовъ, П. Крестьянская община. Спб.

Вейнбергъ. П. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Спб.

Виноградовъ, Николай. Бѣлорусскій вертепъ. Его устройство. Описаніе куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представленіе въ Спасъ-Деменскѣ. (Съ XVII табл. рис.). Спб.

Его-же. Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. Вып. I. Спб. 102 стр.

Его-же. Лодка. Баринъ и приказчикъ. (Народныя драмы). Спб.

Возняк, М. Проект правописи Івана Жуківського на зїздї „руських учених“. Львів. Ст. 36.

Воронежская старина. Вып. VII. Воронежъ. II+LI+304+8+97+182 стр.

Вороновъ, Н. И. Записки о событіяхъ Владимірской губ. Владиміръ. 1907.

Врадій, В. П. Географическій, этнографическій и экономическій очеркъ Амурской области. Спб.

Въ царствѣ обуви. Очерки села Кимры. 29 стр. М.

Гарнакъ. А. Монашество, его идеалы и его исторія. Спб.

Геффкенъ, І. Изъ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства. Спб.

Гнѣвушевъ, А. М. Отрывокъ Писцовой книги Вотской пятины второй половины.1504—1505 г. Кіевъ.

Годишникъ на Софийская университетъ. II. 1905—1906. София.

Данилевичъ, В. Е. Курсъ русскихъ древностей Кіевъ.

Движеніе населенія въ Европейской Россіи и въ двухъ губерніяхъ Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. Спб. 1907. XXII+227.

Девель, Н. М. Старая Ладога и ея каменное городище. Спб.

Джавелеговъ, А. К. Начало итальянскаго возрожденія. М.

Доманицкий, В. Невідомі вірші єромонаха Климентія (з початку XVIII в.). Львів. Ст. 76.

Дорогостайскій, В. Поѣздка въ сѣверо-западную Монголію. Спб. 14 стр.

Дуникъ-Гаркавичъ, А. Этнографическій составъ населенія Тобольской губерніи въ 1904 году. Тобольскъ.

Забѣлинъ, Н. Исторія русской жиз-

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

ніи съ древнѣйшихъ временъ. Ч. 1. Доисторическое время Руси. М.

Зубрицкий, *М.* Урядові заходи против холери в 1831 р. Львив. 1907.

Извѣстія Восточнаго института. Т. XXIII, в. 1; XXIV, в. 1; XXV, в. 1; XXVII. Владивостокъ.

Извѣстія Кавказскаго Музея. Т. III, в. 1, 4. Тифлисъ.

Извѣстія XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ. №№ 1—10.

Ильинскій, *Г.* Заимствовано-ли названіе „терема" въ славянскихъ языкахъ? Харьковъ.

Иностранцевъ, *К.* Къ вопросу о „басмѣ". Спб.

Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія (1805 — 1905). Подъ ред. М. Халанскаго и Д. Багалѣя. Харьковъ.

Исторія русской литературы. Подъ редакціей прив.-доц. Е. В. Аничкова. При участіи: К. И. Арабажина, проф. Бороздина, Ал. Блока, П. Н. Бирюкова, Н. Н. Виноградова, С. Городецкаго, Е. Н. Елеонской, М. Г. Халанскаго, П. Е. Щеголева и др. Томъ II. Народная словесность. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М.

Iacob, *G.*, d-r. Beiträge zur Kenntnis des Dervisch-Ordens der Bektaschis. Berlin. 100 стр.

Іонъ, *О.* О султанатѣ Сіакъ и его обитателяхъ. Спб.

Іохельсонъ, *В. И.* Древнія и современныя подземныя жилища племенъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки. Спб.

Капустинъ, *Вл. А.* Леоново, подмосковное помѣстье боярина князя Ивана Никитича Хованскаго. Историческія замѣтки изъ жизни служилаго человѣка XVII столѣтія. Съ 12 фототипіями. М.

Катанаевъ. Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль въ обслѣдованіи и занятіи русскими Сибири и Средней Азіи. Выпускъ I. Конецъ XVI и начало XVII столѣтій. Спб.

Китерманъ, *Б.* Явленія диссимиляціи согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ. Спб. 23 стр.

Клоддъ, *Э.* Эволюція человѣчества въ письменахъ. Исторія алфавита. Спб.

Комаровъ; Г. По славянскимъ землямъ. Послѣ Пражскаго съѣзда. I. Поѣздка по Чехіи. II. По Галицкой Руси. Спб.

Коноваловъ. *Д. Г.* Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Часть 1, вып. I. Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ Посадъ.

Крамаренко, *Г.* Путешествіе на Камчатку и обслѣдованіе ея въ рыболовномъ отношеніи въ 1907 г. Спб.

Куперъ, *В.* Исторія розги во всѣхъ странахъ. Флагелляціи и флагелянты. Спб.

Лазаревскій, *А. М.* Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783 гг.) Историко-юридическій очеркъ. Кіевъ.

Лазовскій, *Г.* Кіевскій Владимірскій соборъ. Альбомъ фотографій.

Лавровъ, *П.* Сборникъ Македонскихъ пѣсенъ, сказокъ и обычаевъ С. И. Верковича. Спб. 69 стр.

Макаренко, *Н.* Матеріалы по археологіи Полтавской губ. I. Полтава. Съ 2 табл.

— Памятники украинскаго искусства XVIII вѣка. Спб.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. Вып. 1-й. Баптисты, бѣгуны, духоборцы. Л. Толстой о скопчествѣ, павловцы, поморцы, старообрядцы, скопцы, штундисты. Подъ ред. Владиміра Бончъ-Бруевича. Спб.

Матеріалы по Маньчжуріи, Монголіи и Китаю. Вв. 22 — 26. Харбинъ.

Могилы русской земли. Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоквасова. М.

Никифоровъ, *В. В.* Манчары. Якутскъ. 65 стр. 16°.

Овчинниковъ, *Н.* Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ въ Алтайскомъ округѣ. Съ IV табл. Барнаулъ. 1907. (VIII в. „Алтайскаго Сборника").

Отчетъ о дѣятельности Русскаго Музея Имп. Александра III за 1907 г. Спб.

Отчетъ о 48-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 236 стр.

Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1905 — 1907 году. Съ приложеніями. Спб.

Памятная книжка Олонецкой губ. на 1908 г. Петрозаводскъ.

Памятники Эѳіопской письменности. VI. Спб. 1907.

Петровъ, *А.* Матеріалы для исторіи угорской Руси. V. Первый печатный памятникъ угрорусскаго нарѣчія. Спб.

Петровъ, *М.* Западная Сибирь. Губ. Тобольская и Томская. М.

Polivka, *S.* Neuere Arbeiten zur slavischen Volkskunde. 2. Südslavisch. 3. Russisch. 2 оттиска изъ „Zeit.

schrift des Vereins für Volkskunde". Berlin.

Его-же. Lidové pověsti o původu tabáku. Berlin. 12 стр.

Полный алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Уфимской губ. Уфа.

Програмы для собиранія свѣдѣній по этнографіи. Изд. Костр. учен. архивн. Комиссіи.

Путникъ (Н. Лендеръ). По Европѣ и Востоку. Очерки и картинки. Съ рисунками. Берлинъ. — Гамбургъ. — Парижъ. — Константинополь. — Смирна.—Аѳины.—Островъ Критъ.—Италія.—Вѣна —Дунай. Изданіе А. С. Суворина. Спб.

Ренанъ, Э. Исторія Израильскаго народа, томъ 3-й. Спб.

Рудаковъ, В. Е. 14-й археологическій съѣздъ и тысячелѣтіе города Чернигова. Съ 6 рис. въ текстѣ. Спб.

Самоквасовъ, Д. Сѣверская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ. М.

Свѣнцицкій, Иларіонъ. Каталогъ книгъ церковно-славянской печати. Жовква.

Святскій, Д. Историческій очеркъ городовъ Сѣвска, Дмитровска и Комарицкой волости. 152 стр. Орелъ.

Седиръ, П. Индійскій факиризмъ. Перев. съ франц. А. В. Трояновскаго. (Библіотека оккультныхъ наукъ Вып. III). Спб. 1909.

Сергѣевичъ, В., проф. Древности русскаго права. Томъ второй. Вѣче и князь. Совѣтники князя. Изданіе третье, съ поправками и дополненіями. Спб.

Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды. Сборникъ статей подъ ред. І. С. Мельника. Спб. 294 стр.

Сиверсъ, Вильгельмъ и *Кюкенталь Вили.* Австралія, Океанія и Полярныя страны. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія Г. Г. Генкеля, съ дополненіями проф. А. Н. Краснова. 198 рис. въ текстѣ, 13 картъ, 9 хромолитогр. и 15 гравюръ. Изданіе товарищ. „Просвѣщеніе". Спб.

Симони, Павелъ. Памятники старинной русской лексикографіи по русскимъ рукописямъ XIII—XVIII стол. Выпускъ третій. Половецкій и Татарскій словарики. — Рѣчи тонкословія греческаго. Спб.

Смирновъ, С., проф. (изд.). Житіе преподобнаго Даніила, Переяславскаго чудотворца, повѣсть объ обрѣтеніи мощей и чудеса его. М. XXXVIII+133 стр.

Спальвинъ, Е. Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія. I. Владивостокъ.

Сперанскій, М. Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. IV. Аристотелевы врата или тайная тайныхъ. (Памятники древней письменности и искусства. CLXXI). Спб.

Спицынъ, А. Археологическія развѣдки (со 110 рис. въ текстѣ). Спб. 96 стр.

Статистика Россійской Имперіи. LXVII. Спб.

Статистическій обзоръ Симбирской губ. за 1907 г. Симбирскъ.

Статистическій обзоръ Ферганской области за 1905 г.

Труды Бессарабской ученой Архивной Комиссій. Т. III. Кишиневъ. 1907.

Труды Вятской ученой архивной Комиссии 1907 г. Вып. III и IV. Вятка.

Франко, Ив. Нові матеріяли до історії українського вертепа. Львів, 1907. Ст. 24.

Фюстель де-Куланжъ. Римскій колонатъ. Переводъ подъ редакціей проф. И. М. Гревса. Спб.

Его-же. Слово про збурене пекла. Українська пасійна драма. Львів. Ст. 46.

Шахматовъ, А. Мстиславъ лютый въ русской поэзіи. Харьковъ. 13 стр.

Его-же. Предисловіе къ Начальному Кіевскому Своду и Несторова лѣтопись. Спб. 58 стр.

Шахрай, Л. Исторія Израиля для еврейскаго юношества. Вып. 2-й. Отъ періода судей до раздѣленія царства. Одесса.

Широцкій, К. Надгробні хрести на Україні. Львів. Стр. 20+6 табл.

Штернбергъ, Л. Я. Матеріалы по изученію гиляцкаго языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергомъ. Томъ I. Образцы народной словесности. Часть 1-ая. Эпосъ (поэмы и сказанія, первая половина). Тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Спб. 1908. Стр. XXII + 232. Ц. 3 р. Изданіе Академіи Наукъ.

Энгельгардтъ, М. А. Вредныя и благородныя расы. Спб.

Н. В.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

О религіозномъ состояніи инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій.

(По отчетамъ миссіонеровъ).

Въ приложеніи къ „Православному Благовѣстнику“ за мин. 1907 годъ напечатанъ „Отчетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1906 годъ“, содержащій въ себѣ очень интересныя свѣдѣнія о современномъ религіозномъ состояніи нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ нашего Востока. Позволяемъ себѣ сдѣлать краткое извлеченіе изъ той, имѣющейся у насъ подъ руками, части „Отчета“, которая помѣщена въ приложеніи къ № 22 (ноябрь, книжка 2-ая) „Православнаго Благовѣстника“ и которая касается религіознаго состоянія инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій.

Относительно многочисленныхъ инородцевъ Пермскаго края въ „Отчетѣ“ находимъ общее замѣчаніе, что они „легко поддаются вліянію окружающихъ ихъ не только язычниковъ и магометанъ, но иногда даже старообрядцевъ... Не говоря уже объ язычникахъ инородцахъ, ревностно выполняющихъ свой богослужебный культъ и строго держащихся обычаевъ своихъ предковъ, даже и крещеные изъ инородцевъ обыкновенно не соблюдаютъ христіанскихъ обрядовъ и не слѣдуютъ правиламъ христіанской жизни, такъ что оо. миссіонерамъ приходится наставлять послѣднихъ наравнѣ съ некрещеными, побуждать ихъ къ исполненію обязанностей принятаго ими на себя званія христіанъ“. Въ отчетномъ году зарегистрованъ только одинъ случай обращенія въ христіанство—крещеніе магометанина (стр. 95).

Въ частности необходимо отмѣтить, что въ то время какъ вогулы нѣкоторыхъ деревень Верхотурскаго уѣзда—бывшіе ясачные, а нынѣ государственные крестьяне—„совершенно обрусѣли и даже позабыли свой природный вогульскій языкъ и говорятъ теперь по-русски и ничѣмъ не отличаются отъ русскаго крестьянина по образу своей жизни“, причемъ „христіанство смѣнило здѣсь шаманство и въ значительной степени вытѣснило прежнія языческія понятія и суевѣрія“,—

кочующіе на сѣверѣ уѣзда вогулы (до 70 душъ) все еще остаются полуязычниками, у которыхъ „вѣра христіанская перемѣшана съ языческими понятіями". Отчетъ констатируетъ, что у нихъ „кровавыя жертвоприношенія процвѣтаютъ въ полной силѣ, причемъ они совершаются въ честь Господа Іисуса Христа, Божіей Матери и Св. Николая Чудотворца, которые въ представленіи вогулъ являются—бѣлымъ, добрымъ и строгимъ шайтанами". Замѣчательно, что, по свидѣтельству русскаго торговца, „и православные русскіе люди приносятъ и жертвуютъ въ храмы овецъ, телятъ и другихъ животныхъ, которыхъ рѣжутъ и здѣсь же продаютъ". Русскій торговецъ въ данномъ случаѣ отвѣчалъ за вогулъ на возраженія священника и его доказательства о грѣховности такихъ жертвоприношеній, доказывая, въ свою очередь, что „вогульскія жертвоприношенія въ честь Бога и Св. угодниковъ представляютъ собою нечто иное, какъ подражаніе тѣмъ же православнымъ" (стр. 99—100). Хотя священникъ пытался „доказывать и разъяснять существенную разницу" между этими жертвоприношеніями, но съ большою вѣроятностью можно предположить, что эта разница осталась неясною даже для русскаго торговца, а объ инородцахъ и говорить нечего.

Говоря о способѣ погребенія у вогулъ, „Отчетъ" сообщаетъ, что „вогульское кладбище расположено на возвышенномъ мѣстѣ (увалѣ) и очень каменистомъ, могилъ вогулы не копаютъ, а строятъ небольшой деревянный срубецъ, ставятъ въ него гробъ съ покойникомъ, заваливаютъ гробъ камнями и срубъ закрываютъ досками. Рядомъ съ первымъ всегда ставится и второй срубъ, предназначенный для склада тѣхъ вещей и предметовъ, которыми пользовался покойный при жизни,—какъ то: одежды, обуви, чайника, котелковъ и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ срубовъ лежитъ и гніетъ добра рублей на 100 и болѣе. При могилѣ умершаго, послѣ похоронъ, закалывается нѣсколько оленей, принадлежащихъ умершему или умершей, мясо оленей съѣдается здѣсь же тѣми вогулами и родственниками, которые сошлись почтить память умершаго, а шкуры убитыхъ животныхъ кладутся въ срубъ". Поставленные при могилахъ „небольшіе восьми-конечные кресты, сдѣланные изъ тонкихъ, въ видѣ школьныхъ квадратиковъ, палочекъ", должны служить признакомъ того, что здѣсь христіанское, а не языческое кладбище (стр. 100—101).

Что касается Оренбургской епархіи, то въ нѣкоторыхъ инородческихъ приходахъ, такъ называемыхъ нагайбакскихъ (нагайбаки—крещеные татары), въ отчетномъ году замѣтно было сильное движеніе къ магометанству. Это слѣдуетъ сказать въ особенности относительно Нѣжинскаго и Требіатскаго нагайбакскихъ поселковъ и Ильинской станицы. Собственно говоря, въ первомъ изъ названныхъ поселковъ нагайбаки „всегда находились подъ сильнымъ вліяніемъ ислама и склонны были къ магометанству", но „особенно усилилась открытая магометанская пропаганда послѣ объявленія Манифеста о свободѣ вѣроисповѣданія". Главную причину массоваго отпаденія нѣжинскихъ нагайбаковъ въ магометанство „Отчетъ" видитъ въ щедрой матеріальной помощи, которую имъ оказываютъ всѣ состоятельные татары; тою же матеріальною зависимостью объясняется въ „Отчетѣ" и склонность къ магометанству требіатскихъ нагайбаковъ, имѣющихъ,

къ тому же, возможность слушать устную проповѣдь ислама на прiискахъ, гдѣ они проводятъ большую половину года въ качествѣ чернорабочихъ и старателей и гдѣ имѣется мулла и медрессе (начальное магометанское училище). „Въ Ильинской станицѣ незамѣтно матеріальной помощи нагайбакамъ со стороны татаръ, но зато нагайбаки все время вращаются среди татаръ, башкиръ и киргизовъ—магометанъ. По отзыву священника Мордвова, и русскіе православные жители станицы мало религіозны, рѣдко посѣщаютъ храмъ и плохо исполняютъ христіанскія обязанности“ (стр. 107).

Какъ видно изъ данныхъ „Отчета“, приходскіе священники почти безсильны бороться съ все возрастающимъ вліяніемъ ислама. Такъ, на религіозныя бесѣды, на которыя приглашаетъ нагайбаковъ священникъ, они не являются и даже всячески избѣгаютъ съ нимъ встрѣчи, а при встрѣчѣ „на всѣ увѣщанія священника даютъ только одинъ отвѣтъ: „я, батюшка, ни православной, ни магометанской вѣры хорошо не знаю, спорить съ вами не могу. Всѣ наши нагайбаки переходятъ въ магометанство, а если я одинъ останусь въ православіи, то всѣ прочіе сдѣлаются моими врагами и житья мнѣ не будетъ“ (стр. 106). Въ Требіатскомъ поселкѣ съ 1902 года состоитъ священникомъ нагайбакъ Макарій Софроновъ, который хорошо знаетъ „продивомусульманское ученіе“ и „ведетъ религіозно-нравственныя бесѣды съ нагайбаками и полемическія бесѣды съ отпавшими и прочими магометанами“. При всемъ томъ, „несмотря на его стараніе, магометанское вліяніе не ослабѣваетъ, а, наоборотъ, усиливается“, такъ что „въ концѣ 1905 года перешло въ магометанство два семейства нагайбаковъ“, причемъ „Отчетъ“ констатируетъ, что „только благодаря дѣятельности священника Софронова въ этомъ поселкѣ нѣтъ массовыхъ отпаденій“. Если въ остальныхъ нагайбакскихъ приходахъ магометанскаго вліянія, по словамъ „Отчета“, незамѣтно, то это обстоятельство и объясняется именно тѣмъ, что „по близости къ этимъ приходамъ не имѣется татарскихъ селеній, и въ самыхъ поселкахъ нѣтъ татаръ“ (стр. 108).

Вотъ все, что можно было извлечь изъ „Отчета“ по вопросу о религіозномъ состояніи инородцевъ двухъ епархій, строго придерживаясь фактической стороны. Къ сожалѣнію, „Отчетъ“ не удержался до конца на почвѣ фактовъ и въ своемъ заключеніи (№ 24, декабрь, книжка 2-я, стр. 129) всѣ отмѣченные выше случаи отпаденія инородцевъ „въ прежнія языческія суевѣрія“ пытается приписать, совершенно голословно и вразрѣзъ съ высказанными ранѣе сужденіями, „волнѣ такъ называемаго „освободительнаго движенія“, которая коснулась будто-бы и нашихъ миссій. Такое утвержденіе является для читателя „Отчета“, по меньшей мѣрѣ, неожиданнымъ, такъ какъ на всемъ его протяженіи на роль освободительнаго движенія въ дѣлѣ частичнаго или массоваго отпаденія инородцевъ отъ православія нѣтъ даже малѣйшаго намека. Это и понятно: тогда какъ „Отчетъ“ составленъ на основаніи фактическихъ сообщеній миссіонеровъ,—придѣланное къ нему заключеніе носитъ явные слѣды канцелярскаго творчества...

Э. П.

Нѣкоторыя русско-литовскія и русско-эстонскія параллели.

(По даннымъ Ярославской губерніи).

Работающій на новый годъ будетъ работать весь годъ, и вообще, кто какъ проводитъ время при наступленіи новаго года, тотъ такъ будетъ жить весь наступающій годъ. (Срвн. „Живая Старина", 1906 г., в. IV, отд. II, стр. 201).

Иглу или булавку нельзя дарить: поссоришься съ подарившимъ (тамъ же).

Сидя на чемъ-нибудь, особенно за столомъ (обѣдомъ), болтать и качать ногами грѣшно или, по меньшей мѣрѣ, нехорошо, неприлично. Литовцы объясняютъ: „качаешь чертенятъ" (стр. 198).

Свистать въ комнатѣ (избѣ, покоѣ, обитаемомъ помѣщеніи) нехорошо. Литовцы объясняютъ: „можетъ чортъ придти"; у русскихъ чорта и лѣшаго вызываютъ тоже свистомъ (тамъ же).

Если у покойника не закрыты глаза — къ покойнику, высматриваетъ новаго покойника. То же у литовцевъ (стр. 194).

Удивленіе или похвалы хорошимъ умственнымъ, особенно же тѣлеснымъ качествамъ дѣтей или скотины и особенно со стороны посторонняго человѣка—не хороши и не желательны: сглазятъ—умрутъ или испортятся. (Срвн. стр. 193).

Видѣть во снѣ: рѣку, особенно бурную и воду вообще (но въ природѣ, а не въ посудѣ)—къ большому горю, (у эстовъ мутная вода къ худу, стр. 185); покойниковъ или мертвецовъ—къ холоду (у эстовъ къ дурной погодѣ, къ дождю, стр. 187); калъ (дерьмо, говно) или обмараться испражненіями—къ богатству, золоту, деньгамъ (то же у эстовъ, стр. 186); подниматься, идти въ гору—къ горю, спускаться съ горы—миновать горя (у эстовъ къ ухудшенію и къ улучшенію жизни, стр. 186); кровь—къ свиданію съ „кровными", съ родными (стр. 186); въ банѣ мыться—къ болѣзни; вѣнчаться—къ смерти, къ болѣзни (стр. 185); цѣловаться съ женщиною или дѣвушкою—къ лихорадкѣ, къ болѣзни (то же у эстовъ обниматься, стр. 188).

Ил. А. Тихоміровъ.

Хроника.

1-го ноября сего года исполняется **тридцатилѣтіе** ученой и литературной дѣятельности т. с. **В. В. Латышева**, занимающаго нынѣ постъ директора Императорскаго историко-филологическаго института и вице-предсѣдателя Императорской археологической комиссіи.

†. **А. В. Григорьевъ**. Въ ночь съ пятницы на субботу (25 окт.) внезапно скончался одинъ изъ выдающихся членовъ Императорскаго русскаго географическаго общества, *Александръ Васильевичъ Григорьевъ*, положившій всю свою жизнь на искреннее служеніе дѣлу изслѣдованія своего отечества. Будучи ботаникомъ по своему образованію, ученикомъ с.-петербургскаго университета, онъ еще молодымъ человѣкомъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ на берега Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, въ теченіе которыхъ онъ имѣлъ возможность проявить свою наблюдательность и охоту къ географической дѣятельности въ болѣе широкомъ смыслѣ. Разнообразное участіе въ трудахъ географическаго общества и работы на сѣверѣ Россіи послужили къ избранію его представителемъ общества въ экспедиціи, снаряженной Сибиряковымъ для поданія помощи Норденшельду, когда послѣдній совершалъ знаменитое плаваніе на „Вегѣ" кругомъ Сѣверной Азіи. Но прежде чѣмъ судну Сибирякова удалось дойти до Ледовитаго океана, вокругъ Азіи съ юга, Норденшельдъ самъ пришелъ въ Японію. Необходимость итти къ сѣверу миновала, и А. В. Григорьевъ употребилъ оставшееся время на изученіе Японіи, откуда привезъ обществу обстоятельныя коллекціи. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ занять отвѣтственное мѣсто секретаря общества, которымъ и пробылъ въ теченіе 20 лѣтъ подрядъ. За этотъ періодъ, ознаменовавшійся рядомъ блестящихъ экспедицій общества для изученія Центральной Азіи, снявшихъ съ нея завѣсу тайны, и большимъ числомъ другихъ ученыхъ предпріятій иногда очень обширнаго размѣра, какъ напримѣръ участіе Россіи въ международныхъ полярныхъ изслѣдованіяхъ въ 1881—82 гг., когда общество снарядило блестящія двѣ экспедиціи: на Новую Землю и на устье Лены, А. В. Григорьевъ принималъ самое горячее и усиленное участіе во всѣхъ работахъ по организаціи, подготовкѣ и снабженію экспедицій, а по ихъ возвращеніи—въ обработкѣ и изданіи ихъ трудовъ. Не будучи путешественникомъ или кабинетнымъ изслѣдователемъ, А. В. Григорьевъ, благодаря своей широкой и всесторонней эрудиціи въ географическихъ наукахъ и своему отзывчивому характеру, принималъ самое дѣятельное и сердечное участіе во всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ

не только общества, но и многихъ членовъ его. Всякій желавшій работать на поприщѣ изученія Россіи шелъ къ нему, увѣренный встрѣтить теплый, дружескій пріемъ и всякую помощь и указаніе, выраженныя всегда съ необыкновеннымъ тактомъ, свойственнымъ чуткой, отзывчивой, честной натурѣ. Въ послѣдніе годы, будучи членомъ совѣта общества и потомъ—помощникомъ предсѣдателя его, онъ все свое время употреблялъ на работу на пользу родной ему географіи Россіи. Онъ розыскалъ, изслѣдовалъ и описалъ оригиналъ рѣдчайшей карты, писанной на бязи и относящейся къ числу первыхъ картъ Россіи, обработалъ каталогъ иностранной части обширной библіотеки общества, велъ два обширныхъ изданія: описаніе трудовъ экспедицій П. К. Козлова и Цыбикова въ Центральную Азію и Лхассу. Первое онъ вполнѣ закончилъ, а второе почти, положивъ въ это дѣло, какъ и во все, за что только онъ брался, всю свою душу. Еще за два часа до своей кончины онъ трудился надъ обработкою каталога и умеръ какъ истинный гражданинъ, на своемъ посту не покладая рукъ до послѣдняго момента жизни. Умеръ А. В. 60 лѣтъ. („Нов. Вр.“, № 11719).

† **Кункинъ, І. Я.** 12 сентября скончался видный членъ Тверской архивн. комиссіи І. Я. Кункинъ. Несмотря на незначительное образованіе, пополненное, впрочемъ, усиленнымъ самообразованіемъ, покойный съ большой любовью занимался археологіей и этнографіей родного края. Послѣ него осталась хорошо подобранная библіотека, коллекціи старинныхъ одеждъ и монетъ. Имъ изданы 2 вып. „Актовъ г. Кашина“, выбранныхъ преимущественно изъ московскихъ архивовъ. (Некрологъ см.: Новое время, 1908, № 11677).

† **Н. П. Павловъ-Сильванскій**, скончавшійся 19 сент. отъ холеры, погибъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Оставленный при СПБ. университетѣ по кафедрѣ Русской Исторіи, онъ посвятилъ себя спеціально изученію соціальнаго строя въ удѣльной Руси. Онъ является авторомъ оригинальной и весьма интересной теоріи о существованіи въ древней Руси цѣлаго ряда институтовъ, вполнѣ аналогичныхъ съ западными феодальными. Эта теорія проведена Н. П. въ работахъ: „Закладничество-патронатъ“; „Феодальныя отношенія въ древней Руси“; „Новое объясненіе закладничества“.

† **Г. И. Перетятковичъ**, проф. Новороссійскаго университета, скончался 7 авг. въ г. Кишиневѣ 68 лѣтъ отъ роду. Въ 1869—70 гг. онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра Русской Исторіи. Въ 1877 г. имъ была защищена дисертація „Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. Очерки изъ исторіи колонизаціи края“, послѣ чего онъ и былъ избранъ въ приватъ-доценты Новороссійскаго университета. Въ 1882 году онъ получилъ степень доктора за работу: „Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в.“. Въ томъ же году онъ былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1886 г. ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ названныхъ выше двухъ крупныхъ работъ послѣ покойнаго осталось лишь нѣсколько небольшихъ статеекъ. Много писать онъ не любилъ.

† **Радченко, К. Ѳ.** Умеръ всего на 36 году жизни. Еще будучи студентомъ онъ написалъ сочиненіе, удостоенное золотой медали. Послѣ оставленія при университетѣ (Кіевскомъ) для подготовки къ профессурѣ, въ 1896 г. сдалъ магистерскій экзаменъ и былъ командированъ въ столичныя библіотеки для занятія славянскими рукописями. Результатомъ этой командировки явилась работа, представляющая цѣлый рядъ опытовъ по изученію историческихъ памятниковъ, вродѣ: болгарскаго сборника 1345 г. древнихъ житій святыхъ и пр. Вслѣдъ затѣмъ на основаніи тѣхъ же матеріаловъ покойнымъ были написаны еще двѣ книги, одна изъ которыхъ („Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. 1899 г.) явилась диссертаціей на степень магистра. Послѣ двухгодичной командировки заграницу онъ въ 1900 г. былъ избранъ совѣтомъ Нѣжинскаго института на кафедру славянской филологіи. Цѣлый рядъ его послѣднихъ работъ посвященъ изученію апокрифовъ и богомильства. Таковы: „Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филипопольской библіотеки“; „О пергаментномъ сборникѣ XIV в. Вѣнской придворной библіотеки“; „Апокрифическое житіе самарянки по прологамъ Бѣлградской народной библіотеки“; „Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству“; „Видѣніе пророка Исаіи въ пересказахъ катаровъ-богомиловъ“, и др.

† **Н. В. Султановъ**, бывшій директоръ института гражданскихъ инженеровъ и предсѣдатель техническо-строительнаго комитета М. В. Д., скончался въ Висбаденѣ 2 сент. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей онъ всею душою преданъ былъ изученію археологіи, древнерусскаго искусства и русскаго быта. Кромѣ крупныхъ трудовъ: „Памятники зодчества у народовъ древняго и новаго міра“ и „Теорія архитектурныхъ формъ; каменныя формы“ съ объемистыми атласами рисунковъ, Н. В. написалъ и перевелъ значительное количество болѣе мелкихъ, но цѣнныхъ по своему содержанію работъ. Безвременная смерть прервала цѣлый рядъ задуманныхъ и частью уже начатыхъ работъ. Рецензія на одинъ изъ его крупныхъ послѣднихъ трудовъ „Объ остаткахъ Якутскаго острога“ помѣщена въ IV в. „Живой Старины“ за 1907 г.

15 октября состоялось **общее собраніе Имп. Русскаго Географическаго Общества.** Заслушаны были: 1) Докладъ о дѣйствіяхъ Общества за лѣтній періодъ времени. 2) П. чл. *А. И. Воейковъ* и д. чл. *Ю. М. Шокальскій* доложили о работахъ IX Международнаго Географическаго Конгресса въ Женевѣ лѣтомъ 1908 г. 3) Дд. чл. *А. И. Ивановъ*, *В. М. Котвичъ* и *С. Ѳ. Ольденбургъ* сообщили краткія свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ П. К. Козлова въ открытомъ имъ древнемъ городѣ Хара-Хото.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О—ва.

№ 8. Засѣданіе 3 октября. Сообщеніе д. чл. *П. Е. Островскихъ*: **„Туруханскій край, его исторія и современное положеніе“.**

№ 9. Засѣданіе 17 октября. 1) Выборъ членовъ медальной ко-

миссіи. 2) Сообщеніе д. чл. *Н. Е. Ончукова*: **„Сказки и сказочники Сѣвера“**. О новомъ сборникѣ сказокъ: „Сѣверныя сказки“. Гдѣ и кѣмъ записывались сказки сборника. Условія записей. Какая будетъ идеально записанная сказка. Сказки съ эпическимъ содержаніемъ. Сказки про животныхъ, чудесныя, бытовыя, прибауточки и прибасеночки. Разсказы про чертей, лѣшихъ, водяныхъ, мертвецовъ, оборотней, колдуновъ и пр. Историческія преданія. Разсказы про инородцевъ и про сосѣдей. Отношенія народа къ сказкамъ, вѣра въ ихъ содержаніе. Общій колоритъ сказокъ Сѣвера. Сказки Печорскія и Олонецкія и ихъ особенности. Море и лѣсъ въ Печорскихъ сказкахъ и Петербургъ въ Олонецкихъ. Отраженіе въ сказкахъ особенныхъ чертъ сказочниковъ. Женскія сказки и ихъ особенности. Въ нихъ отражается вся жизнь женщины съ рожденія до могилы. Характеристика нѣкоторыхъ сказочниковъ. 3) Сообщеніе чл. сотр. *И. С. Абрамова*: **„Поѣздка въ Стародубье“**. (*О старообрядцахъ, штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи*). Содержаніе: Историческія данныя о заселеніи Стародубья. Нѣкоторыя свѣдѣнія о первыхъ насельникахъ изъ рукописи 1736 г., найденной въ посадѣ Еліонкѣ. Буйные нравы поселенцевъ. Промыслы слобожанъ: трепальщики пеньки, щетинники, коробейники, книгоноши. Черты изъ быта старообрядцевъ: хороводы, свадьбы, тайная милостыня. Изъ области вѣрованій. Новая секта „пасхальники“. О дѣятельности православныхъ миссіонеровъ. Послѣ манифеста о вѣротерпимости. Краткія свѣдѣнія о мѣстныхъ штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ. Заключеніе.

Во время доклада были показаны костюмы стародубскихъ старообрядцевъ и предметы ихъ домашняго обихода.

Соединенное засѣданіе **Отдѣленій Географіи Математической и Географіи Физической**. 16 окт. д. чл. *К. Н. Давыдовъ* сдѣлалъ сообщеніе **„Изъ поѣздки въ Папуасію. Очеркъ природы Аруанскихъ острововъ“**. Приведемъ нѣкоторые пункты программы: Цѣль поѣздки на острова Индо-Австралійскаго Архипелага.—Маршрутъ.—Общій очеркъ путешествія отъ Явы до Аруанскихъ острововъ.—Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о географіи Архипелага Ару.—Населеніе, административное положеніе въ Нидерландской Индіи.—Селеніе Добо и его обитатели.—Мѣстные нравы.—Значеніе Добо въ жизни Аруанскаго Архипелага.—Къ вопросу о положеніи голландцевъ на Ару и вообще въ Папуасіи.—Деревня Ванумбай—ея характеръ, населеніе.—Нѣкоторыя данныя о населеніи Коброра и Вокама.—Коброрскія селенія.—Кочевыя племена.—„Срѣзыватели головъ“.—Blakang Tahva.—Общая характеристика и значеніе въ экономической жизни Ару.—Населеніе.—Промысловая жизнь.—Ловля рыбы, добываніе жемчуга, черепахи, трепанговъ.—Общій очеркъ этнографіи Ару.—Туземцы Ару: племена, языкъ, наружность.—Домашній бытъ.—Общественная и семейная жизнь.—Положеніе женщины.—Религіозныя вѣрованія.—Къ вопросу о каннибализмѣ въ Папуасіи и въ частности на Ару.—Научные результаты путешествія.—Заключеніе. (Были показаны діапозитивы и демонстрированы зоологическія и этнографическія коллекціи).

Русское Антропологическое О—во. 24 окт. сообщеніе д-ра **Л. Г. Оршанскаго:** О дѣтскихъ рисункахъ. Программа: Дѣтскіе рисунки, какъ пограничный вопросъ психологіи, эмбріологіи искусства и педагогики. Обзоръ литературы о дѣтскихъ рисункахъ. Программы собиранія и изученія дѣтскихъ рисунковъ (проф. Лампрехта и Левинштейна, Кершенштейнера). Результаты изученія и ихъ оцѣнка. Положеніе вопроса въ Россіи. Программа собиранія рисунковъ, выработанная Русскимъ Обществомъ психологіи и Обществомъ Учителей рисованія въ 1908 г.

Демонстрація рисунковъ и діапозитивовъ.

Въ четвергъ, 11 сентября, въ Университетѣ состоялось 57-е засѣданіе **Лингвистической секціи** Неофилологическаго общества. Былъ выслушанъ докладъ *Л. В. Щербы:* „Экспериментально-фонетическія наблюденія изъ области русской фонетики“.

Студенческій **Географическій кружокъ.** Въ четвергъ, 23 октября состоялось XVII засѣданіе. *Предметы занятій.* Сообщенія: 1) *С. И. Руденко:* Палеолитическая стоянка въ Мезинѣ, Черниговской губ., 2) *Н. Н. Лебедева:* Предварительное сообщеніе о поѣздкѣ на Байкалъ.

Сибирскія и дальневосточныя коллекціи Этнографическаго Отдѣла Музея Императора Александра III.

Музей—одно изъ значительнѣйшихъ хранилищъ очень цѣнныхъ коллекцій домашней обстановки, предметовъ культа, рабочаго инвентаря, одежды и т. п. вещей, собранныхъ въ средѣ русскаго и инородческаго населенія Сибири.

Однимъ изъ самыхъ большихъ и полныхъ коллекціями отдѣловъ музея является отдѣлъ якутскій, получившій цѣнныя вещи еще на второмъ году существованія музея,—въ 1902 г., отъ Э. К. Пекарскаго и совѣтника якутскаго областного управленія А. И. Попова. Э. К. Пекарскимъ коллекціи были доставляемы еще и въ 1903—1904 гг. А. И. Поповъ присылаетъ вещи ежегодно; въ якутскомъ коллекціонировании на музей принимали участіе и гг. Іоновъ, С. А. Бутурлинъ, Е. П. Поповъ. Якутскими коллекціями представлены въ музеѣ Императора Александра III—якуты, тунгусы, юкагиры, чукчи и коряки.

Иркутская губернія представлена разновременно доставленными коллекціями гг. Д. П. Першина, Хангалова, Ц. Ж. Жамцарано-Шараидъ; здѣсь обслѣдовались преимущественно буряты, и обслѣдованія эти естественно распространились и на бурятско-тунгузское населеніе Забайкальской области; въ послѣдніе годы цѣнныя коллекціи были доставлены изъ Забайкалья и гг. Борисомъ Вампиловымъ, Лыксокомъ Жаповымъ (буряты). Заслуживаетъ быть отмѣченной большая отзывчивость какъ бурятскаго населенія, такъ и молодой бурятской интеллигенціи къ важному дѣлу научнаго коллекціонированія предметовъ ихъ матеріальнаго быта и культа. Эта высококультурная черта очень помогаетъ осуществленію работъ музея, предпринимаемыхъ въ бурятской средѣ. Князь Д. Э. Ухтомскій, сынъ извѣстнаго журналиста, собиралъ въ текущемъ году въ Забай-

кальи коллекціи по ламаизму, Ц. Жамцарано собиралъ лѣтомъ текущаго-же года коллекціи по шаманизму забайкальскихъ бурятъ.

Коллекціи изъ Енисейской губерніи доставлялись разновременно гг. П. Е. Островскихъ (съ 1901 г., Туруханскій край), покойнымъ Мартьяновымъ (Минусинскій уѣздъ), А. В. Адріановымъ, Ф. Я. Конъ и А. А. Макаренко. П. Е. Островскихъ представилъ своими коллекціями остяковъ, якутовъ, самоѣдовъ, долганъ, юраковъ; тунгусы и татары мелецкой инородческой управы охарактеризированы вещами, доставленными г. А. А. Макаренко, собиравшимъ утварь и предметы культа у тунгусовъ еще въ 1907 и текущемъ 1908 г. въ системѣ рѣки Подкаменной Тунгуски; работы г. Островскихъ по Туруханскому краю продолжаются сейчасъ гг. Рычковымъ и Толстымъ; г. Конъ и г. Адріановъ въ верховьяхъ Енисея обслѣдовали старовѣрческія поселенія Усинскаго края, качинскихъ татаръ; г. Конъ доставилъ коллекціи и по быту сойотовъ. Русское населеніе губерніи представлено и по другимъ ея уѣздамъ коллекціями А. В. Адріанова и А. А. Макаренко. Въ текущемъ году на р. Тазъ былъ посланъ для собиранія коллекцій среди обитающихъ тамъ инородцевъ г. Тугариновъ.

Коллекціи по Томской губерніи собирались Д. А. Клеменцъ (Алтай), по Тобольской—г-жей Рагозиной (русское населеніе) и г. Ю. Горбатовскимъ (тарскіе татары). Киргизскій югъ Сибири почти не представленъ въ музеѣ. У киргизъ, народа болѣе многочисленнаго, чѣмъ буряты, не находится, однако, достаточнаго количества лицъ, способныхъ отдаться этнографическому коллекціонированію разной національной обстановки.

Амурская и Приморская области, о. Сахалинъ, Шантары, Командоры и другія островныя группы сѣверо-восточныхъ морей Сибири также очень слабо освѣщены коллекціями музея. Кое-что передано въ музей Александра III изъ Гродековскаго музея въ Хабаровскѣ и изъ Сахалинскаго музея; есть работы П. Ю. Шмидтъ, извѣстнаго ихтіолога сѣверо-востока Тихаго океана, попутно занимавшагося и этнографическимъ коллекціонированіемъ обслѣдованныхъ имъ побережій. Чукотскія и корякскія коллекціи доставлялись въ музей начальникомъ анадырскаго округа г. Сокольниковымъ. Коллекціи, доставленныя названными мѣстами и лицами изъ Приморской области, характеризуютъ корейцевъ, алеутовъ и мѣстныя племена тунгусовъ, гольдовъ, гиляковъ, орочей, коряковъ, чукчей.

Можетъ быть отмѣченной еще коллекція кн. Э. Э. Ухтомскаго по ламайскому культу у монголовъ. Вообще же китайскія области, сопредѣльныя Сибири, представлены очень слабо въ коллекціяхъ музея. Мало вещей изъ Монголіи; изъ Тибета есть лишь отдѣльныя вещи. Джунгарія, китайскій Восточный Туркестанъ зарегистрированы также очень слабо работами прежнихъ лѣтъ. Теперь же самая возможность собиранія даже чисто научныхъ коллекцій въ западномъ Китаѣ вообще и въ Тибетѣ въ особенности сильно затруднена послѣднимъ англо-русскимъ трактатомъ о разграниченіи сферъ вліянія Россіи и Англіи въ Центральной Азіи.

Музей Императора Александра III много сдѣлалъ по сибиревѣдѣнію, но еще больше остается ему сдѣлать въ этой области. Цѣлые районы страны вовсе не представлены коллекціями, другіе предста-

влены иногда лишь немногими вещами. Между тѣмъ живой переселенческій потокъ быстрѣе, чѣмъ раньше, стираетъ своеобразныя черты сибирской жизни—русской старожилой и инородческой; поэтому надо спѣшить съ регистраціей этихъ чертъ,—и сибирская интеллигенція должна бы помочь такой регистраціи, какъ путемъ живого содѣйствія лицамъ, командируемымъ въ Сибирь музеемъ, такъ и путемъ самостоятельныхъ коллекціонированій предметовъ домашней утвари, рабочаго инвентаря, оружія, культа и одежды какъ русскаго-старожилаго, такъ и инородческаго населенія Сибири, въ цѣляхъ доставленія этихъ коллекцій въ музеи. Намъ кажется, что такая работа внесла бы разнообразіе, повысила бы интересъ интеллектуальной жизни и самой сибирской интелилгенціи.

Минусинскій городской Мартьяновскій Музей въ 1906 году. (По „Отчету"... Канскъ. 1908). Въ отчетномъ году коллекціи Музея достигли слѣдующихъ цифръ: въ антропологическомъ отдѣлѣ—518 №№, въ этнографическомъ 2.962, въ археологическомъ—17.394, въ нумизматическомъ—3.002. При чемъ въ 1906 г. поступило вновь по археологіи 147 №№ и по нумизматикѣ 124 №№.

Въ частности этнографическій отдѣлъ состоитъ изъ коллекцій: русскаго населенія края (510 экз.), инородческаго (697 экз.), пограничныхъ сойотъ (851 экз.), латышей изъ колоній (140 экз.), финскаго племени (48 экз.), по сравнительной этнографіи (381 экз.) и по народной медицинѣ[1]). Этнографическая группа есть также въ образовательномъ отдѣлѣ (978 №№). Въ промышленномъ отдѣлѣ есть предметы кустарной промышленности, ремеслъ (1.315), охотничьяго и рыбнаго промысла (59). Изъ новыхъ пріобрѣтеній по отдѣлу археологіи интересенъ желѣзный жертвенникъ (изъ д. Листвяговой на р. Тубѣ)—первая такого рода находка въ Минусинскомъ округѣ.

Рѣдкій шаманскій костюмъ поступилъ въ Этнографическій музей Академіи Наукъ. Костюмъ принадлежитъ шаману енисейскихъ остяковъ. Въ цѣломъ онъ, видимо, изображаетъ птицу и въ этомъ отношеніи совершенно оригиналенъ. Помимо обычныхъ желѣзныхъ привѣсковъ на костюмѣ есть нѣсколько новыхъ украшеній и, кромѣ того, весь онъ украшенъ красочными рисунками, вышитыми оленьимъ волосомъ.

Обществомъ изученія Амурскаго края намѣчены слѣдующіе проекты использованія 2.000 р., пожертвованныхъ приамурскимъ генералъ-губернаторомъ: 1) Археологическая экспедиція въ окрестности „Тыра" для изысканій и раскопокъ въ окрестностяхъ извѣстныхъ развалинъ. 2) Экспедиція съ лингвистическими цѣлями къ гольдамъ. 3) Изданіе маршрутной карты Приморской области. 4) Экспедиція съ цѣлью изученія быта переселенцевъ. 5) Изданія руководства для собиранія разныхъ свѣдѣній и предметовъ, касающихся разныхъ

[1]) Почему-то общее число предметовъ по этнографіи не сходится. По подсчету выходитъ 3.012, а ранѣе помѣчено—2.962.

сторонъ жизни Амурскаго края. 6) Экспедиція въ мѣста необслѣдованныя въ географическомъ отношеніи.

Изъ поѣздки въ Кубинскій уѣздъ Бакинской губерніи директоръ кавказскаго музея А. Н. Казнаковъ привезъ коллекцію по этнографіи горскихъ евреевъ и нѣкоторые предметы по этнографіи татовъ и лезгинъ. Особенно полно собраны предметы по кустарнымъ промысламъ: по приготовленію ковровъ, изъ которыхъ лучшими въ уѣздѣ являются татскіе, приготовленію галуновъ, шнуровъ, поясовъ, обуви, кузнечному промыслу и др., а также множество дѣтскихъ игрушекъ, амулетовъ и т. п.

Малорусская этнографія въ „украінскомъ товаристві“ — „Просвіта“. Въ 1907 году въ малорусскомъ Одесскомъ обществѣ „Просвіта“ („Просвѣщеніе“), въ которомъ еженедѣльно читается по два реферата, часть послѣднихъ была посвящена этнографіи Украйны. Такъ были прочитаны доклады—Комарова: „Украинскій вертепъ и вертепная драма“, „Кармелюкъ въ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ“, „Про пасхальныя крашанки и писанки“, „Народная пѣсня про Бондаривну“, „Байда, князь Вишневецкій въ украинской словесности“; Ящуржинскаго: „Культъ хлѣба въ пѣсняхъ и обрядахъ“, Шелухина: „Народныя украинскія пѣсни“, Андріевскаго: „Кобзарь Остапъ Вересай“ и нѣк. др. Всѣ рефераты читались по-украински и, хотя не отличались ни научностью, ни новизною (большинство было составлено по печатнымъ русскимъ статьямъ), тѣмъ не менѣе приходились по вкусу той средней публикѣ, которая посѣщаетъ общество „Просвіта“.

Въ Петербургѣ недавно закрылась грандіозная **выставка керамики**, на которой были экспонированы издѣлія не только художественно-промышленныя, но также для огнестойкаго строительства до самыхъ простыхъ его формъ въ видѣ черепицы и огнеупорныхъ плитокъ и другихъ матеріаловъ для сельскихъ построекъ. Кромѣ того, на выставкѣ былъ русскій историческій отдѣлъ, такъ такъ у насъ эмалированная глина получила широкое распространеніе еще въ древнемъ зодчествѣ.

Этнографическая поѣздка къ тунгусамъ. Во вторую этнографическую поѣздку къ тунгусамъ бассейна рѣки „Катонги“, предпринятую по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, А. А. Макаренко былъ занятъ пополненіемъ лексическаго матеріала по языку тунгусовъ, продолжалъ изученіе образа жизни ихъ, шаманства и обычаевъ; собиралъ свѣдѣнія о разселеніи тунгусовъ, объ устояхъ ихъ экономической жизни и условіяхъ и формахъ торговли съ ними русскихъ; имъ записаны также тунгусскія сказки: о якутскомъ царѣ Тыгы-ракта (по-якутски: Тыгын-ырӑхта̄ҕы), о „Шоломон“ царѣ и др.; добыты образцы рисовальнаго искусства и письменности тунгусовъ и пр.

Экскурсантъ совершилъ поѣздку въ обществѣ двухъ своихъ, испытанныхъ въ предыдущія командировки въ Сибирь, спутниковъ: К. А.

Масленикова и П. Т. Воронова. Первый велъ подъ наблюденіемъ г. Макаренко метеорологическія наблюденія, занимался при помощи гипсотермометра опредѣленіями береговыхъ высотъ, а также заново воспроизвелъ по компасу глазомѣрную съемку фарватера рѣки „Катонги“ (она же Средняя Тунгуска), съ ея притоками, на протяженіи слишкомъ 900 верстъ; первая съемка была сдѣлана въ 1907 году въ полую воду (большую); съемка этого года, начатая съ начала вскрытія рѣки, закончена была лѣтомъ, когда обнаружились ея пороги и шиверы; получены, такимъ образомъ, весьма интересныя данныя для сравнительнаго сужденія, въ связи съ промѣрами, о высотахъ уровня воды въ „Катонгѣ“ въ главные моменты навигаціоннаго времени и объ условіяхъ возможнаго по ней судоходства. П. Вороновъ, будучи уроженцемъ Ангарскаго края и въ то же время прекраснымъ охотникомъ и знатокомъ мѣстности, оказалъ весьма полезное содѣйствіе при собираніи свѣдѣній о поверхности, флорѣ и фаунѣ бассейна „Катонги“, во многомъ сходныхъ съ таковыми Ангарскаго края; своимъ лоцманскимъ искусствомъ Вороновъ, кромѣ того, былъ неоцѣнимымъ проводникомъ въ тайгѣ и по рѣкѣ, изобилующей серьезными препятствіями: благодаря его распорядительной предусмотрительности, быстрой находчивости и поразительному присутствію духа, утлая лодка экскурсантовъ не разъ избѣгла серьезной опасности въ нѣкоторыхъ порогахъ „Катонги“.

Переѣздъ до мѣста назначенія въ 1.200 слишкомъ верстъ былъ сдѣланъ зимнимъ (въ январѣ) путемъ на лошадяхъ; въ глубь жительства тунгусовъ совершена поѣздка на оленяхъ; а главный маршрутъ по „Катонгѣ“ и ея видномъ притокѣ—Чунѣ былъ сдѣланъ на небольшой лодкѣ.

На сокращеніе экспедиціоннаго времени и на сравнительно малый результатъ этнографическихъ изысканій повліяло, между прочимъ, распространеніе оспенной эпидеміи среди тунгусовъ изслѣдованнаго края; послѣдніе, по словамъ А. Макаренко, избѣгали, благодаря этому, посѣщеній ярмарочныхъ мѣстъ и уходили въ невѣдомыя малодоступныя таежныя трущобы.

По той же немаловажной причинѣ оказался мало успѣшнымъ сборъ этнографическихъ коллекцій среди тунгусовъ, порученный А. Макаренко Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III. Имъ доставлены въ обѣ поѣздки (1907—1908 г.) предметы домашней утвари тунгусовъ, одежды съ раскраской и бисернымъ шитьемъ, оружіе, орудія промысла, ремеслъ, амулеты, предметы шаманскаго культа и похоронъ (гробъ съ останками и пр. принадлежности), берестяная лодка, лыжи, посохи, а также броня тунгусскихъ воиновъ, скованная по старинному образцу, и проч.

Экспедиція на полуостровъ Я-малъ. Изъ Обдорска получены извѣстія объ экспедиціи на полуостровъ Я-малъ. Члены экспедиціи пробыли въ Обдорскѣ 12 дней, ушедшихъ на подготовительныя работы по снаряженію въ дальній и долгій путь. Въ Обдорскѣ была организована особая комиссія изъ обдорскихъ обывателей. Въ составъ экспедиціи вошли: миссіонеръ-священникъ Мартемьяновъ, прекрасно владѣющій самоѣдскимъ языкомъ и хорошо знакомый съ жизнью и бы-

томъ самоѣдовъ, и толмачъ Кудринъ. Для экспедиціи собрано было больше четырехсотъ оленей, сравнительно хорошаго достоинства. Первоначальный путь экспедиціи изъ Обдорска намѣченъ такъ: озеро Вангады, Поды, затѣмъ краемъ Оби до Орнела, до Ямбуринскаго острова, Ямбуринскихъ юртъ (астрономически опредѣленный пунктъ), отъ Ямбуры серединой Я-мала на крайній сѣверный его пунктъ. По исчисленіямъ самоѣдовъ, отъ Ямбуры до сѣверной оконечности Я-мала 40 переходовъ (переходъ 30 верстъ), т.-е. около 1.200 верстъ.

Неудавшаяся экспедиція. По порученію этнографическаго отдѣла Русск. Музея Имп. Александра III, г. Тугариновъ долженъ былъ собрать этнографическія коллекціи среди инородцевъ области р. Тазъ (Туруханскій край). Но экспедиція эта не удалась вслѣдствіе того, что выбранный г. Тугариновымъ путь оказался непроходимымъ.

По слухамъ въ 1909 году возобновляется изданіе историческаго журнала „Кіевская Старина", вмѣсто котораго въ 1907 году издавалась „Украіна", просуществовавшая только одинъ годъ. „Кіевская Старина" была богата этнографическими изслѣдованіями и матеріалами, касавшимися Южной Руси. Можно ожидать, что возобновленный журналъ такъ же будетъ полезенъ въ послѣднемъ отношеніи, какъ и раньше, лишь бы онъ пошелъ по своей прежней строго научной дорогѣ.

Вновь открытое племя въ Аляскѣ. По сообщеніямъ изъ Филадельфіи, туда вернулся изъ продолжительной научной поѣздки въ Аляску американскій ученый проф. Г. Гордонъ, привезшій съ собою богатую коллекцію цѣнныхъ предметовъ, добытыхъ имъ у одного племени, до сихъ поръ неизвѣстнаго ученымъ. Племя это, прежде повидимому многочисленное, насчитываетъ въ настоящее время не болѣе 400 человѣкъ, поселенія ихъ расположены въ 600 миляхъ отъ устья рѣки Кусковилы. Гордонъ назвалъ это странное племя „кусковагамитами". Въ противоположность атабаскамъ (индѣйцамъ) и эскимосамъ, оно сохранило рѣзко выраженныя черты азіатской расы. Повидимому, племя принадлежитъ къ раннему поселенію Аляски; вытѣсненное индѣйцами и эскимосами, оно переселилось въ долину рѣки Кусковилы, гдѣ и нашло себѣ естественную защиту. Проф. Гордонъ провелъ среди этого племени нѣсколько мѣсяцевъ, наблюдалъ ихъ жизнь, нравы и обычаи и собралъ огромную коллекцію разныхъ предметовъ и одежды. Мужчины, по словамъ Гордона, отличаются высокимъ ростомъ и силою, женщины—миловидностью; въ умственномъ отношеніи этотъ народъ стоитъ далеко выше другихъ обитателей арктическихъ странъ; всѣ они—моногамисты, законовъ писанныхъ не имѣютъ; управляются старѣйшимъ въ родѣ—патріархомъ, исполняющимъ въ то же время обязанности священника: одежду дѣлаютъ себѣ не изъ звѣриныхъ шкуръ, а изъ кожи и перьевъ птицъ.

Археологическая находка. Аллагабадъ, 4 (17) сентября.—По полученнымъ отъ путешественника, доктора Штейна, изъ Хотана

отъ 2-го іюля свѣдѣніямъ въ Карашарѣ, въ сѣверо-восточной части пустыни Тарима, найдены картины и скульптурныя изображенія, относящіяся къ эпохѣ преобладанія буддійскаго вліянія. Близъ Мазаръ-Тага найдены большія собранія документовъ, писанныхъ на деревѣ и на бумагѣ, главнымъ образомъ, индійскаго, китайскаго и тибетскаго происхожденія. Документы относятся къ VIII или IX вѣку и принадлежатъ, очевидно, къ періоду тибетскихъ нашествій.

Новые открытія въ области изученія древняго Востока,— Temps даетъ краткое описаніе коллекцій, вывезенныхъ Жакомъ Морганомъ изъ Персіи. Коллекціи эти размѣщаются въ настоящее время въ Луврѣ. Жакъ Морганъ уже раньше составилъ себѣ крупное имя въ качествѣ изслѣдователя древняго Востока. Во время своей первой экспедиціи Моргану подъ развалинами древне-персидскихъ Сузъ (временъ Даріевъ и Ксерксовъ) удалось напасть на слѣды болѣе стараго города, Сузъ эламитскихъ (между 2300 и 750 гг. до Р. Х.), и еще болѣе стараго, существовавшаго, какъ онъ думаетъ, въ первыя времена владычества халдеевъ. Результаты раскопокъ только-что закончившейся второй экспедиціи Моргана еще болѣе продуктивны. На каждой найденной имъ вещи обозначенъ почвенный слой, въ предѣлахъ котораго она найдена. Уже отсюда, слѣдовательно, можно извлечь приблизительныя хронологическія указанія. Эти догадки въ свою очередь подтверждаются многочисленными надписями, собранными Морганомъ на различной глубинѣ. „Такимъ образомъ,—пишетъ авторъ статьи въ Temps,—несомнѣнно, что эта маленькая телѣжка, эта миніатюрная военная колесница, этотъ парикъ изъ обожженной глины, эти лѣстницы, снабженныя колесами, не что иное какъ дѣтскія игрушки, которыя дѣти приблизительно за 5000 лѣтъ до христіанской эры возили на веревочкахъ по площадямъ или узенькимъ улицамъ примитивнаго города“. Къ той же древнѣйшей эпохѣ относится коллекція расписныхъ вазъ, одинаково любопытныхъ и своей формой, и своими украшеніями, бронзовыя копья, топоры, пилы, кирки и пр. Къ той же эпохѣ относится найденное въ большомъ количествѣ алебастровое оружіе, сдѣланное очень прочно и изящно, прекрасно выполненныя изображенія животныхъ. Впрочемъ изображенія животныхъ находили во всѣхъ слояхъ, гдѣ производились раскопки. Серія человѣческихъ фигуръ очень богата; почти всѣ онѣ воспроизводятъ положеніе, извѣстное по найденнымъ раньше на мѣстахъ древней Халдеи статуямъ. Тѣсно прижатыя къ тѣлу руки, покоящіяся на груди, и кисти, плотно охватывающія одна другую. Головъ у статуй нѣтъ, за рѣдкими исключеніями. Объясняется это тѣмъ, что страна много разъ опустошалась войной, и побѣдители, забирая драгоцѣнности, уродовали все, чего не хотѣли брать. Такъ поступали они и со статуями. Только въ томъ случаѣ, если статуя была изображеніемъ особенно знаменитаго лица, ее брали въ качествѣ трофея. Въ числѣ статуй, найденныхъ Морганомъ, есть одна, сдѣланная изъ діорита и восходящая ко времени за 3000, а можетъ быть и 4000 лѣтъ до Р. Х. Статуя изображаетъ одного изъ царей, и подъ ней двѣ надписи: одна—старая, другая—болѣе поздняго происхожденія, гласящая,

что эта статуя какъ побѣдный трофей была взята изъ Халдеи царемъ Шутрукъ-Наконта.

Отказъ отъ кровавой мести. О событіи, имѣющемъ не малое культурноисторическое значеніе, сообщаютъ изъ Салоникъ. Албанскія племена въ трехъ вилайетахъ, Янинѣ, Монастырѣ и Коссовѣ, отказались навсегда отъ кровавой мести. Ихъ уполномоченные принесли „народную клятву“ въ томъ, что кровавая месть отнынѣ исчезаетъ изъ жизни албанцевъ. Съ первыхъ же временъ появленія албанцевъ въ исторіи кровавая месть существовала и сохранялась какъ „священный законъ“, какъ „институтъ“, безъ котораго албанцы не представляли себѣ возможнымъ жить. Она замѣняла собою юстицію, и, регламентированная во всѣхъ подробностяхъ, служила основою, на которой покоилась семейная жизнь албанскихъ племенъ. Неписанный законъ мести рѣшалъ вопросы уголовнаго права и даже частныя столкновенія.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ.*

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Приложеніе.

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVII годъ изданія 1908	ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ	XVII годъ изданія 1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ— 5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Типографія М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Živaja Starina

Книжка 68

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и Секретаря Отдѣленія **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ IV Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117

1909.

ОТДѢЛЪ I.

„Камень на морѣ“ и камень алатырь.

Въ русской народной поэзіи нерѣдко встрѣчается загадочный образъ чудеснаго камня на морѣ. Этотъ образъ иногда является въ легендахъ и пѣсняхъ космогоническаго содержанія, причемъ чудесный камень оказывается среди первоначальнаго моря въ началѣ творенія. Таковъ образъ малорусской колядки:

А що намъ било зъ нащаду світа,
Ой не било жъ намъ хиба сина вода,
Синая вода, тай білий камінь,
А прикривъ Господь сировъ землицевъ
Виросло на німъ кедрове древо“ и т. д. [1])

Иногда на этомъ камнѣ представляется сидящимъ одинъ изъ творцовъ міра, какими часто въ космогоническихъ легендахъ является животное, особенно птица. Чаще на камнѣ сидитъ чудесное животное, которое если и имѣло значеніе деміурга, то утратило, а можетъ быть играетъ не роль деміурга, а иную космическую роль. Образъ камня съ сидящими на немъ чудесными животными обладаетъ рядомъ устойчивыхъ чертъ. Такъ часто камень называется бѣлымъ:

Образъ бѣлаго камня на морѣ мы встрѣчаемъ въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ, какъ малорусской такъ и великорусской поэзіи. Только что мы видѣли его въ колядкѣ о твореніи міра въ качествѣ первозданнаго камня, существующаго уже въ началѣ творенія. Мы его найдемъ съ загадочнымъ миѳическимъ значеніемъ въ заговорахъ.

„На небѣ свѣтелъ мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сырой дубъ; когда эти три брата сойдутся“, тогда мои

---

[1]) „Кіевск. Ст.“, 1889, Январь.

зубы не будутъ болѣть" [1]). Въ другомъ великорусскомъ же заговорѣ бѣлый камень оказывается среди золотого моря. „Есть море золотое, на золотомъ морѣ бѣлый камень, на камнѣ сидитъ красная дѣвица съ палицей желѣзной" [2]). Бѣлый камень заговоровъ часто называется „латыремъ", „алатыремъ".

Образъ бѣлаго камня на морѣ встрѣчается и въ не обрядовыхъ великорусскихъ пѣсняхъ, съ подробностями, напоминающими образъ бѣлаго камня на золотомъ морѣ съ сидящей на немъ дѣвицей.

„По утру ранешенько, на зарѣ
Щебетала ласточка на дворѣ,
Всплакалось дѣвонюшкѣ на морѣ,
На бѣломъ горючемъ на камнѣ".

Иногда этотъ бѣлый камень представляется горящимъ:

„Не отъ пламичка, не отъ огничка
Загорѣлась въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Добрался огонь до бѣлаго камешка,
Что на камешкѣ сидить младъ ясенъ соколъ.

Этотъ образъ горящаго камня напоминаетъ образъ горящаго камня въ колядкѣ о загадкахъ:

„Камень горить безъ поломеня,
А вода біжить безъ прогону" и т. д.

Въ другихъ варіантахъ колядки о загадкахъ мы находимъ знакомый образъ бѣлаго камня, который „растетъ безъ корня":

„Білъ камінь росте безъ корінічка"

Образъ бѣлаго камня среди моря встрѣчается и въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

„А на морѣ, на морѣ на синянькомъ,
А тамъ лежавъ бѣлый камень,
А на каменѣ соколъ, соколъ сядзиць".

Очень сходенъ съ этимъ образъ малорусской пѣсни

„Ой у полі білий камень лежавъ,
А на тому каминеві сивий орелъ седить,
Ой седить же він седить, думу думае"

---

[1]) Майковъ, „Заклинанія" 454.
[2]) Майковъ, „Заклинанія" 457.

Образъ бѣлаго камня на морѣ встрѣчается и въ былинахъ. Добрыня говоритъ матери:

„Ты бы лучше меня, матушка, спородила
Бѣлымъ горючимъ камешкомъ,
Завернула бы въ тонкій бѣлый рукавичекъ,
А спустила бы меня въ синее море“.

Является вопросъ, откуда получился этотъ устойчивый образъ бѣлаго камня на морѣ, о которомъ былинный герой говоритъ, какъ о чемъ то общеизвѣстномъ? Образъ этотъ тѣсно связанъ съ образомъ „камня алатыря“.

Миѳологическое толкованіе этого образа Аѳанасьевымъ, который видѣлъ въ словѣ алатырь древнюю форму, чуть ли не восходящую къ праарійской, а въ самомъ алатырѣ солнце,— неудачно. Основывается оно на томъ, что камень плаваетъ на морѣ, т.-е. по Аѳанасьеву, на воздушномъ океанѣ, и на немъ сидитъ дѣвица Заря. Но прежде всего нужно убѣдиться, что море, по которому плаваетъ камень, дѣйствительно воздушное море, а этого Аѳанасьевъ не доказываетъ, кромѣ того, врядъ ли возможно считать вѣроятнымъ образъ камня солнца, на которомъ сидитъ Заря. Почему Зарѣ должно сидѣть на солнцѣ?

А. Н. Веселовскій даетъ иное толкованіе слова и образа „алатырь“.

Установивъ несомнѣнную связь представленій объ алатырѣ въ нѣкоторыхъ духовныхъ стихахъ съ камнемъ алатыремъ христіанскихъ сказаній, А. Н. Веселовскій говоритъ:

„Дальнѣйшее развитіе (sic) этого образа въ русской народной поэзіи и суевѣріи насъ здѣсь не интересуетъ: тамъ онъ претворился до неузнаваемости, до разнообразныхъ проявленій, связанныхъ другъ съ другомъ однимъ лишь общимъ понятіемъ—какой-то чудной силы, сверхъ-естественныхъ качествъ. Пользоваться позднѣйшими искаженіями и приложеніями этого образа съ цѣлью опредѣлить его первичныя формы—едва ли возможно“ [1]).

Такимъ образомъ все, что не носитъ слѣда близости къ христіанскому представленію камня алтаря, сіонскаго камня и т. д.,—все это отнесено Веселовскимъ къ числу „позднѣйшихъ искаженій“.

Какія основанія имѣются налицо для такого заключенія?— Никакихъ, кромѣ предвзятаго стремленія школы Бенфея воз-

¹) Разысканія. III—V, стр. 25.

водить непремѣнно образы народной фантазіи къ книжному памятнику. Это предвзятое стремленіе постоянно приводитъ къ такому силлогизму: „образъ *A* есть въ народной поэзіи, образъ *B* нѣсколько съ нимъ сходный есть въ памятникѣ *N*, слѣдовательно *A* есть искаженіе *B*".

Этотъ софизмъ Бенфеевской школы отмѣченъ Бедье въ его прекрасномъ трудѣ о фаблю.

„Nous avons marqué le caractère essentiel de la méthode indianiste: c'est de prendre un conte dans la tradition populaire vivante et de le „suivre à la piste", d'âge en âge, en remontant le courant des litteratures.

Le plus souvent, elle se résume en ce resonnaiment: Soit un conte moderne; je le retrouve dans le Directorium humanae vitae. Or, je prouve que ce recueil a une origine indienne. Donc le conte est indien. Soit cet autre conte moderne: je le retrouve dans le Roman des septs sages français. Or, je prouve que le livre des Sept sages remonte à un original indien. Donc le conte est indien.

Nous voici de la sorte, innocemment, malgré nous, ramenés à l'Inde. Tant que la théorie n'a point d'argument plus probant (et souvent il en est ainsi) son raisonnement est médiocre. Il se reduit à ceci: la plus ancienne forme concervée de ce conte est indienne; donc le conte lui-même est indien.

Ce sophisme porte un nom dans l'Ecole: „Post hoc, ergo propter hoc" [1]).

Методы школы Бенфея пріобрѣли у насъ въ изученіи народной поэзіи господствующее значеніе благодаря эрудиціи и

---

[1]) „Мы отмѣтили существенныя черты метода индіанистовъ: они берутъ разсказъ въ живомъ народномъ преданіи и „прослѣживаютъ" его изъ вѣка въ вѣкъ, восходя къ источникамъ литературнаго развитія.

Чаще всего этотъ методъ резюмируется въ слѣдующемъ разсужденіи:

Вотъ новый разсказъ, я его нахожу въ „Directorium humanae vitae". Я доказываю, что этотъ сборникъ индійскаго происхожденія. Слѣдовательно, и разсказъ индійскаго происхожденія.

Вотъ другой новый разсказъ. Я его нахожу во французскомъ романѣ о семи мудрецахъ. Я доказываю, что этотъ романъ восходитъ къ индійскому оригиналу. Слѣдовательно, и разсказъ индійскаго происхожденія.

Пока теорія не имѣетъ болѣе убѣдительныхъ аргументовъ (а часто это бываетъ такъ), ея разсужденія не сильны. Они сводятся къ слѣдующему: наиболѣе древняя изъ сохранившихся редакція разсказа индійская, — слѣдовательно, разсказъ индійскаго происхожденія.

Этотъ софизмъ въ логикѣ носитъ названіе: „Post hoc, ergo propter hoc".

Bedier, „Les Fabliaux", Paris, 1895, p. 86.

таланту А. Н. Веселовскаго, а съ ними перекочевалъ и отмѣченный французскимъ ученымъ софизмъ.

Чрезвычайно характернымъ является при этомъ игнорированіе всѣхъ данныхъ, могущихъ дать иное объясненіе образа. У А. Н. Веселовскаго это игнорированіе тѣмъ болѣе странно, что онъ много разъ высказывается въ пользу важности того туземнаго „усвояющаго субстрата", съ которымъ сливаются заносныя представленія[1]), но практически этотъ „субстратъ" остается обыкновенно у А. Н. Веселовскаго безъ вниманія. Между тѣмъ этотъ „субстратъ", этотъ слой аналогичныхъ съ усвоемыми туземныхъ представленій иногда является такимъ очевиднымъ, такъ легко объяснимымъ, что казалось бы его нельзя не замѣтить.

Такимъ „субстратомъ" для представленія о камнѣ алатырѣ намъ кажутся разныя мѣстныя представленія о чудесныхъ камняхъ, иногда сливающіяся съ христіанскими представленіями о камнѣ алтарѣ, иногда свободныя отъ христіанскихъ наслоеній.

Существованіе этихъ представленій не можетъ насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что мы имѣемъ много надежныхъ свидѣтельствъ о существованіи по всей Европѣ (и у насъ въ частности) культа камней.

Снегиревъ приводитъ слѣдующіе любопытные факты почитанія камней у русскихъ. Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губ. есть камни, носящіе названіе Башъ и Башиха. Когда помѣщикъ ихъ рубитъ, на нихъ выступаютъ кровавыя пятна. Помѣщикъ, ихъ рубившій, былъ наказанъ слѣпотой, а окрестности безплодіемъ[2]).

Аналогичное вѣрованіе Аѳанасьевъ отмѣчаетъ въ Литвѣ. „Въ Литвѣ, говоритъ онъ, долгое время сохранялось благоговѣйное уваженіе къ нѣкоторымъ камнямъ; объ одномъ камнѣ разсказываютъ, что когда какой-то мельникъ хотѣлъ было достать его и употребить на жорновъ, то въ глаза ему полетѣла съ камня пыль — и онъ ослѣпъ; помощниковъ его также постигла небесная кара—одинъ вскорѣ умеръ, у другого отнялись руки"[3]).

Оба эти вѣрованія совершенно ясно обнаруживаютъ характеръ камня, какъ фетиша, въ которомъ живетъ духъ,—вѣрованіе широко распространенное во всѣхъ концахъ міра. О тѣхъ

---

[1]) Напр. въ „Разысканіяхъ", XVIII, стр. 4.
[2]) Снегиревъ. „Простонар. Праздн.", IV, стр. 70—74.
[3]) Аѳанасьевъ. „Поэт. Воззр". II, 357.

же камняхъ Башѣ и Башихѣ Снегиревъ въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ, что около Петрова дня народъ въ Одоевскомъ уѣздѣ стекается на поклоненіе двумъ камнямъ, „какъ на могилы родителей“. Камнямъ этимъ приписывается чудодѣйственная сила: „одни ихъ считаютъ за мужщину и женщину, другіе за супруговъ, иные за кума и куму или за богатырей, обращенныхъ въ камни“ [1]).

Въ этомъ фактѣ очень ясно обнаруживается почитаніе камней и ихъ значеніе какъ предковъ: къ нимъ приходятъ „какъ на могилы родителей“.

Факты явнаго поклоненія камнямъ можно отмѣтить и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Переяславскомъ уѣздѣ былъ среди потока камень, къ которому ходили на поклоненіе также въ Петровъ день.

Житіе преподобнаго Иринарха, оцѣнивъ это вѣрованіе съ христіанской точки зрѣнія, говоритъ, что въ камень этотъ вселился бѣсъ и „творитъ мечты“. Однако и христіанскій авторъ житія признаетъ силу этого бѣса. Преп. Иринархъ велѣлъ дьякону Онуфрію зарыть камень въ землю, дьяконъ исполнилъ это, но бѣсъ озлобился, наслалъ на него трясовичную болѣзнь и причинилъ ему много пакостей [2]).

Чествованіе камня около Петрова дня конечно результатъ христіанскаго пріуроченія, но оно не нарушаетъ сути явленія— поклоненія камню. Само значеніе имени Петръ — камень, могло дать поводъ самого Петра разсматривать какъ божество камня. Во всякомъ случаѣ здѣсь передъ нами несомнѣнный фактъ поклоненія; бѣсъ въ камнѣ—духъ предка, ставится бѣсомъ въ глазахъ христіанскаго писателя, не свободнаго однако отъ вѣры въ могущество этого бѣса. Свободны отъ христіанскихъ наслоеній слѣдующія вѣрованія.

Близъ Нерехты, среди рѣки того же имени, есть камень, похожій на бочку; кто осмѣлится брать у него воду, тотъ впадетъ въ сумашествіе [3]). Брать воду очевидно оскорблять духа, живущаго въ камнѣ. Характерно также, что здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, священный камень „среди рѣки“, съ этими представленіями мы еще встрѣтимся.

Чрезвычайно характерны повторяющіеся въ разныхъ мѣстахъ разсказы о конѣ камнѣ.

---

[1]) Снегиревъ. „Простонар. Праздн.“ I, 186.
[2]) Афанасьевъ. „Поэт. Возз.“ II, 360.
[3]) Снегиревъ. „Прост. пр.“ I, стр. 187.

„На Ладожскомъ озерѣ, говоритъ Аѳанасьевъ, на островѣ Коневцѣ подъ Святой горой лежитъ большой Конь-камень (12 саженъ въ окружности и 7 аршинъ въ вышину), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня. Въ даръ духамъ, которые обитали около этого камня и охраняли скотъ, перевозимый съ берега на островъ и оставляемый на тамошнихъ пастбищахъ въ продолженiи цѣлаго лѣта, безъ всякаго надзора, прибрежные жители ежегодно обрекали по одному коню; конь этотъ погибалъ зимой, и суевѣрные крестьяне были убѣждены, что его пожирали незримые духи. Преподобный Арсенiй окропилъ камень св. водой и нечистые улетѣли съ острова въ видѣ воронов ъ. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, на берегу Красивой Мечи, вокругъ Коня камня до позднѣйшаго времени совершалось опахиванiе, чтобы прiостановить губительное дѣйствiе скотскаго мора“ [1]).

Объ этомъ Конѣ камнѣ Ефремовскаго уѣзда подробнѣе Аѳанасьевъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ такъ:

„Въ Ефремовскомъ уѣздѣ на берегу Красивой Мечи, близь села Козьяго есть огромный гранитный камень. Крестьяне называютъ его Конь-камень и разсказываютъ о немъ слѣдующее преданiе: въ незапамятную старину явился на берегу Красивой Мечи витязь-великанъ, въ блестящей одеждѣ на бѣломъ конѣ... въ тоскливомъ раздумьи глядѣлъ онъ на рѣку и потомъ бросился въ воду, а одинокiй конь его тутъ же окаменѣлъ. По ночамъ камень оживаетъ, принимаетъ образъ коня, скачетъ по окрестнымъ полямъ и громко ржетъ“ [2]).

Мы не можемъ согласиться съ Аѳанасьевымъ, который въ конѣ хочетъ видѣть „видимаго представителя Бога громовника“ [3]). Для такого пониманiя мы не видимъ никакихъ основанiй. Конемъ представляется здѣсь повидимому духъ, заключающiйся въ камнѣ. На это указываетъ приношенiе ему въ жертву коня на Коневцѣ и бѣганiе „ожившаго“ коня въ легендѣ съ Красивой Мечи. Представленiе души конемъ явленiе обычное. Мы указывали уже на обычность представленiя души умершаго въ видѣ коня [4]). Къ сказанному тогда можемъ прибавить авторитетное мнѣнiе Вундта, который считаетъ коня однимъ изъ распространенныхъ животныхъ душъ [5]). Въ этомъ сочетанiи

---

[1]) Аѳанасьевъ. „Поэт. Воззр.“ II. 359.
[2]) Аѳанасьевъ „Поэт. Воззр.“ II, 676.
[3]) Ibidem, 359.
[4]) Къ изуч. малор. колядокъ, 27.
[5]) Volkespsyhologie. II, 2, 77.

представленія души коня и ея вмѣстимости—камня мы видимъ полную аналогію съ представленіями о душахъ деревьевъ въ видѣ живого существа, зооморфнаго или антропоморфнаго (дріады), Конь здѣсь—душа живущая въ камнѣ, какъ дріада—душа, живущая въ деревѣ. Отмѣтимъ пока характерную черту, что чудесный конь камень въ одномъ случаѣ надъ рѣкой, въ другомъ — на островѣ, и перейдемъ къ дальнѣйшимъ матеріаламъ.

Вѣрованіе въ души камней (и деревьевъ) очень рельефно сказывается въ одномъ малороссійскомъ сказаніи о чумѣ, которая представлена во главѣ шествія душъ мертвыхъ. Къ этому шествію присоединяются даже деревья и камни, т.-е. души камней и деревьевъ [1]).

Изъ фактовъ, указывающихъ на поклоненіе камнямъ у славянъ приведемъ еще свидѣтельство Козьмы Пражскаго о поклоненіи камнямъ у чеховъ и Гельмонда о поклоненіи камнямъ у балтійскихъ славянъ [2]). Священный камень балтійскихъ славянъ, носящій до сихъ поръ названіе Buskahm (Божій камень) находится въ морѣ недалеко отъ мыса Söhren [3]). Аѳанасьевъ приводитъ также свидѣтельство одного стариннаго русскаго проповѣдника который говоритъ паствѣ: „не нарицайте собѣ бога... ни въ каменіи“ [4]). Насколько дословно можно здѣсь понимать слова „нарицать бога въ камнѣ“ можетъ показать намъ тотъ фактъ, что повидимому у славянъ заимствовали свое божество камня—финны.

Въ Калевалѣ Леминкейненъ обращается съ такимъ заклинаніемъ.

„Вы, среди рѣки каменья,
Опѣненные утесы!
Вы чело нагните ваше
И главы спустите книзу.
На дорогѣ лодки красной,
На пути ладьи смоленой.
Если-жъ этого все мало,
Камень Киммо, ты, сынъ Каммо!
Буравомъ ты щель продѣлай,
Проколи ты здѣсь отверстье,
Чрезъ утесъ среди потока,

---

[1]) Аѳанасьевъ. Поэт. Воззр. III, 111.
[2]) Аѳан. Поэт. Воззр. II, 358.
[3]) Гильфердингъ. „Собр. Соч,“ 4, 191.
[4]) Аѳан. Поэт. Воззр. II, 359.

Черезъ злой подводный камень,
Чтобы лодка, не засѣвши,
Пробѣжала невредимо"[1]).

Характерно, что обращеніе это направлено къ камнямъ среди рѣки, какими являются чудесные камни въ большей части приводимыхъ нами славянскихъ вѣрованій. Это совпаденіе станетъ еще болѣе знаменательнымъ, если мы примемъ во вниманіе слѣдующее мнѣніе Кастрена.

„Kimmo, конечно, получилось при помощи перегласовки изъ Kammo, послѣднее же очевидно произошло отъ славянскаго камень"[2]). Этимологія Кастрена будетъ еще яснѣе, если вмѣсто принимаемой имъ позднѣйшей формы „камень" взять старинную „камы", которая только и могла быть заимствована финнами у славянъ. Въ другомъ мѣстѣ Кастренъ говоритъ, что финны почитали единичные камни, считая ихъ мѣстопребываніемъ боговъ и духовъ. „Само божество моря, говоритъ Кастренъ, находилось на цвѣтномъ камнѣ, на днѣ моря. Вѣроятно жилъ въ камнѣ и Киммо, не говоря уже о духахъ болѣзней, которые находились въ камнѣ на Kipumäku (горѣ болѣзней)"[3]).

Отмѣчаемъ здѣсь еще разъ образъ камня среди моря—какъ жилище морского божества.

Поклоненіе камнямъ не является конечно особенностью вѣрованія финновъ и славянъ. Какъ всѣ низшіе культы оно распространено очень широко и формы его чрезвычайно сходны у народовъ античнаго міра или древнихъ индусовъ и современныхъ низшихъ расъ. Заслуживаетъ вниманія устойчивость культа камня въ Европѣ послѣ принятія христіанства. Какъ у насъ представители церкви должны были обращаться къ паствѣ съ увѣщаніемъ не сотворить себѣ бога изъ камня и даже закапывали священные камни въ землю, такъ же и на западѣ христіанству приходилось бороться съ устойчивымъ камнепоклоненіемъ.

„Существуетъ много указаній, говоритъ Леббокъ, относительно обширнаго распространенія камнепоклоненія въ западной Европѣ, откуда легко видѣть, насколько сильно оно держалось въ народѣ. Такъ поклоненіе камнямъ осуждалось въ VII вѣкѣ архіепископомъ Пентерберискимъ Теодорикомъ, и, въ числѣ

---

[1]) Калевала, 463—9.
[2]) Castren „Vorlesungen über die Finnische Mythologie", S. 114 (примѣчаніе).
[3]) Ibidem, стр. 200.

другихъ языческихъ дѣйствій, оно было запрещаемо въ X вѣкѣ королемъ Эдгаромъ и въ XI Канутомъ. Соборъ, бывшій въ Турѣ въ 567 году по Р. Х., вмѣнялъ священникамъ въ обязанность не допускать въ церковь всѣхъ покланяющихся камнямъ, а Маге говоритъ, что въ рукописномъ протоколѣ засѣданія собора, происходившаго въ Нантѣ въ IX вѣкѣ, упоминается о камнепоклоненіи въ Арморикѣ" [1]).

Тотъ же авторъ приводитъ слѣдующую цитату изъ Дюлора о поклоненіи камнямъ во Франціи.

„Французы покланялись камнямъ еще нѣсколько вѣковъ послѣ введенія у нихъ христіанства. О существованіи этого культа свидѣтельствуютъ, какъ церковные, такъ и гражданскіе законы. Капитуларія Карла Великаго и соборъ въ Лентинѣ 743 года запрещаетъ всѣ суевѣрные обряды, совершаемые у камней и дубовъ, посвящаемыхъ Меркурію и Юпитеру. Нантскій соборъ, о которомъ упоминаетъ Регинонъ, имѣлъ такое же запрещеніе.

„Мы узнаемъ оттуда, что эти камни находились въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ и что народъ, обольщенный дьяволомъ, приносилъ туда свои обѣты и дары. Въ 789 году эти запрещенія возобновляются соборами, бывшими въ Арли и Турѣ, Ахейскимъ капитуларіемъ и другими постановленіями" [2]).

Леббокъ приводитъ также факты позднѣйшіе—именно остатки поклоненія камнямъ у Норвежцевъ въ концѣ 18 вѣка [3]).

Характерная аналогія въ почитаніи камней и дубовъ отмѣчена французскими источниками. Это напоминаетъ намъ сопоставленія камня и дуба въ вопросѣ Пенелопы „отъ кого происходишь— отъ камня или отъ дуба", и въ русскомъ заговорѣ: „на небѣ свѣтелъ мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сырой дубъ; когда эти три брата сойдутся..." и т. д. Общая черта въ вопросѣ Пенелопы—роль камня и дуба, какъ возможныхъ предковъ, и сказвается въ культѣ того и другого.

Происхожденіе людей отъ камня мы находимъ въ греческомъ миѳѣ о Девкаліонѣ, — изъ бросаемыхъ имъ камней родились люди. Тотъ же миѳъ встрѣчается у жителей Самоа [4]). Въ миѳѣ Дакотовъ происхожденіе отъ камня выражено проще. Опредѣленные камни являются родоначальниками племени [5]). Въ Меланезіи воздаютъ почитаніе камнямъ, говоря, что въ нихъ преврати-

---

[1]) Леббокъ. Начала Цивилиз. 212.
[2]) Ibid.
[3]) Ibidem, 213.
[4]) Lang. Myth, Cultes et Rel. 141.
[5]) Ibidem.

лись чудесныя животныя [1]). Это превращеніе представляетъ собой ничто иное, какъ вселеніе души предка животнаго въ камень. Мы видимъ, что камень является предкомъ и въ то же время вмѣстилищемъ души, но сама душа не сливается съ представленіемъ камня, а остается въ своей животной формѣ, какъ это ясно изъ русскихъ сказаній о конѣ камнѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ вѣрованіе Цуни (Zuni), передаваемое Лангомъ. Встрѣтить камень, имѣющій отдаленное сходство съ животнымъ, счастливое предзнаменованіе для охотника, встрѣча съ камнемъ, имѣющимъ видъ свиньи съ поросятами—счастливая встрѣча для безплодной женщины. Здѣсь совершенно отчетливо видно, что суть не въ камнѣ, а въ скрывающемся въ немъ образѣ животнаго. Наконецъ яснѣе всего значеніе камня только какъ формы животнаго сказывается въ слѣдующемъ примѣрѣ изъ вѣрованій тѣхъ же Цуни (Zuni). Одинъ изъ такихъ камней имѣлъ нѣкоторое сходство съ индѣйскимъ пѣтухомъ и его кормили зерномъ, какъ индѣйскаго пѣтуха [2]).

Подобно дереву, камень бываетъ хранителемъ семьи. Въ Меланезіи, говоритъ Лангъ, нѣтъ сада, гдѣ бы не было камня, поставленнаго для плодородія [3]).

Такое сходство въ положеніи камня и дерева въ культѣ и въ ихъ отношеніяхъ къ душѣ заставляетъ поставить вопросъ: нѣтъ ли аналогіи и въ возникновеніи самой идеи о камнѣ-предкѣ и камнѣ-носителѣ души съ таковыми же, относящимися къ дереву.

Идеей, легшей въ основаніе взгляда на дерево какъ предка, легче всего могла быть идея самопроизвольнаго роста дерева. Возникшее такимъ образомъ представленіе о деревѣ прародителѣ привлекаетъ къ себѣ представленіе о душѣ предка въ видѣ животнаго, которое окончательно съ нимъ не сливается. Тоже можетъ быть нужно сказать и о камнѣ. Мысль, что камни растутъ, можно слышать даже теперь и отъ полу-интеллигентныхъ людей. Народнымъ вѣрованіямъ она присуща вполнѣ. Приведемъ примѣры изъ колядокъ.

„Пане господарю! А на твоім двору,
На твоім двору біл камінь росте,
На тим камені два голуби“.

---

1) Ibidem 380.
2) Lang, Myth Cultes et Rel., 92.
3) Ibidem.

Точно также въ колядкѣ „Загадки“.

„Біл камінь росте без корінічка,
Золото горить без поломіня,
Папороть цвіте без синёго цвіту“ [1])

Идея самостоятельнаго роста камня тѣми же путями вводитъ его въ космогоническій и антропогоническій миѳъ, какъ и идея самостоятельнаго роста дерева. Только этимъ свойствомъ камня можно объяснить его значеніе, какъ предка. Въ космогоническомъ миѳѣ камень является какъ нѣчто самостоятельно возникающее изъ морской глубины, какъ выростаетъ дерево другихъ космогоническихъ версій.

Представленіе о первоначальномъ маленькомъ клочкѣ (камнѣ) среди первоначальнаго моря находилось въ слѣдующёмъ тагальскомъ миѳѣ о созданіи міра. Въ началѣ было море и небо и между ними леталъ соколъ. Соколу негдѣ было отдохнуть, и онъ поссорилъ небо съ водой. Небо придавило воду островами, и соколъ получилъ возможность отдохнуть. Такое представленіе о маленькомъ клочкѣ суши средь моря, клочкѣ, изъ котораго выростаетъ земля, обще многимъ космогоніямъ, между прочимъ тѣмъ, гдѣ есть мотивъ ырянія на дно. Такъ въ вогульской космогоническої легендѣ, приводимой А. Н. Веселовскимъ, первая пара людей, созданныхъ богомъ, носится по морю на клочкѣ суши не больше какъ въ хижину [2]).

Въ мордовской легендѣ, приводимой тамъ же [3]), твореніе міра начинается съ того, что однажды, когда ничего не было, кромѣ одной воды, плылъ Чамъ-Пасъ на камнѣ и размышлялъ самъ съ собой, какъ сотворить міръ.

Точно также въ колядкѣ о построеніи Св. Софіи начало творенія изображено такъ:

„А що намъ било зъ нащаду світа!
Ой не било жъ намъ хиба сина вода
Синая вода, тай білий камінь,
А прикривъ Господь сировъ землицевъ и т. д.

Здѣсь, какъ въ вогульской космогонической легендѣ, бѣлый камень на морѣ несомнѣнно первозданный камень. Образъ камня на морѣ широко распространенъ и въ русской народной поэзіи иногда съ сохраненіемъ космическаго значенія, иногда

---

¹) Головацкій, III/₂, 71.
²) Разысканія, XI—XVII, 15.
³) Стр. 8.

безъ таковаго. Несомнѣнно космическій характеръ сохраняется въ образѣ того орла, который

На морѣ сидитъ на камени.
Аще той орелъ сворохнется
Сине морюшко сколыблется,
А въ деревняхъ пѣтухи поютъ".

Эти космогоническія и связанныя съ культомъ представленія о чудесномъ камнѣ и должны быть признаны усвояющимъ субстратомъ, на который наслояются христіанскія и христіанизированныя черты, заимствованныя изъ памятниковъ древней письменности. Къ числу такихъ, возникающихъ на миѳической почвѣ представленій, нужно отнести и образъ чудеснаго камня среди моря, повидимому первозданнаго камня, возникающаго изъ моря въ началѣ творенія.

Непосредственно къ этимъ представленіямъ чудеснаго камня на морѣ примыкаетъ камень заговора: „на небѣ свѣтелъ мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сырой дубъ; когда эти три брата сойдутся вмѣстѣ, тогда у NN будутъ болѣть зубы".

Отсюда съ полной послѣдовательностью придемъ къ другимъ образамъ камня на морѣ въ заговорахъ „На чистомъ морѣ чистый камень, на камнѣ стоитъ дубъ крюковастый, подъ тѣмъ дубомъ сидитъ красная дѣвица" [1]).

„Камень бѣлый на золотомъ морѣ, на камнѣ дѣвица съ желѣзной палицей" [2]).

„На синемъ морѣ лежитъ бѣлый горючъ камень, на этомъ камнѣ стоитъ престолъ Божій, на этомъ престолѣ сидитъ пресвятая Матерь, въ бѣлыхъ рученькахъ держитъ бѣлаго лебедя, обрываетъ, ощипываетъ изъ лебедя бѣлое перо" [3]).

Но отсюда уже прямой переходъ къ камню Алатырю.

„На морѣ Божьи островѣ лежитъ бѣлъ Латырь камень, на томъ камнѣ стоитъ святая церковь, въ той церкви Матерь Божья прядетъ и сучитъ шелкову кудельку" [4]).

Здѣсь какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ нельзя не видѣть христіанскаго вліянія. Но каковы его размѣры?

Самый образъ камня на морѣ не объясняется изъ христіанскихъ представленій. Если даже считать его „искаженіемъ до неузнаваемости, то почему же такое „искаженіе" про-

---

[1]) Майковъ „Заклинаніе" 479.
[2]) Ibidem ;457.
[3]) Ibidem 459.
[4]) Ibidem 480.

изошло и притомъ съ удивительной настойчивостью? Изъ космогонической легенды оно объяснимо вполнѣ. Необъяснимы изъ христіанскихъ представленій и нѣкоторыя детали: щипанье богородицей лебедя, три сестры пряхи; между тѣмъ оба эти образа удовлетворительно объясняются на миѳологической почвѣ. Богородица съ двумя сестрами прядущія нить, несомнѣнно образъ родственный пряхамъ судьбы — паркамъ, паркамъ и литовской дѣвѣ судьбы Верпеѣ, которая сидитъ на небесномъ сводѣ и, какъ только человѣкъ родится, начинаетъ прясть нить его жизни и прикрѣпляетъ къ его звѣздѣ [1]). Образъ Богородицы, ощипывающей лебедя, находитъ нѣкоторое объясненіе въ ассоціаціяхъ между снѣгомъ и перьями. Аѳанасьевъ съ ссылкой на Маннгардта приводитъ литовскую загадку: „птица летитъ, перья сыплются“—снѣговое облако. Онъ же указываетъ, что по свидѣтельству Геродота скиѳы говорили, что сѣверныя страны покрыты перьями. По его же словамъ, въ Англіи, когда идетъ снѣгъ, говорятъ, „что на небѣ щиплютъ гусей“, а въ Германіи—„frau Holle вытряхаетъ перину“ [2]).

Такое взаимоотношеніе христіанскихъ и не-христіанскихъ элементовъ въ образѣ заставляетъ насъ думать, что первые наслоились на послѣдніе, а не обратно, и что въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ христіанскимъ представленіемъ искаженнымъ до неузнаваемости, а съ образомъ миѳическимъ, нѣкоторыя детали котораго получили христіанское истолкованіе.

Вѣроятно такого же не-христіанскаго происхожденія, хотя по христіански истолкованъ, и знаменитый Латырь камень въ стихѣ о Голубиной Книгѣ:

„Бѣлъ Латырь камень—всѣмъ каменямъ мати.
Почему бѣлъ Латырь камень каменямъ мати?
На бѣломъ Латырѣ на камени
Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ Царь небесный
Со двунадесяти со апостоламъ,
Со двунадесяти со учителямъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распустилъ онъ книги по всѣй земли:
Потому бѣлъ Латырь камень каменямъ мати“ [3]).

---

[1]) Аѳан. „Поэт. Воззр.“, III, 328.
[2]) „Поэт. Воззр.“, I, 500.
[3]) Безсоновъ „Калики“, 290—1.

Въ другомъ варіантѣ стиха о Голубиной Книгѣ этотъ бѣлъ Латырь камень оказывается отцомъ всѣмъ камнямъ по другой причинѣ:

„Бѣлый Латырь камень всѣмъ камнямъ отецъ.
Почему же ёнъ всѣмъ камнямъ отецъ?
Съ-подъ камешка, съ-подъ бѣлаго Латыря
Протекли рѣки, рѣки быстрыя
По всей землѣ, по всей вселенную,
Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе:
Потому же камень всѣмъ камнямъ отецъ“ [1]).

А. Н. Веселовскій говоритъ по поводу этого образа слѣдующее:

„Преданіе о чудесномъ камнѣ, положенномъ Спасителемъ въ основаніе Сіонской церкви; о камнѣ, снесенномъ съ Синая и положенномъ на мѣсто алтаря въ той же церкви, матери всѣхъ церквей; память о трапезѣ Христа въ сіонскомъ Coenaculum, за которой Спаситель возлежалъ съ апостолами, установилъ таинство Евхаристіи и, наставивъ тому учениковъ, послалъ ихъ въ міръ возвѣстить новое Откровеніе: таковы были матерьялы мѣстной легенды. Стоило было поработать надъ ними народной фантазіи, чтобы найти въ нихъ символическій центръ: алтарный камень, алтарь, на которомъ впервые была принесена безкровная жертва, установлено высшее таинство христіанства. Въ русской народной поэзіи этотъ алтарь, церковно-слав. олтарь, сталъ камнемъ алатыремъ (вм. алатарь), латыремъ. Такъ въ стихѣ о Голубиной Книгѣ:

„На бѣломъ Латырѣ на камени
Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ Царь небесный
Съ двунадесяти со апостоламъ,
Съ двунадесяти со учителямъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распустилъ онъ книги по всей земли“.

Когда объ этомъ камнѣ говорится, продолжаетъ А. Н. Веселовскій, что изъ-подъ него текутъ рѣки

„Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе“ —

---

[1]) Безсоновъ. „Калики“, 313.

то это не удаляетъ насъ отъ указанной символики, какъ и выраженіе, что алатырь-камень всѣмъ „камнямъ отецъ“ [1]).

Если можетъ быть и не удаляетъ, такъ какъ христіанская символика можетъ пользоваться этимъ образомъ, какъ другими образами народно-поэтическаго происхожденія, то объясняетъ ли христіанская символика происхожденіе этого образа? Огромное большинство символовъ развивается изъ реальныхъ ассоціацій, или пользуются готовыми образами извнѣ. Какая реальная христіанская ассоціація можетъ истолковать образъ камня, изъ-подъ котораго текутъ рѣки? Гораздо понятнѣе будетъ возникновеніе символа, если мы будемъ видѣть въ немъ истолкованіе въ христіанскомъ духѣ народно-поэтическаго образа. Какимъ образомъ изъ христіанской религіи могло получиться представленіе, что алтарь—отецъ всѣхъ камней?

Изъ космогоническихъ и другихъ народныхъ вѣрованій—это представленіе объяснимо легко. Естественно, отцомъ всѣхъ камней является камень первозданный, на которомъ выростаетъ земля. Но камень по народно-поэтическимъ представленіямъ можетъ быть отцомъ и въ буквальномъ смыслѣ. „Дикари, говоритъ Лангъ, приписываютъ полъ и способность рожать даже камнямъ и скаламъ“.

Прекрасно объясняется изъ первобытнаго міровоззрѣнія и самая идея „отцовъ“ и „матерей“ всѣхъ вещей, которую мы находимъ въ извѣстныхъ вопросахъ стиха о Голубиной Книгѣ. О такой именно идеѣ, Тэйлоръ говоритъ слѣдующее:

„Въ средѣ сравнительно цивилизованныхъ перуанцевъ, Акоста нашелъ другое ученіе о небесныхъ архитипахъ. Говоря о звѣздныхъ божествахъ, онъ замѣчаетъ, что пастухи поклонялись нѣкоторой звѣздѣ по имени Овца; другая, носившая имя Тигра, защищала ихъ отъ нападенія тигровъ, и т. д.“ Вообще они полагали, что всѣ звѣри и птицы, живущіе на землѣ, имѣли свой первообразъ на небѣ, отъ котораго зависѣло ихъ размноженіе и процвѣтаніе, и объясняли такимъ образомъ существованіе различныхъ звѣздъ называемыхъ Чакана, Топаторка, Мамана, Мицко, Микикираи и проч.“ приближаясь тѣмъ до нѣкоторой степени къ догматамъ ученія Платона. Сѣверо-американскіе индѣйцы также занимались вопросомъ объ общихъ предкахъ или божествахъ видовъ. Одинъ

---

[1]) „Разысканія“, III V, 23—24.

изъ миссіонеровъ излагаетъ ихъ понятія въ томъ видѣ, какъ онъ нашелъ ихъ въ 1634 г. „Они говорятъ, кромѣ того, что всѣ животныя каждаго вида имѣютъ старшаго брата, который служитъ какъ бы началомъ и корнемъ всѣхъ другихъ особей. Этотъ старшій братъ удивительно силенъ и великъ. Старшій братъ бобровъ, говорили они мнѣ, можетъ быть величиною съ нашу хижину". Другое старинное сочиненіе говоритъ, что у нихъ каждый видъ животныхъ имѣетъ свой архитипъ или первообразъ въ странѣ душъ; тамъ находится напримѣръ маниту или архитипъ всѣхъ быковъ, который одушевляетъ всѣхъ животныхъ этого вида". И здѣсь, говоритъ Тэйлоръ, встрѣчается достойное вниманія совпаденіе съ идеями другой, отдаленной расы. На Буянѣ, райскомъ островѣ русскаго миѳа, живетъ змѣя, старѣйшая изъ всѣхъ змѣй; вѣщій воронъ— старшій братъ всѣхъ вороновъ; птица самая большая и старая изъ всѣхъ птицъ, съ желѣзнымъ клювомъ и мѣдными когтями, и Пчелиная Матка, старѣйшая изъ пчелъ. Въ сравнительно новомъ описаніи ирокезовъ у Моргана говорится объ ихъ вѣрѣ въ духа каждаго вида деревьевъ и растеній, напримѣръ: дуба, бѣлоголова, клена, брусники, малины, мяты, табаку; такимъ образомъ, большая часть предметовъ въ природѣ находится въ вѣдѣніи покровительствующихъ духовъ" [1]).

Подводя итоги, мы приходимъ къ заключенію, что образъ чудеснаго камня гораздо болѣе удовлетворительно объясняется изъ особенностей примитивнаго міросозерцанія, чѣмъ изъ христіанскаго источника. Не отрицая въ иныхъ случаяхъ вліянія христіанства на представленіе о камнѣ алатырѣ, мы думаемъ, что воздѣйствующій образъ камня-алтаря самъ усвоилъ элементъ народно-поэтическихъ вѣрованій. Это усвоеніе могло произойти на почвѣ Греціи, даже Палестины. Культъ камней знакомъ и этимъ странамъ. Лангъ отмѣчаетъ, что подобно тому, какъ Дельфійцы въ праздники мазали масломъ и одѣвали въ ткани камень Зевса, также Яковъ поступалъ съ Виѳлеемскимъ камнемъ [2]).

Культъ камней у русскихъ не позволяетъ сомнѣваться, что христіанство застало уже въ Россіи представленія о чудесныхъ камняхъ. Принеся съ собой съ юга родственныя хри-

---

[1]) Тэйлоръ. „Первобытн. культ.", т. II, стр. 288—9.
[2]) Lang. „Mythes, Cultes et Religion", 46.

стіанизированныя представленія, оно создало здѣсь сліяніе нѣкоторыхъ изъ туземныхъ элементовъ съ заносными, это сліяніе можетъ быть содѣйствовало христіанизаціи нѣкоторыхъ образовъ, но часто эта христіанизація поверхностна, такъ Богородица является то съ чертами одной изъ трехъ дѣвъ судьбы, то съ чертами миѳической женщины, щиплющей лебяжій пухъ.

Значительная часть представленій—тѣ, которыя А. Н. Веселовскій считаетъ „искаженными до неузнаваемости", остались совершенно свободными отъ христіанскаго вліянія или затронуты имъ очень поверхностно.

Н. Коробка.

Историческая легенда пинчуковъ „о началѣ вѣры католической въ пинскомъ краѣ“.

Вѣковая культурная борьба русской и польской народностей въ Сѣверо-западномъ Краѣ, главнымъ образомъ, базируется на почвѣ религіознаго и національнаго самосознанія, причемъ въ общественныхъ слояхъ, низшихъ по своему развитію, борьба эта ведется, почти исключительно, на религіозной почвѣ. Здѣсь борющіяся стороны, кромѣ фанатизма, проявляютъ иногда замѣчательную изобрѣтательность въ доказательствахъ своей правоты. Кульминаціоннымъ пунктомъ въ спорѣ противниковъ о преимуществахъ католичества и православія является стремленіе доказать древность той и другой вѣры въ исторіи вообще, и въ особенности, въ исторіи мѣстной. Въ этой области противники выдвигаютъ весь запасъ своихъ скудныхъ историческихъ свѣдѣній, лучше выразиться, легендарныхъ сказаній, корень которыхъ надо искать частію въ священныхъ книгахъ, но большею частію въ спутанныхъ народныхъ преданіяхъ, дополненныхъ измышленіями народной фантазіи. Но если даже и не брать на себя трудной задачи найти историческій корень этихъ легендъ, онѣ имѣютъ этнографическій интересъ, какъ своего рода произведенія народнаго творчества. Одна изъ такихъ легендъ довольно распространена въ древнѣйшей области Сѣверо-западнаго края—Пинщизнѣ.

Проживая, назадъ тому пятнадцать лѣтъ въ Пинскѣ, я встрѣтилъ ходившую по рукамъ ветхую рукопись на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „o początkie wiary katolickiej w pinskiem kraju“, но она пробыла въ моихъ рукахъ очень короткое время, такъ что я не могъ тогда ей удѣлить достаточно вниманія. Недавно, собирая матеріалы по исторіи эпохи западно-русскаго

возрожденія 1860-хъ годовъ, я въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства нашелъ прилагаемое ниже сказаніе о началѣ католической вѣры въ Пинской области въ русскомъ переводѣ, сходное по содержанію съ видѣнною мною ранѣе польскою рукописью. Оно входило въ составъ когда-то громкаго Лагишинскаго дѣла, къ которому оно приложено, какъ документъ, покрытый подписями многихъ лагишинскихъ обывателей—католиковъ. Это дѣло настолько интересно и характерно, что заслуживаетъ краткаго о немъ сообщенія вмѣстѣ съ историческими свѣдѣніями о м. Лагишинѣ.

М. Лагишинъ находится въ двадцати верстахъ отъ г. Пинска и относится къ довольно древнимъ поселкамъ пинскаго края. Историческіе документы о Лагишинѣ впервые упоминаютъ въ началѣ XVI вѣка, когда населеніе его и ближайшихъ мѣстностей было исключительно православнымъ, въ Лагишинѣ существовала Спасо-Преображенская церковь. Въ 1567 г. представитель одной изъ выдающихся западно-русскихъ православныхъ фамилій, подскарбій великаго княжества Литовскаго,— Война, записалъ этой церкви плацъ и три уволоки земли. Впослѣдствіи лагишинская церковь имѣла столь важное значеніе для православнаго населенія, что когда въ XVII вѣкѣ, послѣ упорной борьбы съ православными, ею завладѣли уніаты, то, по Зборовскому договору (1649 г.), она снова была возвращена православнымъ вмѣстѣ съ другими четырьмя древнѣйшими церквами Сѣверо-западнаго Края [1]). Но получивъ на время защиту отъ уніи, лагишинцы не выдержали натиска римско-католической пропаганды, ревностными пособниками которой явились владѣльцы Лагишина знаменитые Радзивиллы, сдѣлавшіеся въ XVII в. римско-католиками. Они, съ цѣлью привлечь къ себѣ жителей, постарались Лагишинъ, тогда уже очень значительное особое староство (удѣлъ), обратить въ торговое мѣстечко и выхлопотать ему у Владислава IV магдебургское право. Въ 1648 г. въ Лагишинѣ появилась ратуша, имъ стали управлять бургомистры [2]). Но заботясь о внѣшнемъ благосостояніи лагишинцевъ, римско-католическіе землевладѣльцы не оставляли своимъ попеченіемъ и ихъ души. Соединившись съ римско-католическими миссіонерами, они, дѣйствуя всѣми, извѣстными уже въ исторіи, способами римско-католической пропаганды, достигли того, что въ началѣ XVIII в. въ

[1]) Бантышъ-Каменскій. „Исторія уніи“, стр. 115—116.

[2]) Городовое положеніе III, стр. 175. И. Г. Словарь, Семенова.

Лагишинѣ появился костелъ, и въ теченіе этого столѣтія лагишинское населеніе сдѣлалось римско-католическимъ; были, впрочемъ, и уніаты. Въ 1794 г. при первомъ возсоединеніи уніатовъ къ православной церкви было возвращено изъ деревень лагишинскаго прихода 2.113 душъ обоего пола и двѣ лагишинскія церкви: Преображенская и Егорьевская[1]), но оба уніатскіе священники не пожелали присоединиться къ православію. Это породило среди прихожанъ расколъ, вызвавшій упорную религіозную борьбу жителей, продолжавшуюся въ теченіе слѣдующаго столѣтія. Римско-католическое духовенство, пользуясь борьбой православныхъ и уніатовъ, почти всѣхъ ихъ обратило въ латинство. По разбирательству 1842 г., всѣ прихожане лагишинскаго прихода римско-католики признаны были подлежащими возвращенію въ православіе. Но въ этомъ году сгорѣла православная церковь въ м. Лагишинѣ, благодаря чему начатое разбирательство не было доведено до конца. Не дало желательныхъ результатовъ и разбирательство 1857 г. Въ 1864 г., подъ вліяніемъ пробужденія національнаго самосознанія, началось массовое возвращеніе римско-католиковъ въ православіе. Тогда же 8 деревень лагишинскаго прихода въ количествѣ 1.887 душъ возвратились въ православіе, при чемъ, оказавшись въ большинствѣ, они просили, чтобы лагишинскій костелъ былъ обращенъ въ православную церковь. Началось новое разбирательство комиссій, состоявшей изъ духовныхъ лицъ римско-католическаго и православнаго вѣроисповѣданій, а тѣмъ временемъ костелъ былъ закрытъ, но лагишинскіе мѣщане не захотѣли подчиниться рѣшенію комиссіи и оказались въ нѣкоторомъ средостѣніи: въ силу данной подписки о принятіи православія они не могли посѣщать костелъ и обращаться къ ксендзамъ, а обращаться къ православному духовенству съ требами и посѣщать православную церковь—они не хотѣли, почему всѣ требы или тайно исполняли ксендзы, или прихожане оставались безъ покаянія и погребенія. Такъ появились „упорствующіе" въ пинскомъ краѣ и впослѣдствіи такое упорство получило въ краѣ нарицательное названіе „лагишенской вѣры". Упорствующіе не хотѣли подчиняться административнымъ распорядкамъ и подавали прошеніе за прошеніемъ о возвращеніи ихъ въ католичество. Въ одномъ изъ этихъ прошеній на имя главнаго начальника Сѣверо-западнаго края (отъ 8 сент. 1867 г.) изла-

[1]) Арх. Вилен. Ген.-губерн., 1864 г., № 1511.

гается слѣдующая легенда, покрытая многими подписями лагишенцевъ.

„Предки насъ—Лагишинскихъ мѣщанъ—происходятъ не изъ рода православнаго, но римско-католическаго исповѣданія, принявшаго христіанскую вѣру прежде появленія въ здѣшнихъ странахъ православной вѣры, еще съ тѣхъ поръ, какъ жиды нахлынули въ сію страну изъ нѣмецкой земли, состоящей въ предѣлахъ австрійскаго цесарства, находившагося въ одномъ составѣ Римскаго государства. Жидове Римскаго государства еще до Рождества Христова по гоненіямъ повыходили въ нѣмецкія страны и чрезъ побываніе въ этихъ странахъ многихъ лѣтъ сдѣлались настоящими нѣмцами. Изъ нихъ часть принявшихъ римско-католическую христіанскую вѣру называли нашую вѣру римско-католическую—Нѣмецкою, и россійскія лѣтописи иначе не называютъ ее вмѣсто Римско-католической—вѣрою—Нѣмецкою. Отъ этой-то Нѣмецкой вѣры сія Пинская страна имѣетъ начало исповѣданія римско-католическаго. Извѣстно изъ святой Евангеліи Посланія святаго апостола Павла къ Римлянамъ, главы 15, статьи 28, что проникнула христіанская вѣра вскорѣ по воскресеніи Христовомъ до береговъ Океана Антлянтицкаго въ Гишпанію и прочь, гдѣ между язычниками обитали жидове. Изъ нихъ одни жидове оставались закоренѣлыми въ первой вѣрѣ ветхаго завѣта, а другіе—остались при христіянской вѣрѣ—вся же страна западныхъ государствъ и понынѣ исповѣдуетъ римско-католическую вѣру.

Когда же тѣ жидове, которые не приняли христіанской вѣры, негодовали на другую часть жидовъ, обитающихъ въ Римскомъ государствѣ за то, что увѣровали въ Спасителя нашего Іисуса Христа, постоянно одни другихъ укоряли, бранили и производили большое въ народѣ возмущеніе, то Кесарь Клавдій для установленія въ своей Римской имперіи спокойствія, заблагоразсудилъ въ своемъ государствѣ выгнать вонъ всѣхъ жидовъ, какъ исповѣдующихъ христіянскую вѣру, такъ и неисповѣдующихъ, вслѣдствіе чего на 51 году отъ Рождества Христова жидове, будучи выгнаны изъ Римской Имперіи въ голодное время, упоминаемое въ Дѣяніяхъ Апостоловъ въ главѣ 11 статьѣ 28, принуждены были оные жидове и изъ нѣмецкихъ земель и Гишпаніи и изъ Рима (какъ написано въ Дѣяніяхъ Апостоловъ въ главѣ 18 статьѣ 2 и, какъ написано есть въ книгѣ житія святыхъ Іудеянина, вышедшаго изъ Италіи, называющагося Акиллы и жены его Прискиллы), искать себѣ пристанища въ менѣе населенныхъ народомъ земляхъ,—

каковыя находились въ здѣшнихъ Пинскихъ странахъ. Въ нихъ обиталъ Ляховскій народъ, имѣющій столичный свой градъ называемый Коростень, лежащій надъ рѣкою называемою Богомъ, а послѣ получившей названіе Стырь, отъ имени царя Стыря, имѣющаго трехъ сыновей: Чеха, Лѣха и Роса. Изъ нихъ первый Чехъ былъ владѣтелемъ въ Богеміи, названной отъ народа находящагося при Рѣкѣ Богу.—Два же послѣдніе—Лѣхъ, имѣвшій сына Добромысла и Росъ, называющійся по отцу Старо-Русъ,—увидѣвъ нахлынувшихъ жидовъ-нѣмцевъ на столицу ихъ городъ Коростень, носящій до сихъ поръ одно названіе города того Коростеня надъ рѣкою Стырью Пинскаго уѣзда въ Жолкинскомъ имѣніи (при границѣ Вишенскаго имѣнія), оставили его. Оные Жидове, овладѣвъ всею страною, выгнали Лѣхова сына съ дядею Старо-Русомъ подъ Новгородъ. Съ того времени здѣсь Нѣмецкая римско-католическая вѣра распространилась въ нашемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ. Здѣсь былъ одинъ выходецъ Ишпанской христіянской вѣры, онъ основалъ столичный градъ, выстроенный въ области славянскихъ князей. Сказъ о сихъ славянскихъ князяхъ и славянскомъ князѣ Добромыслѣ сынѣ Лѣха Стыровича, и о дядѣ его Старо-Русѣ удостовѣряется исторіею, показывающею, что Дулебскія племена вышли съ Пинскаго уѣзда, которыхъ обитаніе находилось въ Диковичахъ (по нынѣ по привеллегіямъ ихъ городъ есть описанъ). Вышедшіе же въ Новгородъ, назывались отъ Дулебовъ—Дулбежниками. Такъ въ нашемъ мѣстечкѣ Логишинѣ построенный Ишпаномъ городъ на пространствѣ четырехъ верстъ обсыпанъ былъ высокимъ валомъ, былъ столицею владѣтелей,—пришедшихъ сюда Римско-католическихъ нѣмецкихъ жидовъ. Они, жительствуя съ оставшимися Славянами, приняли славянскій языкъ и признавали, по прежнему въ нѣмецкой землѣ жительства, вѣру Римско-католическую, званую нѣмецкою. По русскимъ лѣтописямъ и князь ихъ, владѣющій здѣсь на Ляховскихъ областяхъ, прозванъ былъ Ляхомъ, нося княжеское достоинство въ нѣмецкомъ нарѣчіи Герцунъ-Ляхъ,—Ширма, котораго потомки въ сихъ странахъ по нынѣ находятся. Онъ, владѣя надъ жидами и нѣмцами, владѣлъ рѣкою Пиною и Припетію и былъ съ Кіевомъ въ коммерческихъ сообщеніяхъ. Узнавъ, что святый Владиміръ Святославовичъ предполагаетъ въ 988 году по Рождествѣ Христовомъ оставить языческую вѣру, по повелѣнію папы Римскаго, предлагалъ, не согласится ли принять этую нѣмецкую римско-католическую вѣру, а впрочемъ хотя жидовскую, которая на осно-

ваніи Священнаго Писанія сдѣлалась и христіянская. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что въ Пинскихъ странахъ римско-католическая нѣмецкая вѣра освѣтила народъ прежде времени появленія здѣсь православной вѣры.

Выведенные факты есть настоящая истина, заимствованная изъ историческихъ фактовъ, не имѣющихъ никакой въ истинѣ сомнительности. Первый городъ Новгородцевъ, былъ указанный городъ Коростень, лежащій нынѣ въ Волынской губерніи Овручскомъ уѣздѣ, мѣстечкѣ Накорости. Быть можетъ вышедшіе изъ Коростеня люди назвали то мѣстечко Изкорость,—а настоящій Коростень есть вышепоказанный въ Пинскомъ уѣздѣ, въ предѣлахъ Жолкинскаго имѣнія надъ рѣкою Стырью, въ древнѣйшія времена называемой Богомъ отъ преславнѣйшаго языческаго капища богини Лады, выстроеннаго по лѣвому берегу рѣки Стыри, гдѣ понынѣ существуетъ отъ онаго капища названіе деревушки Ладорони.

Все это соотвѣтствуетъ исторіи славянскихъ князей,—что дѣйствительно изъ Стыри, Корости отъ нахлынувшихъ нѣмцевъ римско-католиковъ и жидовъ вышелъ народъ въ сѣверныя страны съ народомъ, называемымъ Ляховитянами. Дулебяны, Емяне—народы поселившіеся у Пскова и возлѣ Новгорода, особенно въ селѣ Ляховичахъ и Старо-Русѣ, оные имѣютъ подобное нарѣчіе здѣшнему народу. Находящаяся отъ Новгорода въ 125 верстахъ Старая-Русса названа есть отъ избранной тамъ столицы Русомъ, вышедшимъ изъ сихъ странъ.

Изъ Чуди, Ями и Плескова возлѣ города Коростеня (построеннаго) Ляховянскимъ княземъ сыномъ Стыра Русомъ и Добромысломъ, Россійскіе князья впослѣдствіи укрѣпились въ Новгородѣ, а оставленныя области владѣемы были Римско-католическими нѣмецкими князьями Герцунами-Ляхами-Ширмами, кои Латинскую вѣру защищали, находясь сами римско-католиками, (защищали) предковъ лагишинцевъ и отъ татаръ, а также во время нашествія на Новгородъ со Шведами нѣмецкихъ рыцарей около 1240 года съ Римско-католическими монахами, находившимися при дворѣ татарскаго хана Гаюка въ Монголіи—въ тѣ поры, какъ почти вся Россія была завоевана татарами. Что римско-католическая вѣра въ нашемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ не нарушилась, когда Шведы напали было на наше мѣстечко Лагишинъ, о семъ свидѣтельствуетъ народная пѣснь въ нашемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ до сихъ поръ разнаго возраста лагишинскими мѣщанами, спѣваемая въ 9 стихахъ, слѣдующихъ на польскомъ языкѣ описанная:

стихъ 1-й:

„Najświętsza Panno w Lahiszinskim obrazie — w kosciole zostajesz, widzieć się dajesz — widzenia żądamy do ciebie uciekamy—chowaj nas u Syna, Panno jedyna“;

стихъ 2-й:

„od Ruiny Szwedzkiej w Lahiszynie została, — od Szwedzkich rąk sobie spodobała—Pszez Aławurde była gdzieś wzięła— Matko Przeiczysta — Panienko swięta“;

стихъ 3-й:

„W domu Maliszewskich, była zapomniana — od przeszłych mieszczan, kościołowi ofiarowana—Ateraz zostajesz, jak u jasnym Niebie—My grzeszni ludzie—prosimy ciebie;“

стихъ 4-й:

„Jednego czasy, gdy miasto paliło — ogniem źarczystym, z dymem waliło — Już y przysady, kosciolne gorzeli, — ogniem żarczystym, do dachu nie tknęty“;

стихъ 5-й:

„Matka i Panna, swemi łascami—okryła płaszczem, i naszemi łzami — Bo bez nadziei, kosciol ocaliła — swemi cudami, toć to sprawiła“;

стихъ 6-й:

„Tej monarchini, zdawna doznaei — chore kalecy zdrowemi stali—Nędzne sieroty, wdowy i mężatky—Mieli wyzywienie, jak u swajey Matki“;

стихъ 7-й:

„Prosmy w Zakonie, xiędza Lahiszynskiego—żeby nam przeczytał, wszystkie cuda tego—żeby nam oglosil, wszistkim w kosciolie — Bardzo młoyd lud niewie co dzeje“;

стихъ 8-й:

„Teraz my wszystkie, głowe skłaniajmy—Najswętszej Pannie, modły składajmy — żeby nam uprosiła, w Trojcy swego syna, — aby tu nie była, żadna Ruina“;

стихъ 9-й:

„Trojca Przeswęta we trzech osobach — Błogosław ten lud, w każdych sbosobach—Byśmy tu żyjąia, ciebie wychwalali — Po smierci wiecznie, Niebo dostali“.

„Эта пѣснь доказываетъ, что предки Лагишенскихъ мѣщанъ еще до временъ вышеписанныхъ нашествій на сію страну Шведовъ съ нѣмецкими рыцарями исповѣдали христіанскую жъ римско-католическую вѣру и тогда въ своемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ имѣли латинскій костелъ“ [1]).

Слѣдуютъ подписи лагишенскихъ мѣщанъ.

Очень сожалѣемъ, что въ настоящее время не имѣемъ подъ руками, видѣннаго нами ранѣе, подлинника легенды: онъ сказалъ бы намъ болѣе, чѣмъ предложенный переводъ, сдѣланный какимъ-то полуинтеллигентомъ, претендовавшимъ на „ученыя слова“, но не владѣвшимъ правильно литературною русскою рѣчью, что особенно часто встрѣчается среди ксендзовъ, которые къ тому же большіе охотники до всякаго историческаго сочинительства, особенно въ области своей церковной исторіи.

Разобрать приведенную легенду—это значитъ взять на себя нелегкій трудъ распутать клубокъ гнилыхъ нитокъ, которыя не разъ придется надвязывать и все-таки оказаться внѣ возможности добраться до средины,—узнать вѣроятную историческую правду. Но все-таки, какъ историческое вѣрованіе народа, за которое его вожакамъ пришлось испытать тюрьму и поселеніе, какъ своего рода исповѣдь цѣлой большой области,—приведенная легенда имѣетъ свою цѣну.

А. Миловидовъ.

---

[1]) Арх. Вилен. Ген.-губерн., 1864 г., № 1511, лл. 72—73.

Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ.

(Этнографическій очеркъ).

В. Ф. Трощанскаго [1]).

(Окончаніе).

II.

Чтобы познакомить читателя съ якутской юртой, я предпочитаю разсказать, какъ она строится, такъ какъ при обыкновенномъ описаніи, можно, пожалуй, наговорить вздору, какъ это и случилось съ однимъ ученымъ изслѣдователемъ Якутской области, у котораго юрта врылась какъ-то угломъ въ землю [2]).

При выборѣ мѣста для постройки юрты стараются, чтобы оно имѣло наклонъ на востокъ или на югъ, такъ какъ это счастливый наклонъ, а наклонъ на сѣверъ и западъ—несчастливый. Я уже говорилъ, что двери обыкновенно выходятъ на востокъ, а потому каждая изъ стѣнъ обращена къ какой-либо одной странѣ свѣта. Приступая къ постройкѣ юрты, вкапываютъ, прежде всего, четыре угловыхъ столба (баҕана=маҕана) толщиною въ 4—6 вершковъ въ діаметрѣ. Сначала вкапывается юго-западный столбъ, который у якутовъ пользуется почетомъ; вкопавъ его, кладутъ на него сверху конскій волосъ изъ гривы—въ видѣ жертвы; столбъ этотъ служитъ мѣстопребываніемъ духа юрты, и на немъ зиждется, по мнѣнію якутовъ, вся прочность жилища; волосъ—жертва самому столбу, чтобы онъ не обвалился ни вообще, ни теперь, во время постройки юрты. Еще

---

[1]) Автора изслѣдованія: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ". Казань. 1902.

[2]) Авторъ имѣлъ въ виду *М. С. Вручевича* и его сочиненіе: „Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области" (Записки И. Р. Г. Общества по отдѣленію Этнографіи, т. XVII, вып. II. Спб. 1891). Въ свое время г. *В. I.* помѣстилъ въ „Этнографич. Обозрѣніи" подробный разборъ этого „сочиненія" въ противовѣсъ незаслуженно-лестному отзыву рецензента „Вѣстника Европы" (1891, октябрь: Литерат. Обозрѣніе). *Э. П.*

и теперь якутскіе плотники разсказываютъ, что очень недавно юрты строились такъ плохо, что тутъ же обваливались. Въ верхнемъ концѣ каждаго углового столба вырубается выемка,—такъ, чтобы можно было, сдѣлавъ соотвѣтствующій вырѣзъ въ балкѣ, служащей боковой матицей, соединить сѣверные столбы съ южными попарно и чтобы балка не могла податься на сторону, а для устраненія возможности движенія по длинѣ дѣлаютъ на ея концахъ еще вырѣзы, которыми она захватываетъ каждый столбъ съ сѣверной и южной сторонъ. Затѣмъ, на концы двухъ такимъ образомъ укрѣпленныхъ балокъ, соединяющихъ попарно угловые столбы, кладутся еще двѣ перпендикулярно къ нимъ [сӧбӱргӓнӓ или сӧгӱргӓнӓ],—тутъ опять дѣлаются надлежащіе вырѣзы для устраненія движенія въ какую-либо сторону. Въ большихъ юртахъ устанавливается и третья балка между этими двумя,—такъ, чтобы она раздѣляла юрту на двѣ части, изъ которыхъ одна, лѣвая отъ входа, будетъ большей; подъ концы этой балки, а также подъ средину остальныхъ ставятся подпорки [тула̄сын]. Чтобы образовать крышу на два ската, прикрѣпляютъ на каждую изъ этихъ балокъ по 3 обрубка, кладя ихъ по длинѣ, причемъ средній значительно толще крайнихъ, которые отстоятъ отъ наружныхъ стѣнъ и отъ средняго обрубка на равномъ разстояніи, а затѣмъ кладутся поперекъ на эти обрубки 3 матицы [ӱсӱӧ или сіс мас], и получается такимъ образомъ 4 пролета, заполняющіеся бревнами вершка 2—3 толщиною и аршина въ полтора длиною, плотно прикладываемыми другъ къ другу. Когда поднимаютъ среднюю матицу, то ее предварительно вымазываютъ масломъ,—тоже жертва; хозяева и рабочіе ѣдятъ при этомъ саламату [саламат] и сору [суорат]—простоквашу изъ вареннаго молока съ масломъ. Крышу затѣмъ обкладываютъ либо мхомъ, либо сѣномъ, а сверху набрасываютъ корьё и затѣмъ уже насыпаютъ землю, но все это такъ плохо дѣлается, что крыша обращается во время сильныхъ дождей въ рѣшето. Для того же, чтобы образовать стѣны, выкапываютъ, хотя и не всегда, ровчикъ въ видѣ четырехугольника на разстояніи 6—7 четвертей наружу отъ угловыхъ столбовъ и параллельно соединяющимъ ихъ линіямъ, а затѣмъ ставятъ торчмя бревна такъ, что нижній конецъ помѣщается въ ровчикѣ, а верхній приваливается къ балкамъ, связывающимъ угловые столбы. Такимъ образомъ, получаются во внутрь наклонныя стѣны, въ которыхъ устраиваются окна и двери и также съ наклономъ. Бревна, употребляемыя для крыши и стѣнъ, очищены отъ коры только на

половину по всей длинѣ, и въ юрту выходятъ гладкія стороны, а наружу покрытыя корой. Однако у якутскихъ юртъ большею частью устраиваются только три такихъ стѣны, такъ какъ съ сѣверной стороны пристраивается хотон, который строится такъ же, какъ и юрта, но небрежнѣе и съ бревенъ не снимается кора вовсе,—со стойлами и съ деревяннымъ поломъ изъ мелкихъ кругляковъ, покрытыхъ корой. Полъ—самый неудобный какъ для скота, которому приходится балансировать по сырымъ круглякамъ, кое-какъ положеннымъ, такъ и для женщинъ, очищающихъ его ежедневно отъ нечистотъ; полъ, къ тому же, представляетъ какъ бы шахматную доску съ квадратиками различной величины, изъ которыхъ, притомъ, нѣкоторые болѣе углублены. Такой видъ получается оттого, что бревна одного квадратика кладутся перпендикулярно къ бревнамъ другого, а это обусловливается тѣмъ, что скотъ стоитъ не по одной линіи, а въ различномъ направленіи. Разумѣется, чистить такой полъ очень трудно, да якутки не особенно хлопочутъ о чистотѣ: выбрасывается изъ хотон'а то, что можетъ быть взято на лопату, а остальное остается на мѣстѣ для гніенія и распространенія того отвратительнаго запаха, о которомъ я говорилъ выше. Чаще всего хотон ничѣмъ не отдѣляется отъ юрты, а если и отдѣляется, то легкой перегородкой, въ которой оставляется отверстіе для прохода скота. Затѣмъ, въ юртѣ устраиваютъ орон'ы [неподвижныя лавки] и каминъ. Орон'ы, какъ и въ ypacѣ, занимаютъ то мѣсто, которое образуется отъ линіи, соединяющей угловые столбы между собою, до наружной стѣны. Юрты богачей устраиваются нѣсколько иначе и часто безъ хотон'а, но по тому же типу; онѣ рѣдко имѣютъ деревянный полъ, но если и имѣютъ, то еще рѣже якуты его моютъ. Я видѣлъ только у двухъ богачей юрты съ полами и только у одного полъ былъ чистъ, но за то это—едва ли не самый богатый и во всякомъ случаѣ самый вліятельный якутъ во всемъ округѣ. Постройка битаго камина [сімī осох] начинается съ того, что дѣлаютъ изъ бревенъ или жердей его остовъ, или, точнѣе сказать, облицовку, въ которой устраивается будущее устье, закрываемое временно досками, а затѣмъ нѣсколько якутовъ лѣзутъ на крышу, всыпаютъ въ деревянную облицовку глину и убиваютъ ее длинными жердями; когда работа дойдетъ до половины, вставляютъ гладко обструганное бревно, сплошное, либо со сквознымъ продольнымъ дупломъ, а затѣмъ обсыпаютъ его вокругъ глиною, которую утрамбовываютъ такимъ же способомъ. Когда работа доведена до конца, то сплошное бревно

осторожно вынимають и получается отверстіе для трубы, а если было вставлено дуплистое, то его не трогають, ибо оно само сгорить[1]). Каминъ ставять въ сѣверо-восточномъ углу юрты, но такъ, чтобы можно было ходить вокругъ него свободно; устье обращено къ юго-западному углу, такъ что лучи камина идуть по діагонали къ тому столбу, который, какъ я сказалъ, охраняетъ юрту отъ разрушенія. Южный орон юрты около этого столба считается самымъ почетнымъ мѣстомъ,—тутъ на полкѣ имѣются въ настоящее время иконы, передъ каждой изъ которыхъ прилѣплена восковая свѣча; одна изъ нихъ обыкновенно зажигается хозяиномъ во время вечерней молитвы,—я не помню, чтобы зажигали во время утренней. У состоятельныхъ якутовъ въ этомъ углу стоитъ крашеный столъ съ разными вычурами; онъ не употребляется для хозяйственныхъ надобностей, да и, какъ мнѣ помнится, онъ выше обыкновенныхъ столовъ; на немъ служатъ молебны, пишутъ, при случаѣ, и—только. Онъ стоитъ обыкновенно на небольшомъ квадратномъ земляномъ возвышеніи, обложенномъ кругомъ деревянными плахами, и похожъ на прежній ихъ очагъ. Я не рѣшаюсь дѣлать сближеній, но обращаю вниманіе на это сходство, особенно знаменательное въ виду значенія угловаго столба, у основанія котораго устроенъ этотъ очагъ.

Въ каждой юртѣ имѣется свой духъ дома (балаҕан іччіта), который и кочуетъ вмѣстѣ съ хозяевами, такъ что это въ то же время и духъ семьи. Если поселяются двѣ семьи вмѣстѣ, то въ юртѣ живетъ духъ хозяевъ, а если образуется новая семья и переѣзжаетъ въ новую юрту, то для нея создается духомъ земли новый домовой. Нужно замѣтить, что богъ огня и домовой—отдѣльныя существа. Якутская семья, при каждомъ переѣздѣ въ другую юрту, разводитъ, прежде всего, огонь, принеся углей отъ сосѣдей или добывъ его кресаломъ, затѣмъ варятъ саламату, которую большуха раскладываетъ по отдѣльнымъ чашкамъ, по числу наличныхъ ртовъ, такъ какъ каждый якутъ — взрослый и ребенокъ—всегда ѣстъ одинъ изъ чашки. При этомъ откладывается немного и духу дома въ отдѣльную посуду, которая ставится съ лѣвой стороны камина, т.-е. съ восточной, гдѣ и стоитъ до слѣдующаго дня, когда, затѣмъ, уносится въ хотон

[1]) У автора описано здѣсь устройство такъ называемаго „битаго камина“ (сімі осох), встрѣчающагося сравнительно рѣдко и обыкновенно у зажиточныхъ якутовъ; большею частью дѣлается „мазаный каминъ“ (сыбах осох), который мѣстные русскіе называютъ „камелькомъ“ (см. *Сѣрошевскій*, стр. 355)
Э. П.

и тамъ гдѣ-нибудь оставляется; ему же даютъ еще и соры съ масломъ. Но почему жертва относится въ хотон, гдѣ имѣется спеціальный духъ, покровитель скота (Нjāчы хотун, хаңас діäкі)? Ужъ не думаютъ ли якуты отдѣлаться одной подачкой? Весьма вѣроятно, такъ какъ они отчаянные скареды. И въ самомъ дѣлѣ, покровительницѣ скота дѣлается такой подарокъ, да и то разъ навсегда: сучатъ изъ конской гривы веревочку и протягиваютъ ее надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно стоятъ телята, на нее навѣшивается 9 крошечныхъ берестяныхъ ведерокъ наподобіе тѣхъ, въ которыя надаиваютъ молоко, и 9 такихъ же телячьихъ намордниковъ, которые надѣваются на телятъ, чтобы они не высасывали молока, но могли бы въ то же время щипать траву; въ промежуткахъ навязываются пучки изъ конской гривы. Но, кромѣ этихъ жертвъ, при переѣздѣ въ юрту бросаютъ еще и въ огонь немного саламаты,—это жертва богу огня. Если въ семьѣ имѣется много дѣтей, то въ огонь вливаютъ еще ложку топленаго масла, а если одинъ ребенокъ или дѣтей совсѣмъ нѣтъ, то это масло остается въ экономіи, и принесеніе въ жертву масла откладывается до какого-либо другого случая. Когда я спросилъ, какая связь между количествомъ дѣтей и количествомъ жертвы, то мнѣ отвѣтили, что такъ какъ огонь и никто другой насылаетъ на дѣтей разныя накожныя болѣзни, то многосемейному приходится быть щедрѣе. Не только якуты вѣрятъ въ такое дѣйствіе огня, но даже одна попадья увѣряла меня, что огонь дѣйствительно насылаетъ струпья, и привела въ доказательсто случай съ ребенкомъ ея работника-якута. Ребенокъ покрылся струпьями оттого, по ея словамъ и словамъ якутовъ, что въ огонь нечаянно попалъ кусочекъ лучины, запачканной испражненіемъ ребенка. Такимъ образомъ, нужно тщательно остерегаться, чтобы не нанести какъ-нибудь оскорбленія богу огня, который, какъ видно, очень мстителенъ; въ огонь нельзя ни плевать, ни плескать воду, ни тыкать ножомъ или чѣмъ-либо острымъ, чтобы не поранить бога огня.

Когда я пожелалъ узнать, считаютъ ли якуты бога огня добрымъ или злымъ, то изъ разспросовъ ничего опредѣленнаго нельзя было вывести: одни признавали его добрымъ, потому что онъ грѣетъ, свѣтитъ, варитъ пищу и т. д., другіе же, и ихъ было большинство, признавали его злымъ духомъ, потому что малѣйшее прикосновеніе его причиняетъ большія несчастія, сжигая строенія, и нестерпимую боль, часто обжигаетъ людей, а въ особенности дѣтей, насылаетъ болѣзни и т. д. Уяснить связь между огнемъ и струпьями дѣтей можно только слѣдую-

щимъ образомъ: огонь, непосредственно обжигая тѣло, образуетъ струпья, не отличающіеся по наружному виду отъ всѣхъ другихъ струпьевъ; съ другой же стороны—дѣти чаще всего обжигаются, а потому якутъ видитъ, что огонь чаще всего мститъ на дѣтяхъ и что они же чаще всего покрываются вообще струпьями, а, слѣдовательно, это тоже месть бога огня.

Всегда ли богъ огня имѣлъ такой двойственный характеръ? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить категорически, но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что персидскій богъ свѣта и добра—Ормуздъ создалъ изъ огня всѣ чистыя существа, что у персовъ огонь—источникъ жизни и души человѣка, что онъ—источникъ нравственной и физической чистоты. У монголовъ сохранилось кое-что изъ этихъ вѣрованій, а у якутовъ изъ нихъ сохранилась только вѣра въ очистительную силу огня, да и то только преимущественно въ сферѣ физической. Такимъ образомъ, въ то время какъ у монголовъ богъ огня сталъ добрымъ богомъ, у якутовъ онъ сохранилъ двойственный характеръ, смотря по тому, обращаютъ ли они вниманіе на его благодѣянія или на вредъ, имъ причиняемый, но всегда разсматриваютъ вопросъ съ точки зрѣнія утилитарной. Замѣчу, что, по понятіямъ монголовъ, „многія болѣзни, особенно наружныя, и пожаръ—слѣдствіе гнѣва Утъ", бога огня (Черная вѣра *Банзарова*, 24).

Огонь, какъ я сказалъ, играетъ роль силы очистительной, разгоняя всякую нечисть. Люди, отвозившіе покойника на кладбище, очищаются, переступая черезъ огонь,—такимъ же образомъ очищается быкъ, на которомъ возили трупъ, сани и другіе инструменты, употреблявшіеся при погребеніи.

Самый чистый и священный огонь—молнія, а потому пожаръ отъ нея не тушится. Она очищаетъ все, на что упадетъ, и дерево, разбитое молніей, считается чистымъ, а зажженныя лучины отъ такого дерева употребляются при обрядѣ очищенія. Въ старину, передъ началомъ неводьбы, шаманъ зажигалъ такую лучину и, стоя на льду среди озера, махалъ ею по всѣмъ направленіямъ, произнося заклинанія; это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы очистить мужчинъ и женщинъ отъ возможной въ нихъ нечисти. Въ настоящее же время, когда шаманы не совершаютъ публичныхъ обрядовъ, всѣ жители той юрты, въ которой недавно былъ покойникъ, и всѣ посѣтители ея не могутъ до новолунія вступать на ледъ озера, пока не кончится неводьба, а стоятъ, какъ я самъ видѣлъ, на берегу. Новый неводъ очищается при помощи такой же зажженной лучины; ею же размахиваетъ шаманъ, когда онъ, во время падежа коннаго скота,

камлаетъ съ цѣлью прогнать эпидемію. Мясо скотины, убитой громомъ, признается цѣлебнымъ. Огонь, кромѣ того, является посредникомъ между человѣкомъ и другими духами при жертвоприношеніи, хотя и не всегда, какъ я сейчасъ же скажу. Хозяйка, принося жертву богинѣ, покровительствующей коровамъ, беретъ глиняный черепокъ или горшокъ, накладываетъ горящихъ угольевъ, относитъ въ хотон и тамъ на уголья выливаетъ ложку масла. Тутъ огонь является посредникомъ. Но вотъ хозяйка смазываетъ масломъ верхнюю жердь яслей, къ которой привязываютъ телятъ,—это жертва непосредственная, такъ какъ это божество, спеціально завѣдующее здоровьемъ телятъ, слизываетъ масло; если не принесутъ этой жертвы, то новорожденные телята передохнутъ отъ поноса.

Хозяйка дома есть и главная хранительница очага, покровителя семьи. Только она имѣетъ право проходить мимо камина съ передней его стороны,—всѣ же остальныя женщины обходятъ его сзади. Если передъ каминомъ сидитъ или стоитъ хозяинъ дома или почетный гость, то и хозяйка не проходитъ между ними и каминомъ, если бы даже мѣсто и позволяло, а обходитъ ихъ сзади. Во время менструацій женщина не можетъ касаться огня и даже близко подходить къ нему, точно также роженица и бывшая при ней повитуха не могутъ до новолунія входить въ ту часть юрты, которая освѣщается огнемъ камина. Невѣста, вступая въ домъ жениха, бросаетъ въ огонь нѣсколько палочекъ, заранѣе приготовленныхъ, а затѣмъ выливаетъ туда же топленаго масла,—послѣ этого она ужъ членъ семьи. Очевидно, что бросаніе палочекъ—символъ разведенія огня, что̀ можетъ дѣлать только членъ семейства и что̀ дѣлаютъ только женщины. У монголовъ вступающій въ члены семьи поклоняется богинѣ огня и приноситъ ей жертву. То же самое дѣлаютъ въ день свадьбы женихъ и невѣста, въ чемъ и выражается обрядъ бракосочетанія.

Въ кузницѣ передъ каминомъ врытъ такъ называемый стулъ для наковальни, и только кузнецъ—хозяинъ можетъ пройти между каминомъ и этимъ стуломъ,—всѣмъ же остальнымъ строго воспрещается.

Вся мебель юрты состоитъ изъ одного или двухъ столовъ [остуол], чаще круглыхъ, о трехъ ножкахъ, и изъ табуретокъ [олох мас] разной величины. Табуретки слѣланы довольно остроумно. Берутъ 4 таловыхъ прута толщиною въ полвершка и длиною аршина въ полтора; на каждомъ изъ нихъ дѣлаютъ по два вырѣза—такъ, чтобы, если согнуть прутъ, получилась буква П и чтобы можно было вставить въ мѣста изгиба сво-

бодные концы другого такого же П,—концы закругляются и на нихъ дѣлаются заплечики. Такимъ образомъ вставляются другъ въ друга всѣ прутья и получается остовъ скамьи; сидѣнье дѣлаютъ изъ тонкихъ досочекъ, врѣзанныхъ въ верхнія ребра. Кромѣ этой мебели, имѣется еще сундукъ [цасык=русск. ящикъ], величина котораго зависитъ отъ степени зажиточности семьи; въ немъ хранится подъ замкомъ все болѣе или менѣе цѣнное: серебряные браслеты, шелковый головной платокъ, а то и просто какая-нибудь дрянь, которая можетъ имѣть цѣнность только въ глазахъ якутки.

Хозяйственный инвентарь семьи очень несложенъ. Прежде всего и главнѣе всего, въ каждой семьѣ имѣется многое множество берестяной посуды [туос ісіт], въ которой лѣтомъ стоитъ молоко въ подпольѣ дней 5—6 для образованія сливокъ или сметаны. Затѣмъ имѣется не мало деревянныхъ чашекъ [кытыја] разной величины для пищи,—онѣ выдалбливаются изъ березы или изъ лиственницы при помощи особаго инструмента. По краямъ чашки вырѣзаны съ наружной стороны незатѣйливыя украшенія; чашка обтянута вверху обручикомъ изъ латуни или изъ желтой мѣди; къ обручику придѣланы оловянные привѣски. У зажиточныхъ якутовъ эти чашки—отъ 15 до 20—поставлены въ рядъ на одну полку, и нѣкоторыя изъ нихъ [кытах] очень большихъ размѣровъ. Далѣе идутъ горшки [кӯӧс], которые якутки сами дѣлаютъ, но не всѣ, потому что не всѣ умѣютъ, подобно тому какъ и чашки выдалбливаются не всѣми якутами,—большинство покупаетъ и ту и другую посуду. Не маловажную роль въ хозяйствѣ якутки играетъ мутовка [ытык]. Это палочка въ аршинъ длиною, на концѣ которой насаженъ небольшой отрѣзокъ полаго рога съ пробуравленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ дырками. Такой мутовкой сучатъ всякую болѣе или менѣе жидкую пищу во время ея приготовленія, мѣшаютъ тѣсто для оладій, сбиваютъ масло и т. д. Для сбиванія же сливокъ употребляется мутовка [кӱӧрчӓх], у которой вмѣсто рога насаженъ деревянный кружокъ съ вырѣзами по радіусу на наружной сторонѣ. Если къ этому прибавить еще деревянныя ложки собственнаго издѣлія, таганъ, сковороду, желѣзную лопатку длл поворачиванія оладій, когда онѣ пекутся, нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ съ блюдцами и мѣдный чайникъ, то получится вся посуда якута средняго достатка[1]). Затѣмъ нужно упомянуть, что у всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи имѣется по ножу [бысах], который носится въ ножнахъ за го-

[1]) Вся эта посуда носитъ русскія названія. Э. П.

леницемъ или на поясѣ. У болѣе зажиточнаго якута вы встрѣтите мѣдные котлы (алтан солӯр] для варки пищи, самоваръ, а у богача нѣсколько самоваровъ разной величины, хорошую и разнообразную чайную посуду, столовую, чаще всего эмалированную металлическую, серебряныя ложки и вилки издѣлія якутскихъ кузнецовъ, разные графинчики, рюмки и даже бокалы, но все это держится подъ замкомъ, такъ что, войдя въ юрту богача, вы ничего не увидите такого, изъ чего бы можно было заключить о степени достатка хозяина. Только по большей или меньшей чистотѣ и просторности юрты отчасти можно судить о достаткѣ; но и то только у болѣе или менѣе тронутыхъ русской культурой. Впрочемъ, самовары всегда на виду и у богачей демонстративно блестятъ.

Но святая святыхъ у зажиточнаго и особенно у богатаго якута— шкатулка, прочно сдѣланная и запирающаяся на замокъ. Въ ней хранится домашній архивъ, состоящій изъ разныхъ черновыхъ прошеній, расписокъ, записей, счетовъ и т. д.; всѣ эти свидѣтельства изворотливости якутскаго ума и безстыднѣйшей эксплоатаціи съ примѣсью неимовѣрнаго сутяжничества доступны только главѣ семейства. Впрочемъ, у какого-нибудь просвѣщеннаго якута въ этомъ же ящикѣ лежатъ разныя фотографическія карточки и вдобавокъ въ рамкахъ,—ихъ показываютъ близкимъ знакомымъ и особенно почетнымъ русскимъ гостямъ.

Большинство якутовъ имѣетъ только самую необходимую одежду, да и то въ одномъ экземплярѣ. Якутъ никогда не заводитъ болѣе одной пары бѣлья—ни для себя, ни для членовъ семьи; между прочимъ, женщины лѣтомъ также носятъ дабовые штаны. Бѣлье у якутовъ никогда не моется, а носится, пока не изорвется въ клочья, не допускающіе починки. Только у богачей имѣется 3—4 пары бѣлья, которое изрѣдка моется, но отъ этого мало толку, такъ какъ грязь никогда дочиста не смывается, да и мудрено смыть ее, если бѣлье носится мѣсяцъ и больше и если почти совсѣмъ не употребляютъ мыла. Якутки увѣряютъ, что бѣлье отъ мытья скоро изнашивается, а потому онѣ его не моютъ, но онѣ почти никогда не моютъ и чайную посуду, и обѣденную, — послѣднюю только тщательно вылизываютъ. И бѣда, если якутка вздумаетъ щегольнуть передъ вами чистотой и станетъ мыть посуду, чайную или обѣденную—все равно: она будетъ вытирать ее подоломъ собственной рубахи...

Кое у кого имѣются небольшіе жернова [тас или суоруна]; въ каждой семьѣ имѣются бычьи сани [оҕус сырҕата], на которыхъ возятъ сѣно и дрова, да еще топоръ (сӯгä) и пешня [аніы̄], а затѣмъ ничего больше. Сохи и бороны можно найти

только у болѣе зажиточныхъ; у послѣднихъ часто имѣется хотя одна лошадь, а, слѣдовательно, сѣдло [ы ӈ ы р] и нарты [н а р т а].

Нужно замѣтить, что якуты любятъ заводить себѣ разную одежду, которая всегда у нихъ хранится въ амбарѣ подъ замкомъ и надѣвается только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ; важно, чтобы всѣ знали, что имѣется много одежды, а носить ее нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что отъ этого она изнашивается. Особенно якутки любятъ заводить одежду и разнаго рода украшенія, доказывая лишній разъ, что дщери Евы во всѣхъ широтахъ одинаковы,—любопытный предметъ для размышленія. Однако желаніе прельщать сердца не побуждаетъ якутокъ къ чистотѣ, такъ что самая отъявленная щеголиха неимовѣрно грязна. Якуты не любятъ купаться и никогда не моютъ тѣла; единственное, что они усвоили въ этомъ отношеніи,—смачиваніе по утрамъ физіономіи водой, именно—смачиваніе, потому что этотъ процессъ не можетъ быть названъ умываньемъ: мыла не употребляется вовсе, а воды идетъ не болѣе чайной чашки, и выходитъ не умыванье, а равномѣрное размазыванье грязи, причемъ все-таки отъ ушей къ шеѣ образуется болѣе густая тѣнь; послѣ такого умыванья нѣкоторые вытираются тряпицей, но что это за тряпица!—грязнѣе грязи; большинство же просто обсушивается у камина. И вотъ такая обсушенная щеголиха, съ растрепанными волосами, которыя причесываются только по какимъ-либо торжественнымъ случаямъ или когда черезчуръ разводятся насѣкомыя,—съ цвѣтнымъ повойникомъ, сбившимся нѣсколько на сторону, или съ грязнымъ платкомъ на головѣ, если она замужняя, и простоволосая, если дѣвица,—съ тяжелыми серебряными серьгами, состоящими изъ большого количества серебряныхъ пластинокъ разной величины,—съ оттянутыми мочками ушей, съ большой четырехугольной запонкой, застегивающей воротъ грязнѣйшей рубахи,—съ широкими серебряными браслетами на рукахъ,—стоитъ сбоку камина и меланхолически сучитъ мутовкой кипящее молоко, испещренное нападавшими угольями. Нужно замѣтить, что у якутскихъ женщинъ замѣчается природная грація въ движеніяхъ и что руки у нихъ красивы и невелики, съ длинными музыкальными пальцами, хотя изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ имѣется только х о м у с [1])—крошечный желѣзный инструментъ, который

[1]) Х о м у с или х а м ы с—общераспространенный музыкальный инструментъ, такъ называемый варганъ или кобызъ (кобузъ), „желѣзная лирка со стальнымъ язычкомъ; прикладывается къ зубамъ, пальцемъ бьютъ по язычку, образуя звуки измѣненіемъ полости рта“ (*Даль* II, 739, 1-ое изд.). *Э. П.*

одной рукой прикладывается къ полуоткрытому рту, тогда какъ другая рука приводитъ въ движеніе тонкую пластинку, прикрѣпленную къ подобію арфы, ударяя по ея свободному концу. Такой же музыкальный инструментъ „дрымба“ я видѣлъ у цыганъ на югѣ Россіи.

Въ общемъ якуты и якутки некрасивы: выдающіяся скулы, приплюснутый сѣдлистый носъ съ почти круглыми ноздрями, обращающіе на себя вниманіе косовато насаженные и широко разставленные глаза, часто низкій и некрасивый лобъ,—таково громадное большинство. Но есть и другой типъ—типъ якутской аристократіи, встрѣчающійся, главнымъ образомъ, между старинными богатыми фамиліями. Представители этого типа—богаты они или бѣдны въ настоящее время—гораздо интеллигентнѣе остальныхъ и не спускаются до положенія чьего-нибудь работника. Мужчины этого типа болѣе рослы, красивѣе сложены, болѣе сильны, цвѣтъ лица бѣлѣе, но все-таки смуглый, носъ съ горбинкой и хотя не тонокъ, но и не приплюснутъ, да и ноздри не бросаются въ глаза,—лобъ широкій и высокій, глаза посажены ровно и не слишкомъ удалены другъ отъ друга, ротъ красивый, съ полными, чувственными губами, но волосы такіе же, какъ и у остальныхъ—черные, прямые, матовые, болѣе напоминающіе шерсть, чѣмъ человѣческій волосъ. У этого типа мужчинъ несравненно чаще встрѣчаются усы и даже небольшая растительность на подбородкѣ, тогда какъ у большинства якутовъ на лицѣ нѣтъ никакой растительности. Если глядѣть en face, ничто не указываетъ вамъ на то, что передъ вами представитель низшей расы, въ профиль же вы сейчасъ замѣтите, что носъ, хотя и съ горбинкой, слишкомъ низокъ въ переносицѣ, что зависитъ отъ особаго положенія скулъ,—но и только. Я видѣлъ лишь одну якутку, которая могла бы подойти къ этому типу, и вообще я чаще видѣлъ среди якутовъ красивыхъ мужчинъ, чѣмъ женщинъ, хотя и между женщинами попадаются изрѣдка очень красивыя. Впрочемъ, красивые глаза и даже съ „поволокой“ встрѣчаются довольно часто [1]).

---

[1]) О наружномъ видѣ якутовъ съ характеристикой обоихъ физическихъ типовъ: тюркскаго и монгольскаго, а также и промежуточныхъ формъ см. у *Миддендорфа* (Путеш. на сѣв. и вост. Сибири, ч. II, отд. VI, стр. 631 и 765), *Маака* (Вилюйскій округъ, ч. III, стр. 82), особенно *Н. Л. Геккера* (Къ характеристикѣ физич. типа якутовъ, Ирк. 1896). Ср. также: *Сѣрошевскій*: Якуты т. I, гл. III: „Физическія особенности племени“.

Э. П.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

(*Окончаніе*).

О мѣрахъ къ развитію торговли съ Западнымъ Китаемъ. Переходя теперь къ тѣмъ мѣрамъ, которыя надлежало бы принять къ возстановленію нашей торговли съ западнымъ Китаемъ, для желаемаго ея развитія, долгомъ считаю изъяснить слѣдующее:

Для существованія и развитія всякой торговли необходимы три главныхъ условія: взаимная потребность въ произведеніяхъ, капиталы и удобства сообщенія.

О потребности въ нашихъ товарахъ уже достаточно было говорено выше. Къ этому можно только присовокупить желаніе: чтобы оные шли въ западныя мѣста Китая лучшаго качества, нежели какіе теперь туда отпускаются, что по времени, при измѣненіи положенія сей торговли, безъ сомнѣнія, и сдѣлается само собою.

1) *Установленіе правильной торговли.* Что касается до капиталовъ, то большихъ капиталистовъ понынѣ въ этой торговлѣ нѣтъ, и они не явятся до тѣхъ поръ, пока оная не будетъ поставлена на другихъ основаніяхъ, пока не сдѣлается для россійскаго купечества *правильною и законною*; ибо тогда только купцы наши могутъ избавиться отъ тѣхъ притѣсненій и непріятностей, которымъ подвергаются при нынынѣшнемъ ея положеніи. Устраненіе сего главнаго препятствія—*установленіе правильной торговли съ китайцами въ западныхъ мѣстахъ ихъ*—есть, слѣдственно, первый шагъ, первое дѣло, съ котораго слѣдовало бы начать, если желать имѣть въ сихъ мѣстахъ торговлю. Безъ этого же торговля будетъ всегда находиться въ рукахъ однихъ мелочниковъ и азіятцевъ, и желаемаго развитія никогда не будетъ. Удовлетворить, или не удо-

влетворить китайское правительство справедливому требованію Россіи объ учрежденіи торговли въ западныхъ областяхъ его, есть вопросъ, не подлежащій моему сужденію; но я только осмѣлюсь сказать, что существующее опасеніе: якобы китайцы, въ случаѣ неудовлетворенія нашего домогательства, прервутъ всякія торговыя въ тѣхъ мѣстахъ съ нами сношенія, лишать насъ и той торговли, которою теперь тамъ пользуемся, есть опасеніе совершенно напрасное; торговля теперь производится въ сущности не нами, а азіатцами, имъ она законнымъ образомъ дозволена; чрезъ нихъ мы всегда можемъ производить ее, какъ и теперь производимъ. Все что̀ рискуемъ—это, что три, четыре человѣка изъ русскихъ приказчиковъ не будутъ ѣздить въ Чугучакъ и что хозяева ихъ будутъ посылать свои товары съ ташкентцами, съ коими и теперь бо̀льшая часть изъ нихъ посылаетъ. Но едва ли даже и это можетъ случиться; ибо выгоды мѣстныхъ китайскихъ властей всегда будутъ состоять въ томъ, чтобы торговля эта не прекращалась.

Что же касается еще до весьма важнаго въ этомъ дѣлѣ вопроса, а именно: какой пунктъ для мѣновой съ китайцами торговли удобнѣе и лучше, Чугучакъ или Кульджа? то отвѣчать на сіе положительно и съ увѣренностью трудно. Чугучакъ ближе къ нашей границѣ, къ внутреннимъ нашимъ рынкамъ, и въ этомъ весьма важное его преимущество; но Кульджа обширнѣе; въ ней болѣе жителей, болѣе самаго купечества; она ближе и къ Кашкаріи, что̀ тоже весьма важное обстоятельство. Вообще ограничивать торговлю однимъ какимъ-либо размѣннымъ пунктомъ,—Чугучакомъ или Кульджею,—не слѣдовало бы. Напротивъ того, если можно, то къ Чугучаку и Кульджѣ надлежало бы присоединить еще Кашкарію, т. е. и въ Кашкарію проложить *законный путь* для нашего купечества. Кстати здѣсь замѣтить, что послѣ размолвки, которая была въ 1828-мъ году у хокандцевъ съ китайцами, ханъ хокандскій выговорилъ у китайскаго правительства, для своихъ подданныхъ, право свободной торговли во всѣмъ кашкарскихъ городахъ, и не только изъятіе ихъ отъ всякихъ пошлинъ, но разрѣшеніе собирать даже въ свою казну пошлину съ хокандцевъ, ташкентцевъ и бухарцевъ, при всякой мѣнѣ ихъ съ китайцами. Для этого и для надлежащей защиты своихъ купцовъ въ Кашкаріи, отъ хокандскаго правительства назначены два чиновника, изъ коихъ одинъ живетъ въ Кашгарѣ, другой въ Яркентѣ[1]).

---

[1]) Всѣ эти подробности мнѣ сообщены азіятцами, бывшими въ Кашкаріи; объ оныхъ знаютъ и ташкентцы, у насъ находящіеся.

2) *Обезопасеніе караванныхъ путей.* Другая необходимая, по моему мнѣнію, мѣра есть обезопасеніе путей въ западныя области Китая. Въ этихъ видахъ для чугучакской торговли весьма бы полезно было: *во-первыхъ* — привлечь въ наше подданство кочующихъ за Тарбагатаемъ Байджигитовъ, что, повидимому, не представляетъ особеннаго затрудненія, ибо два самыхъ сильныхъ ихъ султана, Сабекъ и Дуламбай (изъ коихъ съ послѣднимъ я имѣлъ случай разговаривать), уже давно изъявляютъ наклонность поступить въ число русскихъ подданныхъ и тѣмъ обезопасить положеніе своихъ киргизовъ, тѣснимыхъ теперь со всѣхъ сторонъ нашими. Мысль и желаніе поступить въ русское подданство болѣе и болѣе дѣлаются общими между Байджигитами и даже между Кызайцами. Конечно, къ подобной мѣрѣ, если бы оная удостоилась одобренія правительства, нельзя вдругъ приступить, а предоставить исполненіе ея болѣе времени и обстоятельствамъ, имѣя оную только въ виду и облегчая пути къ ней. *Во-вторыхъ*: полезно бы также было содержать небольшой отрядъ казаковъ за Тарбагатаемъ, на рѣкѣ Урджарѣ, пунктѣ весьма удобномъ и лежащемъ на самомъ торговомъ трактѣ. Содержаніе тутъ подобнаго казачьяго отряда, или пикета, хотя бы только въ лѣтнее время, имѣло бы спасительное дѣйствіе на помянутыхъ киргизовъ, удерживая ихъ отъ всякихъ своевольствъ и насилій. Китайцы же едва ли бы стали возражать намъ и противиться подобной мѣрѣ, какъ не возражали они, когда въ 1839-мъ году посыланъ былъ нашъ отрядъ въ эти же самыя мѣста, для поимки султана Сиванкула. Тогда отрядъ этотъ, исполнивъ возложенное на него дѣло, пробылъ въ тѣхъ мѣстахъ, *за Тарбагатаемъ*, еще съ мѣсяцъ, до окончанія въ Чугучакѣ расторжки; онъ стоялъ не далѣе какъ въ 25-ти верстахъ отъ Чугучака (а отъ китайскаго пикета въ 3-хъ верстахъ), и китайцы не только не жаловались, но, напротивъ, были весьма довольны, ибо чрезъ это прекратились тогда всякія со стороны сосѣднихъ киргизовъ своевольства, отъ коихъ сами китайцы первые страдаютъ. Высылкѣ на лѣтнее время на Урджаръ нашего отряда всегда можно бы было дать въ глазахъ китайцевъ благовидный предлогъ, сказавъ, въ случаѣ надобности, что это дѣлается для защиты купечества, для обузданія своеволій киргизовъ. При этомъ нельзя еще не замѣтить, что Тарбагатай въ сущности не есть граница съ нами китайцевъ: за Тарбагатаемъ кочуетъ часть нашихъ киргизовъ Средней Орды: всѣ главныя зимовки Мурунцевъ и Туминцевъ нашихъ находятся по той сторонѣ Тарбагатая. Собственно китайскою границею въ

этихъ мѣстахъ, какъ мнѣ кажется, должна почитаться цѣпь ихъ пикетовъ: какъ скоро мы не заходимъ за черту сихъ пикетовъ, то мы, такъ сказазать, у себя, дома, и, повидимому, имѣемъ полное право распоряжаться *по усмотрѣнію*. Въ этихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, никакихъ границъ никогда не было съ Китаемъ постановлено.

Что касается до обезпеченія путей въ Кульджу, то мѣра эта еще болѣе представляется необходимою, во-первыхъ по большей опасности сихъ путей, и во-вторыхъ, по соединяющимся съ оною разнымъ другимъ видамъ въ торговомъ отношеніи. Изъ двухъ путей, ведущихъ въ Кульджу, разумѣется слѣдовало бы обратить вниманіе на тотъ, который представляется изъ нихъ удобнѣйшимъ, т.-е. на путь чрезъ Караталъ и Семь-рѣкъ (чрезъ Большую Орду). Въ этихъ мѣстахъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы непремѣнно *занять пунктъ на рѣкѣ Караталъ*, чтобы держать киргизовъ Большой Орды въ большомъ повиновеніи. Теперь они оказываютъ намъ преданность, и даже отдаленные рода ихъ (всѣ Дулатовцы) изъявили желаніе поступить въ россійское подданство. Но безъ занятія означеннаго пункта, преданность эта не прочна и подданство будетъ только мнимое. Къ приведенію въ исполненіе сей мѣры обстоятельства удивительно теперь какъ благопріятствуютъ: они вовсе не тѣ, что были въ 1825 году, когда дѣлана была экспедиція на Караталъ: во первыхъ, что сами киргизы Большой Орды, прежде смотрѣвшіе на насъ съ недовѣрчивостію, теперь просятся въ русское подданство, и даже именуютъ уже себя русскими подданными (въ проѣздъ мой черезъ Большую Орду они прямо говорили мнѣ, что они теперь русскіе подданные); во вторыхъ, китайцы потеряли всякое вліяніе на сіи мѣста, на которыя прежде и даже еще во время помянутой экспедиціи, простирали свои притязанія; въ третьихъ (и это совершенно уже доказываетъ, что киргизы, тамъ кочующіе, вышли изъ подъ всякой зависимости отъ Китая), что на нихъ съ тѣхъ поръ распространилось вліяніе хокандцевъ: бывшій ханъ хокандскій, Магометъ-Али, подчинилъ было ихъ своей власти до того, что посылалъ ежегодно на Карталъ, Куксу и Или, своихъ закятчиковъ, для сбора ясака съ кочующихъ тамъ Дулатовъ и другихъ киргизовъ Большой Орды; но смуты и разные перевороты, случившіеся въ послѣднее время въ Хокандѣ, мало по малу ослабили это вліяніе, и теперь власть хокандцевъ тамъ совершенно исчезла; обстоятельство также весьма благопріятное для всякихъ нашихъ видовъ. Занятіе Каратала представляетъ неисчислимыя выгоды: всѣ эти

мѣста, всѣ такъ называемыя Семь-рѣкъ, суть богатѣйшія земли во всей Киргизской степи; отъ Каратала до Кульджи всего 7-мь дней караваннаго хода; чрезъ Караталъ же лежитъ дорога въ Кашкарію, и другой не имѣется. Путь въ самый Ташкентъ и Ховандъ изъ Семипалатинска чрезъ эти мѣста (чрезъ Семь-рѣкъ) также и ближе и во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе, нежели теперешняя дорога чрезъ Актау, и если купцы по оному не ѣздятъ, то это по той же причинѣ, по коей не ѣздили доселѣ чрезъ Караталъ въ Кульджу, т.-е. изъ боязни киргизовъ Большой Орды, на которыхъ полагаться (безъ дѣйствительныхъ мѣръ къ ихъ усмиренію) трудно. На Караталѣ такимъ образомъ, по занятіи выгоднаго тамъ пункта, могло бы приставать купечество, торгующее съ Кульджею, Ташкентомъ и Ховандомъ и съ самою Кашкаріею; тамъ могла бы быть главная складка ихъ товаровъ, которые, по надобности, они посылали бы въ означенныя мѣста и страны.

Въ тѣхъ же видахъ распространенія торговли съ западомъ Китая весьма полезно было бы *сдѣлать опытъ прямыхъ сношеній съ Кашкаріею*, отправивъ туда караванъ изъ Семипалатинска. Подобнымъ отправленіямъ уже были примѣры въ прежнее время, и не далѣе какъ въ 1824 году посланъ былъ небольшой караванъ въ сію страну, снаряженный купцомъ Поповымъ; но тогда разныя обстоятельства неблагопріятствовали сему начинанію. Главное тутъ препятствіе состоитъ въ переходѣ чрезъ кочевья Дикокаменныхъ киргизовъ,—препятствіе, которое впрочемъ легко преодолѣть, отрядивъ небольшую команду казаковъ, для прикрытія каравана, какъ было сдѣлано въ 1824 году. При томъ же обстоятельства и между Дикокаменными киргизами съ нѣкотораго времени измѣнились въ нашу пользу: главный родъ сихъ киргизовъ (Буге), кочующій на самой дорогѣ въ Кашкарію, изъявилъ въ послѣднее время желаніе быть подъ покровительствомъ Россіи: родоначальникъ ихъ присылалъ съ этою цѣлью своихъ депутатовъ въ прошломъ 1844 году въ Аягузъ, и хотя, по отдаленности помянутыхъ киргизовъ, домогательство ихъ было отклонено (съ оказаніемъ однако же разныхъ знаковъ вниманія главному ихъ родоначальнику), но тѣхъ не менѣе самый поступокъ ихъ доказываетъ степень теперешнихъ благопріятныхъ ихъ отношеній къ Россіи. При такомъ положеніи вещей отправленіе при караванѣ какихъ-нибудь 70 человѣкъ казаковъ было бы достаточно для огражденія купцовъ отъ всякихъ обидъ и насилій со стороны неблагонамѣренныхъ киргизовъ. А если бы Правительство рѣ-

шилось занять Караталъ, то вліяніе наше чрезъ одно это и на Дикокаменныхъ киргизовъ распространилось бы и дало бы возможность совершенно со временемъ обезпечить этотъ путь чрезъ ихъ кочевья въ Кашкарію. Посѣщеніе сей страны нашими торговцами ознакомило бы ихъ съ тамошними произведеніями, распространило бы сбытъ нашихъ товаровъ въ краѣ, который столько представляетъ выгодъ для торговли и во всѣхъ отношеніяхъ было бы дѣломъ для торговли и промышленности нашей наиполезнѣйшимъ. Въ Кашкаріи, кромѣ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые находятся въ Чугучакѣ и Кульджѣ, и изъ коихъ иные тамъ гораздо дешевле, можно бы получать и нѣкоторыя новыя статьи, какъ то: кашкарскій шелкъ сырецъ добываемый въ Хотенѣ, ляписъ-лазури, привозимый туда изъ Бадакшана, ковры, тибетскую шерсть, мускусъ и т. п. Статьи эти, сколько извѣстно, тамъ весьма дешевы и могли бы, слѣдственно, войти въ обороты нашей торговли съ Западомъ Китая. Семипалатинскіе купцы наши (сколько мнѣ довелось разговаривать съ ними), не только непрочь отъ сей попытки, но съ радостію бы согласились, если бы только правительство дало имъ средства безопасно пройти въ Кашкарію, т. е. не отказало бы въ отряженіи помянутой казачьей команды для ихъ сопровожденія. Другихъ пособій они для себя не требуютъ. Если бы предположеніе отправить караванъ въ Кашкарію удостоились одобренія, то весьма бы полезно было приступить къ сему будущимъ же лѣтомъ, вызвавъ заблаговременно желающихъ. На первый ризъ, и дабы не дѣлать изъ сего опыта шумнаго дѣла, можно бы, кажется, ограничиваться семипалатинскими купцами, объявивъ имъ обо всемъ заранѣе.

Выше сего было замѣчено о вредныхъ послѣдствіяхъ для торговли (для правильнаго ея теченія и развитія) отъ существующей контрабанды по всей Сибирской линіи. Предметъ этотъ неоднократно обращалъ на себя заботливое вниманіе министерства финансовъ; но я осмѣлюсь повторить при семъ, что обыкновенныя мѣры тутъ недостаточны. Линія, состоящая въ вѣдѣніи сибирскаго таможеннаго округа, имѣетъ 1.800 верстъ протяженія. А по ней всей таможенной стражи, т. е. объѣздчиковъ — 68 человѣкъ[1]). Спрашивается: что̀ могутъ сдѣлать 68 человѣкъ на пространствѣ 1.800 верстъ? Таможенное начальство представляло объ усиленіи сей стражи еще 232-мя че-

---

[1]) И сверхъ того 116 казаковъ, высылаемыхъ на таможенную службу; но казаки въ этомъ случаѣ плохая помога.

ловѣками, такъ чтобы было всего 300 человѣкъ, находя, что контрабанда, при подобномъ усиленіи стражи, можетъ значительно уменьшиться. Не отвергая вообще пользы отъ усиленія таможенной стражи, находя даже, что подобнаго рода мѣры должны служить основаніемъ для прочихъ, я позволяю себѣ однако же думать, что 300 человѣкъ объѣздчиковъ и стражниковъ, на такомъ огромномъ протяженіи линіи, ничего не произведутъ существеннаго. То, чтò теперь въ особенности увеличиваетъ контрабанду — это возможность провезти товаръ безъ малѣйшаго опасенія быть пойманнымъ, и затѣмъ, въ случаѣ даже поимки, *увѣренность въ ненаказанности*: все чтò угрожаетъ купцу, пойманному наприм., съ контрабанднымъ чаемъ это, что его заставятъ заплатить 50% въ пользу поимщика и взыщутъ пошлину съ чая, котораго впрочемъ его не лишатъ, а отдадутъ ему назадъ (очищенный уже пошлиною). Его не подвергаютъ ни пени, ни конфискаціи товара, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ въ случаѣ поимки контрабанды. Возчиковъ контрабанды тоже не подвергаютъ никакому наказанію: отъ нихъ даже не отбираютъ лошадей, на коихъ контрабанда везется, и они ровно ничѣмъ не рискуютъ и пускаются на промыселъ сей съ необыкновенною дерзостію. И такъ, во-первыхъ: надобно непремѣнно *увеличить мѣру взысканія съ торговцевъ изобличенныхъ въ контрабандѣ и затѣмъ положить наказаніе противъ провозящихъ контрабанду*. При теперешнемъ положеніи линіи, при невозможности усилить таможенную стражу до желаемой степени, страхъ большаго взысканія и наказанія есть еще та мѣра, которая наиболѣе, повидимому, можетъ принести существенной пользы и удерживать отъ контрабанды. Необходимо бы также зарѣчную въ Семипалатинскѣ слободку, гдѣ находится главная складка товаровъ (всѣ складочные магазины купцовъ, торгующихъ съ Чугучакомъ, Кульджею и Ташкентомъ), ввести въ таможенную черту: слободка эта теперь внѣ всякаго таможеннаго надзора, чтò еще болѣе даетъ возможность недобросовѣстнымъ купцамъ тайно провозить товаръ свой.

При этомъ долгомъ поставляю еще замѣтить: что главнѣйшая контрабанда по Сибирской линіи состоитъ въ чаѣ. Причина оной та же, какъ и всѣхъ вообще контрабандъ, это— значительная на чай пошлина (по 60 к. сер. съ фунта). Теперь эта пошлина съ кяхтинскаго чая нѣсколько уменьшена, т. е. съ чернаго, или торговаго чая, вмѣсто 60 к., взимается 40 к. сер. съ фунта; но для семипалатинскаго чая она оста-

влена прежняя (по 60 к. сер. съ фунта). Если это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы уменьшить привозъ чрезъ Семипалатинскъ изъ западныхъ областей Китая байховаго чая, то можно рѣшительно сказать, что цѣль эта не достигнется. Стóитъ только взглянуть на карту, чтобы въ этомъ убѣдиться. Бóльшая теперь пошлина съ семипалатинскаго чая въ сравненіи съ пошлиною, взимаемою съ того же чая на Кяхтѣ, только поведетъ къ большей контрабандѣ онаго, тогда какъ въ сравненіе ея съ Кяхтинскою, и принятіе въ то же время нѣкоторыхъ необходимыхъ мѣръ противъ контрабанды, было бы также однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ уменьшенію самой контрабанды и къ преподанію торговлѣ болѣе правильнаго движенія. По этому, казалось бы необходимымъ, въ числѣ прочихъ мѣръ,— *сбавить и пошлину съ чернаго чая*[1]), отъ какой сбавки вреда для кяхтинскихъ купцовъ не предвидится, ибо количество вывозимаго изъ Чугучака чернаго чая чрезъ это въ сущности ни прибавится, ни уменьшится, но можетъ уменьшиться контрабанда и увеличатся таможенные сборы.

Для поощренія же къ вывозу изъ западнаго Китая нѣкоторыхъ новыхъ статей не безполезно бы было, (какъ это сдѣлано и для Кяхты), нѣкоторые предметы, въ томъ числѣ шелкъ, хлопчатую бумагу, шерсть и другіе во 2-мъ пунктѣ высочайшаго указа 20 іюля 1845 г. означенные, а также товары въ кяхтинскомъ тарифѣ не поименованные[2]) пропускать безпошлинно; а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить вывозъ ревеня, который по кяхтинскому тарифу, сколько мнѣ извѣстно, не находится въ числѣ запрещенныхъ статей. При этомъ замѣчу, что ревень могъ бы въ семипалатинской торговлѣ составить немаловажную статью привоза, по удобству полученія его изъ мѣстъ ближайшихъ.

О цѣнахъ на русскіе товары въ Чугучакѣ и Кульджѣ, съ замѣчаніями на оные китайскихъ купцовъ.

Сукна. Сýкна наши и въ западномъ Китаѣ весьма требуются Но доселѣ въ эту торговлю шли сýкна низкой доброты (отъ 3 до $4^1/_2$ р. ас. аршинъ). Китайскіе купцы весьма бы желали имѣть Мизирицкія наши сýкна. Цвѣтá ихъ должны быть тѣ же, какіе идутъ въ Кяхтинскую торговлю.

---

1) Сравнивъ оную съ пошлиною, взимаемою въ Кяхтѣ.

2) Семипалатинская таможня въ отношеніи къ привознымъ изъ Китая товарамъ руководствуется кяхтинскимъ тарифомъ; но послѣднія въ семъ тарифѣ измѣненія (въ силу высочайшаго указа 20 іюля 1845 г.) на семипалатинскую торговлю не распространены.

Цѣна сукну, (стоящему въ покупкѣ отъ 3 до $4^1/_2$ р., ас.)—4 и $4^1/_2$ дабы за аршинъ въ Чугучакѣ; а въ Кульджѣ обыкновено дается 3 штуки сукна (приведенныя въ мѣру 20 аршинъ, итого 60 арш.)—за одну ямбу, т. е. 380 рублей ассигнаціями [1]).

Драдедамы На нихъ требованіе замѣтно стало въ Чугучакѣ и Кульджѣ увеличиваться съ 1841 года. Драдедамовъ чернаго цвѣта возить не нужно, а только прочихъ извѣстныхъ цвѣтовъ (синяго, голубаго, фіолетоваго, алаго, малиноваго, коричневаго). Драдедамы (въ 3 р. 50 к. ас.) можно сбывать въ Чугучакѣ по $2^1/_2$ и до 3 дабъ за аршинъ; въ Кульджѣ же—$3^1/_2$ куска драдедама (70 арш.) дается за 1 ямбу.

Камлотъ. Его почти вовсе нейдетъ въ нашу торговлю съ западнымъ Китаемъ. Китайскіе купцы мнѣ говорили, что они охотно бы стали раскупать его.

Нанка. Сверхъ обыкновенной нанки, какая идетъ въ эту торговлю, китайскіе купцы просили также поболѣе привозить набивной, или тисненой нанки. За нее обѣщали по 15 дабъ за штуку (при промѣнѣ на китайскій товаръ), тогда какъ за обыкновенную, не тисненую нанку, не даютъ болѣе 11 дабъ за кусокъ. Размѣръ ея долженъ быть такой же, какъ требуемой для нанки, т. е. 40 арш. въ кускѣ. Обыкновенная въ Чугучакѣ цѣна нанки, стоющей въ покупкѣ отъ 30 до 37 к. ас. аршинъ, а кусокъ отъ 12 до 14 р. 80 коп. ас.,—какъ выше сказано, 11 дабъ за кусокъ, а въ Кульджѣ—1 ямба (380 р. ас). за 16 кусковъ.

Плисъ. Плисъ обыкновенно возится черный и весьма низкаго качества, копеекъ 70 ас. аршинъ, и не дороже 90 к. ас.; а продается въ Чугучакѣ, тотъ что въ 70 к. ас., или около того. — по $^1/_2$ дабы за аршинъ; въ Кульджѣ же — по $2^1/_2$ мыскала за аршинъ. Китайскіе купцы просили, кромѣ чернаго плиса, доставлять поболѣе плиса другихъ цвѣтовъ (зеленаго, голубаго, яхонтоваго, малиноваго и проч.). Ширина плиса, по ихъ словамъ, должна быть: цвѣтного — $^3/_4$ аршина, а чернаго — 1 аршинъ. Цѣна цвѣтному плису въ Кульджѣ (тому, который туда возится и который стоитъ не болѣе 1 р. ас. аршинъ)—5 мыскаловъ (2 р. ас.) за аршинъ.

---

[1]) Цѣна въ Чугучакѣ и Кульджѣ сукну и прочимъ нашимъ товарамъ показана здѣсь *промѣнная*, т. е. по чемъ оные при промѣнѣ расцѣниваются и отдаются китайскимъ купцамъ. Расцѣнка эта въ Чугучакѣ производится на дáбы, въ Кульджѣ же на серебро, или на мѣдную китайскую монету. Дáбы въ торговыхъ расчетахъ принимается обыкновенно въ 2 р. ас.; ямбу серебра можно считать въ 380 р. ас.; сáри мѣдью, или ермаками (китайскими чохами)—въ 4 р. ас., а мыскалъ въ 40 к. ас.

Коленкоръ. Его можно возить гораздо болѣе противъ нынѣшней пропорціи, по значительному требованію его къ Кашкарію. Ширина коленкора должна быть—$1^1/_4$ аршина, а длина—15 аршинъ. Цѣна ему въ Чугучакѣ — $4^1/_2$ и 5 дабъ за кусокъ (стоющій въ покупкѣ отъ 6 до 7 р. 50 к. ас.), а въ Кульджѣ — за 40 штукъ коленкора даютъ 1 ямбу.

Миткаль. Это издѣліе, въ сравненіи съ коленкоромъ, слѣдуетъ возить въ меньшемъ количествѣ; такъ по крайней мѣрѣ мнѣ говорили китайскіе купцы.

Ситецъ. Китайцы просили привозить ситца, если можно, лучшаго качества, нежели какой доселѣ шелъ къ нимъ, и особенно лучшихъ цвѣтовъ [1]). Ситецъ впрочемъ, въ сравненіи съ сукномъ, драдедамомъ, нанкою и коленкоромъ, составляютъ уже статью второстепенную. Цѣна въ Чугучакѣ ситцу (стоящему отъ 25 до 30 к. ас. аршинъ, а кусокъ отъ 10 до 12 р. ас.)— 10 и 11 дабъ за кусокъ; а въ Кульджѣ—1 ямба за 17 штукъ.

Платки бумажные. Они привозятся или слишкомъ малаго, или слишкомъ большаго размѣра. Лучшій для нихъ размѣръ $1^1/_2$ арш. длины и столько же ширины. Требованіе на нихъ въ Китаѣ довольно значительно.

Покрывала. Въ слишкомъ большомъ количествѣ ихъ возить не слѣдуетъ, хотя Китайцы довольно цѣнятъ этотъ родъ издѣлія, особенно такъ называемыя кашемировыя покрывала. За нихъ въ Чугучакѣ даютъ $2^1/_2$ дабы за покрывало (стоющее 4 р. ас.), а въ Кульджѣ—1 сари и 5 мыскаловъ (6 р. ас.).

Чешуйка и тикъ. О сихъ издѣліяхъ китайскіе купцы въ Чугучакѣ мнѣ говорили, что оныхъ возить не нужно. Видно, что чешуйка и тикъ въ западномъ Китаѣ вовсе не требуются, а только идутъ во внутреннія провинціи Китая, которыя снабжаются ими чрезъ Кяхту. Въ Кульджѣ, впрочемъ, привезенную для образца чешуйку китайцы (собственно жители Кульджи) довольно охотно раскупали, по цѣнѣ весьма выгодной.

Холстъ. Холстъ нашъ весьма могъ бы идти въ эту торговлю. Образцы холста, купленнаго въ Москвѣ по 30 к. ас. аршинъ, Китайскимъ купцамъ понравились. За подобный холстъ они могутъ дать по 1 дабѣ за 4 аршина (по 50 к. ас. за аршинъ).

Юфтевыя кожи. Цѣны юфтевымъ кожамъ въ Чугучакѣ — $6^1/_2$ дабъ и 7 дабъ за кожу (стоющую въ Семипалатинскѣ 12 р. ас.); а въ Кульджѣ дается 1 ямба за 25 кожъ.

---

[1]) Лучшіе на ихъ вкусъ цвѣта́—тѣ, которые по бѣлому полю.

Сафьяны и козлы. Ихъ нейдетъ въ эту торговлю; но, казалось бы, можно сдѣлать опыты.

Мишура. Цѣна мишурѣ (стоющей въ покупкѣ 98 к. ас. литра): въ Чугучакѣ — $6^1/_2$ дабъ за 10 литръ, а въ Кульджѣ — 4 мыскала за литру. Сбытъ мишуры въ Кульджѣ выгоднѣе и ея болѣе туда требуется.

Позументъ. Позументъ также требуется въ Кульджу, по бóльшей близости Кульджи отъ Кашкаріи, куда преимущественно идетъ нашъ позументъ и мишура. Цѣна оному въ Кульджѣ — 1 мыскалъ (40 к. ас.) за аршинъ (за позументъ, который въ покупкѣ стоитъ 20 к. ас. аршинъ).

Пуговицы мѣдныя. Изъ пуговицъ слѣдуетъ возить болѣе круглыхъ нежели плоскихъ, по бóльшему на нихъ требованію Китайцевъ. Онѣ должны быть бронзовыя желтыя, а не бѣлыя. Плоскія же пуговицы должны быть небольшаго размѣра. Цѣна въ Чугучакѣ пуговицамъ (стоющимъ отъ 2 до 3 р. ас. гротъ, въ коемъ 12 дюжинъ) — 2 дабы за гротъ; а въ Кульджѣ 1 сари за гротъ.

Чайники мѣдные. Они главнѣйше требуются Киргизами; китайскіе же купцы берутъ ихъ въ небольшемъ количествѣ (для Калмыковъ).

Тазы мѣдные. Ихъ много привозится въ Чугучакъ, гдѣ продаютъ по 3 дабы за тазъ, фунта 2, или $2^1/_2$ вѣсомъ. Тазы эти — небольшаго размѣра и довольно тонкіе.

Желѣзо. Желѣзо не въ дѣлѣ мало требуется Китайцами. Въ Кульджу его вовсе нейдетъ, а только небольшая часть въ Чугучакъ (полосовое желѣзо). Оно продается тамъ по 5 дабъ за пудъ.

Желѣзные столы. Это — небольшіе столики, выдѣлываемые, по особымъ образцамъ, изъ листоваго желѣза на Тагильскомъ заводѣ. Ихъ довольно много идетъ въ чугучакскую и кульджинскую торговли. Цѣна въ Кульджѣ подобному столику (стоющему въ Ирбитѣ 12 р. ас.) отъ 7 и до 10 сарей (отъ 28 до 40 р. ас.).

Подносы желѣзные. Тѣ, которые теперь идутъ отъ насъ въ Чугучакъ и Кульджу, также выдѣлываются на Тагильскомъ заводѣ. Ихъ идетъ весьма много, особенно въ Чугучакъ. Покупная цѣна ихъ въ Ирбитѣ — 90 к. ас. за подносъ (въ 8 вершковъ длины, каковаго размѣра наиболѣе требуется); а въ Чугучакѣ они продаются по 8 дабъ за десятокъ. Круглыхъ подносовъ возить не слѣдуетъ.

Замки висячіе. Ихъ въ послѣднее время купцы стали на-

возить въ слишкомъ большомъ количествѣ, и отъ этого сбытъ ихъ сдѣлался не такъ выгоденъ.

Ножи складные и перочинные. Китайцы мало ихъ требуютъ, и статьи эти не могутъ представлять особенныхъ выгодъ. По крайней мѣрѣ въ большомъ количествѣ ножей возить не слѣдуетъ.

Ножницы. О ножницахъ слѣдуетъ сказать то же самое. Если ихъ возить, то лучше среднихъ размѣровъ и маленькія.

Иглы. Ихъ доселѣ мало шло въ Чугучакъ и Кульджу. Китайцы, впрочемъ, охотно ихъ разбираютъ. Но вообще надобно замѣтить, что подобнаго рода издѣлія (иглы, замки, ножи, ножницы, мѣдные чайники, самовары и т. п.) лучше предоставить мелкимъ купцамъ: онѣ затрудняютъ только сбытъ капитальныхъ статей: чтобы продать ихъ съ выгодою, нужно продавать въ розницу и на это потребно не мало времени.

Чугунные котлы. Ихъ въ значительномъ количествѣ доставляется нашими купцами въ Чугучакъ и Кульджу. Они расходятся между Киргизами и Калмыками. Купцы продаютъ ихъ довольно выгодно, при всемъ томъ, что перевозка подобныхъ тяжеловѣсныхъ товаровъ обходится не дешево.

Кромѣ котловъ, изъ подобнаго рода издѣлій привозится не мало тагановъ, чугунныхъ небольшихъ кувшиновъ, капкановъ, и т. п., которые тоже преимущественно продаются Киргизамъ и Калмыкамъ.

Фарфоровая посуда. Съ нѣкотораго времени стало идти отъ насъ довольно много всякаго фарфора въ Чугучакъ и особенно въ Кульджу. Изъ фарфоровой посуды всего болѣе отправляется туда чайныхъ чашекъ, блюдечекъ (которыя продаются отдѣльно) и чайниковъ; а затѣмъ—десертныхъ тарелочекъ и т. п. Тѣ изъ нихъ, которые съ позолотою и особенныхъ формъ, болѣе уважаются. Цѣна въ Кульджѣ чайнымъ чашкамъ (стоющимъ въ покупкѣ 6 р. ас. дюжина)—2 мыскала 6 фынъ (1 р. 4 к. ас.) за пару, т. е. за чашку съ блюдечкомъ.

Стекло и хрусталь. Сихъ издѣлій доселѣ шло весьма мало; но, кажется, можно бы сбывать ихъ съ выгодою. Стѣкла должны быть небольшихъ размѣровъ. Изъ хрустальныхъ же вещей всего лучше привозить небольшіе графинчики, стаканы, рюмочки, цвѣтники и маленькія тарелки. Цѣна въ Кульджѣ стеклу 8-ми-вершковому (весьма плохому)—5 мыскаловъ, т. е. 2 р. ас.

Зеркала. Китайцы просили привозить имъ туалетныхъ зеркалъ въ деревянныхъ оправахъ, изъ краснаго, или другаго дерева, съ выдвижными ящичками. Зеркала эти должны быть небольшихъ размѣровъ.

Заключеніе. И такъ, для развитія нашей торговли съ западнымъ Китаемъ, въ настоящее время, сколько мнѣ кажется, слѣдовало бы:

1) Установить эту торговлю правильнымъ и законнымъ образомъ, по сношенію съ китайскимъ правительствомъ.

2) Болѣе обезопасить караванные пути въ Чугучакъ и Кульджу, и въ этихъ, и другихъ торговыхъ видахъ: а) привлечь киргизовъ, кочующихъ за Тарбагатаемъ въ русское подданство; б) выставить тамъ пикетъ на Урджарѣ, и въ особенности, в) занять пунктъ въ Большой Ордѣ, на рѣкѣ Караталѣ.

3) Сдѣлать опытъ прямыхъ сношеній съ Кашкаріею, отправивъ караванъ изъ Семипалатинска подъ небольшимъ военнымъ прикрытіемъ.

4) Принять болѣе, дѣйствительныя мѣры противъ контрабанды по Симбирской линіи.

5) Сбавить пошлину съ торговаго чая, сравнивъ оную съ кяхтинскою, и

6) Пропускать безпошлинно нѣкоторыя новыя статьи изъ Китая и тѣ товары, которые не поименованы въ тарифѣ.

Вотъ главныя мѣры, которыя, при настоящемъ положеніи нашей торговли съ западными областями Китая, были бы, по моему мнѣнію, необходимы и могли бы всего ближе и вѣрнѣе вести къ желаемой правительствомъ цѣли, и къ разширенію нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ и къ открытію большихъ истоковъ для нашей промышленности.

С.-Петербургъ.
6-го Мая, 1846 года.

Эта Записка, вмѣстѣ съ отзывомъ государственнаго канцлера гр. Нессельрода и министра финансовъ Вронченки, была представлена на благоусмотрѣніе Государя, причемъ ими испрашивалось высочайшее разрѣшеніе на приведеніе къ осуществленію проектовъ Н. И. Любимова. Государь Императоръ на подлинномъ докладѣ написалъ: „исполнить". Вслѣдъ затѣмъ были предприняты мѣры къ организаціи русскаго представительства въ предѣлахъ Илійскаго края, и дальнѣйшая исторія нашихъ отношеній къ западнымъ владѣніямъ Китая получила основаніе изъ поѣздки Н. И. въ Чугучакъ и Кульджу.

Н. Веселовскій.

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ*).

(*Окончаніе* **).

2. Начала пастурели

Тѣ категоріи пастурели, которыя стоятъ внѣ анализованной группы, выясняются въ иной связи. Выдѣляя древнѣйшія французскія пьесы, присоединяя къ нимъ провансальскія „нетипическія" пастурели и классифицируя собранный такимъ путемъ матерьялъ, мы получимъ нѣсколько сюжетныхъ категорій, среди которыхъ нѣкоторыя несомнѣнно искусственны. Прежде всего куртуазные діалоги рыцаря съ пастухомъ[162]). За нѣкоторыми исключеніями[163]) бесѣда идетъ въ предѣлахъ общихъ куртуазныхъ вопросовъ, и мы совершенно забываемъ, что имѣемъ дѣло съ простымъ пастухомъ. Пастухъ держитъ себя съ рыцаремъ какъ съ ровней и иногда даже доминируетъ надъ нимъ въ спорѣ. Провансальская пастурель Gui d'Uisel (можетъ быть навѣянная отчасти французскими образцами)[164]) отражаетъ образно первый моментъ: пастухъ жалуется въ пѣснѣ на измѣнниковъ[165]); увидя подходящаго рыцаря онъ быстро вскакиваетъ и направляется къ нему:

v. 64 ....dieus sal mo senhor,
Qu'er ai trobat ses falsia
Lial amic celador
A cui m'aus clamar d'amor.

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.", вып. III, 1908 г.

162) III 2, 33, 34, затѣмъ III 36, II 54, 55.

163) II 55, ср. начало III 36.

164) L'autrier de just' una via.

165) traidor, ср. III 2, Cadenet.

Въ III 33 пастухъ успокаиваетъ рыцаря:

v. 39 si tost ne vous desesperez,
mais bien et loiaument servez
fine amour;
. . . .
. . . .
nus n'en puet avoir grant joie
s'il n'en sueffre paine[166]).
v. 75 Sire, ci a povre ochoison:
de haut seigneur haut guerredon
s'atendez,
ja certes n'i perderez
en si bon seigneur servir.
Qui bien et loiaument aime,
Sa joie ne doit faillir.

Въ анонимной (fragm.?) II 55 рыцарь завидуетъ пастуху: si bone vie ais enver moi (v. 2). Пастухъ разубѣждаетъ его: и онъ служилъ любви, при всякихъ условіяхъ:

v. 12 non por cant ne m'an vant mie,
mais an chantant m'esbanoi par teil donoi
k'an l'anoi, jus an l'anoi ambrais m'amie[167]).

Терпѣніе проповѣдуетъ и Gui d'Uisel (v. 68 сл., ср. Cadenet), но пастухъ спокойно замѣчаетъ ему:

v. 5 ....mot di gran feunia
Queus faisatz castiador,
Vos que dig avetz man dia
Mal de donas e d'amor,
So don soi en gran error;
E sai que ver dis Maria
Can (ilh) ditz que chantador
Son leugier e camjador.

Г. Парисъ могъ бы вывести эти формы изъ монолога пастуха, какимъ[168]) могла, ввиду II 54 или 21, открываться па-

166) Ср. II 115 fragm?.., ср. III 2, v. 37—45.

167) Къ этому типу пастурели относятся отрыв. II 105—Motet (M, T) 108—Motet (T) и начало II 21.

168) Если пѣсню, которую поетъ пастухъ въ началѣ II 54 и 21 (наоборотъ II 115). считать такимъ монологомъ.

стурель этого типа. Такой монологъ пастушки мы находимъ въ III 38[169]), и въ Сборникѣ Париса (Ch. du XV s.) № I[170]) безъ обычнаго вступленія (пастухъ). Конечно, послѣднихъ данныхъ не достаточно: III 38, по всей вѣроятности, отрывокъ. Искусственнымъ было бы и обобщеніе эпизода II 54, ничѣмъ не поддержаннаго. Наконецъ, отъ такой гипотетической схемы до той, которая лежитъ въ основѣ указанныхъ пьесъ, очень далеко, и снова пришлось бы предположить искусственное внесеніе новаго, не элемента, а параллельнаго мотива. Мы считаемъ всю схему вообще искусственной: обычная формула—вступленіе, за которой слѣдуетъ куртуазный діалогъ, въ извѣстной мѣрѣ, параллель къ схемѣ такой пастурели какъ II 66. Они вполнѣ понятны рядомъ съ пастурелью L'autrier al issid'a d'abriu Маркабрю или пьесой Lo douz chans d'un anzelh Гиральда де Борнель (политическій сирвентесъ-пастурель Паулета Марсельскаго идетъ въ той же колеѣ обобщенія формы). Древнѣйшая французская пьеса этого типа III 2 принадлежитъ, согласно указанію рукописей, Thibaut de Blazon, которому приписывается также нѣсколько провансальскихъ пѣсенъ[171]). Предположить за этими пастурелями какой-нибудь народный прототипъ, изъ котораго бы онѣ вытекали безъ натяжекъ довольно трудно: элементарное débat должно было бы подвергнуться, ввиду антитезы рыцаря и пастуха (не говоря уже о вступленіи), передѣлкѣ по готовому типу, т. е., въ сущности, главную роль игралъ бы послѣдній.

Несомнѣнно народны въ своей основѣ II 24 и 26—первоначально débat, къ которому позже могла быть пріурочена пасторальная обстановка, когда явилось сознаніе особой литературной категоріи—пастурели, или, точнѣе, которое въ извѣстный моментъ оказалось внутри послѣдней.

II 24 v. 1. Quant voi la prime florete
blanchoier aval ces pres
et j'oi chanter l'aluete
au comancemant d'este,
lors oi dous pastoretes
ki s'antremetent d'amer,
de lour loialz amoretes
comancierent a parler.

169) Ср. I 40, 51, 68, 72; I 22, 23, 24, 25, 26; II 90 (O) и 113.
170) Ср. II 104.
171) См. Mahn, Ged., III, стр. 36—37.

Это напоминаетъ начало одной „лѣтней“ пѣсни Нитгарта: [172])

v. 250 Nun ist vil gar zergangen
der winder kalt,
Mit loube wol bevangen
der grüene walt....
Zwô gespilen mære
begunden sagen,
Herzensenede swære
besunder klagen.....

Дѣвушка жалуется своей подругѣ на то, что возлюбленный ея (N. von Riuwental) сталъ ей далекимъ, чужимъ. Собесѣдница старается успокоить ее, совѣтуетъ ей терпѣть, а главное не подавать вида, что она страдаетъ изъ-за любимаго ею человѣка. Передъ нами образецъ той категоріи Sommereien, которую Бѣльшовскій характеризовалъ терминомъ Gespielenlieder [173]). Цитированныя франц. пастурели проще по содержанію въ сравненіи съ указанными нѣмецкими параллелями, но не съ ними одними. Gespielenlieder принадлежатъ къ числу относительно позднихъ работъ Нитгарта. Большая часть ихъ носитъ уже яркій куртуазный отпечатокъ. По поводу заявленія пастушки II 24 о матери, которая

v. 32 s'an voloie faire here,
tost me bateroit mon dos [174]),

припоминается скорѣе нѣмецкая 28, 36 съ ея жалобой Wendelmuot на мать, которая ни за что не хочетъ опустить ее погулять къ подружкамъ и парнямъ; она заперла на ключъ ея праздничное платье. Но въ 28, 36 діалогъ развитъ крайне слабо. Частый поводъ къ бесѣдѣ въ нѣмецкихъ пѣсняхъ—предстоящій праздникъ, плясъ, на который собираются подруги, праздникъ весны или наступающаго лѣта. Мотивъ этотъ отсутствуетъ во французскихъ пастуреляхъ, но обстановка та же и тотъ же параллелизмъ мотивовъ за предѣлами указанныхъ. Въ

[172]) Bartsch-Golther, Deutsche Liederdichter⁴ (Берлинъ, 1901), стр. 145 = Haupt 29, 27.

[173]) 10, 22; 15, 21; 22, 38; 28, 36; 29, 27; 33, 3=6; см. Gesch. d. Dorfpoesie, стр. 104.

[174]) Ср. II 26, v. 15 Ke ferai je lasse toute!
ma marastre me deboute
dist ke j'ai ami.

этой связи уясняются напр. нѣкоторые chansons à personnages, какъ и I 21, 47, 47, 67 и начало 136. Передъ нами несомнѣнно древняя, народная схема весенняго débat, разработаннаго въ различныхъ примѣненіяхъ, но по существу остающагося неизмѣннымъ. Подобные мотивы могли входить въ поэтическій оборотъ различныхъ культурныхъ районовъ внѣ условій заимствованія. Одного факта существованія ихъ во французской поэзіи еще недостаточно для выясненія генезиса нѣмецкой Dorfpoesie; къ тому же какъ разъ соотвѣтствующія пьесы Ниттарта не принадлежатъ къ числу наиболѣе раннихъ. Теперь мы, конечно, далеки отъ точки зрѣнія Ваккернагеля[175]). Отмѣтивъ вліянія французской пастурели на Neifen'а, Winterstetten'а, Steinmar'а, Niunin и Іоанна Брабантскаго, онъ переходитъ къ Ниттарту и указываетъ на постоянную борьбу въ его поэзіи двухъ началъ: куртуазнаго и народнаго. Источникомъ перваго, по мнѣнію Ваккернагеля, и является французская пастурель. Въ своей Исторіи нѣм. литературы онъ значительно измѣнилъ свой прежній взглядъ, ограничившись общимъ указаніемъ на вліяніе пастурели на Ниттарта[176]). Послѣдня была принята Tischer'омъ и расширена Schmolke и R. M. Meyer'омъ. При ближайшемъ анализѣ, однако, 46, 28; 44, 36; 48, 1 и 58, 25 не представляютъ никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о вліяніи, такъ какъ подыскать къ нимъ французскія параллели невозможно[177]). Гораздо показательнѣе общее сходство нѣкоторыхъ французскихъ пьесъ[178]), изображающихъ народныя сценки, пляски, заканчивающіяся подчасъ ссорой, съ нѣкоторыми изъ Winterlieder Ниттарта, какъ напр., 38, 9, или II 90 съ такъ называемой Mädchenlieder[179]), изображающихъ препирательство матери съ дочерью, собирающейся на праздникъ[180]).

C'est la jus c'on dit es pres,
jeu et bal i sont cries;
Enmelos i veut aler,

---

175) Altfranzösische Lieder und Leiche, 1846, стр. 235 сл.
176) Стр. 247.
177) Bielschowsky, o. c., стр. 286—292.
178) II 58, 77; III 21, 22.
179) Изъ „лѣтнихъ“ пѣсенъ; Bielschowsky, o. c., стр. 104. Авторъ (стр. 292) пріурочиваетъ сюда же III 31, въ которой нѣтъ, однако, и слѣда активной роли матери.
180) Ср. Haupt, 3, 21 и II 90.

a sa mere en aquiert gres.
„par dieu, fille, vous n'ires;
trop y a de bachelers“ [181]).

Der meie ist der rîche:
er füeret sicherlîche
den walt an sîner hende....
— Muoter, ich wil seble
mit rîcher schar ze velde
und wil den reien springen....

Къ этимъ даннымъ можно присоединить и упомянутыя нитгартовскія параллели къ французскимъ II 24, 26. Хронологія не мѣшаетъ, ибо она можетъ указывать на болѣе поздній *активный* интересъ къ нимъ, не исключая болѣе ранняго знакомства съ ними и, стало быть, общаго вліянія, увлеченія извѣстной категоріей образовъ. Возраженія Бѣльшовскаго противъ возможности воздѣйствія извнѣ слишкомъ крайни; онъ ищетъ матерьяльныхъ слѣдовъ такого усвоенія, настаивая на оригинальности Нитгарта. Одно не устраняетъ другого. Какъ моментъ въ исторіи развитія нѣмецкой лирики идиллизмъ Нитгарта [182]) отвѣчаетъ вполнѣ французской пастушеской поэзіи, особенно ея позднимъ формамъ, съ которыми она совпадаетъ и хронологически. Вѣроятное пребываніе поэта при дворѣ Людовика Баварскаго (1180—1231), въ годы юности, способствовавшее ознакомленію его съ куртуазной поэзіей современной ему Германіи, могло дать ему случай слышать и нѣкоторыя работы французовъ. Онъ увлекался Морунгеномъ, отклики котораго не разъ можно встрѣтить въ пьесахъ Нитгарта, Рейнмаромъ и Hausen'омъ, [183]); французская пастушеская лирика, фрагменты которой могли проникнуть въ южную Германію, представляла собой крайне интересный контрастъ обычнымъ лирическимъ мотивамъ. Это рѣшило судьбу поэтическихъ симпатій молодого пѣвца. Самостоятельность его устранила естественное при такихъ условіяхъ заимствованіе: при всей куртуазности общаго характера работъ Нитгарта [184]), ранняя его

[181]) Ср. I 89.

[182]) См. Schönbach, Walter von der Vogelweide², (1895), стр. 132—141.

[183]) Veldeke остается подъ сомнѣніемъ; см. Бѣльшовскій, о. с., стр. 118 сл.

[184]) См. K. Marold, Ueber die poetische Verwertung der Natur und ihrer Erscheinungen in den Vagantenliedern und im deutschen Minnesange въ ZsfdPh, XXIII, стр. 21 сл.

лирика несравненно проще и реальнѣе. Большое значеніе должна была имѣть въ этомъ мѣстѣ и отрывочность французскихъ памятниковъ, иначе вліяніе пастурели объявилось бы въ болѣе матерьяльныхъ формахъ. Нѣсколько образцовъ французскихъ или даже латинскихъ (хотя бы подобно пьесамъ С. В. не нѣмецкаго происхожденія) указали путь, хотя онъ былъ подготовленъ уже всѣмъ предшествующимъ развитіемъ лирики въ Германіи. Сентиментально-идиллической деревенской пѣснью увлечется и чуткій Вальтеръ, правда лишь на время и чтобы тѣмъ рѣзче выступить впослѣдствіи противъ новаго увлеченія, это обычное явленіе при столкновеніи двухъ литературныхъ теченій. Близкое знакомство Нитгарта съ жизнью народа и, можетъ быть, издавній интересъ къ ней поддержали общія указанія пастурели. Впрочемъ, вліяніе могло пойти и глубже; отсюда выборъ нѣкоторыхъ сюжетовъ и, возможно, описанія природы, пейзажи, настраивающіе читателя или слушателя зáгодя: R. Meyer считаетъ этотъ элементъ пѣсни Нитгарта нѣмецкимъ [185]). Бѣльшовскій построилъ по поводу нихъ свою фантастическую теорію весенняго гимна, остатки котораго будто бы сохранились въ этихъ Natureingänge [186]).

Если нѣтъ никакого основанія устранять, по крайней мѣрѣ, общее вліяніе пастурели, то пейзажъ могъ быть навѣянъ послѣдней: она дала поводъ развить существующіе уже народно-поэтическіе элементы его [187]).

Къ числу древнихъ французскихъ пастурелей принадлежатъ, между прочимъ, III 37 и III 16, указывающія на существованіе схемы: пастухъ и пастушка, изъ которой Г. Парисъ и выводилъ типическую форму пастурели. Это contrasto или oaristys съ варьирующими подробностями и основной темой, точнѣе любовная сценка въ болѣе широкомъ смыслѣ слова [188]). Огромное большинство ихъ дошло, однако, въ позднихъ спискахъ, что особенно интересно относительно II 47 и 70. Интересъ къ пастурели этого типа развивался, очевидно, въ уровень съ тѣми эстетическими запросами, которые обусловили симпатію къ жан-

---

[185]) Alte deutsche Volksliedchen, въ ZsfdA, XXIX, стр. 192 сл.

[186]) o. c., стр. 13.

[187]) Также Schönbach, Die Anfänge des deutschen Minnesanges. Eine Studie (Graz, 1898), стр. 23.

[188]) Ср. II 47, 70 съ III 24, 46, II 27, III 44 или II 53. Мотивъ II 27 выясняется въ связи съ I 35, 41, 42, 45; II 70 аналогична I 38, 65, тогда какъ II 53 (O), изображающая импровизированный cour d'amour, въ стилѣ Нострадама, несомнѣнно, искусственная композиція.

ровымъ пастурелямъ, рисующимъ забавы, развлеченія и празднества французскаго крестьянства. Психологически она выраженіе сознательнаго идиллизма, объективирующаго въ соотвѣтствующихъ образахъ настроеніе, накопившееся въ предѣлахъ случайной антитезы типической пастурели. Это не исключаетъ древности схемы: пастухъ — пастушка; даже если III 37 или III 16 искусственны, то они опредѣляютъ время ея сознательной литературной оцѣнки. Ясно, что она не могла подсказать „классической“ комбинаціи.

Наиболѣе яркой формой въ этомъ ряду пастурелей является несомнѣнно (объективная по-преимуществу) пастурель—сценка. Къ числу наиболѣе древнихъ принадлежатъ III 15, 21, 29, 30, II 22 и III 22 [189]). Передъ нами новый рядъ пьесъ, иллюстрирующхъ отмѣченное положеніе; все тѣ же пастухи и пастушки въ праздничномъ нарядѣ и уборахъ, на фонѣ возрождающейся весны (по-преимуществу),—знакомые намъ уже образы, которые на рубежѣ XII—XIII вв. увлекали воображенія поэтовъ рядомъ съ куртуазнѣшими образцами рыцарской поэзіи: мѣщанская среда fabliaux интересовала слушателей Тристана и бретонскихъ lais не менѣе. Въ пастурели народная обстановка несравненно болѣе условна, но это лишь первый шагъ въ данномъ направленіи. Припоминаются аналогичные факты, освѣщающіе моментъ: „зимнія“ пѣсни Нитгарта съ ихъ „деревенскими“ мотивами, вставленными въ красивую куртуазную рамку, болѣе грубыми, нежели мотивы „лѣтнихъ“ пѣсенъ, но разрабатывавшимися поэтомъ, главнымъ образомъ, въ ту пору, когда въ поэзію его начали все чаще и чаще проникать куртуазные элементы, когда, очевидно, увлеченіе созданной новой формой остыло и традиція водворилась въ уступленныхъ ей предѣлахъ: положеніе „деревенской“ поэзіи было уже упрочено. Во Франціи описаніе майскаго праздника вносится въ романъ [190]): очевидно мотивы привились. Въ пастурели даннаго типа описаніе такихъ празднествъ или даже крестьянскихъ забавъ вообще занимаютъ центральное положеніе, какое онѣ занимали, вѣроятно, и въ ихъ народномъ прототипѣ; исключать послѣдній, какъ это дѣлаетъ, напр., Аничковъ [191]) и можетъ

[189]) Затѣмъ идутъ II 30, 36, 41; II 58, 73 и 77; III 27, 41. У Е. В. Аничкова. о. с., стр. 268 ошибочно отнесена къ этой группѣ III 28; ошибочно въ обратномъ смыслѣ (стр. 277), III 16, 33 и 34.

[190]) Guillaume de Dôle, изд. Servois, vv. 4142—4178; Flamenca, изд. P. Meyer'а, стр. 97, vv. 3239—3243.

быть, если я вѣрно понялъ его, Жанруà [192]), едва есть основаніе, имѣя ввиду, что, напр., описанія хоровода или параллели въ первой группѣ (по Бѣльшовскому) „зимнихъ“ пѣсенъ Нитгарта легко отыскать среди великорусскихъ пѣсенъ. Конечно они должны были подвергнуться коренной переработкѣ.

Знакомый намъ мотивъ любовной авантюры вплетенъ въ II 22, II 58, III 29 и III 41. Если моментъ праздника не намѣченъ непосредственно (прямое указаніе въ III 29 и 41), то о немъ позволяютъ догадываться нѣкоторыя подробности [193]). Такъ или иначе поводъ къ веселью ясенъ:

III 41, v. 1 L'autrier . . . .
. . . .
. . vi par bone aventure
pastoureaus en une plaine,
ki aloient devisant
une feste et pourparlant,
k'il feront le jour de may...

Въ III 29 поэтъ разсказываетъ намъ о своей встрѣчѣ съ двумя дѣвушками, которыя, съ пѣснями, несли массу цвѣтовъ, срѣзаннаго шпажника (glai) и зеленыя вѣтви (mai). Пока онъ бесѣдовалъ съ ними, съ другой стороны къ нимъ подошла цѣлая толпа молодежи

v. 27 un grant tropiau de gent
flahutant,
de foille et de mai chargie.

Передъ нами живо набросанная картинка приготовленій къ майскому празднику. Объ этомъ праздникѣ говорятъ и нѣкоторыя подробности III 22 (v. 23—29), принадлежащей къ другому ряду пастурелей (=веселье и ссора: II 77 и III 21, 22, 30), рисующей пляску вокругъ вяза [194]).

v. 48 Godefrois molt se desroie,
saut et tresche et maine bel
le tresche entor un oumel
ou plus ot de gent assis.

---

[191]) o. c., стр. 274.
[192]) Les origines, стр. 41.
[193]) II 22, vv. 14—20 или II 58, vv. 34 сл.
[194]) Ср. II 58, v. 34 сл.

Въ III 21, примыкающей къ содержанію къ II 77, поэтъ передаетъ намъ бесѣду пастуховъ, договаривающихъ объ устройствѣ предстоящаго празднества, окончившагося, какъ мы знаемъ, крупной ссорой:

v. 6 entr'aus dient k'apres mangier
iert la feste criee....

II 77 совпадаетъ со второй половиной III 21 (со стиха 40 вступленія нѣтъ, но рѣчь идетъ о такомъ же праздникѣ (v. 28).—) Въ III 27 (третья группа: веселье, III 27, II 30. 36, 73) участники веселья, еще не успѣвшаго отойти, договариваются уже о томъ, чтобы устроить въ ближайшемъ будущемъ новый праздникъ; — взявшись за руки они водятъ хороводъ по свѣжей весенней травѣ, у каждаго на головѣ вѣнокъ, сплетеный изъ хвоща (v. 34 — 37). Гораздо менѣе опредѣленна обстановка II 30 и 36, изображающихъ болѣе сложныя игры собравшихся пастуховъ и пастушекъ.—Особнякомъ стоитъ III 30— описаніе осенняго праздника уборки хлѣба:

v. 1 Quant ces moissons sont faillies
ke pastoriaus font rosties,
baisseles sont revesties....

На широкомъ лугу собираются крестьяне изъ окрестныхъ мѣстъ (Avaines — v. 14, Oignies — v. 27, Feuchiere — v. 6, Aties—v. 6).

. . . .

v. 15 vinrent a grans gens rengies,
en unes grans praieries,
en loges et en foillies,
chascuns kerola....

Участники торжества пріодѣты по-праздничному, съ вѣнками на головѣ; парни пляшутъ, взявъ за руку своихъ подругъ подъ нехитрую музыку усердствующаго Guios, безъ котораго не обходится не одно веселье [195]).

Сопровождавшія его зачастую игры были или гимнастическими или же плясовыми и драматическими; коротенькая сценка, нѣмая или съ элементарнымъ импровизованнымъ текстомъ. Одинъ

[195]) Ср. II 22, 58, 77, III 21, 22; у Аничкова, стр. 274, ошибочно также II 30 и 41.

изъ участниковъ майскаго праздника въ III 41 собирается прыгать, завязавъ ноги въ мѣшокъ:

v. 27 g'irai en un sach tumant,

между тѣмъ какъ товарищъ его намѣренъ изображать сержанта:

v. 12 Herbers dist k'envoiseure
fera ki pas n'iert vilaine,
cote, mantel a parture
de burghie a tiretaine;
pour miex sanler preu sergant
portera un grant perchant
en ses deus mains u un rai,
ke cil ne voisent grouchant
ki orront le virelai...

Такія фигуры могли импровизоваться тутъ же. Нѣкоторыя однако могли быть и традиціонными. Рядомъ съ неяснымъ нѣмымъ, толстякомъ [196]), обжорой [197]), сторожемъ [198]), паломникомъ [199]), въ которыхъ Е. В. Аничковъ (кромѣ, впрочемъ, паломника) нѣсколько произвольно видитъ фигуры, продѣлывавшія одни только смѣшныя тѣлодвиженія и выкрики [200]), стоитъ король, о которомъ упоминаютъ двѣ пьесы. Загадочной остается фигура ronbardel'я [201]); болѣе опредѣленныя указанія III 21 характеризуютъ этотъ терминъ какъ обозначеніе какой-то музыкальной пьесы, сущность которой, однако, изъ контекста не выясняется: Gui долженъ исполнить ронбардель на своей muse au grant forrel (v. 10). Въ слѣдующей строфѣ онъ хвастаетъ тѣмъ, что никто во всей округѣ лучше его не можетъ исполнить такой пьесы:

v. 21 nus miex de la contree
de moi ne fet le rabardel;
bien sai noter au chalemel
et tote la maistrie......

---

[196]) II 41.
[197]) II 22, III 21.
[198]) II 30.
[199]) II 41.
[200]) o. c., стр. 269.
[201]) rabardel—II 58, III 21, 30; roubardel—II 30.

Король фигурируетъ въ коротенькомъ фрагментѣ III 15 и въ II 41; Г. Парисъ ошибочно отнесъ къ этой группѣ и II 36 [202]). „Un roi nouveau" очевидно ошибочная интерпретація ст. 25: an pur lou chief, noviaul reis. Пьеса взята изъ O. Риѳмы trois: drois, afubles: takines: res II 30, наконецъ ст. 15-ый II 36, отвѣчающій ст. 25:

ou bouchet novial coupet

указываютъ на reis=rasus (см. ibd., v. 5—6:—leis: deleis, v. 15—16:—coupet: antracoleit):

v. 23 lors vi ferir dou tabour
Garnot antor piet,
an pur lou chief, nouvial reis;

остается рѣшить вопросъ относится ли nouvial reis къ chief или къ Garnot [203]), т. е. идетъ ли рѣчь о головѣ или лицѣ [204]). Вмѣсто antor piet лучше читать au torpiet=Garnot tortipes.— III 15 изображаетъ только начало сценки:

v. 1 L'autrier . . . .
. . . .
. . trovai une assemblee
de pastoriaus en uns pres:
lor rois estoit acesmes
d'une cotele coee,
blans gans ot, verge pelee,
sot visage avoit asses,
bien sembloit li mains senes.

II 41 остается, такимъ образомъ, единственной пьесой, сообщающей намъ болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія о забавѣ этого рода:

v. 1 A lai follie a Donmartin
a l'entree dous tens novel
s'assamblerent par un matin
pastorelles et pastorel:
roi ont fait dou plus bel.
mantel ot de kamelin

202) Les origines въ Journ. des Savants, 1891, стр. 733, примѣчаніе.
203) =Tête nue et frais rasé или tête nue, rasée de frais.
204) Ср. II 30, v. 17.

et kote de burel
s'ont museour mande.
et Thieris son bordon
a destoupe,
ke disoit bon bon . . . .
. . . .

Le roi ont mis sor un cussin.
si l'asirent an un praiel,
puis si demanderent le vin.

Начинается потѣха. Готьѐ изображаетъ нѣмого, Жакэ—паломника, Ги—roubardel'я, Бодуэнъ—толстяка, Тьерри попрежнему подыгрываетъ на своей волынкѣ. Король, блюдующій порядокъ на праздникѣ, клянется св. Мартиномъ, что всякій, кто осмѣлится нарушить его, немедленно будетъ брошенъ въ ручей[205]). Между тѣмъ является Gauterel, нагруженный пирогомъ, por les compaignons diner—и этой перспективой пирушки заканчивается пастурель. Данныхъ для коментарія къ ней мало. Общій характеръ пастурелей-сценокъ и вступленіе II 41 даетъ поводъ вспоминать о comes vernalis, c. floralis, майской королевѣ[206]), la reine de mai[207]), sposa di maggio[208]), знакомыхъ Португаліи и Провансу maio и maia[209]), которые стоятъ во главѣ молодежи, напоминающей guillonées, trimousettes, trimazos[210]), совершающихъ весенній обходъ съ цѣлью поздравленія, произнесенія пожеланія всего лучшаго, на что̀ привѣтствуемые отвѣчаютъ подарками въ видѣ гостинца или денегъ[211]). Если такъ, то мы ждали бы въ нашихъ пастуреляхъ иныхъ подробностей, во всякомъ случаѣ, изображенія именно этого характернаго для короля эпизода весенней обрядности. II 41 напоминаетъ скорѣе о выборахъ майскаго графа, торжественной весенней церемоніи[212]), какая сохранялась долго въ городахъ сѣв. Германіи и нашихъ Балтійскихъ провинцій, усвоившихъ

205) Ср. акад. Веселовскій, Вилла Альберти, стр. 146.

206) Болонская—*contessa*; см. L. Frati, La vita privata di Bologna dal secolo XIII al XVII (Болонья, 1900), стр. 143.

207) = la mariée; см. Smith, въ Romania, II, стр. 62.

208) Ср. нашу игру въ короля, Чубинскій, o. c., III, стр. 42 и сл. A. Mommsen, Die Feste der Stadt Athen, 1898, стр. 392 сл.

209) Romania, VI, стр. 52, 67. См. Аничковъ, o. c., I, стр. 168 сл.

210) Tiersot, o. s., стр. 191 сл.

211) Славянскія и другія параллели у Аничкова, o. c., стр. 194 сл.

212) См. E. Pabst, Der Maigraf und seine Feste. Ревель, 1864.

ее отъ феодальнаго дворянства со всѣми деталями и мелочами, указывающими на куртуазное происхожденіе обряда. Майскій рафъ выбирался на годъ, при извѣстной обстановкѣ, послѣ чего онъ торжественно въѣзжалъ въ городъ, гдѣ организовались затѣмъ новыя процессіи, пиры, предсѣдатель которыхъ comes напомнаетъ флорентійскаго signor dell'amore[213]). Въ этой связи мы склонны толковать II 41 (и III 15) съ ихъ королемъ и пастухами, имитировавшими обычаи, которые они, конечно, не разъ имѣли случай наблюдать въ иной общественной средѣ. Bédier[214]) видѣлъ въ нашихъ пастуреляхъ отголосокъ ludus de rege et regina, и въ королѣ—roi qui ne ment—родъ салонной игры, состоявшей въ чередованіи предлагаемыхъ королевой вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ присутствующихъ, которую имѣетъ въ виду Jean de Condé въ своемъ fabliau — Le sentier battu, игры, которая была запрещена клерикамъ постановленіемъ Уорчестерскаго синода 1240 г. О ней вспоминаетъ и Huars въ отвѣтъ на предложеніе Marion въ пасторальной драмѣ Adam de la Hale[215]).

v. 441 M. Or pourpensons un ju,
H. Veus tu as roi et as roïnes.

Сопоставленіе Бедьѐ не поддерживается данными французкихъ текстовъ, но несомнѣнно, что roi a la follie de Dammartin нѣчто большее, чѣмъ „un président qui doit diriger la fête et y maintenir l'ordre", какъ полагаетъ Ланглуà[216]).

Итакъ, резюмируя вышеизложенныя соображенія, исходной точкой развитія анализируемей поэтической формой мы считаемъ обрядовую первоначально схему, лежащую въ основѣ такъ называемой типической пастурели. Подобная пѣсня съ ея символической пастушкой могла съ полнымъ правомъ быть охарактеризована терминомъ—pastoreta,—la, pastorele, не непремѣнно пѣсня о пастушкѣ, какъ объясняетъ его Г. Парисъ, т. е. монологъ женщины, подобно chanson dramatique, или женская пастушеская пѣсенка, опять-таки монологъ, какъ думаетъ Pillet[217]), коротенькая пьеска вродѣ тѣхъ пѣсенокъ, чтò поетъ дѣвушка въ

213) Frati, o. c., стр. 143.
214) Revue des deux Mondes, 15 іюня 1890 г.
215) По изд. E. Langlois, 1896.
216) o. c., стр. 141—142.
217) o. c., стр. 46—47.

большинствѣ анонимныхъ пастурелей и многихъ пьесахъ 3-е части сборника Барча[218]). Такія древнѣйшія элементарныя пастурели называются въ текстахъ различно: son (novel) II 20, III 18, 29, 51; son d'amor II 18, III 42, chanson II 10, 38, 43, 71, III 28, 35, 51, chansonete III 2, 42, 45, motet II 56, dorenlot II 12, 77, III 47. Одинъ только разъ (у Richard de Semilli) pastorele (III 11):

v. 32 . . . . . por meus noter
ceste pastorele
'va li dureaus
li dureaus lairele'.

Въ ряду другихъ приводимыхъ терминовъ этотъ pastorele теряетъ всякое реальное значеніе. Но если именно таковъ смыслъ термина, то онъ противорѣчитъ семасіологическимъ соображеніямъ Париса и Pillet'а и, наоборотъ, вполнѣ мирится съ нашимъ предположеніемъ. Обыкновенно сообщается лишь нѣсколько стиховъ изъ такихъ pastoreles, въ большинствѣ случаевъ въ концѣ первой строфы (рѣдко внутри строфы, ср. II 40, или какъ внутренній refrain II 12, III 40, 49); иногда обрывки эти совпадаютъ съ послѣдними стихами строфы (II 23, III 3, 51, II 7) или тождественны съ припѣвомъ, повторяющимся въ концѣ каждой строфы неизмѣнно (II 1, 5, 8, 10, 32, 37, 39, 43, 45, 46, 48—53, 56, 58, 63—65, 74, 77; III 23, 26, 25, 29, 47) или же чередуются съ другими рефренами (II 3, 11, 27, 34, 38, 42, 71; III 6, 28, 35, 42, 45). Такіе припѣвы—пастурели несомнѣнно обычнаго куртуазнаго характера[219]), тѣмъ не менѣе Pillet (какъ и Жанруà, ср. его теорію припѣва въ Les Origines) склоненъ видѣть въ нихъ отрывки пастурели народнаго типа, откуда впослѣдствіи и обобщился терминъ[220]).

Предположенная нами основная схема держалась обрядовыми отношеніями. Ее попытались разработать, сохраняя исконную форму, но внося новые элементы содержанія (ср. провансальскую пастурель).

Такимъ образомъ постепенно слагалось представленіе особой политической категоріи—пастурели. Понятая въ новомъ освѣщеніи, основная антитеза, случайная, не главная черта привела къ пастораливаціи частью искусственныхъ, частью готовыхъ мотивовъ, или къ литературной обработкѣ уже существующихъ

[218]) III 40, 3, 29, 49, 45, 26, 42, 23, 6, 28, 35, 47. Въ нѣкоторыхъ пастуреляхъ мотивъ этотъ перенесенъ на пастуха, см. II 30, 36, 54, 77, III 20, 46.

[219]) Ср. Г. Парисъ, въ Journ. des Sav., 1892 г., стр. 423, примѣч. 4.

[220]) o. c., стр. 47.

пастушескихъ образовъ. Жанровая пастурель можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ древней, какъ предполагалъ, возражая Жанруà Г. Парисъ [221]); но правъ конечно и Жанруà, который видѣлъ въ ней позднее литературное явленіе [222]). Въ XIII в. вошло въ моду, по почину автора Guillaume de Dôle (изд. G. Servois, SAT, 1893), вставлять полународные лирическіе куплеты въ текстъ романовъ. Jacquemard Gelée воспользовался этимъ пріемомъ въ своемъ Renard le Nouveau и Adam de la Hale руководился въ своемъ Robin et Marion тѣми же эстетическими соображеніями.

Формальную организацію древнѣйшей пастурели мы склонны представлять себѣ въ связи съ Jeu de Robin et Marion [223]). Pillet считаетъ Jeu поздней и личной обработкой пастурели [224]), но по этому поводу возникаетъ вопросъ объ источникахъ его формы; передъ нами обычные мотивы пастурели: рыцарь встрѣчаетъ на охотѣ пастушку Маріонъ, завязываетъ съ ней бесѣду, оканчивающуюся съ его стороны предложеніемъ любви. Но Маріонъ любитъ своего Робена, котораго она предпочитаетъ всѣмъ рыцарямъ въ мірѣ; въ концѣ концовъ ей удается устранить неожиданнаго поклонника, который и оставляетъ ее. Является Робенъ; Маріонъ разсказываетъ ему обо всемъ происшедшемъ. Послѣ обѣда Робенъ отправляется въ сосѣднюю деревню для того, чтобы позвать нѣсколькихъ своихъ друзей и устроить сообща праздникъ. Во время его отсутствія, является рыцарь; снова повторяется первая половина пьесы. Маріонъ успѣшно отражаетъ нападеніе и рыцарь, разсерженный неудачей, раздраженный, вымѣщаетъ свое недовольство на спинѣ несчастнаго Робена, подоспѣвшаго къ развязкѣ;—только присутствіе любимой дѣвушки заставляетъ его забыть о непріятномъ приключеніи. День кончается картиной пирушки и развлеченій, устраиваемыхъ пастухами, напоминающихъ намъ сценки нѣкоторыхъ пастурелей. Но по поводу содержанія граціозной „пасторальной комедіи“ Адама, кàкъ ее назвали бы въ XVII в., намъ припоминается интересное указаніе уже упомянутаго романа Guillaume de Dôle:

v. 546—549 Que de Robin que d'Aaliz
Tant ont chante que jusqu'az liz
Ont fetes durer les caroles.

[221]) Journ. des Sav., 1891 г., стр. 734.

[222]) Ср. Pillet, o. c., стр. 47—48; Аничковъ, Очеркъ литерат. исторіи Арраса въ ср. в., стр. 273 сл., особ. 275.

[223]) Ср. Г. Парисъ, J. des Sav., 1891 г., стр. 741.

[224]) o. c., стр. 48—49; также Ланглуà въ предисл. къ изданію, стр. 20 сл.

Пѣсни объ Аэлисъ[225]) и Робенѣ пѣлись въ хороводѣ, стало быть онѣ могли и разыгрываться, если не теперь, то въ болѣе раннюю пору: различіе, которое дѣлаетъ Pillet между Spiel—и Tanzlied, какой онъ считаетъп рототипъ пастурели (стр. 52—53), искусственно, ибо подъ терминомъ игры разумѣется, какъ скрытая посылка, нѣчто вродѣ игры Адама. Съ точки зрѣнія живыхъ народнопѣсенныхъ отношеній, болѣе ярко отражающихъ въ себѣ древній складъ пѣсни-игры, вопросъ рѣшается гораздо проще и естественнѣе.

„Типическая“ и, по нашему мнѣнію, древнѣйшая литературная форма пастурели хорошо знакома, какъ мы видѣли, и южной Франціи. По этому поводу естественно было поднять вопросъ о томъ, гдѣ она зародилась впервые; ему посвящена довольно обширная литература, главнѣйшіе результаты которой разобраны обстоятельно Жанруà въ его Origines стр. 25 сл.[226]).

На основаніи близости провансальской и французской пастурели можно, конечно, сдѣлать только тотъ выводъ, что подобная литературная форма могла развиться лишь однажды. Это не исключаетъ существованія предположеннаго нами прототипа пастурели независимо на Сѣверѣ и Югѣ Франціи. Хронологиче-

[225]) См. Г. Парисъ въ Mélanges Wahlund, Парижъ, 1899, стр. 1 сл.

[226]) Послѣ Raynouard'а, высказавшагося за Югъ (см. Choix, II 229), и неясныхъ замѣчаній Poesie d. Troub., стр. 251 и Leb. und Werke стр. 613, Дицъ говоритъ о немъ нѣсколько опредѣленнѣе во французскомъ переводѣ послѣдней работы, сдѣланномъ барономъ F. de Roisin, Paris et Lille 1845, стр. 246: Ce jugement (о зависимости франц. поэзіи отъ провансальской) ne s'applique qu'à la haute poésie, c'est-à-dire à la chanson et au serventois, ar les trouvères ont cultivé avec succès une autre spécialité, genre apparenté sans nul doute à la chanson populaire, ordinairement pourvu du refrain, accusant l'empreinte nationale, et il faut le dire, attrayant de grâces et de naïveté. Nous voulons parler des romances, des pastourelles et d'autres compositions énarrant d'amoureuses aventures. Въ этомъ отношеніи къ нему примкнулъ Wackernagel, Afr. L. u. L., Базель, 1846, стр. 183, впослѣдствіи Brakelmann, Jahrbuch. IX, 1868, стр. 155 сл. и 307 сл. въ статьѣ Die Pastourelle in der nord-und südfranzösischen Poesie. Ein Beitrag zur französischen Litteraturgeschichte des Ma nebst einem Anhang ungedrückter Pastorellen, по поводу книжки E. Baret, Les troubadours et leur influence sur la littérature du midi de l'Europe, Paris 1867 (авторъ высказывается въ пользу Юга, p. 257—274. Разрушающая рецензія P. Meyer'а въ Rev. crit. 1867 № 11). Дицу возражалъ не формулируя, однако, своихъ личныхъ воззрѣній, Барчъ, Grundriss, стр. 36, примѣч. 17, затѣмъ Suchier въ Jahrbuch, N. F., II, 159. Югъ считаетъ исходной точкой развитія и Azaïs въ Troub. de Béziers. Неясно положеніе Carducci, Studi letterari, стр. 394.

скія и историческія данныя на сторонѣ Прованса, древнѣйшаго очага зап.-европейской куртуазной лирики. Общія соображенія находятъ поддержку въ мѣстныхъ указаніяхъ, несомнѣнно традиціонныхъ. Біографъ Серкальмона говоритъ о немъ [227]): C. si fos uns joglars de Gascoigna e trobet vers e pastoretas a la usanza antiga; слѣдовательно пастурель существовала на Югѣ уже въ самомъ началѣ XII в., такъ какъ одну изъ пьесъ поэта можно съ полнымъ основаніемъ датировать, какъ показалъ Райна, 1137 г. [228]). Каковы были эти пастурели Серкальмона? Pillet (p. 24) видитъ въ выраженіи a la usanza antiga указаніе только на форму. Въ немъ можно, при желаніи, какъ это дѣлаетъ и Pillet, вычитать также оттѣнокъ отрицательной оцѣнки, такъ какъ, по мнѣнію біографа XIII в., истинная поэзія начинается только съ Peire d'Alvernha (p. 260, ср. отзывы его о Маркабрюнѣ, Peire de Valeira, Jaufre Rudel); но почему относить старомодность на счетъ одной только формы? Скорѣе біографъ имѣлъ въ виду общій складъ старой пастурели. Можетъ быть эти старомодныя пьесы стояли какъ разъ ближе къ предположенному нами ихъ оригиналу? Пастурель, однако, никогда, повидимому, не пользовалась особой популярностью на Югѣ; когда время ея на Сѣверѣ пришло, то Раймонъ Видаль (de Besaudun [229]), обобщая свои историко-литературныя наблюденія, имѣлъ полное основаніе сказать: la parladura francesca val mais e es plus avinenz a far romanz e pasturellas [230]), mas cela de Lemozin val mais per far vers, cansos e sirventes [231]). Это подтверждается и разъясненіями Leys (т. II, p. 392), которыя, несомнѣнно имѣютъ въ виду цитированныя слова Видаля: Si be dizon alqu, que la parladura franceza val mays e es plus apta a retroenchas e pastorelas que no es la nostra lenga ne aquel de Lemozi. Dizon encara mays, que la parladura de Lemozi e la nostra val mays a chansos, sirventes e a partimens ques autra parladura, laqual cauza nos no aproam, quar huey uza hom de totz aquestz dictatz en nostre lengatge. E cil, qui dizian e pauzavan dicha opinio, se movian per doas cauzas: la una, quar en lor temps en lo nostre len-

---

227) Біогр. по изд. C. Chabaneau, Les vies des troub., Тулуза, 1885= Hist. gén. de Languedoc., стр. 216.

228) См. Жанруа въ Ro., XIX, стр. 394.

229) Первая треть XIII в.

230) Ср. pastoreta въ біогр. Если этотъ терминъ исконный провансальскій, то, можетъ быть, pastorela—результатъ вліянія сѣв. терминологіи, пришедшей вмѣстѣ съ вліяніями формъ. Такъ Г. Парисъ, Journal des Savants, 1891, стр. 739.

231) Las razos de trobar, изд. Guessard², 1858, стр. 71.

gatge no uzavan gayre de retroenchas ni redondels si no en lengatge frances, jaciayssoque aguessem pastorelas; le segonda per lo so, quar li frances han so mays prest e aparelhat a retroenchas e a redondels e a pastorelas que nos no havem.— Сдѣлать послѣ этого изъ приведеннаго пассажа Видаля какіе-нибудь выводы въ пользу сѣвернаго происхожденія пастурели, какъ это дѣлаетъ Бракельманъ [232]), нѣтъ никакого основанія. Остальныя части аргументаціи Бракельмана крайне слабы или искусственно скомпанованы [233]).

Большаго интереса заслуживаетъ точка зрѣнія O. Schultz'a [234]), который предполагаетъ, что пастурель одинаково древня и на Сѣверѣ и на Югѣ, гдѣ она рано стушевалась, обновившись только въ XIII в. (нач.) подъ вліяніемъ пастурели французской. Жанруà обрушился на статью Шульца, короткую и, потому, нѣсколько неясную [235]). Намѣтивъ рѣшеніе вопроса Шульцъ совсѣмъ не попытался выяснить генезисъ пастурели тутъ и тамъ; если такъ, то какимъ образомъ оказалось возможнымъ самозарожденіе столь своеобразной формы въ различныхъ районахъ Франціи? Жанруà сталъ на сторону южной гипотезы. Колебанія Шульца привели Г. Париса къ предположенію, что не только пастурель, они вся средневѣковая лирика Франціи зародилось dans une région intermédiaire, le Poitou, la Marche, le Limousin [236]).

Въ сущности, это та же южная гипотеза, только формулированная болѣе точно и опредѣленно: исходная точка литературнаго развитія Прованса становится географически осязательнѣе; въ смыслѣ отчетливости выигрываютъ и наши представленія о литературной связи Сѣвера и Юга. Въ культурномъ отношеніи эта région intermédiaire несомнѣнно примыкаетъ къ Югу: древнѣйшіе трубадуры Серкальмонъ и Маркабрюнъ, Вильгельмъ,

[232]) o. c., стр. 171.

[233]) Такъ ссылка на тенсону Серкальмона: Car vei fenir, см. Jahrb., I, 97, которая заставляетъ будто бы заподозрѣть точность показаній біографіи поэта, стр. 168: Guilhalmi, ben pauc vos costa
Lo mieus ostals del castel, ср.
C. si fos uns joglars de Gascongna.... E cerquet tot lo mon lai on poc anar... и, по поводу Маркабрюна ученика C.: Apres estet tan ab un trobador que avia nom C., q'el comenset a trobar. Спеціально о теоріи Бракельмана см. Jeanroy, p. 25—27.

[234]) ZsfrPh, VIII, стр. 106 сл.

[235]) стр. 27—30.

[236]) Journal des Savants, 1891 г., стр. 741. Точка зрѣнія эта принята Жанруà въ его статьѣ Chansons y Petit de Jullevile, Hist. de la langue et la litt. fr. и Pillet'омъ, o. c, стр. 55—56.

графъ Пуату̀, принадлежатъ южному району Франціи [237]), литературное значеніе котораго запечатлѣно преданіемъ въ выраженіи lenga de Lemosi, llemosi, употребляемомъ каталанцами для обозначенія своего языка [238]), и звуковой окраскѣ такихъ терминовъ любовнаго искуства южанъ какъ joi d'amor [239]).

Болѣе поздніе факты, на которые указываетъ въ своей работѣ Г. Парисъ, какъ напр., отношенія Гя d'Uisel или Каденета къ сеньёрамъ Пуату̀ и Лимузина, литературная дѣятельность Гуго X de Lusignan, Thibaut de Blazon, могутъ служить иллюстраціями къ болѣе древнему, возстановляемому процессу литературнаго общенія.

Этимъ путемъ выясняется и характеръ сѣверо-французской пастурели, выдѣляющейся, рядомъ съ провансальской пастушеской пѣснью, своей большей простотой и естественностью, которыя подали поводъ Knobloch'у [240]), исходя, очевидно, изъ южныхъ образцовъ (формальная симметрія элементовъ діалога), сдѣлать изъ пастурели особую форму экзотической тенсоны. Французскіе труверы сохранили въ своихъ пастуреляхъ ихъ старый укладъ, который подвергся на Югѣ куртуазной переработкѣ.

Другое дѣло „нетипическая“ форма пастурели (за вычетомъ куртуазнаго діалога рыцаря съ пастушкой и пастухомъ, который мы встрѣчаемъ на Югѣ, и который, былъ, вѣроятно, занесенъ оттуда во французскую лирику),—она чисто сѣверный продуктъ, поздній сравнительно, и потому вполнѣ понятный. Жанруа̀ [241]) считаетъ эту разновидность пастурели созданіемъ пикардскихъ лириковъ. На Сѣверѣ она дѣйствительно пользовалась особой популярностью, но значительная доля дошедшаго до насъ пасторальнаго матеріала извѣстна намъ именно изъ пикардскихъ списковъ; заключеніе не мыслимо ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, такъ какъ для того, чтобы показать мѣщанское происхожденіе пастурели en question, нужно имѣть подъ руками несравненно больше фактовъ до-боделевскаго (Бодель ум. 1210 г.) періода [242]).

В. Шишмаревъ.

---

237) См. Шабано̀, Rdlr., XV, стр. 157.

238) См. P. Meyer, La langue romane du Midi de la France et ses différents noms въ Ann. du Midi, nº I.

239) Settegast, Ueber joi in der Sprache der Troubadours 1889.

240) Die Streitgedichte im prov. und altfranz., Diss. Breslau, 1886.

241) o. c., стр. 44; за нимъ Аничковъ, Очеркъ лит. ист. Арр. стр 267.

242) Ср. Г. Парисъ, Journal des Savants, 1891 г., стр. 734.

ОТДѢЛЪ II.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ И ПѢСНИ ВЪ Г. СТАРОДУБѢ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Окончаніе).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе первое.

(Выходитъ царь Максимиліанъ въ царскомъ одѣяніи съ золотой короной ан головѣ. Возлѣ него два тѣлохранителя).

Царь. Здравствуйте, господа!
Не видали вы меня никогда,
Я прибылъ изъ Англіи сюда.
За кого вы меня почтите: (почитаете)
За царя русскаго,
Или за короля прусскаго?
Я не есть царь русскій,
Ни король прусскій,
Я есть царь Максимиліанъ.
Хотя я роста малаго, но я силенъ и храбръ...
На воды лягу—воды кипятъ,
На горы стану—горы шумятъ,
Къ облакамъ коснусь—облака упадаютъ,
А мелкія башни за облака летаютъ...
Но для кого сей тронъ сооруженъ,
Когда не для меня, царя Максимиліана?
Сяду на немъ, воцарюсь,
Возьму въ руки скипетръ и державу,
Возложу корону на царскую гла́ву.

Явленіе второе.

Венера. Хожу, брожу по чистому полю, по широкому раздолью
Ищу встрѣчнаго-поперечнаго, царя Максимиліана,
Я бъ его срубила, сказнила; мой мечъ обагрила бы его кровью.

Царь. Ахъ ты, дерзкая Венера, зачѣмъ ты въ мое царство залетѣла?

(Венера падаетъ передъ нимъ на колѣни, царь ее поднимаетъ и уговариваетъ быть его женой; наконецъ, садитъ ее съ собой рядомъ).

Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель лѣвый. Скороходъ фитьмаршъ! Явись передъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. На что такъ скоро призываешь?
Или повелѣть что желаешь?
Или куда хочешь послать, или что сказать—
Все для тебя готовъ исполнять.

Царь. Иди, приведи попа Клинцовскаго разстригу.

Скороходъ. Пойду и приведу попа Клинцовскаго разстригу. (приводитъ попа).

Явленіе третье.

(Тѣ же, попъ и пономарь).

Попъ. На что царь меня позвалъ?

Царь. Да вотъ хочу вступить въ бракъ законный и хочу, чтобъ ты насъ обвѣнчалъ.

Попъ. Хорошо, да я же не одинъ, а у меня есть пономарь Марко.

Царь. Зови пономаря.

Попъ. Марко, а Марко!

Марко. Ну, чаго ты тамъ!

Попъ. Иди скорѣй сюда. (Входитъ Марко пьяный).
Ну, бачишь, этихъ нужно обвѣнчать.

Марко. Ну, такъ что жъ, вѣнчать, такъ вѣнчать!

Попъ. Дай книгу.

Марко. Какую тамъ книгу? Развѣ не помнишь, какъ мы забыли ее въ трактирѣ Берхена. Остались однѣ бляшки.

Попъ. Дай хоть бляшки и по нимъ повѣнчаю. (Марко подаетъ переплетъ отъ книги).

Попъ читаетъ. Во время оно, ѣхавъ попъ изъ Сіона, по имени Макарій, на кобыли карей; и взбѣсихуся кобылица сія, и понесешася она стремглавъ, и взмолихуся Макарій ко Господу: о Господи, Господи, украти гнѣвъ кобылицы сія и бысть слышенъ голосъ изъ небеси — „тпру"!

Хоръ поетъ: „А вутики, вутики—
Вѣнчаются индюки!
Ложка крашеная, каша масляная!"

Попъ. Какъ стану я на Грановскаго [1]) крышу и крикну громкимъ голосомъ: братья, разбивайте бочки дубовыя, берите черпаки мѣдные, лейте, пейте и напивайтеся, но сразу не шатайтеся.

Хоръ.

1. Развеселый день,
Шапка квасила кисель;
Ложка гнется, сердце бьется,
Душа радуется.

2. Въ Марининой рощѣ
Появились мощи;
И дымокъ курятъ,
И водочку жарятъ.

[1]) Мѣстный житель съ извѣстной славой.

3. Въ Тепляковой [1]) лавци
Собирались шавцы:
И шильце въ рукахъ,
И щетинка въ зубахъ,
Самъ при кожаныхъ штанахъ,
Щей при хвартукѣ.

Попъ. (Обращаясь къ новобрачнымъ):
Поздравляю васъ съ законнымъ бракомъ!
Чтобъ жили, якъ кошка съ собакой,
Чтобъ сходились якъ полъ съ балками,
Чтобъ три дня ссорились
Да къ чортовому батьку порасходились!

Царь. Спасибо! (Попъ и пономарь уходятъ).
Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель справа. Скороходъ фить-маршъ, явись предъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. Чего изволишь великій и грозный царь Максимиліанъ? Что изволишь приказать или куда послать—все для тебя готовъ исполнять!

Царь. Иди и приведи непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфа.

Скороходъ. Пойду и приведу непокорнаго и непослушнаго сына Адольфа. (За сценой раздается крикъ: Адольфъ—до царя!)

Явленіе четвертое.

Адольфъ. Я своей силой подкрѣпляюсь
Предъ тобой, папа, являюсь!
На что такъ скоро, папенька, призываешь?
(Падаетъ на колѣни).
Или указъ какой отдать желаешь?
Я имѣю власть
Сейчасъ явиться предъ васъ.

Царь. Я тебя призвалъ для того, чтобы ты покаялся и повѣрилъ нашимъ богамъ.

Адольфъ. Нѣтъ, папа, я твоимъ богамъ не вѣрю, я твои боги топчу подъ ноги.

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ, явись предъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Отведи непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфа въ темницу и закуй его въ цѣпи.

Скороходъ. Пойду и отведу непокорнаго и непослушнаго сына Адольфа въ темницу. (Уводитъ Адольфа).

Царь. Маршъ-маршъ!

---

[1]) Лавка на раннемъ базарѣ.

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ, явись предъ тронъ великаго монарха!

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Иди и приведи изъ темницы моего сына Адольфа!

Скороходъ. Пойду и приведу... и т. д. (за сценой кричитъ: „Адольфъ, до царя!").

Адольфъ. (выходитъ въ цѣпяхъ, измученный, блѣдный).

Почто такъ скоро, папенька... и т. д.

Царь. Вѣришь нашимъ богамъ?

Адольфъ. Нѣтъ, не вѣрю! я ваши боги топчу подъ ноги!

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ! Явись передъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Иди и отведи непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфа въ темницу.

Скороходъ. Пойду и отведу... и т. д. (уводитъ Адольфа).

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ! Явись и т. д.

Скороходъ. О, великій... и т. д.

Царь. Иди и приведи изъ темницы моего сына Адольфа!

Скороходъ. Пойду и приведу и т. д.

Адольфъ. (выходитъ измученный еще болѣе).

Я своей силой подкрѣпляюсь,
Передъ тобой папа являюсь и т. д. какъ въ 1-мъ выходѣ.

Царь. Я тебя призвалъ для того, чтобы ты покаялся и повѣрилъ нашимъ богамъ.

Адольфъ. Нѣтъ, папа, я твоимъ богамъ не вѣрю, я твои боги топчу подъ ноги.

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ! Явись передъ тронъ великаго монарха!

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Иди и приведи изъ темницы того разбойника, который сидитъ въ темницѣ тридцать лѣтъ и три года.

Скороходъ. Пойду и приведу разбойника, который сидитъ въ темницѣ 30 лѣтъ и 3 года.

(Входитъ разбойникъ высокаго роста въ тяжелыхъ цѣпяхъ на рукахъ).

Явленіе пятое.

Разбойникъ. Я изъ тучи громовой, изъ тюрьмы роковой являюсь предъ тобой (разрываетъ цѣпи и бросаетъ ихъ на полъ); что хочешь приказать, все для тебя готовъ исполнять!

Царь. Ты сидѣлъ у меня въ темницѣ тридцать лѣтъ и три года; я тебѣ все прощу, только ты долженъ казнить непокорнаго и непослушнаго моего сына Адольфа.

Адольфъ. (поетъ, стоя на одномъ колѣнѣ). О, дражайшій мой родитель, не вели меня казнить!

Хоръ. Бози, вы, бози, помилуйте насъ! (2 раза).

Адольфъ. Не вели меня казнить, душу съ тѣломъ мою разлучить.

Хоръ. Бози, вы, бози, помилуйте насъ! (2 раза).

Адольфъ. Часъ смертельный наступаетъ, душу съ тѣломъ мою разлучаетъ.

Хоръ. Бози, вы, бози, помилуйте насъ! (2 раза).

Разбойникъ. О, Боже, Боже! Какое тяжкое приказаніе пролить невинную кровь сію.

(поетъ):

О, Боже, Боже, царю вѣчный,
Невинно страждущихъ отецъ!
Ты будь Адольфу покровитель,
Ему заступникъ и отецъ!

(Обращаясь къ Адольфу): Сидѣлъ я у твоего отца 30 лѣтъ и 3 года и все время я душою любилъ тебя; но что жъ дѣлать, когда отецъ твой—извергъ рода христіанскаго—приказываетъ тебя убить. Итакъ, прощайсь Адольфъ!

Адольфъ (поетъ):

Прощай родъ,
Прощай народъ!
Прощайте улочки,
Закоулочки
И всѣ переулочки,
И ты извергъ рода христіанскаго!

Разбойникъ (стрѣляетъ изъ пистолета въ Адольфа, который падаетъ). Адольфъ мертвъ!

Венера (падаетъ передъ Адольфомъ на колѣни и плачетъ).

Хоръ (поетъ).

Умерла надежда паша
И скончалася любовь!
Ручки къ сердцу приложили.
На кладбище понесли.
На кладбище приносили
Сырой земли предали.
Сыра земля застонала,
Что невинная душа.

(Являются носильщики и убираютъ Адольфа).

Явленіе шестое.

(За сценой раздается стрѣльба и пѣсня):

Сбушевалися татары
На невѣрнаго царя.

(На сцену врываются татары (войско Мамая) и начинаютъ биться съ войсками Максимиліяна; раздаются крики: сражайсь, сражайсь!!)
(На полу валяются убитые и раненые).

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ!.. и т. д.

Скороходъ. О великій... и т. д.

Царь. Иди и приведи гробокопателей.

Скороходъ. Пойду и приведу гробокопателей.

(Приводитъ сгорбленнаго старика, который еле двигается).

Явленіе седьмое.

Старикъ. На что ты меня зовешь?

Царь. Убери это тѣло, чтобъ въ моемъ царствѣ не смердѣло.

Старикъ. Да я не одинъ, у меня есть старуха.

Царь. Зови и старуху!

Старикъ. Соломонида Перекатьевна, модница-перемодница, сельская сковородница, иди до царя!

Соломонида. Иду, иду сейчасъ! (Входитъ, еле двигаясь).

Старикъ. Ну, что? Въ домѣ порядки навела, курей подоила коровъ пощупала, индюковъ въ поле отогнала?

Соломонида. Все, все (кашляетъ) сдѣлала!

Старикъ. Намъ нужно убрать эти мертвыя тѣла.

Соломонида. Ну, что жъ, давай!

Старикъ. Да я боленъ, мнѣ нужно доктора!

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ... и т. д.

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Иди и приведи лекаря перелекаря, французскаго пекаря!

Скороходъ. Пойду и приведу лекаря-перелекаря, французскаго пекаря (входитъ докторъ, носъ синій и подбитый, глаза тоже, на щекахъ огромнѣйшіе прыщи и нарывы; онъ въ очкахъ, съ бутылкой лекарства и молоточкомъ; позади идетъ фельдшеръ).

Явленіе восьмое.

Докторъ. Что старикъ болитъ?

Старикъ. Да, бо тутъ!

(Лекарь тщетно ищетъ мѣста, гдѣ старикъ чувствуетъ боль, но, не смотря на ощупываніе его со всѣхъ сторонъ, не находитъ).

Докторъ. Да что ты меня, дуракъ, дурманишь? Я докторъ заграничный, молоточекъ у меня отличный, я болячки вырѣзаю, скулки вставляю, а такихъ чертей, какъ ты—на тотъ свѣтъ отправляю! Кто ко мнѣ придетъ на ногахъ, то отъ меня уходитъ на костыляхъ! Фельдшеръ!

Явленіе девятое.

Фельдшеръ. А чевось-сколес-котос-барш!

Докторъ. Иди и принеси микстуры.

Дѣдъ (кричитъ): Не хочу на стули.

Фельдшеръ. Смотрѣлъ подъ стуломъ и подъ шкафомъ, но не нашелъ ни въ одномъ!

Докторъ. Посмотри въ другомъ!

Фельдшеръ. Да нѣтъ! Обошелъ кругомъ, но нѣтъ ни въ одномъ!

Докторъ. Смотри на полкѣ!

Фельдшеръ. Да тамъ бабскія нитки да иголки.

Докторъ. Ну, давай какая есть!

Фельдшеръ. Уже принесъ!

(Берутъ съ докторомъ дѣда за руки и насильно вливаютъ ему въ ротъ микстуру; тотъ вырывается и кричитъ: не хочу на стули).

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ... и т. д.

Скороходъ. О, великій... и т. д.

Царь. Иди и приведи жидовскаго жида.

Скороходъ. Пойду и приведу жидовскаго жида.

(За сценой кричитъ: жидъ, до царя!)

Явленіе десятое.

Жидъ. Цицасъ, цицасъ иду! (но не показывается).

Скороходъ. Жидъ, скорѣе до царя!

Жидъ. Ну, цаго ты тамъ крицисъ! Цто, у тебе зивотъ болитъ? Цто? А? Ну, сказалъ иду, знацитъ иду, а если хоцесь скоро, — то погоди!

(Входитъ въ грязномъ рубищѣ, сбоку грязная метла и много старья понавѣшено; на головѣ капоръ).

Жидъ. Ну, чаво ты жвалъ мене?

Царь. Спой мнѣ „чечотку"!

Жидъ. Нахай табѣ чахотка, а не мнѣ!

Царь. Спой „чечотку"!

Жидъ. Сто пѣть, я не одинъ.

Царь. А кто у тебя есть?

Жидъ. Да у меня Шмерка.

Царь. Ну, зови Шмерку!

Жидъ. Смерка, Смерка, а Смерка! (отвѣта нѣтъ). Смерка! У, стобъ табе цортъ забралъ! Дусу твою на вагонъ пасадилъ!

Явленіе одиннадцатое.

Шмерко. Ну, цто? зивотъ болитъ? Я иду!

(Является еще хуже одѣтый, чѣмъ его отецъ).

Жидъ. Циво ты не хоцесь идить? До цара зовуть, а ты сидись? (Гоняется за Шмеркой и, догнавъ его, начинаетъ бить). Дуракъ, шкатина, швинья, ты не знаешь, что я жаву тебя! Царь каже пѣть „чечотку"!

Шмерка. Сто чахотку, може синицу!

Жидъ. Чахотку, такъ чахотку!

Царь. Да, проклятое, Богомъ изгнанное поколѣніе я говорю „чечотку"!

(Жиды ссорятся между собою, повторяя „чечотку, воробья и синицу". Наконецъ, дерутся и толкаютъ царя. Тѣлохранители толкаютъ ихъ, и происходитъ общая драка. Тѣлохранители усмиряютъ жидовъ).

Жидъ. Ну, цтозе пѣть?

Царь. „Чечотку"!

Жидъ. Хоросо! Смерка, а Смерка, ну, пой цацотку!

(Поютъ):

Якъ была сабѣ цацотка (2 раза).
Скокъ до царя (нѣсколько разъ).

(Жидъ бьетъ тѣлохранителя по головѣ, а царицу старается поцѣловать).

Жидъ. Ну! (Беретъ царя за эполетъ; тѣлохранители его отбрасываютъ). Сто нѣтъ! Сто нѣтъ!

(Поднимаютъ крикъ оба уже жида и стараются добраться до царя, но тѣлохранители не допускаютъ).

Царь. Да отойдите дальше, черти проклятые, и разскажите лучше что либо изъ жизни своей!

Жидъ. Мозно, мозно, да только ты даси мнѣ ету стуцку.

(Прикасается рукой къ коронѣ, тѣлохранители его отталкиваютъ).

Жидъ. Ну, чаво ты дуракъ, швинья; сто ты не въ свой корыто лѣзешь, я тебя не боюсь!

Тѣлохранитель. Ну, стой, уже стой, а то... (показываетъ на саблю).

Жидъ. Ну, ну! Сто ты сутись! Мы тозе не одни, а двое; мы дружны—всемерыхъ одну дорницку тянемъ.

Царь. Не дури головы, жидовскій жидъ, Афроимъ, съ чортовой кожи скроенъ, говори уже, что тебѣ приказываютъ!

Жидъ. Ну, вотъ (говоритъ нараспѣвъ): ѣхали мы отъ Быхлова до Быхлова, наша кобылицка издыхлова; стали мы думать да гадать, якъ наса кобылицка вытягать; исовъ музицисце дурнисце, выломивъ полѣнисце съ козиное головисце, ударивъ нашего веребьеноса да повисе носа. Якъ полетѣвъ насъ веребьеносъ черезъ восьмеро колесъ, да на девятыя зацѣпился, упавъ и чорту душачку отдавъ. (Обращаясь къ царю). Ну, сто, хорошо? Ага, хорошая стука! А еще жъ одна была стука.

Царь. А ну, ну!

Жидъ. Якъ насъ рабинъ помиралъ, въ гору нозецки задиралъ, на маму гляне, вочи переверне, три раса пердне—и чорту дусацку отдалъ! Пролетали ангелоцки, хвостики якъ серпоцки, нозецки якъ иголоцки, воцецки якъ искорки, подхватили насего рабина, понесли и бросили въ рай, азно церепъ зашаматѣлъ!

Царь. Эхъ, вы проклятые дуросвиты!

Жидъ. Кого, сто? Сто? Давай наша, давай наша!

(Поднимается сильный шумъ и свалка, чѣмъ представленіе и оканчивается).

Пьеса эта всегда имѣла шумный успѣхъ и многіе до сихъ поръ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о прежнихъ веселыхъ святкахъ. Но постепенно забываются народныя пѣсни, гаснутъ искры народнаго творчества... На сцену выступаетъ безсмысленная частушка и балалайка...

П. Г. Мезерницкій.

ПАНИХИДНОЕ ПѢНІЕ СТАРЦЕВЪ.

(Изъ поѣздки на богомолье въ Ордынскую пустынь).

Въ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи протекаетъ одинъ изъ значительныхъ притоковъ Зап. Двины—рѣка Мёжа. На лѣвомъ берегу ея стоитъ общежительный монастырь—„Орды́нская пу́стынь".

Вблизи ея находится только одна незначительная деревушка (Каленидово); другія селенія—на значительномъ разстояніи отъ пустыни. Причина такого безлюдья кроется въ томъ, что край не имѣетъ никакихъ природныхъ богатствъ для выгодной эксплоатаціи; города—далеко (не ближе 60—70 верстъ), и пути сообщенія имѣютъ только мѣстное значеніе.

Но бываетъ и здѣсь весьма оживленное время, когда скромная Ордынская пустынь задыхается отъ многолюдства. Тысячи народа изъ Смоленской, Витебской и даже Псковской губерній наполняютъ собою не только всѣ жилыя помѣщенія монастыря, но и всѣ уголки его хозяйственныхъ зданій: сараи, скотный дворъ, гумно и др. Многіе располагаются прямо подъ открытымъ небомъ вокругъ неугасающихъ во всю ночь костровъ. Все это паломники, пришедшіе въ монастырь для поклоненія чудотворной иконѣ Владимірской Божіей Матери, (23 іюня). Начинается стеченіе богомольцевъ съ каанун этого дня; 24 іюня (Ивановъ день) весь народъ съ крестнымъ ходомъ направляется въ скитъ на богомолье въ храмъ, устроенный въ честь Іоанна Предтечи.

Разумѣется, во всѣ эти дни въ храмахъ монастыря, кромѣ установленныхъ богослуженій, съ ранняго утра до поздняго вечера, по желанію богомольцевъ, совершаются молебствія и другія молитвословія. Въ дни поломничества народомъ нашимъ овладѣваетъ религіозное настроеніе въ высокой степени. Ему какъ будто мало молитвенныхъ дѣйствій въ церкви; онъ съ глубокимъ вниманіемъ и даже благоговѣніемъ выслушиваетъ пѣніе и причитанія старцевъ, которые къ этимъ праздникамъ прибываютъ въ монастырь въ большомъ числѣ и располагаются группами у наружныхъ стѣнъ обители.

Въ нынѣшнемъ 1907 году особеннымъ вниманіемъ женщинъ-богомолокъ пользовались пѣвцы панихиды. Содержаніе этой панихиды на столько интересно, что я рѣшилъ записать ее со словъ запѣвалы и подѣлиться этимъ народнымъ произведеніемъ съ любителями народной литературы.

Поется панихида по особому заказу и за плату 5-ти коп. въ такомъ порядкѣ:

— Запѣвала начинаетъ славословіемъ „Слава Отцу и Сыну, и Св. Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ."

— Хоръ поетъ—„Аминь."

Паломница, по заказу которой поется панихида, начинаетъ говорить имена усопшихъ родныхъ: „Ивана"!

— Хоръ: „Иванову душу, царство небесное, Господи, вспомяни!"

— „Марью"!

— Хоръ:„ Марьину душу, царство небесное, Господи, вспомяни!"

И такъ далѣе... пока умиленная (а иногда и плачущая) паломница не перечислитъ не только своихъ родныхъ, но и многихъ близкихъ людей.

Затѣмъ хоръ начинаетъ пѣть общій помянникъ, такъ сказать, вселенскую панихиду:

„Славныя памяти родители покровители (кровные), души представленныя, дѣды ваши и бабы, отцы ваши и мамы, тётки ваши и дядьки, братья ваши и сёстры, племянники ваши и племянницы, крестники ваши и крестницы, внучки ваши и правнучки, старыхъ и малыхъ, придъ Богомъ собраныхъ —

Царство небесное, Господи, вспомяни!"

— Бабку вашу родную, бабку вашу пріемную, которая у васъ при роду стояла, съ сырой земли возымала, брудъ (грязь) съ тѣла очищала, крестъ-молитву накладала, отцу и матери на бѣлы руки подавала —

Царство небесное, Господи, вспомяни!"

— „Отца крестнаго, и матерь крестную, которую васъ мать крестила и подъ крестъ Божій подносила, въ вѣру христіанскую приводила, у Бога долю-счастія просила —

Царство небесное, Господи, вспомяни!"

— „Отца родного и матерь родную, которую васъ мать тяжко носила и горше того спородила, темныхъ ночекъ не усыпала и ярыя свѣчи не угашала, горячую кровь проливала, по имени NN зовущую, до Суда лежащую —

Царство небесное, Господи, вспомяни"!

— „Дѣтки малѐньки, рожденыя и крещеныя, ангелами крещеныя (мертворожденныя), чистоплотныя —

Царство небесное, Господи, вспомяни!"

— „Вдовы, сироты, безплеменныя головы, которыхъ некому поминати, и престола застилати, ярыя свѣчи повышати (перемѣнять поминальныя свѣчи) —

Царство небесное, Господи, вспомяни!"

— „На огнѣ горящіе, на водѣ потоплящіе (утопленики), на постели засыпащіе, перунами забиващіе, лйстомъ, снѣгомъ западащіе, въ морозѣ замерзащіе, безъ спо̀вѣди (таинство покаянія) помиращіе, въ лѣсахъ заблудящіе, на войнѣ забиващіе —

Царство небесное, Господи, вспомяни!"

— „Девятое поколѣніе, десятое почитаемыхъ, читанныхъ и нечитанныхъ, писаныхъ и неписаныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, забытыхъ и незабытыхъ —

Царство небесное, Господи, вспомяни!"

— „Господи, впиши ихъ въ оную книгу животворящую, въ грамоту церковную, въ псалтыри соборныя! Донеси ихъ, Господи, до царства небеснаго, до города Іерусалима, до царя Давыда, гдѣ вси святые спочиваютъ: Антоній, Θеодосій, Аврамъ. Исакъ, Іаковъ и всѣ кіевскія мощи печерскія, патріархи іерусалимскіе,—тѣ души представленныя и премоленныя!.."

— „Святый Боже, Св. крѣпкій, Св. безсмертный, помилуй насъ!"

— „Надгробное рыданіе, поюще животодавшую Троицу,—и Ты, Богородица, лица чистаго, непорочная, сущая Дѣвородица, Тя величаемъ".

(Списано со словъ запѣвалы—Пахома Козмичева, крестьянина Витебской губ., Полоцкаго уѣзда).

Сообщилъ *Пав. Любимовъ*.

ХИВИНСКІЙ РАЗСКАЗЪ ПРО АННА-МРАТЪ БОВУ.

Въ минувшее время жилъ-былъ человѣкъ по имени Анна́-Мратъ-Бова [1]). Запрягъ онъ пару воловъ землю пахать, идетъ, погоняя свою пару, вдругъ что-то задѣло у него за соху. Взялъ онъ пошарилъ, смотритъ: кувшинъ золота! Поднялъ онъ его, а по дорогѣ ѣдетъ верхомъ царскій мехремъ-придворный. Бовѣ пришло на мысль: тотъ человѣкъ этотъ кладъ замѣтилъ; если онъ сообщитъ царю о находкѣ ранѣе меня, то много-много мнѣ безпокойства увидѣть!

— Мехремъ-ага! закричалъ Бова. Мехремъ подъѣхалъ къ нему. Бова снова задумывается: а если онъ не замѣтилъ этого клада? я не желаю пропустить это богатство мимо себя! Найду-ка я какой-нибудь предлогъ!

— Мехремъ-ага! говоритъ онъ: этого быка я купилъ за тридцать рублей, а этого быка я купилъ за сорокъ рублей; я погоню ихъ, а вы посмотрите, который изъ нихъ лучше ходитъ!

Мехремъ сказалъ: „я не торговецъ скотомъ, эхъ ты, чернолобая ......!" [2]) Сказалъ и тронулся дальше.

Бова опять думаетъ про себя: нѣтъ! а вдругъ онъ теперь замѣтилъ кладъ,—позову-ка его снова! И снова закричалъ: „эй, Мехремъ!" Мехремъ обернулся, слышитъ: „пойди сюда! у меня есть къ тебѣ доброе слово!" Мехремъ подумалъ: „идти, такъ ужъ ладно, пойду!" и снова приближается къ Бовѣ. Анна-Мратъ-Бова разсуждаетъ: „если онъ замѣтилъ бы, развѣ онъ не спросилъ бы у меня, что это такое!? Вовсе онъ этого не замѣтилъ!" И говоритъ Бова мехрему:

— Эту пашню я четырежды вспахалъ, а эту пашню я трижды вспахалъ; на этомъ полѣ я думаю кунжутъ засѣять, а на этомъ я думаю горохъ засѣять,—ладно-ли это будетъ?

Мехремъ отвѣчаетъ: „ахъ, чернолобая .....! я, Бова, сроду не былъ земледѣльцемъ!" И поѣхалъ себѣ. Бова кричитъ: „эй, мехремъ-ага!", а мехремъ, не обращая никакого вниманія, знай себѣ ѣдетъ.

---

1) Анна́ изъ персидскаго адина — пятница; Мратъ изъ арабскаго мурад — желанный; Бова (баба́) — дѣдъ, старецъ.

2) Либимая отборная хивинская ругань; по-хивински звучитъ такъ: э, манглай кара зангаръ! Послѣднее слово по-перс. значитъ безпутная женщина.

Анна-Мратъ-Бовѣ приходитъ на умъ: „пойду-ка я съ кладомъ къ хану прежде мехрема! Иначе, если этотъ доложитъ, много безпокойства я увижу!“. Завернулъ давешній кувшинъ въ свой чапанъ, погналъ передъ собой воловъ, пришелъ домой и говоритъ своей женѣ: „дай мнѣ маленечко покушать!“ А у жены его уже была сварена пища. Только она хотѣла наложить тарелку и подать, только-было Бова приготовился ѣсть, какъ—глядь старуха: все въ котлѣ исчезло! Со словами: „приключилась съ мужемъ какая-нибудь бѣда!“ выходитъ она на дворъ, видитъ давешній чапанъ, а въ немъ находитъ кувшинъ золота. Припрятавъ находку, старуха завертываетъ вмѣсто нея нѣчто другое — круглый камень равнаго съ кувшиномъ вѣсу. Наѣвшись досыта [1]), Бова поднимаетъ свой халатъ и направляется теперь на ханскій пріемъ. Когда было объявлено о началѣ пріема, Бова немедленно выступаетъ съ халатомъ въ рукахъ и заявляетъ:

— Таксыръ! у меня есть просьба !

Ханъ отвѣчаетъ: сказывай!

Бова думаетъ: чего тамъ тратить время на разглагольствованія!- Схватилъ халатъ за край, встряхнулъ кверху и вотъ—камень съ грохотомъ упалъ на землю. Бова растерялся и разсуждаетъ про себя: „то, что я нашелъ, было золото, а это—камень! Въ этомъ есть что-то таинственное!.., Однако, надо непремѣнно оправдаться“. И Бова сказалъ хану:

— Сидѣло насъ человѣкъ пять-шесть, разговаривая. Одинъ человѣкъ сказалъ: въ этомъ камнѣ будетъ пудъ, другой сказалъ: нѣтъ, будетъ тридцать фунтовъ. Я, памятуя, что у царей умъ сорока людей бываетъ [2]), принесъ вамъ этотъ камень“.

Ханъ сказалъ: „нешто ты слышалъ, что мы—надсмотрщикъ за мѣрами и вѣсами? Взять его и посадить въ тюрьму!“ Посадили Бову въ тюрьму, растерялся онъ, сидитъ и твердитъ: „у того, что я *нашелъ*, отверстіе было вотъ эдакое, а высота была вотъ эдакая“. Примѣтили это стражники и доложили хану: „Бова все твердитъ „вотъ эдакій“; какъ будто онъ что-то такое *нашелъ*“. Тогда ханъ приказалъ: „пытайте Бову!“ Стражники приступили къ пытанью: сколько они его ни били палками, сколько ни лили въ ротъ зелья—лили съ прибавкой соли,—онъ ровно ничего не сказалъ. Послѣ этого ханъ приказалъ: „задайте ему дыму изъ-подъ соломы!“ Посадили Бову въ подходящее мѣсто, притащили мѣшокъ соломы, подожгли ее, крѣпко притворили дверь и ушли. Не будучи въ состояніи перенести дыма, Бова началъ кричать: „сжальтесь! откройте! скажу!„ Стражники открыли, „говори!“ сказали.—„Вамъ не хочу говорить; ужъ если скажу, такъ хану“, отвѣчалъ Бова. Привели Бову къ хану. „Говорить, такъ говори!“ сказалъ ханъ. Бова возражаетъ: „при этихъ людяхъ не скажу, а вамъ на ухо скажу!“ Ханъ подставилъ ухо, и

[1]) Разъ въ котлѣ все исчезло, то Бовѣ, вѣроятно, пришлось подкрѣпиться всухомятку.

[2]) Что этотъ, выраженный въ формѣ пословицы, народный взглядъ на идеалъ царя принадлежитъ не однимъ хивинцамъ, видно изъ слѣдующаго стишка одной киргизской свадебной пѣсни: „умъ сорока человѣкъ у хана бываетъ, яр-яр!“. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, акад. В. В. Радлова, т. III, текстъ, стр. 7, куплетъ 1.

Бова молвилъ: „твои палки хороши, и твое зелье тоже хорошо; ахъ! ужъ и этотъ дымъ изъ-подъ соломы!—Впредь этого дерьма не ѣшь! (т. е. остерегайся дѣлать такія жестокости)“ [1]). Тутъ и ханъ смутился. Со словами: „нынѣ слѣдуетъ одарить этого Бову“, онъ пожаловалъ ему тысячу тиллей, одежды и отпустилъ.

Вернулся Бова домой, легъ спать и увидѣлъ сонъ, будто онъ съѣлъ сорокъ „деуче“ (незрѣлый абрикосъ). Вставъ, онъ сказалъ своей старухѣ: „я видѣлъ сонъ“; старуха спросила: „что за сонъ ты видѣлъ?“ Бова сказалъ: „во снѣ я съѣлъ сорокъ деуче“. Старуха заявила: „такъ называемое „деуче“ есть нѣчто горькое, такъ ты получишь сорокъ палокъ!“ Бова промолвилъ: „рѣчь эта твоя—неподходящая“, захватилъ одну лепешку, испеченную въ земляной печи, и отправился къ ишану [2]).

— „Таксыръ!“ сказалъ Бова ишану: „видѣлъ я одинъ сонъ; во снѣ я скушалъ сорокъ деуче. Проснувшись, я разсказалъ это своей женѣ, а она мнѣ сказала: ты получишь сорокъ палокъ. Рѣшивъ обратиться за растолкованіемъ сна къ вамъ, я вотъ и явился до вашей милости“. Ишанъ молвилъ: „не обращайся за толкованіемъ сновъ къ тремъ разрядамъ людей: во-первыхъ, къ своей женѣ; во-вторыхъ, къ своему сверстнику-пріятелю; въ-третьихъ, къ глупому человѣку. Какъ растолкуютъ разсказанное про сонъ, такъ оно и случится. Теперь ты получишь сорокъ палокъ, всѣ до однехонькой!“

Бова вернулся домой, велѣлъ женѣ помыть свое бѣлье, снявъ, далъ его ей, а самъ завалился спать, разсуждая: если я никого не трогаю, ни въ чьи дѣла не вмѣшиваюсь, кто меня ударитъ!?

Старуха занялась стиркой. Въ это время ханъ проѣзжалъ мимо; старуха выплеснула грязную воду, ханскій конь испугался пѣны и сбросилъ хана. Ханъ спросилъ: „кто тутъ живетъ?“ Люди сказали: „это домъ Анна-Мратъ-Бовы“. Ханъ приказалъ его привести, люди привели. Тогда ханъ посовѣтовался со свитой: что съ Бовой сдѣлать; люди сказали: надо наказать. Ханъ приказалъ его бить. Когда ему всыпали сорокъ палокъ ровнымъ счетомъ, онъ взмолился. Бову отнесли домой.

Тутъ какъ-то Бова снова увидѣлъ сонъ; на этотъ разъ онъ съѣлъ во снѣ восемьдесятъ деуче. Проснувшись, онъ снова сообщилъ своей старухѣ, что онъ опять видѣлъ сонъ. Когда старуха спросила: „что за сонъ ты видѣлъ?“, тотъ отвѣтилъ:

— Ишь ты, ..., чтобъ тебѣ сдохнуть! [3]) я тебѣ не скажу; заверни-ка мнѣ лепешку, я пойду къ ишану.

[1]) Анна-Мратъ-Бова типъ, извѣстный и въ русскомъ быту, это—блаженные старцы и старицы, братцы и сестрицы, почитаемые народомъ за святыхъ и пріемлющіе иногда смѣлость говорить правдивое, а часто горькое, устрашающее слово даже царямъ, обыкновенно въ загадачной, иносказательной формѣ. Извѣстны, вѣдь, случаи, когда цари искали встрѣчи съ такими людьми, чтобы покорно, смиренно выслушивать ихъ порой вѣщія рѣчи. Типъ этотъ отчасти сродни цинику Діогену. О популярнѣйшемъ „блаженненькомъ“ Средней Азіи, Мешребѣ см. въ моей замѣткѣ „Туркменскій поэтъ-босякъ Кӧр-Молла“, Живая Старина, вып. IV 1907 г., стр. 5 отдѣльнаго оттиска.

[2]) По-перс. Они; это пир, или старѣйшина суфіевъ-дервишей, котораго изъ уваженія титулуютъ перс. мѣстоименіемъ 3 лица множ. числа.

[3]) По-хивински: э, блюм зангар!

— Таксыръ! говоритъ: сегодня я снова видѣлъ сонъ, говоритъ; во снѣ я съѣлъ пятнадцать деуче, говоритъ.

Ишанъ сказалъ: ты точно говори, сколько ты съѣлъ деуче!

— Таксыръ! говоритъ: я съѣлъ сорокъ-пятьдесятъ деуче!

Ишанъ сказалъ: и это еще не точно; правду говори!

Бова спросилъ: за каждый деуче вы соизволите по одной палкѣ предсказать?

Ишанъ отвѣтилъ: нѣтъ! говори же!

Бова сказалъ: сегодня я восемьдесятъ деуче съѣлъ.

— Если такъ, молвилъ ишанъ: такъ сегодня ты получишь въ подарокъ тысячу тилля (золотая монета).

Бова сказалъ: „если это слово вѣрно, то полученное мною пусть будетъ пожертвовано вамъ!“ Затѣмъ Бова вернулся домой. Въ этотъ вечеръ (т.-е. наканунѣ) ханъ тоже видѣлъ сонъ; ему приснилось, что насталъ день страшнаго суда. Всѣхъ людей погнали къ мосту Сыратъ [1]), и хана погнали. Когда онъ прошелъ уже тысячапятисотлѣтній путь, передъ ханомъ выступилъ Анна-Мратъ-Бова и сказалъ:

— Ты насъ безъ вины на томъ свѣтѣ бьешь; ты не видишь, что это изъ-за жирности твоего коня, ты не видишь, что это по винѣ твоихъ конюховъ, нѣтъ,—ты говоришь, что конь тебя свалилъ изъ-за вотъ этого Бовы, и ты бьешь меня; если ты бьешь меня, такъ и здѣсь тоже побей и ступай! Или-же сквитайся и ступай!“ Этими словами Бова привелъ царя въ большое безпокойство. Со страху царь пробудился; вставъ, онъ приказалъ двумъ людямъ привести Анна-Мратъ-Бову. Когда люди пошли, Анна-МратъБова замѣтилъ ихъ, кинулся къ себѣ домой и сказалъ своей старухѣ: „приближаются два царскихъ человѣка; если спросятъ меня, скажи—дома нѣтъ; если не отстанутъ, скажи—боленъ лежитъ; если и тутъ не отстанутъ, такъ скажи—умеръ!“ Мехремы вошли въ домъ, крикнули, старуха вышла.

— Анна-Мратъ-Бова гдѣ? спросили.

— Дома нѣтъ! отвѣтила старуха.

— Мы только что его видѣли! онъ—здѣсь! сказали.

— Онъ боленъ лежитъ, говоритъ старуха. И тутъ они не отстали. Наконецъ, старуха имъ отвѣтила:

— Умеръ!

— Если онъ и мертвъ, мы его все равно унесемъ! говорятъ они, находятъ корзину, кладутъ Бову, двое поднимаютъ съ двухъ сторонъ и несутъ къ хану. Ханъ спросилъ: „что это?“

— Это — Анна-Мратъ-Бова, отвѣтили: завидѣвъ насъ, онъ со страху строитъ изъ себя мертваго; мы принесли его къ вашей милости. Ханъ приказалъ: „пусть каждый изъ васъ принесетъ изъ сада охапку прутьевъ! Я крикну разъ: „Анна-Мратъ-Бова!“—и если онъ встанетъ, такъ встанетъ, а не встанетъ,— бейте его, пока эти палки не кончатся“.

[1]) По вѣрованію мусульманъ мостъ этотъ, тоньше волоска и уже острія меча, будутъ проходить всѣ люди послѣ страшнаго суда; кто съ него сорвется, тотъ угодитъ прямо въ адъ, а кто по нему пройдетъ, тотъ очутится въ раю.

Только ханъ крикнулъ разъ: „Анна-Мратъ-Бова!“, какъ тотъ вскочилъ со словами: „къ вашимъ услугамъ, таксыръ! [1])“

Ханъ спросилъ: „чѣмъ ты удовольствуешься относительно насъ: тѣмъ ли, что побьешь меня палками, или тѣмъ, что получишь деньги?“

Бова подумалъ: „теперь онъ навѣрняка порѣшилъ убить меня: если я возьму деньги, скажутъ, что я похитилъ деньги изъ казначейства; если я дамъ хану палокъ, скажутъ, что я побилъ царя“, подумалъ и молвилъ: — „О, государь! денегъ мнѣ не нужно, и васъ я бить не стану,—спасибо! Если вы меня самого не тронете, отпустите, такъ и это преочень хорошо будетъ!“

Царь говоритъ:

— Чтобы ты одного изъ двухъ не сдѣлалъ, это совсѣмъ невозможно.

Бова съ плачемъ читаетъ благодарственную молитву и заявляетъ:

— Я вами тысячу разъ доволенъ! [2])

Царь приказалъ:

— Если онъ теперь удовлетворенъ, дайте ему въ подарокъ тысячу тилля и полное одѣяніе!

Бова получилъ деньги, пришелъ въ хорошее настроеніе и направился къ ишану. Онъ отдалъ деньги ишану и принялъ отъ него благословеніе.

Остроумный и проникнутый юморомъ народный разсказъ этотъ записанъ мною 4 іюня 1908 г. въ хивинскомъ городкѣ Иляллы по-хивински, а затѣмъ переведенъ мною по-русски. Разсказалъ мнѣ его мулла Мемедъ-Райимъ (Мухаммедъ-Рахимъ, 31 года), одинъ изъ хивинцевъ, прислуживавшихъ мнѣ во время моего пятидневнаго пребыванія въ ханскомъ саду при вышеназванномъ городкѣ.

А. С—чъ.

[1]) По-хивински: ляббей (леуей), таксыр.

[2]) Т. е. не имѣю къ вамъ никакихъ претензій и тѣмъ открываю вамъ путь по мосту Сыратъ въ рай.

ИЗЪ ЯКУТСКОЙ СТАРИНЫ.

(Старые писатели о якутахъ).

Врядъ ли кто изъ занимающихся нынѣ изслѣдованіемъ быта сѣверныхъ инородцевъ Сибири имѣетъ подъ руками старинное „Путешествіе въ Америку“ *Хвостова* и *Давыдова*,—врядъ ли кто изъ нихъ подозрѣваетъ, что въ I-ой части этого путешествія содержится довольно много интересныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни якутовъ и, главное, о такихъ обычаяхъ, которые нынѣ уже среди якутовъ не встрѣчаются. Говорю *врядъ-ли* потому, что даже въ „Матеріалахъ для библіографіи Якутской области“ (Ирк. 1893) покойнаго *В. Л. Приклонскаго* нигдѣ не значится названное „Путешествіе“. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что почтенному библіографу и въ голову не пришло искать свѣдѣній о якутахъ въ спеціальномъ сочиненіи, посвященномъ описанію путешествія въ Америку, куда, на самомъ дѣлѣ, путешественники ѣхали черезъ Сибирь: добравшись до Охотска сухимъ путемъ, они продолжали оттуда путь на судахъ Американской Компаніи. Знакомствомъ съ „Путешествіемъ“ *Хвостова* и *Давыдова* я обязанъ любезному указанію студента с.-петербургскаго университета *С. И. Руденко*, предоставившаго мнѣ для использованія и самую книгу—нынѣ библіографическую рѣдкость (издана не ранѣе 1803 года; заглавный листъ даннаго экземпляра утерянъ).

На первый разъ привожу, съ сохраненіемъ стиля подлинника, извлеченіе изъ второй главы первой части „Путешествія“ (стр. 127—138), содержащее свѣдѣнія о томъ, что авторъ (Давыдовъ) „могъ самъ видѣть или съ достовѣрностью узнать о якутахъ“.

Эд. Пекарскій.

Якуты, какъ извѣстно, происходятъ отъ татарскаго поколѣнія; сходство языка ихъ съ татарскимъ и многихъ обычаевъ можетъ послужить достаточнымъ тому доказательствомъ [1]). Я описалъ уже зимнія ихъ юрты [2]); лѣтомъ же большая часть якутовъ живетъ тамъ,

[1]) Современные изслѣдователи склоняются къ тому мнѣнію, что якуты составляютъ монголо-тюркское племя.

[2]) Вотъ это описаніе, помѣщенное на стр. 43 главы 1-ой: „юрта строится четвероугольною изъ стоячихъ нѣсколько наклонныхъ деревьевъ, съ внутренней стороны обтесанныхъ; снаружи обкладывается землею, по большей же части навозомъ; крышка дѣлается ровною, а полу почти никогда не бываетъ. Въ серединѣ находится очагъ, съ выведенною вверхъ трубою изъ тонкихъ жердей, обмазанныхъ глиною, что и называется въ сихъ мѣстахъ *чуваломъ*. Въ немъ зимою всегда держатъ огонь, отъ чего юрта бываетъ тепла, суха и представляетъ большія для проѣзжихъ выгоды въ жестокомъ климатѣ, гдѣ огонь совершенно необходимъ. Сверхъ сего въ юртахъ не знаютъ угару, чему подвержены большая часть избъ въ здѣшнихъ мѣстахъ“.

гдѣ сѣно запасаютъ. Всѣ сѣнокосы обыкновенно обгорожены. Князцы[1]), у которыхъ очень много рогатаго скота и лошадей, не всѣхъ ихъ кормятъ сѣномъ, но большую часть держатъ въ степяхъ, гдѣ онѣ, разгребая снѣгъ, кормятся оставшеюся подъ онымъ травою; ибо невозможно запасти довольнаго количества сѣна, когда у нѣкоторыхъ князцовъ находится до тысячи и болѣе лошадей и рогатаго скота[2]).

Многіе якуты носятъ длинныя, а всѣ женщины еще и того длиннѣйшія косы, привязанныя у самаго затылка[3]). Якуты лѣтомъ одѣваются въ короткіе кафтаны китайчатые, суконные или плисовые, обложенные вокругъ, въ три или четыре пальца шириною, чѣмъ-нибудь только особеннымъ отъ цвѣту кафтана. Сапоги шьются изъ бычачьихъ кожъ, съ мягкою подошвою, или изъ лошадиныхъ, называющихся *сарами*[4]). Сары такъ плотно и крѣпко сшиваются, что, по удобству для мокраго времени, большая часть жителей Якутска носятъ оные въ дорогахъ или даже и въ городѣ. Кожаные штаны, рукавицы и шапка довершаютъ одѣяніе якутовъ. Женщины въ лѣтнее время одѣваются точно такъ же, какъ и мужчины. Зимнее платье якутовъ дѣлается изъ теплыхъ фуфаекъ, штановъ, полушубковъ и длинныхъ сапоговъ, которые носятъ шерстью вверхъ и называютъ *торбасами*[5]); сверху же всего надѣваютъ въ дорогу *санаяхъ*[6]), родъ тулупа изъ оленьихъ кожъ, также шерстью вверхъ. Притомъ, во время большихъ морозовъ, закрываютъ (особо придѣланными изъ мѣховъ лоскутками) лобъ, щоки, уши, носъ и бороду, такъ что только глаза остаются не закутанными; на колѣни же надѣваютъ, сверхъ торбасовъ, еще такъ называемые сутуры[7]). То же дѣлаютъ и русскіе во время путешествій своихъ по пустынямъ восточной Сибири, гдѣ морозы неимовѣрно жестоки. Якутки носятъ зимою *парки*, опушенныя лисицею или соболемъ. Парка шьется изъ оленьихъ кожъ и имѣетъ образъ длинной рубашки, къ которой по большей части придѣлываютъ стоячій воротникъ. Зимнія платья богатыхъ якутовъ, особливо шапки, бываютъ дороги.

Якуты очень добронравны, гостепріимчивы, вообще чрезвычайно трусливы, лѣнивы, когда могутъ быть такими, обжорливы до чрезмѣрности и столько же воздержны, когда нужда или бѣдность ихъ до того доводитъ. Многіе якуты большую часть времени питаются

---

[1]) Наслежные (сельскіе) старосты.

[2]) Въ настоящее время такіе богатые скотоводы въ Якутской области уже не встрѣчаются.

[3]) Обычай, совершенно исчезнувшій у якутовъ-мужчинъ; женщины хотя и заплетаютъ свои волосы въ косы или собираютъ въ пучокъ, но затѣмъ укрѣпляютъ ихъ на затылкѣ; только у дѣвочекъ волосы, собранные въ одинъ или два пучка, свободно свѣшиваются на плечи, оканчиваясь разными металлическими подвѣсками и разноцвѣтными ленточками или лоскутками матерій. Сомнительно, чтобы и въ старину якуты *привязывали* косы,— вѣрнѣе видѣть въ словахъ автора неудачный способъ выраженія.

[4]) По-якутски: са̄ры.

[5]) По-якутски: тыс ӓтӓрбӓс, т.-е. обувь изъ камысовъ (шкурокъ съ оленьихъ или лошадиныхъ ногъ).

[6]) По-якутски: санıjах, саҕынjах.

[7]) По-якутски: сутуруо.

унданомъ [1]) и *сорою* [2]), родъ кисловатаго масла [3]); но сіи же самые люди могутъ съѣсть невѣроятно много. Мнѣ сказывалъ весьма достовѣрный человѣкъ, что самъ видѣлъ, какъ четыре якута съѣли въ два дня прежирную лошадь. Обжорство ихъ причиною, что они не бросаютъ, какъ я говорилъ [4]), мертвыхъ лошадей и всякую падалину. Мясо сырое, жареное или вареное—все почти равно для нихъ. Они съѣдаютъ и самую кожу съ быка, бросивъ только оную въ горячую золу, дабы шерсть обгорѣла, и все то дѣлаютъ ни мало не отъ голоду. Якуты любятъ кротовъ [5]), но всего болѣе свиное сало котораго иной можетъ съѣсть до пуда. Обжорство у нихъ даже въ чести; они съ уваженіемъ говорятъ про обжору: *Утіо Асатчи Хиси* [6]) то-есть добрый ѣдокъ; надъ тѣми же, кои мало ѣдятъ, смѣются, говоря: что ты за человѣкъ!

Но, дабы дать большее понятіе объ обжорствѣ якутовъ, я опишу всѣ ихъ обряды, бывающіе на свадебныхъ праздникахъ.

Когда кто у нихъ сватается, то уговаривается напередъ заплатить отцу невѣсты *колымъ* [7]), состоящій изъ нѣсколькихъ быковъ и лошадей, половина которыхъ отдается обратно жениху въ приданое за невѣстою. Свадьба и пиръ бываютъ въ домѣ тестя, но на счетъ жениха; праздникъ сей обыкновенно продолжается два дня и на оный собираются родные съ обѣихъ сторонъ и пріятели. Бога-

---

[1]) По-якутски: ымдан или умдан — кислое молоко (суорат), разбавленное водою. „Питье сіе довольно хорошо, особливо въ жаркое время"—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 60).

[2]) По-якутски: суорат—кислое молоко, варенецъ.

[3]) Несомнѣнная опечатка вмѣсто: молока.

[4]) Вотъ что читаемъ у автора на стр. 112 — 115: „Мы остановились не далѣе трехъ верстъ отъ той рѣчки, гдѣ лошади наши утонули, почему некрещеные якуты, взявъ котелъ, отправились назадъ, дабы поѣсть досыта лошадинаго мяса. Извѣстно, что якуты великіе обжоры, и жирная лошадь самый лакомый для нихъ кусокъ; но крещеные показываютъ при русскихъ, что не употребляютъ сего кушанья, хотя въ улусахъ живутъ точно такъ же, какъ и всѣ другіе. Якуты ѣдятъ не токмо тѣхъ лошадей, коихъ нарочно убиваютъ, но и колѣющихъ, даже иногда отъ заразы, отъ чего послѣ и сами умираютъ. Въ третьемъ [1800] году Алданскіе якуты поѣхали на сѣнокосъ, въ которое время они обыкновенно пируютъ, то-есть ѣдятъ сколько могутъ. У сихъ была жирная лошадь. Она вдругъ упала; якуты подбѣжали посмотрѣть и нашли ее, къ удивленію своему, мертвою. По обыкновенному суевѣрію, вздумали, что дьяволъ убилъ ее, что̀, однако, не помѣшало имъ отвѣдать мертвечины. Спустя нѣсколько часовъ показалась у всѣхъ на тѣлѣ опухоль, а потомъ и раны. Чрезъ двое или трое сутокъ многіе померли, а у иныхъ мѣста, гдѣ были раны, совсѣмъ выгнили. То же самое случилось и въ то же время на Амгѣ и Аллахъ Юнѣ, гдѣ былъ падежъ на лошадей, которыхъ якуты не переставали до того времени ѣсть, покуда сами многіе перемерли. Тогда прибѣгли они къ своимъ шаманамъ; сіи упрашивали дьяволовъ, чтобы не умерщвляли болѣе лошадей, но зараза отъ того не менѣе продолжалась до самой осени. Между рогатымъ скотомъ и лошадьми оная также открывалась опухолью, претворявшеюся потомъ въ раны, и столь была сильна, что естьли кто до опухоли дотрогивался рукою, то на оной дѣлались прыщи, а послѣ раны. Сей случай выучилъ якутовъ, и нынѣ они не ѣли уже падающихъ лошадей, хотя на Аллахъ Юнѣ зараза и много оныхъ переморила".

[5]) Кротами называютъ мѣстные русскіе водяныхъ крысъ; нынѣ въ пищу онѣ не употребляются.

[6]) ӱтӱӧ аса̄тчы кісі—букв.: добрый ѣдящій человѣкъ.

[7]) По-якутски: халы̄м или сулӯ.

тый потчиваетъ гостей виномъ, по кто бѣднѣе—кумысомъ. Послѣ сего съѣдаютъ нѣсколько лошадей или быковъ, а иногда множество кротовъ, почитаемыхъ за лакомое блюдо; пьютъ опять вино или кумысъ и принимаются расхлебывать сало. Къ празднику собираютъ оное всякаго рода, мѣшаютъ вмѣстѣ и кладутъ въ чанъ. Когда придетъ *курумъ* (праздничный обѣдъ или свадебный столъ), то растапливаютъ все сало и садятся вокругъ чана. Пребольшая ложка, или, лучше сказать, уполовникъ, называемый *хамыякъ* [1]), ходитъ по очереди до того времени, какъ кто откажется. Сыскиваются такіе охотники, которые выпиваютъ по 120 хамыяковъ растопленнаго сала, и надобно припомнить, что сіе бываетъ уже въ концѣ стола, послѣ жирнаго обѣда, на коемъ, конечно, ни одинъ якутъ не побережетъ своего желудка.

Кумысъ дѣлается изъ кобыльяго молока, которое мѣшаютъ пополамъ съ водою, наливаютъ въ кожаный мѣшокъ и оставляютъ повѣшаннымъ въ юртѣ до того времени, какъ оное скиснется. Тогда берутъ мутовку, сдѣланную изъ выдолбленнаго на подобіе чашки дерева, съ просверленными въ оной четырьмя или пятью скважинами и съ палкою, вставленною въ дно ея. Сею мутовкою сбиваютъ скисшееся молоко до того, какъ на дно сядетъ родъ творога; оставшаяся же жидкость называется кумысъ [2]), подобный крѣпостію пиву.

При свадьбѣ якутовъ нѣтъ никакихъ обрядовъ. Естьли колымъ весь заплаченъ, то молодая въ провожаніи многихъ женщинъ идетъ въ мужнинъ домъ; въ противномъ же случаѣ остается у отца, а мужъ въ свой уходитъ. Всякій разъ, какъ онъ пригоняетъ часть колыму, остается нѣсколько сутокъ съ женою, а при возвращеніи получаетъ половину назадъ. Тесть никогда не даетъ дочери безъ выплаченія всего колыма, хотя бы то нѣсколько лѣтъ продолжилось; по заплатѣ же онаго, жена, какъ выше сказано, идетъ въ мужнинъ домъ въ провожаніи многихъ женщинъ, и тогда опять бываетъ двухдневный праздникъ. Колымъ простирается иногда до восьмидесяти скотинъ.

Многіе изъ якутовъ празднуютъ и рожденіе сына или дочери точно такимъ же образомъ.

Якуты, особливо бѣдные, очень неопрятны; зимою въ юртахъ своихъ держатъ рогатый скотъ, а посему можно судить о запахѣ въ домахъ ихъ. Лѣтомъ дѣлаютъ они ступы изъ коровьяго кала, а зимою, обливъ внутренность оныхъ водою и давъ ей замерзнуть, толкутъ въ таковой посудѣ сосновую кору, употребляемую ими въ пищу.

Народъ сей и поднесь еще сохранилъ нѣкоторые свои странные обычаи, напримѣръ: якутъ, бывшій въ отлучкѣ, входя въ юрту свою, ни съ кѣмъ не здоровается, но садится какъ будто незнакомый; жена сваритъ ему ѣсть и потчиваетъ какъ гостя, а поѣвши уже хорошенько—онъ дѣлается хозяиномъ дома.

Деверь, въ присутствіи невѣстки, непремѣнно долженъ быть въ шапкѣ; иначе ее и себя обезчеститъ. Естьли онъ сидѣлъ въ юртѣ безъ шапки, то надѣваетъ оную, когда невѣстка входитъ [3]).

[1]) По-якутски: хамыјах.
[2]) По-якутски: кымыс.
[3]) Нынѣ якуты уже не придерживаются указанныхъ „странныхъ обычаевъ“.

Якуты вѣрятъ колдунамъ своимъ или шаманамъ, которые отправляютъ скрытнымъ образомъ суевѣрные обряды, ибо священники, узнавъ о томъ, представляютъ колдуновъ сихъ къ суду. Якуты, однако, и нынѣ вѣрятъ имъ и боятся ихъ. Иногда шаманъ, чрезъ годъ или нѣкоторое время по смерти какого-нибудь якута, приноситъ въ домъ его наряженную статую и сказываетъ, что это покойникъ, требующій корову или звѣриныхъ мѣховъ или тому подобное, который переѣстъ всѣхъ въ случаѣ отказа. Трусливые люди сіи даютъ все требуемое, что шаманъ и уноситъ вмѣстѣ съ статуею. Якуты разсказываютъ чудеса про колдуновъ своихъ и, между прочими, про нѣкоего *Качиката*, что онъ будто протыкалъ насквозь себя нѣсколько ножей; отнималъ у людей руки и вѣшалъ оныя на деревья, ни мало не причиняя тѣмъ боли; что когда въ дорогѣ случался недостатокъ въ пищѣ, то онъ спрашивалъ товарищей, хотятъ ли они что-нибудь поѣсть? и тогда, прокричавъ нѣкоторыя слова, растворялъ руки, въ которыя обыкновенно падалъ какой-нибудь лакомый кусокъ, напримѣръ часть жирной кобылы или *симиръ* съ масломъ. (Симиремъ называютъ кожаный мѣшокъ, въ которомъ по дорогѣ возятъ *ундан* и сбивающееся само собою масло или, по-якутски, *хаякъ* [1]). Коровье же или топленое масло называется ары). Сей же Качикатъ предузнавалъ, сказываютъ, всегда за два или за три дня, что съ нимъ случится; увѣряютъ еще, будто онъ сдѣлалъ деревянную кукушку, поставилъ ее на дерево, и она три года куковала, то-есть до того времени, какъ русскіе сожгли ее и съ деревомъ; что, по смерти *Качиката*, якуты возлѣ могилы его вырыли яму, положили въ нее шаманское платье, которое три года по вечерамъ звенѣло. Словомъ, сей *Качикатъ* столько надѣлалъ чудесъ, что якуты боялись его болѣе *Боэная* [2]); да должно сказать, что многіе и изъ русскихъ не менѣе якутовъ тому вѣрятъ.

Когда у князца ихъ состарѣется любимая лошадь, то онъ отпущаетъ ее на волю; но естьли она и послѣ того проживетъ еще столько, что начнетъ зубы ронять, то князецъ убиваетъ ее, собираетъ родныхъ своихъ и съѣдаетъ съ ними ту лошадь. Обыкновеннѣе же случается, что для пиршества князецъ заколетъ другую скотину, а любимую лошадь свою похоронитъ, положа, въ вырытую близь того мѣста яму, всю принадлежавшую къ ней сбрую [3]), какъ то: сѣдло, узду, переметныя сумы, лукъ со стрѣлами и *пальму*. Переметныя сумы бываютъ почти у всякаго въ дорогѣ; онѣ перекидываются чрезъ сѣдло и висятъ такимъ образомъ, что не мѣшаютъ ни мало сѣдоку. Пальмою называется ножъ болѣе поваренннаго, вставленный въ деревянный черенъ длиною около аршина. Пальму возятъ обыкновенно для рубки дровъ.

Когда якуты увидятъ на дорогѣ медвѣдя, то снимаютъ шляпы, кланяются ему, величаютъ Тоіономъ [4]), старикомъ, дѣдушкою, и дру-

---

[1]) Якутское сырое масло, смѣшанное съ водою и прѣснымъ или кислымъ молокомъ.

[2]) *Бajанаі* — лѣсной духъ, покровитель охотниковъ и звѣроловов. На стр. 59 авторъ замѣчаетъ, что „якуты своего Бога называютъ *Боенай*, а русскаго Танара“, т. е. Тангара.

[3]) Несоблюдаемый нынѣ обычай.

[4]) Тоіонъ значитъ начальникъ. *Прим. автора.*

гими ласковыми именами. Просятъ препокорно, чтобы онъ ихъ пропустилъ; что они не думаютъ трогать его и даже слова худого про него никогда не говорили. Естьли медвѣдь, не убѣдившись сими просьбами, бросится на лошадей, то будто поневолѣ начинаютъ стрѣлять по немъ и, убивъ, съѣдаютъ всего съ великимъ торжествомъ. Между тѣмъ дѣлаютъ статуйку, изображающую Боэная, и кланяются оной. Старшій якутъ становится за деревомъ и кривляется. Когда мясо сварится, то ѣдятъ оное каркая какъ вороны и приговаривая: *не мы тебя ѣдимъ, но тунгусы или русскіе: они и порохъ дѣлали, и ружья продаютъ; а ты самъ знаешь, что мы ничего того дѣлать не умѣемъ*. Во все время разговариваютъ по-русски или по-тунгусски и ни одного сустава не ломаютъ. Когда же съѣдятъ медвѣдя, то собираютъ кости, завертываютъ вмѣстѣ съ статуею Боэная въ березовую кору или во что иное, вѣшаютъ на дерево и говорятъ: *дѣдушка! русскіе (или тунгусы) тебя съѣли, а мы нашли и косточки твои прибрали*. Изъ сего обряда можно заключить, сколько якуты опасаются мщенія медвѣдей или духа оныхъ, даже и по истребленіи.

Нѣкоторые якуты еще и нынѣ, сваривъ въ дорогѣ кушанье, поднимаютъ оное на рукахъ, говорятъ рѣчь [1]) къ духу того мѣста, ставятъ потомъ кушанье, каждый плещетъ первую ложку въ огонь, а потомъ начинаютъ ѣсть. Якуты всякому мѣсту полагаютъ хозяина [2]), который не Богъ и не дьяволъ, но особый духъ.

---

[1]) По-якутски: алгыс—славословіе, заклинаніе. Теперь произнесеніе алгыс-овъ въ пути не наблюдается, но до сихъ поръ сохранился упоминаемый авторомъ на стр. 59 обычай приносить духу даннаго мѣста жертву (бäläх=подарокъ) „за то, что допустилъ благополучно подняться на гору. То же самое дѣлаютъ якуты при всякомъ трудномъ и крутомъ подъемѣ, отъ чего лошадь, сходившая нѣсколько разъ въ Охотскъ, остается почти безъ гривы и хвоста".

[2]) іччі, ітчі=хозяинъ.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Этнографическое Обозрѣніе, 1908, № 1 и 2 (двойной). *Максимовъ, А. Н.*: „Ограниченіе отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого".

Статья А. Н. Максимова имѣетъ руководящее значеніе въ вопросѣ объ особыхъ правилахъ поведенія, соблюденіе которыхъ считается у многихъ народовъ обязательнымъ для мужа и родственниковъ жены и наоборотъ—для жены и родственниковъ мужа. Происхожденіе этого обычая весьма древнее, проявленіе его очень разнообразное, и потому до сихъ поръ онъ не выясненъ еще въ достаточной степени. Авторъ вначалѣ даетъ бѣглый очеркъ исторіи указаннаго обычая. Она поучительна.

Со времени Тэйлора, который признается однимъ изъ первыхъ ученыхъ, обратившихъ вниманіе на этотъ обычай, много о немъ писалось, и рѣдкій изслѣдователь семейныхъ отношеній первобытныхъ народовъ не возвращался къ нему. Рѣдко, однако, авторы давали этому обычаю одинаковое толкованіе. Сходство во мнѣніяхъ замѣчается въ трудахъ Леббока, Вилькена, Зибера; существенныя стороны ихъ теоріи приняты также Липпертомъ и Гельвальдомъ. Она состоитъ въ томъ, что обычай ограниченія отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого получился изъ предшествовавшаго ему обычая похищать женщинъ для совершенія брака захватомъ. Въ этой теоріи, несмотря на ея кажущуюся стройность, имѣются свои пробѣлы. Ею, напр., нельзя объяснить, почему предписывается также снохѣ избѣгать свекра съ свекровью, которая никогда не похищала сына. Это недоразумѣніе защитники настоящей теоріи пытались восполнить гипотезой, будто бы: „возникшія на почвѣ брака

захватомъ извѣстныя отношенія зятя къ тестю и тещѣ постоянно стали разсматриваться какъ выраженіе почтенія, а тогда для выраженія такого же почтенія соотвѣтственныя правила поведенія были усвоены и снохою по отношенію къ свекру и свекрови“ (3).

Находятся также приверженцы иного толкованія. Трактуемый обычай они считаютъ выросшимъ на почвѣ различія половъ. Разъ первобытные народы направились на эту стезю, они неминуемо должны были позаботиться о принятіи мѣры половой предосторожности въ семейномъ быту и нашли ее въ ограниченіи отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого. Къ числу сторонниковъ этой теоріи принадлежатъ Жиро Телонъ, Файтонъ и Уэкъ; ее одинаково раздѣляетъ также цѣлая плеяда русскихъ этнографовъ, какъ-то: Н. Н. Харузинъ, В. Л. Сѣрошевскій, С. Швецовъ и П. Еруслановъ. Однако только Аткинсону, стороннику этой теоріи, удалось подвести подъ нее прочный фундаментъ, построивъ его на чувствѣ ревности взрослаго самца къ женамъ и дѣтямъ въ одной какой либо группѣ, на которыя, по его мнѣнію, распадалось нѣкогда первобытное человѣчество.

Окончательнаго развитія и обоснованія своего не получили ни первая, ни вторая теорія. Какъ въ той, такъ и въ другой существуютъ свои противорѣчія, которыя можно объяснить также гипотетическимъ допущеніемъ, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ, говоритъ А. Максимовъ, первоначальный смыслъ обычая былъ утраченъ, а потому особыя правила поведенія стали прилагаться къ такимъ лицамъ, по отношенію къ которымъ они не имѣли для себя никакихъ основаній“ (7).

Впослѣдствіи Тэйлоръ внесъ новую поправку, обосновавъ ее на подмѣченныхъ имъ случаяхъ, именно: ограниченія между мужемъ и родственниками жены существуютъ у народовъ, у которыхъ мужъ послѣ свадьбы селится въ домѣ жены; а имъ взятая замужъ женщина берется мужемъ въ отчій или свой домъ. Это объясненіе, наиболѣе обоснованное, по мнѣнію г. Максимова, также нуждается въ своей фактической провѣркѣ. Ей подлежатъ и изложенныя выше теоріи. Необходимость въ фундаментальной провѣркѣ, такимъ образомъ, давно назрѣла. Отвѣчая этой потребности, А. Максимовъ двѣ трети своей статьи заполнилъ фактическимъ матеріаломъ, почерпнутымъ изъ новыхъ и старыхъ литературныхъ источниковъ.

Подведя затѣмъ итогъ фактамъ изъ жизни народовъ сѣверной Азіи и восточной Европы, авторъ подчеркиваетъ болѣе частое существованіе обычая объ ограниченіи отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого у тюрковъ (Киргизы, Якуты, Качинцы и др.) и у монголовъ (Монголы Буряты, Калмыки); изъ финскихъ племенъ онъ нашелъ этотъ обычай только у Остяковъ, Вотяковъ, Черемисовъ и у Мордвы; что касается тунгускихъ и самоѣдскихъ племенъ, то литература, говоритъ авторъ, не даетъ ни одного факта существованія этого обычая. Широкое распространеніе этого обычая наблюдается у народовъ Африки, Америки и Австраліи. Для большей наглядности А. Максимовъ еще разъ повторяетъ факты въ сокращенномъ видѣ, въ табличной формѣ, и наконецъ еще болѣе сжато въ видѣ цифровой таблицы.

Оба способа позволили автору проанализировать варіаціи ограниченія отношеній у разныхъ народовъ различныхъ частей свѣта. Такимъ путемъ онъ пришелъ къ отрицанію какъ теоріи, видящей въ ограниченіи переживаніе похищенія женщинъ, такъ и теоріи, придающей этому обычаю значеніе мѣры половой предосторожности. Самъ же А. Н. Максимовъ склоняется на сторону Тэйлора, который въ позднѣйшемъ своемъ изслѣдованіи „непризнаніе“ чужака въ семьѣ считаетъ главнымъ элементомъ содержанія изучаемыхъ ограниченій (76). Въ заключеніи онъ рекомендуетъ наблюдателямъ инородческой жизни обращать тщательное вниманіе также на самое содержаніе „ограниченій“, чего не достаетъ для всесторонняго освѣщенія даннаго обычая, важное значеніе котораго въ исторіи семейныхъ отношеній стало очевидно.

А. Макаренко.

В. Харузина. Замѣтки по поводу употребленія слова: фетишизмъ.

Время отъ времени г-жа Харузина даетъ на страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія“ обстоятельныя статьи, посвященныя отдѣльнымъ вопросомъ этнографіи. Въ прошломъ году (Жив. Стар. 1907, вып. II) мы имѣли удовольствіе дать краткій отзывъ о ея статьѣ: „Къ вопросу о почитаніи огня“. Нынѣ обращаемъ вниманіе читателя на новую статью г-жи Харузиной, касающуюся употребленія словъ: фетишъ, фетишизмъ. Несмотря на широкое распространеніе этихъ терминовъ—казалось бы, для всѣхъ понятныхъ—и въ ученой литературѣ и въ обиходной жизни не всѣми, однако, вкладывается въ нихъ одинаковое содержаніе. Г-жа Харузина приводитъ цѣлый рядъ цитатъ изъ трудовъ разныхъ ученыхъ изслѣдователей, въ доказательство того, какъ различно понимаются каждымъ изъ нихъ указанные термины. Предъ нами проходятъ имена: де-Бросса, введшаго въ употребленіе слово „фетишъ“, Конта, Леббока, Герберта Спенсера, Вайца, Тэйлора, Шульце, Шурца, Штернберга, де Миллуэ... Каждый изъ нихъ внесъ свою лепту въ опредѣленія фетиша и фетишизма, часто противорѣчивыя, которыя г-жа Харузина суммируетъ въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

„1) въ фетишизмѣ видѣли одно изъ низкихъ проявленій религіознаго мышленія; 2) признавали въ немъ отправную точку религіозныхъ вѣрованій; 3) въ фетишѣ усматривали предметъ или выбранный случайно и произвольно, или пользующійся почитаніемъ въ грубой матеріальной формѣ; 4) отличительной чертой фетиша считали то, что обладаніе имъ будто бы даетъ власть надъ божествомъ, которое онъ представляетъ; 5) нѣкоторые ученые, желая осмыслить почитаніе предметовъ, именуемыхъ фетишами, и объяснить болѣе высокія формы т. наз. фетишистскаго культа, видѣли въ фетишѣ лишь обиталище духа, который или самъ вселился въ данный предметъ или вселенъ въ него посторонней силой (напр. жреца, шамана и пр.) посредствомъ магическихъ или другихъ дѣйствій, мольбы и пр.; 6) фетишъ есть предметъ, почитаемый какъ персонифицированный, оживленный жизненнымъ началомъ, желающій и дѣйствующій самъ по себѣ или потому, что онъ самъ и его „божественная“ сущность составляютъ, по представленіямъ его почитателя, нѣчто недѣлимое“ (стр. 85).

Подвергнувъ на слѣдующихъ страницахъ всѣ эти столь разнообразные взгляды детальному разбору и остановившись особенно подробно на пользующихся культомъ человѣческихъ изображеніяхъ, къ которымъ слово фетишъ пріурочивалось въ литературѣ съ такою же „необычною легкостью“, какъ и слово „идолъ“, авторъ въ заключеніе приводитъ слѣдующую цитату изъ „Исторіи первобытной культуры“ Шурца (стр. 570): „Тотъ, кто постарается основательно ознакомиться съ тѣмъ, что такое фетишизмъ, безъ труда увидитъ, что здѣсь нѣтъ сколько-нибудь опредѣленнаго понятія, а только такія слова, которыми, въ случаѣ надобности, можно замаскировать недостатокъ болѣе яснаго разумѣнія дѣла“. Заканчиваетъ свою статью г-жа Харузина словами одного миссіонера, который на поставленный имъ вопросъ: „что такое фетишизмъ?“ допускаетъ одинъ отвѣтъ: „Вопреки всѣмъ опредѣленіямъ, даваемымъ въ словаряхъ, вопреки религіознымъ классификаціямъ—мы отвѣтимъ пока, что мы не знаемъ о немъ ничего“.

Обстоятельно обосновать этотъ взглядъ и было задачей г-жи Харузиной. Выполнена она съ обычною для автора старательностью и полнотой.

Э. П.

Петропавловскій А. „Коляды“ и „Купало“ въ Бѣлоруссіи.

Въ своей небольшой статьѣ г. Петропавловскій, на основаніи „личныхъ наблюденій“, кратко описываетъ нѣкоторыя обрядности, которыми сопровождается празднованіе въ Бѣлоруссіи Коляды и Купала и говоритъ, что „въ этихъ обрядностяхъ ясно просвѣчиваетъ прожившій десятки вѣковъ и нынѣ забываемый бѣлоруссами древнеславянскій культъ служенія солнцу, этому зиждительному царю природы, снова возвращающемуся послѣ долгой, мрачной поры къ людямъ, снова дарящему имъ свою милость. Послѣдняя будетъ расти по мѣрѣ увеличенія солнечнаго диска (?), отчего здѣсь такъ отчетливо и подчеркивается форма его—кругъ“ (стр. 160). Такой выводъ сдѣланъ изъ описанныхъ нижеслѣдующихъ обрядностей: „Во время толченія первой кутьи—говоритъ авторъ,—нѣсколько зеренъ пшеницы или ячменя посыпаютъ курамъ въ цѣлый, имѣющій видъ полнаго круга, обручъ, дабы куры не бродили, а всегда бы находились гдѣ-либо вблизи двора, кругомъ его (кóло его), и несли бы яйца всѣ въ одномъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ же деревняхъ для этой цѣли въ самый день Рождества на полу веревкой обозначаютъ кругъ и въ него посыпаютъ немного кутьи“ (стр. 159). Здѣсь, какъ утверждаетъ и самъ авторъ, обрядность касается куръ и, повидимому, не имѣетъ никакого отношенія къ солнечному диску и къ его зиждительной силѣ. Дальше г. Петропавловскій говоритъ, что „въ тѣ три дня, когда бываетъ кутья, необходимо печь и блины“. Это не совсѣмъ вѣрно. Въ первую и послѣднюю кутью, какъ въ постные дни, блиновъ не пекутъ. Надо замѣтить, что блины, какъ любимое блюдо, приготовляются по преимуществу по праздникамъ и во время гостьбы по случаю семейныхъ торжествъ. Наконецъ, замѣчая, что бабы въ теченіе Колядъ не прядутъ и не ткутъ, авторъ говоритъ: „для предотвращенія же отъ себя несчастія, мо-

гущаго постичь ихъ за нарушеніе какъ-либо невзначай этого обычая, онѣ берутъ въ рождественскій сочельникъ изъ бани вѣникъ, которымъ парились, метутъ имъ въ теченіе всѣхъ колядъ хату, въ послѣдній же день разрубаютъ его и прутьями утыкаютъ на улицѣ снѣгъ передъ избою, стараясь изобразить кругъ (стр. 160). Бѣлоруссы, какъ и многіе другіе народы, для огражденія отъ нечистой, злой силы очерчиваютъ магическій кругъ. Но имѣетъ ли онъ какое-либо отношеніе къ солнцу—сказать трудно. Вотъ и всѣ тѣ обрядности, на основаніи которыхъ изслѣдователь заключаетъ о сохранившемся въ Бѣлоруссіи древне-славянскомъ культѣ служенія солнцу. Невольно является вопросъ: изъ описанныхъ ли обрядностей сдѣланъ выводъ или наоборотъ, къ готовому положенію подобраны обрядности? Послѣднее болѣе вѣроятно. Праздникъ Коляды г. Петропавловскій тѣсно связываетъ съ Купаломъ, которое пріурочиваетъ къ 24 іюня, тогда какъ на самомъ дѣлѣ послѣднее бываетъ 23 іюня и не является праздникомъ въ обычномъ смыслѣ слова. Купало—это день и ночь торжества вѣдьмачества и всякой нечистой, злой силы, которая, по выраженію бѣлоруссовъ, „часамъ и Бога перамагае“ (иногда и Бога осиливаетъ).

Въ статьѣ г. Петропавловскаго помѣщено много любопытныхъ обрядностей и примѣтъ и приведены отрывки пѣсенъ. Къ сожалѣнію, точно не указана мѣстность, гдѣ все это записано.

А. Сержпутовскій.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, издаваемыя Редакціонной Комиссіей. Томъ XXXV, 1904 г. № 2. Иркутскъ 1908. Стр. 43 + 10 + + 14 + 8.

Лежащая предъ нами книжка „Извѣстій“ открывается „Историческимъ очеркомъ дѣятельности В.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О.“—его „внутренней жизни и работы“, именно „той скрытой, черновой, организаціонной работы, которая производилась незамѣтно для глазъ общества, но которая и давала въ результатѣ научное познаніе Сибири“ (стр. 1). Составитель очерка, Н. Н. Козьминъ, шагъ за шагомъ слѣдитъ за многостороннею научною дѣятельностью Отдѣла, начиная съ открытія его дѣйствій (въ 1851 году) вплоть до первыхъ годовъ текущаго десятилѣтія.

Прежде всего, Отдѣлъ приходилъ на помощь къ отдѣльнымъ научно-подготовленнымъ лицамъ или изслѣдователямъ-любителямъ, жившимъ въ разныхъ концахъ Сибири,—главнымъ образомъ, тѣмъ, что „давалъ средства публиковать труды, дѣлать ихъ общимъ достояніемъ, возбуждать обмѣнъ мыслей и знакомилъ съ общимъ направленіемъ работъ“. Въ то же время Отдѣлъ являлся настолько дѣятельнымъ сотрудникомъ высшей администраціи Восточной Сибири, что, по опредѣленію г. Козьмина, „во многихъ отношеніяхъ представлялъ изъ себя *ученый комитетъ* при Главномъ управленіи Восточной Сибири и *научное бюро*“ (стр. 6).

Не ограничиваясь порученіями разныхъ работъ почти во всѣхъ областяхъ сибиревѣдѣнія отдѣльнымъ лицамъ, Отдѣлъ или прини-

малъ участіе въ работахъ разныхъ экспедицій, направляемыхъ въ Сибирь изъ центра, или же организовывалъ самостоятельно научныя экскурсіи и цѣлыя экспедиціи, благодаря щедрой матеріальной поддержкѣ со стороны отдѣльныхъ лицъ (Сиверсъ, И. М. Сибиряковъ, В. П. Сукачевъ [1]), М. В. Пихтинъ, г-жа Громова и пр.). Это дало возможность Отдѣлу за болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ своей дѣятельности не только внести крупную лепту во всестороннее изученіе Сибири, но и наглядно знакомить самихъ сибиряковъ съ ихъ обширною родиною, а также и съ смежными странами посредствомъ устройства публичныхъ засѣданій и лекцій, привлекавшихъ многочисленную публику. Тому же способствовало основаніе при Отдѣлѣ библіотеки и Музея,— особенно послѣдняго, охотно посѣщаемаго публикой (15.622 посѣщенія въ 1901 году), такъ какъ при немъ организованы объяснительныя чтенія, которыя нынѣ систематически ведетъ консерваторъ Музея. Въ то же время, Отдѣлъ „старался не замыкаться въ себѣ, стремился связать свою научную работу съ практическими запросами и потребностями жизни" (стр. 15) и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно сдѣлался „центромъ научной работы и умственной жизни въ краѣ", т.-е. выполнилъ ту программу, которую поставилъ ему одинъ изъ бывшихъ предсѣдателей Отдѣла — Л. П. Софіяно (стр. 12). Богатый матеріалъ для познанія Сибири заключается въ изданныхъ Отдѣломъ „Запискахъ" и „Извѣстіяхъ", и нельзя не пожалѣть, что эти цѣнныя изданія, за старые годы, стали уже библіографическою рѣдкостью и доступны лишь для лицъ, имѣющихъ возможность пользоваться нашими крупными книгохранилищами въ Сибири и въ столицахъ.

Въ интересующей насъ области этнографіи, въ предѣлахъ Восточной Сибири, авторъ отмѣчаетъ, прежде всего, пользующіеся широкою извѣстностью труды слависта П. А. Ровинскаго и историка-этнографа А. П. Щапова,—затѣмъ, періодъ, когда предсѣдателемъ (первымъ) этнографической секціи Отдѣла былъ Н. М. Ядринцевъ и когда по этнографіи работали такіе извѣстные изслѣдователи, какъ Н. Н. Агапитовъ, М. Н. Хангаловъ, свящ. И. А. Подгорбунскій, миссіонеры Чистохинъ и Затопляевъ, А. В. Потанина, П. Е. Кулаковъ, Г. Н. Потанинъ,—„послѣдній, преимущественно, въ связи съ вопросами фольклора",—и, наконецъ, два такихъ крупныхъ предпріятія, какъ изслѣдованіе т. н. статистиковъ: „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта", содержащее много интереснаго и для этнографа, и изслѣдованія участниковъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова, или попросту—Сибиряковской экспедиціи.

„Этнографическія изученія особенно оживились — по словамъ автора — въ періодъ управленія дѣлами Отдѣла Г. Н. Потанина" (стр. 39), а такое „громадное предпріятіе", какъ Сибиряковская экспедиція, „было организовано однимъ изъ энергичнѣйшихъ правителей дѣлъ, Д. А. Клеменцомъ. По своимъ размѣрамъ, программамъ и числу даровитыхъ и научно-подготовленныхъ участниковъ, эта экспедиція далеко превосходитъ всѣ бывшія до нея, въ области этнографическихъ изученій. Имена Пекарскаго, Ястремскаго, Іохельсона,

[1]) Состоялъ предсѣдателемъ Отдѣла съ 1890—1898 гг.

Богораза, Майнова, Геккера заняли почтенныя мѣста въ наукѣ. Труды экспедиціи до сихъ поръ — главнымъ образомъ, за недостаткомъ средствъ—не завершены, а отчасти дѣлаются достояніемъ другихъ ученыхъ обществъ“ (стр. 30).

Въ области этнографіи бурятъ г. Козьминъ упоминаетъ работы М. А. Кроля, „задавшагося интересной мыслью прослѣдить измѣненія бурятскаго обычнаго права подъ вліяніемъ измѣняющихся формъ жизни и непосредственнаго воздѣйствія русскаго населенія“. Что касается этнографіи послѣдняго, то въ этомъ отношеніи „сдѣлано очень мало. Слѣдуетъ упомянуть о сборникахъ народныхъ бытовыхъ пѣсенъ В. И. Вагина, Дудина, Языкова и Суворова“ (стр. 30—31).

Заканчивается книжка якутской сказкой: „Сордохай-богатырь“ записанной въ 1889 г., въ Олекминскомъ округѣ, г. *М. Овчинниковымъ.* Подлинная запись сказки была передана г. Овчинниковымъ „для подстрочнаго перевода съ якутскаго языка на русскій учителю инородческаго училища Иннокентію Габышеву, но до сихъ поръ имъ не возвращена“, такъ что въ данномъ видѣ сказка должна считаться лишь очень вольнымъ пересказомъ подлинной записи—въ виду обнаруженнаго г. Овчинниковымъ слабаго познанія въ якутскомъ языкѣ. Такъ, подзаголовокъ сказки: Уран̄ҳаі саха олонҳото никакъ нельзя переводить: сказка неразумнаго (!) якута, ибо уран̄ҳаі саха значитъ здѣсь: человѣкъ-якутъ, коренной (древній) якутъ, урянхаецъ-якутъ. Хотя въ современномъ языкѣ уран̄ҳаі саха и употребляется въ значеніи неразумный, глупый якутъ, но никто изъ якутовъ не назоветъ продуктъ творчества своего народа — произведеніемъ „неразумнаго якута“, и подзаголовокъ значитъ просто: якутская старинная сказка. Равно недопустимо въ устахъ якута-сказочника выраженіе, которымъ начинается сказка: „Въ то время, когда существовали на землѣ *безпутные неразумные якуты*“ и т. д. Любопытно, какими словами передано это выраженіе въ подлинной записи?...

Несмотря на подобнаго рода дефекты, сказка не лишена интереса и значенія въ виду скудости этого рода произведеній якутскаго народнаго творчества. На русскомъ языкѣ имѣются, правда, собранія сказокъ *И. М. Худякова* (Верхоянскій сборникъ. Ирк. 1890) и *Д. В. Приклонскаго* (Якутскія народныя сказки. Жив. Старина 1891 г.), но якутскій текстъ этихъ сказокъ не изданъ, и интересующіеся предметомъ не могутъ быть увѣрены въ точности перевода или пересказа. Издаваемые же нынѣ Императ. Академіей Наукъ „Образцы народной литературы якутовъ“, собранные Э. К. Пекарскимъ, представляютъ пока сплошь одни якутскіе тексты (переводъ ихъ собиратель обѣщаетъ дать впослѣдствіи) и доступны лишь для лицъ, основательно ознакомившихся съ якутскимъ языкомъ.

L.

Труды Черниговской Губернской Архивной Комиссіи. Вып. седьмой. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. М. Добровольскаго. 1908. Стр. 66+184+127.

Настоящій томъ „Трудовъ“ Черниговской Комиссіи изданъ „на память о XIV-омъ археологическомъ съѣздѣ въ г. Черниговѣ“.

Кромѣ статей, имѣющихъ отношеніе къ мѣстной исторіи, здѣсь помѣщены труды общаго характера, какъ очеркъ О. М. Янѣвича: „Опытъ объясненія легенды объ „Ивиковыхъ журавляхъ", представляющій преимущественно изложеніе фольклорныхъ данныхъ, собранныхъ по вопросу объ этой легендѣ нѣмецкимъ ученымъ Велькеромъ и итальянскимъ Амальфи. Сюда же относятся статьи о покойномъ В. Б. Антоновичѣ—А. В. Верзилова: „Памяти В. Б. А." (съ портретомъ), и очень содержательныя „Воспоминанія о В. Б. А." Нѣсколько словъ покойному „Нестору южно-русской археологіи" посвятили также В. І. Круковскій и П. Я. Дорошенко. Исторіи края посвящены слѣдующія статьи: „Описаніе рѣкъ и рѣчекъ Черниговскаго полка въ 1754 году", „Къ тысячелѣтію города Чернигова. Краткій очеркъ Сѣверянской земли до 907 г." свящ. К. Т. Карпинскаго, „Къ вопросу о прошломъ города Чернигова" О. М. Янѣвича, „Выписка изъ расходной книги Новгородсѣверскаго монастыря за 1777 годъ" П. М. Добровольскаго и два очень важныхъ указателя: „Указатель статей по исторіи, археологіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" за 1838—1906 г." и „Алфавитный списокъ церквей Черниговской епархіи" Е. А. Корноухова, съ указаніемъ времени постройки церкви. „Указатель" къ „Черниговскимъ губернскимъ Вѣдомостямъ" заслуживаетъ особеннаго вниманія и привѣтствія. Накоплявшійся въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ десятками лѣтъ историческій и этнографическій матеріалъ остается мертвымъ капиталомъ, такъ какъ совершенно неизвѣстенъ научнымъ дѣятелямъ вслѣдствіе отсутствія указателей. Теперь по отношенію къ „Черниговскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ этотъ недостатокъ восполненъ. Въ нихъ оказались помѣщенными за прежніе годы многочисленные документы, какъ универсалы малорусскихъ гетмановъ, грамоты московскихъ царей, указы императоровъ, начиная съ Петра I, письма государственныхъ и литературныхъ дѣятелей и разнообразные юридическіе акты. Не мало даютъ свѣдѣній „Черниговскія Губернскія Вѣдомости" по части церковной исторіи, мѣстной археологіи, статистики и этнографіи. Указанія на статьи „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", касающіяся украинскаго фольклора, были сдѣланы уже въ книгѣ малорусскаго писателя и этнографа Б. Д. Гринченко: „Литература украинскаго фольклора. 1777—1900". Но по характеру книги въ нее не могли войти указанія на статьи вообще этнографическаго содержанія; поэтому „Указатель", составленный архивною комиссіею, является новымъ трудомъ и въ отношеніи этнографической библіографіи. Такъ, напр., „Указатель" отмѣчаетъ статьи: „Краткій очеркъ Новомлинской ярмарки (Сосницк. у.)" Кирила Попенпченка (1852, 42), „О народной медицинѣ южноруссовъ и объ употребленіи народомъ „Горицвіту" Ст. Носа (1860, 5—6), „О семейныхъ раздѣлахъ у крестьянъ въ Черниговской губ." (1883, 5), „Обычай „цурковать" воровъ" (1887, 4), „Преданіе о десятой пятницѣ" А. Тищ—аго (1895, 478), „Черниговскій малороссъ и Могилевскій бѣлоруссъ" Н. П. Яснопольскаго, цѣлый рядъ путевыхъ очерковъ и описаній: Нѣжина, м. Воронежа, Новгородсѣверскаго у., Коропа, с. Жукотки и пр.

Въ общемъ по народной словесности и этнографіи въ „Указателѣ" отмѣчено болѣе 130 статей. Наиболѣе частыми сотрудниками „Чер-

ниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ по отдѣлу этнографіи были А. Шишацкій—Илличъ, П. Огіевскій, П. Ефименко, свящ. Н. Богославскій, А. Тищинскій, Д. Лавриненко, А. Лазаревскій, Григ. Кулжинскій и др.

Въ концѣ книги помѣщенъ „Общій обзоръ дѣятельности“ комиссіи, изъ котораго видно, что правовое и матеріальное положенія ея весьма печальны.

В. В. Даниловъ.

Памяти В. Н. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. В. II. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1908 г.

Уже на ранней ступени своей знаменитой литературной дѣятельности Н. В. Гоголь выказалъ основательное знакомство съ бытомъ малороссійскаго народа, съ его вѣрованіями, преданіями и поэзіей. Все это, одухотворяемое геніемъ его высокаго таланта, выливалось въ замѣчательныя литературныя произведенія, — однѣ по сочности художественныхъ красокъ и живости здороваго юмора, другія по фантастичности содержанія или трагической завязкѣ, при чемъ хотя и погибали добрые персонажи, или терпѣли жестокія муки, но присущія имъ добрыя чувства и человѣческія понятія незамѣтно западали въ душу читателя и воспитывали въ немъ „искру Божію“.

Эту чуткость къ народной душѣ и любовную внимательность къ народному творчеству воспитала въ талантливомъ Н. В. несомнѣнно вся его домашняя обстановка, а болѣе того природа родной Украйны, ея народъ съ чарующими „піснями та думамы“. Онъ весь былъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго прекраснаго, когда учился въ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Съ ростомъ сознанія у Гоголя возникла уже здѣсь мысль о собраніи пѣсенъ и думъ украинскаго народа, которыя, разумѣется, должны были будить въ его поэтической душѣ самыя свѣтлыя надежды и любовь къ родинѣ.

„Наша пісня, наша дума
„Нэ врмэ, нэ загинэ, —
„От дэ, люды, наша слава, слава Украины!“

(„Кобзарь“ *Т. Шевченко*).

Въ Нѣжинѣ Н. В. впервые внесъ образцы народныхъ пѣсенъ въ свою записную книжку, названную имъ „Книга всякихъ всячинъ“. Начатое такъ рано дѣло изученія народнаго фольклора Гоголь продолжалъ затѣмъ довольно усиленно и въ первые годы своей самостоятельной жизни. Онъ придавалъ „большое значеніе народнымъ пѣснямъ въ дѣлѣ изученія народа въ прошломъ, настоящемъ и въ будущемъ“.

Въ посмертныхъ бумагахъ Н. В. Гоголя, хранящихся въ отдѣлѣ рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, уцѣлѣли „три тетрадки съ народными пѣснями“. Долгое время онѣ лежали въ забвеніи; ихъ пѣсенный матеріалъ оставался подъ сомнѣніемъ.

Недавно Г. Георгіевскій, хранитель Румянцевскаго музея, взялъ на себя трудъ оцѣнки содержимаго въ тетрадяхъ Н. В. Онъ тщательно свѣрилъ тексты собранныхъ Гоголемъ народныхъ пѣсенъ съ

текстами существующихъ „пѣсенниковъ“ и сборниковъ народныхъ пѣсенъ—малорусскихъ и русскихъ. Серьезный анализъ привелъ Г. Георгіевскаго къ тому заключенію, что гоголевское собраніе народныхъ пѣсенъ,—малорусскихъ и русскихъ, - свободно отъ какихъ бы то ни было заимствованій изъ печатныхъ источниковъ и представляетъ собою вполнѣ самостоятельную работу, особенно цѣнную „по высокимъ качествамъ записи“. Такимъ образомъ, „спорный вопросъ“ разрѣшенъ. Фольклористы должны будутъ теперь считаться съ напечатаннымъ „Гоголевскимъ сборникомъ народныхъ пѣсенъ“.

Въ него вошли пѣсни русскаго народа въ числѣ 105 и пѣсни „южнорусскаго народа“ въ количествѣ 412, за исключеніемъ небольшихъ пѣсенныхъ отрывковъ, которые по нѣскольку десятковъ собраны подъ одною цифрою. Расположеніе и нумерація пѣсенъ сохранили въ печатномъ видѣ свою подлинность съ оригиналами тетрадей Н. В. Гоголя.

Въ концѣ книги приложены два фототипическихъ снимка автографовъ Н. В. изъ двухъ его собственноручныхъ тетрадей.

А. Макаренко.

Н. Е. Макаренко. Памятники украинскаго искусства XVIII вѣка. (Отд. оттискъ изъ журнала „Зодчій“ за 1908 г.).

Статья Н. Макаренко посвящена описанію одного изъ характернѣйшихъ памятниковъ украинской литературы XVIII в.—Покровской церкви, построенной въ г. Ромнахъ въ 1764 г. послѣднимъ запорожскимъ кошевымъ П. И. Калнишевскимъ. Обстоятельное описаніе иллюстрировано превосходно выполненными рисунками и чертежами.

Н. Е. Макаренко. Матеріалы по археологіи Полтавской губерніи. (Оттискъ изъ 5 вып. трудовъ Полтавской Ученой Архивной Комиссіи).

Брошюра содержитъ двѣ статьи: 1) „Находка 1905 г. въ г. Полтавѣ“ и 2) „Преметы случайной находки, близъ с. Ивахники, Лохвицкаго у., Полтавской губ.“. По мнѣнію автора, археологическія находки, сдѣланныя въ Полтавской губ. въ послѣднее время, любопытны въ томъ отношеніи, что устанавливаютъ нѣкоторую связь съ культурами Салтовскаго (Харьковск. г.) и Люцинскаго могильниковъ.

„Этнографическій Сборникъ“. Изд. Этнографической Комиссіи Науковаго товариства им. Шевченки. Т. XXIV. Львовъ. 1908 годъ. Галицко-русскія народныя поговорки. Собралъ, систематизировалъ и пояснилъ докторъ Иванъ Франко. Т. II, в. II.

Этотъ томъ, изданный въ большемъ объемѣ, чѣмъ предыдущій, заканчиваетъ собою букву П. Сборникъ содержитъ свѣжій матеріалъ, полученный почти исключительно изъ устъ народа. Говорить о значеніи сборника не приходится,—это настоящая сокровищница, изъ которой всегда будутъ черпать нужный матеріалъ и изслѣдователи народнаго быта и поэты. За научную цѣнность сборника говоритъ имя доктора Ивана Франко. Какъ видно изъ предисловія, весь остальной матеріалъ предполагается помѣстить въ III-мъ томѣ,

Матеріалы по украинско-русской этнографіи. Томъ X. Изд. Этнографической Комиссіи „Науковаго товариства им. Шевченко“. во Львовѣ. 1908 г.

X-й сборникъ „Матеріаловъ“ содержитъ обширную статью Ф. Вовка „Антропометрическія изслѣдованія украинскаго населенія Галичины, Буковины и Угорщины“ статью Мих. Зубрицкаго: „Верхняя шерстяная одежда украинскаго-русскаго народа въ Галичинѣ“ а также новыя записи свадебъ В. Гнатюка, Юрія Кмета, В. Левинскаго и Зенона Кузели. Въ этнографической литературѣ описаніе свадебныхъ обычаевъ и записи свадебныхъ пѣсенъ встрѣчаются, какъ извѣстно, особенно часто. Однако, новыя записи, напечатанныя въ настоящемъ сборникѣ, ни въ какомъ случаѣ не являются излишними, потому что помимо пѣсенъ здѣсь мы находимъ обстоятельное описаніе свадебнаго церемоніала, имѣющаго для науки особенно важное значеніе.

Въ концѣ записей приведенъ тщательно составленный библіографическій указатель сочиненій, посвященныхъ украинской свадьбѣ.

Ив. А.

Е. Ѳ. Карскій. Бѣлорусская Энеида на изнанку. Съ приложеніемъ текста сохранившихся отрывковъ. Харьковъ. 1908. 32 стр.

Проф. Е. Ѳ. Карскій изслѣдуетъ любопытный вопросъ о бѣлорусской Энеидѣ и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Бѣлорусская Энеида была сочинена въ Смоленской губ. помѣщикомъ В. П. Ровинскимъ. Авторъ зналъ „Перелицеванну Энеиду“ Котляревскаго и во многихъ мѣстахъ только переводитъ ее, но ему также была знакома и Энеида въ великорусской шуточной передѣлкѣ Осипова. Время сочиненія Энеиды—начало XIX в., не раньше 12 года. Въ Энеидѣ Ровинскаго отразилась „жизнь въ духѣ богатыхъ бѣлорусскихъ крестьянъ, съ ихъ нравами и обычаями“

В. В. Д.

Аникіевичъ, К. Т. Сѣнненскій уѣздъ Могилевской губ. Опытъ описанія въ географическомъ, историческомъ, этнографическомъ, бытовомъ, промышленномъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ картою уѣзда, схемою двухъ озеръ и рисунками въ текстѣ. Могилевъ губ. 1907. Стр. 148. (Изданіе Могилевскаго Статистическаго Комитета).

Книжка г. Аникіевича заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла: I) Физико-географическое описаніе уѣзда (1—59 стр.); II) Историческій обзоръ (60—95 стр.); III) Населеніе уѣзда: его этнографическій составъ, бытъ и культура (95—133 стр.) и IV) Главнѣйшіе населенные пункты Сѣнненскаго уѣзда (133—148 стр.). Въ первомъ, самомъ большомъ отдѣлѣ, авторъ очень подробно описываетъ границы уѣзда и волостей, съ указаніемъ длины въ окружности и площади каждой административной единицы. Говоря о камняхъ г. Аникіевичъ замѣчаетъ, что „въ нѣсколькихъ мѣстахъ уѣзда до сего времени сохранилось въ народѣ почитаніе камней, особенно находящихся у „крыницъ“, также упоминаетъ онъ о соединенныхъ съ

нѣкоторыми камнями чудесныхъ легендахъ. На такихъ камняхъ можно видѣть свѣчи, куски хлѣба и т. п. приношенія“ (стр. 11). Тутъ перечислено нѣсколько такихъ камней и кратко разсказаны легенды о нихъ. Рѣки, озера и болота описаны довольно подробно. При этомъ авторъ замѣчаетъ: „относительно „святыхъ“ озеръ народъ говоритъ, что это мѣста провалившихся и затонувшихъ храмовъ“ (стр. 39). При описаніи растеній и животныхъ г. Аникіевичъ почти сплошь и рядомъ ограничивается только мѣстными названіями, почему самое описаніе теряетъ научную цѣнность. Такъ, напримѣръ: на стр. 52 и 53 пестрятъ нижеслѣдующія загадочныя названія травъ, за которыми народъ признаетъ лѣкарственное значеніе при различныхъ болѣзняхъ: „душница, дубровка, рачики, кровавникъ, пырникъ, диванна, зубникъ, золотникъ, костоломъ, шальникъ“ и т. п. Это замѣчаніе въ одинаковой степени относится и къ другимъ мѣстнымъ названіямъ, приведеннымъ въ этой книжкѣ (стр. 49—50).

Въ историческомъ обзорѣ уѣзда г. Аникіевичъ отмѣчаетъ, что въ предѣлахъ Сѣнненскаго уѣзда найдены во множествѣ орудія каменнаго вѣка, послѣдней неолитической эпохи; описываетъ курганы, раскопками которыхъ занимался Е. Р. Романовъ, указываетъ на городки, городцы и городища доисторической эпохи, всего числомъ свыше 40, перечисляетъ замковища, валы, найденные клады и т. п. археологическіе памятники. Здѣсь авторъ даетъ мало новаго, описывая вообще судьбы Бѣлоруссіи. Впрочемъ приведено указаніе на одну любопытную записку ген.-губерн. Бѣлорусскаго края, князя Н. Н. Хованскаго, представленную имъ въ Министерство въ 1831 г. Въ этой запискѣ, въ числѣ общихъ причинъ упадка благосостоянія народонаселенія края между прочимъ князь Хованскій видитъ въ дешевой продажѣ вина и въ обитаніи евреевъ въ деревняхъ и селеніяхъ (стр. 94—95). Какъ это напоминаетъ современную бюрократическую панацею противъ всѣхъ бѣдъ.

Что же касается описанія состава населенія, его этнографическихъ особенностей, быта, занятій и вообще культурнаго состоянія, то на это въ книжкѣ отведено слишкомъ мало мѣста. Нельзя не пожалѣть, что на 10—12 страницахъ, съ девятью рисунками въ текстѣ, описаны слѣдующіе народы: цыгане, нѣмцы, литовцы и жмудины, поляки, великоруссы—старообрядцы, евреи и бѣлоруссы. Само собою разумѣется, что описаніе получилось неполное и крайне поверхностное. Тѣмъ болѣе, что авторъ въ своей книжкѣ затрагиваетъ возможно больше сторонъ жизни мѣстнаго населенія и на все даетъ отвѣты. Тутъ перечислены примѣты, суевѣрья и предразсудки, описаны обрядности, соединенныя съ тѣмъ или инымъ праздникомъ или семейнымъ торжествомъ, упомянуто объ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчья и приведено даже нѣсколько пѣсенныхъ образчиковъ. Но все это, какъ говорится, въ микроскопической дозѣ. Пѣсни приведены на искаженномъ русскомъ языкѣ, напримѣръ:

„Кабъ я знау, я пъ гету куму
И у кумы не брау:
Ина горѣлки ня пьеть
И пѣсень ни пяеть“ (стр. 111—112).

Дальше г. Аникіевичъ говоритъ, что „надѣльныя земли крестьянъ находятся преимущественно въ общинномъ владѣніи — 86,7% площади и только остальные 13,3% въ подворномъ владѣніи“ (стр. 117). Можно подумать, что въ Сѣнненскомъ уѣздѣ существуетъ община и общинное землевладѣніе, чего въ дѣйствительности не было и нѣтъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь, хотя надѣльныя земли и отведены нераздѣльно цѣлому селенію или обществу, но предоставлены въ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, съ обозначеніемъ ихъ именъ и количества причитающихся десятинъ, какъ пашни, такъ и сѣнокоса. Общество не имѣетъ права отнять землю у домохозяина, хотя бы онъ переселился въ городъ, а свой надѣлъ отдалъ въ пользованіе постороннему лицу. Это не общинное, а подворное владѣніе на правахъ личной собственности.

Книжка г. Аникіевича обилуетъ статистическими данными, доставленными въ губернскій статистическій комитетъ волостными писарями, которые часто даютъ произвольныя цифры.

Помѣщенные въ текстѣ рисунки мелки и исполненіе неудовлетворительно.

А. Сержпутовскій.

Antti Aarne. Vergleichende Märchenforschungen. Helsingfors 1907. Akademische Abhandlung.

Авторъ названнаго труда, извѣстный читателямъ Живой Старины,[1]) занялся сравнительнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ сказочныхъ группъ, связанныхъ другъ съ другомъ общей идеей содержанія. Въ предисловіи опредѣляется цѣль работы приблизительно такъ: Понятія о возникновеніи и дальнѣйшихъ судьбахъ сказки остались очень непрочными, несмотря на усиленныя попытки разобраться въ этихъ вопросахъ. Явились поэтому скептики, которые считаютъ результаты сравнительнаго анализа, поставившаго себѣ цѣлью проникать до прародины данной сказки, черезчуръ сбивчивыми и ничего не доказывающими. Авторъ самъ не сторонникъ подобнаго взгляда, а убѣжденно вѣритъ въ будущее своего, такъ называемаго, сравнительно-географическаго метода. Точкою отправленія служитъ предположеніе, что сказки представляютъ изъ себя разсказы, которые проходили опредѣленныя степени развитія. Въ развитіи этомъ можно замѣтить первоначальную стадію въ видѣ возникновенія разсказа и опредѣленнаго отношенія его къ извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени. Потомъ можно наблюдать его распространеніе путемъ передачи отъ одного народа къ другому. Во время странствованія онъ подвергается разнымъ измѣненіямъ, основаннымъ на извѣстныхъ, опредѣленныхъ законахъ мышленія и фантазіи. Сказка, вѣдь, никогда не передается буквально такъ, какъ ее слышали. Поэтому личному творчеству, его капризамъ, слабой памяти народа, субъективному способу пониманія и воспріятія и т. д. приписывается большое значеніе. „Если намъ удастся очистить разсказъ отъ измѣненій и амплификацій, которыя накоплялись на немъ во время странствованій, и найти первоначальную форму сказки, то при этомъ прольется доля свѣта и на ея родину и на пути, которые она про-

[1]) См.: „Жив. Ст.“, VIII, 1, отд. II и XI, 1, 2, отд. II. *Ред.*

ходила, и такимъ образомъ мы, по мѣрѣ возможности, получимъ и указанія на время ея возникновенія" (стр. 1). Стало быть, чѣмъ больше сырого матеріала, не только съ разныхъ географическихъ концовъ земного шара, но и разнаго времени, тѣмъ больше возможности точно указать начальную форму. Въ этомъ отношеніи авторъ вооруженъ лучше своихъ предшественниковъ. Имъ цитируются безъ затрудненій рѣдко приводимыя въ западной Европѣ славянскія сокровища; кромѣ того, онъ широко воспользовался сѣверными скандинавскими и финскими, рукописными и печатными варіантами, такъ что не осталось ни одного уголка, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, который бы не имѣлъ своего представителя въ общей суммѣ варіантовъ. Они приводятся въ сокращеніи, причемъ вниманіе обращается на спеціальныя и характерныя черты. Послѣ того слѣдуютъ выводы. На основаніи популярнѣйшихъ и цѣльныхъ по смыслу варіантовъ возстановляется первоначальная форма данной „народной сказки" (въ противоположность книжной), хотя и случается надобность прибѣгать и къ другимъ соображеніямъ, так какъ „самая распространенная форма можетъ быть порою и не самой древней" (стр. 41). Въ такихъ случаяхъ принимается во вниманіе доказательства самого содержанія. Внутренній характеръ, освѣщеніе и настроеніе сказки часто указываютъ на ея родину (стр. 79). Изъ параллельныхъ, другъ другу отчасти противорѣчащихъ чертъ не трудно узнать подлинную, если всмотрѣться, какая изъ нихъ логичнѣе и естественнѣе остальныхъ (стр. 54). Иногда при опредѣленіи подлинности принимается во вниманіе, въ какомъ отношеніи данная черта находится къ главному дѣйствію содержанія, можно ли считать ея присутствіе необходимымъ для хода разсказа и т. д. (срвн. 47). Само собою разумѣется, что нахожденіе одного и того же мотива въ отдаленныхъ другъ отъ друга концахъ земного шара говоритъ за его древность.

Въ этомъ заключаются наиболѣе важные и любопытные критеріи того метода, представителемъ котораго является Антти Аарне.

Мы не будемъ входить въ подробности, излагая результаты этой, интересной по своей руководящей идеѣ и богато обставленной, работы. Въ ней изслѣдованы три сказочныхъ мотива: сказка о чудесномъ перстнѣ (напр. Афанасьевъ. IV, 236), о трехъ чудесныхъ вещахъ (Аф. II, 113) и о чудесной птицѣ съ письмомъ на крыльяхъ (Аф. II, 115). Первая группа указываетъ, своимъ своеобразнымъ распространеніемъ въ Азіи и восточной Европѣ, на востокъ, какъ на свою родину. Кромѣ того, настроеніе сказки—сказки о лампѣ Аладина,—міровоззрѣніе ея, напр. вѣра въ переселеніе души и т. д. не противорѣчатъ этому предположенію. Нерѣшеннымъ только остается вопросъ, считать ли Индію или какую-нибудь другую страну тѣмъ мѣстомъ, гдѣ впервые эта сказка была пущена въ оборотъ. Подобно первой изъ названныхъ группъ имѣетъ и вторая книжные варіанты между прочимъ и въ Gesta Romanorum. Сравненіе варіантовъ между собою приводитъ къ выводу, что книжные варіанты представляютъ изъ себя передѣлки устной традиціи, хотя, конечно, нельзя не считаться съ возможностью, что наоборотъ послѣдняя усваивала немало чертъ изъ книги. Не только большее

распространеніе мотива въ зап. Европѣ, но и близкое отношеніе англійскихъ и французскихъ варіантовъ къ возстановленной основной формѣ указываетъ на то, что сказка европейскаго происхожденія. Что касается третьей группы, то на основаніи географическаго распространенія и книжныхъ версій можно доказать, что востокъ, быть можетъ Персія, является ея колыбелью.

Рекомендуемъ книгу какъ превосходный образецъ для русскихъ изслѣдователей сказокъ.

Вильо Мансикка.

S. Matusiak. 1) Olimp polski podług Długosza (Kwartalnik etnograficzny „Lud". T. XIV, zeszyt I i II, str. 19—89. Lwów. MCMVIII).— 2) Dodatek do „Olimpu polskiego" (ibidem, zeszyt III, str. 205—235).

Статья *С. Матусяка*: „Польскій Олимпъ по Длугошу" заключаетъ въ себѣ подробный анализъ тѣхъ свѣдѣній о польскихъ богахъ и богиняхъ, какія даетъ знаменитый польскій историкъ Янъ Длугошъ (1415—1480 гг.) въ первой книгѣ своей громадной (14 томовъ) Historia polonica.

Приведя во вступленіи къ своей статьѣ соотвѣтствующую цитату изъ Длугоша въ латинскомъ подлинникѣ и въ переводѣ на польскій языкъ, г. *Матусякъ* признаетъ, что содержащіяся въ этой цитатѣ свѣдѣнія „очень любопытны и важны и тѣмъ болѣе цѣнны, что почерпнуты изъ какой-то старинной рукописи и опираются если не на непосредственное знакомство съ предметомъ, то на преданія, еще не подвергшіяся искаженію" (стр. 22). Такъ какъ данныя, о которыхъ идетъ рѣчь, несмотря на всю ихъ важность, до сихъ поръ остаются безъ научной обработки и даже неизвѣстна ихъ дѣйствительная научная цѣнность, то г. *Матусякъ* и взялъ на себя трудъ положить начало ихъ изученію.

Въ статьѣ разсмотрѣны слѣдующія божества; 1) Jesza или Jarowit (русскій Ярило)—хозяинъ весны, божество свѣта и тепла, 2) Łada—богъ войны, 3) Dziedzylela—покровительница родильницъ. 4) Niega—богъ умершихъ, 5) Dziewana—богиня въ родѣ римской Діаны, 6) Marzana—богиня смерти, 7) Pogoda—податель ясной погоды и 8) Żywa—богъ жизни. Относительно каждаго изъ нихъ авторъ старается точно установить настоящее имя божества и охарактеризовать его природу. Особенно подробно останавливается онъ на вопросѣ объ идентичности Jarowit'а съ главными славянскими божествами.

Въ заключеніи г. *Матусякъ* высказываетъ мнѣніе, что Длугошъ, благодаря своему старинному источнику, опиравшемуся на еще болѣе старые документы, „далъ намъ такой очеркъ славянской миѳологіи, какого никто не давалъ ни до, ни послѣ него".

Э. П.

Vocabularium linguae čuvašicae. Csuvas szójegyzék, szerkesztette Paasonen H. a finnugor nyelvtudomány tanára a Helsingforsi egyetemen. Budapest. A Magyar Tudományos Akadémia Kiadása. 1908. (I—VII+244, 8°).

Настоящій словарь чувашскаго языка составленъ проф. Гельсингфорсскаго университета Пасоненомъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ вос-

точно-финскихъ нарѣчій, и изданъ Венгерской Академіей Наукъ. Имя составителя служитъ порукой за точность и научность этого важнаго труда. О полнотѣ его можно судить по перечню перечисленныхъ авторомъ въ предисловіи пособій (въ перечнѣ упомянуты и всѣ прежнія, весьма, впрочемъ, немногочисленныя, изслѣдованія по чувашскому нарѣчію). Проф. Пасоненъ пользовался той научной транскрипціей, которая была предложена проф. Сетэлэ (см. Finnisch-Ugrische Forschungen, I, 1, 15—52). Значеніе чувашскихъ словъ объяснено по-венгерски и по-нѣмецки; часто автору приходилось прибѣгать и къ русскому ихъ опредѣленію. Цѣна книги невысокая: 4 кроны.

А. Ш.

И. А. Подгорбунскій. Русско-монголо-бурятскій словарь. Иркутскъ. 1909. Стр. VI+340. Ц. 2 р.

Въ предисловіи, главнымъ содержаніемъ котораго является изъясненіе знаковъ „условнаго алфавита", принятаго въ Словарѣ, авторъ заявляетъ, что его работа „представляетъ попытку дать словарь *живого разговорнаго бурятскаго языка*".

Въ основу алфавита авторомъ положена русская азбука, дополненная недостающими знаками въ такомъ количествѣ, чтобы, съ ихъ помощью, могли быть переданы всѣ главнѣйшіе звуки монголобурятскаго языка.

Потребность въ подобнаго рода словарѣ ощущалась давно, въ особенности лицами, незнакомыми съ монгольской азбукой, а потому „попытку" г. Подгорбунскаго можно только привѣтствовать.

Э. П.

S. Roudenko. Traditions et contes bachkirs. Rennes. 1908. Pag. 19. (Отд. оттискъ изъ Revue des Traditions Populaires, t. XIII, nos 2—3).

Брошюра г. Руденко содержитъ въ себѣ ровно 20 мелкихъ (иногда въ 3—5 строкъ) вещицъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ области вѣрованій башкиръ. За исключеніемъ двухъ или трехъ разсказовъ и легендъ, записанныхъ путешественниками, всѣ остальные опубликовываются, по словамъ автора, впервые, несмотря на сравнительное богатство русской литературы о башкирахъ.

Отмѣтимъ два недосмотра, объясняемые несомнѣнно тѣмъ, что печатаніе сборника происходило не подъ личнымъ наблюденіемъ автора. Такъ, въ первомъ разсказѣ („Умерщвленный шайтанъ") непонятно заключеніе: „Вотъ почему насъ прозвали: Шайтанъ Кудейскій (происходящій отъ Кудея)", ибо въ разсказѣ о Кудеѣ вовсе не упоминается. Затѣмъ, на стр. 12 *сарана* названа „луковицей какого-то растенія, которое башкиры очень любятъ", тогда какъ сарана есть общее названіе нѣкоторыхъ лилій; съѣдобными являются луковицы желтой или красной сараны, Lilium martagon.

Э. П.

„Русскій Чехъ", газета. Въ концѣ іюня нынѣшняго 1908 года прекратила существованіе издававшаяся въ Кіевѣ І. В. Вондракомъ

газета „Русскій Чехъ" („Rusky Čech"). Газета была посвящена, кромѣ общихъ вопросовъ о культурныхъ чешско-русскихъ отношеніяхъ, интересамъ русскихъ чеховъ, живущихъ на Волыни. Многія статьи и корреспонденціи „Русскаго Чеха" содержали описанія быта волынскихъ чеховъ и ихъ селеній. Къ изданію газеты 1908 г. была приложена брошюра Владиміра Олича: „Dějiny českého vystěhovalectví na Rus", содержащая историческія, статистическія и бытовыя свѣдѣнія о волынскихъ чехахъ. Такъ какъ изданіе „Русскаго Чеха" по личнымъ соображеніямъ издателя было прервано въ серединѣ года, то вмѣсто него высылается двѣ еженедѣльныхъ газеты, выходящихъ въ Прагѣ и составляющихъ прямое продолженіе „Русскаго Чеха", именно „Hospodářsky Pokrok" и „Českoruský obzor", подъ ред. Швиговскаго и Штепанека. Оба изданія иллюстрированныя. Пока вышло восемъ №№ каждаго ихъ нихъ. Отмѣтимъ въ „Чешско-русскомъ Обзорѣ" статьи географическаго и бытового содержанія: „Чешская волость Глинское на Волыни" (№ 7), „По Чешской Руси" Альберта Полака (№ 7), „О чешско-русскомъ селѣ у австрійскихъ границъ" его же (№ 8) и „Отъ Луцка до чешскаго Борятина и Крупы" его же (№ 8).

В. В. Даниловъ.

Журналы за 1908 г.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. IV. *Е. Ѳ. Карскій.* Бѣлоруссы. Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія.—*В. Топоръ-Рабчинскій.* Макіавелли и эпоха Возрожденія.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 11. *Д. В. Айналовъ.* Примѣчанія къ тексту книги „Паломникъ" Антонія Новгородскаго. IX—XV.—*Его-же.* Памяти Е. К. Рѣдина (некрологъ).—*А. Е. Прѣсняковъ.* Н. П. Павловъ-Сильванскій (некрологъ). **№ 12.** *К. Ѳ. Тіандеръ.* Культовое пьянство и древнѣйшій алкогольный напитокъ человѣчества.—*С. Ѳ. Ольденбургъ.* Памяти А. В. Григорьева.—Рецензія *Н. Н. Виноградова* на: В. В. Сиповскій. Исторія русской словесности.

Землевѣдѣніе, кн. III. Изъ Монголо-Сычуанской экспедиціи П. К. Козлова.

Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго О-ва, т. II. *Э. А. Вольтеръ.* Къ вопросу о ятвягахъ.—*В. И. Іохельсонъ.* Международные конгрессы американистовъ.—*Его-же.* Древнія и современныя подземныя жилища племенъ С.-В. Азіи и С.-З. Америки.—*В. Н. Васильевъ.* Краткій очеркъ инородцевъ сѣвера Туруханскаго края.—*Н. Н. Виноградовъ.* Красноярскій городской музей и его антропологическія коллекціи.—*Б. Ф. Адлеръ.* Адольфъ Бастіанъ.—*Его-же.* Эмиль Шмидтъ.—Отчеты О-ва.—Протоколы засѣданій.

Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва. Вып. VI. *О. Іонъ.* О султанатѣ Сіакъ и его обитателяхъ (съ 5 табл. рисунковъ).—*А. И. Булгаковъ.* Верховья Енисея въ Урянхаѣ и Саянскихъ горахъ (съ 9 рис. въ текстѣ).—Журналъ засѣданій Отд. Этнографіи. **Вып. VII.** Вѣсти изъ Монголо-Сычуань'ской экспедиціи подъ начальствомъ *П. К. Козлова* (съ рис. и карт.). **Вып. VIII.** *Э. Э. Анертъ.* Путешествіе на восточн. побережье русскаго Сахалина въ 1907 г. (Замѣтки о населеніи).—*Н. Н. Нордманъ.* Географическое положеніе погостовъ-округовъ Шелонской пятины по Писцовымъ оброчнымъ Новгородскимъ книгамъ 1498 г. (Съ 2 карт.).—Журн. засѣд. Отд. Этнографіи. **Вып. IX.** *Р. Ю. Рожевицъ.* Поѣздка въ южную и среднюю Бухару въ 1906 г. (съ рис.).

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, №№ 1—18. *А. С. Лаппо-Данилевскій.* Некрологъ В. Б. Антоновича.—*А. А. Шахматовъ.* Некрологъ Н. П. Даш-

кевича.—*В. Н. Бенешевичъ*. Отчетъ о поѣздкѣ на Синай.—*К. Г. Залеманъ*. Новыя поступленія въ Азіатскій Музей.—*О. фонъ-Леммъ*. Мелкія замѣтки по коптской письменности.—*В. В. Радловъ*. Доисламскія письмена тюрковъ и отношеніе ихъ къ тюркскому языку.—*Бар. А. фонъ Сталь-Гольштейнъ*. Тохарскій языкъ и языкъ II.

Извѣстія Имп. Археологической Коммиссіи. Вып. 26. (Вопросы реставраціи, вып. 1). Съ 110 рис. Протоколы засѣданій.—*А. С.* Изъ Архива Коммиссіи. I. Владимірская губ. II. Ярославская губ. **Прибавл. къ вып. 26.** Археологическая хроника.—Обзоръ русскихъ повременныхъ изданій.—Новыя книги. **Вып. 27.** (Съ 2 табл. и 56 рис.). *А. В. Орѣшниковъ*. Окуловскій кладъ русскихъ денегъ.—*G. Hirst*. Ольвійскіе культы. Перев. *П. Латышева*. **Прибавл. къ вып. 27.** Археологическая хроника.—*А. Б.* Обзоръ иностранныхъ журналовъ за 1907 и 1908 гг.—Обзоръ русскихъ повременныхъ изданій за 1-ю половину 1908 года.—Новыя книги. **Вып. 28.** (Вопросы реставраціи, вып. 2). Съ 25 табл. и 107 рис. Протоколы засѣданій.—*П. Покрышкинъ и К. Романовъ*. Древнія зданія въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ Новгородской губ.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва Т. XVIII. № 1. *И. И. Кальфоглу*. Древнѣйшія извѣстія о Батумѣ.—*Е. Цагарейшвили*. Свадьба въ Имеретіи.—*А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ*. Взыбская Абхазія.—**Т. XIX. № 1-й.** *Н. Н. Шавровъ*. Изъ путевыхъ наблюденій отъ Батума до Лимана. Съ 8-ю рис.—*В. С. Шамрай*. Евгеній Дмитріевичъ Фелицынъ. Біографическій очеркъ.—Лѣтопись Отдѣла.—Библіографія.

Извѣстія Отдѣленія русскаго яз и словесности И. А. Н., кн. 3. *Б. А. Романовъ*. Смердій конь и смердъ (въ Лѣтописи и Русской Правдѣ).—*В. И. Чернышевъ*. Народные говоры селеній, расположенныхъ отъ Боровска до Москвы по Старому Московскому тракту. — *Л. Л. Васильевъ*. О вліяніи неіотированныхъ гласныхъ на предыдущій открытый слогъ.—*А. И. Томсонъ*. Къ вопросу о возникновеніи род.—вин. п. въ слав. языкахъ. Приглагольный род. п. въ праслав. языкѣ.

Národopisny Věstník českoslovanský (Чешскославянскій Этнографическій Вѣстникъ). *№ 8. Янъ Тыкачъ*. Народный кузнецкій орнаментъ въ краяхъ Ландшкроунскомъ и Литомышльскомъ.—Рецензіи: *Jan Cimbura*. Jihočeská idilla.—*J. Vyhlidal*. Malůvky z Hané.—*Н. Дурново*. Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ.—*P. Sebillot*. Le Folk-Lore de France.—*Fr. Heinemann*. Bibliographie der Schweizerischen Landeskunde.—*А. Егличкова*. Выставка южночешскихъ костюмовъ и вышивокъ.—Этнографическія мелочи.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. *I. Кубикъ*. Чешскія сказки изъ Кладскаго края, съ комментаріями *Ю. Поливки*.

Народное Образованіе, кн. XI. Вкругъ школы. IV. Собиратель народныхъ пѣсенъ. *И. Попова*.

Русскій Филологическій Вѣстникъ № 3. *В. А. Бобровъ*. Русскія народныя сказки о животныхъ (окончаніе).—*Н. Н. Соколовъ*. Открытие и.-е. ă различнаго качества.—Труды Московской Діалектологической Коммиссіи. Два отчета Н. Соколова и предисловіе.—*Г. А. Ильинскій*. Еще о „лузяхъ".—Некрологъ К. Ѳ. Радченко. **№ 4.** *В. В. Даниловъ*. Разсказъ Г. И. Успенскаго „Парамонъ Юродивый".—*А. И. Соболевскій*. Шиворотъ на выворотъ.—*Архим. Меѳодій*. Старопечатная 2-й половины XVI ст. псалтырь въ слогоудареніяхъ ея глагольныхъ формъ. Матеріалы для исторіи ударенія въ русскомъ языкѣ (окончаніе). — *Г. А. Ильинскій*. Славянскія этимологіи... — Некрологъ М. Д. Миличевича.

Сибирскіе Вопросы. 1908 г. Сибирскія и дальне-восточныя коллекціи музея Императора Александра III (№ 23—24).—*Алексѣй Макаренко*. Гибель инородцевъ сѣвера Сибири (№ 25).—*Э. Пекарскій*. И. А. Худяковъ и ученый обозрѣватель его трудовъ (№ 31—32).—*R.* Путешественникъ-модернъ (Гартевельдъ). (№ 31—32).—Въ Императ. Русск. Геогр. Обществѣ (докладъ П. Е. Островскихъ: „Туруханскій край, его исторія и современное положеніе"). № 31—32.—*Э. Пекарскій*. Осѣдлое или кочевое племя якуты? № 37—38.—*Э. П.* Первый сборникъ Гиляцкой поэзіи („Матеріалы по изученію Гиляцкаго языка и фольклора", собранные и обработанные Л. Я. Штернбергомъ). № 39—40.—*Э. Пекарскій*. Якутскій Отдѣлъ Географическаго Общества. № 39—40.—*Д. Клеменцъ*. Замѣтки о кочевомъ бытѣ. № 49—52.—*И. Абрамовъ и Э. Пекарскій*. На краю Сибири. Поѣздка къ тунгусамъ („пріаянскимъ").

№ 49—52.—*В. Васильевъ.* Угасшая русская культура на дальнемъ сѣверѣ № 1.—*Вейсманъ, Р.* Индивидуализація сибирскаго права. № 7.

Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго О-ва, вв. 3 и 4. *Свящ. А. А. Глаголевъ.* Соціальныя отношенія Израильтянъ.—*П. К. Жузе.* Начало христіанской письменности у арабовъ.—*В. Н. Аничкова.* Іерусалимская пустыня. Бедуины и полубедуины—*А. А. Дмитріевскій.* Фрески Георгіевскаго параклиса 1423 г., въ Свято-Павловскомъ монастырѣ на Аѳонѣ и ихъ значеніе въ исторіи аѳоно-византійской и русской иконописи.

Труды Московской Діалектологической Комиссіи, вып. 1. *Н. Н. Соколовъ.* Опредѣленіе и обозначеніе границъ русскихъ говоровъ. — *Н. П. Кашинъ.* Замѣтка о говорахъ Владимірской губерніи. — *Н. Н. Дурново.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Клинскій и Волоколамскій уѣзды Московской губ. лѣтомъ 1904 года.—*Его-же.* Отчетъ о діалектологическихъ наблюденіяхъ въ Клинскомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ Московской губ. лѣтомъ 1905 года.—*Н. Н. Соколовъ.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Тверскую губ. съ діалектологическою цѣлью лѣтомъ 1904 года. — *А. С. Мадуевъ.* Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ по Тверской губ. лѣтомъ 1904 года. — *Н. Н. Соколовъ* Отчетъ о поѣздкѣ во Владимірскую и Рязанскую губ. съ діалектологическою цѣлью (1906).—*Его-же.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Меленковскій и Судогодскій уѣзды Владимірской губ. лѣтомъ 1907 года.—*Его-же.* Отчетъ о поѣздкѣ въ южную часть Трубчевскаго уѣзда Орловской губ. лѣтомъ 1907 года.— *Сводъ матеріаловъ, собранныхъ Комиссіей:* — Предисловіе. — Краткая программа по собиранію особенностей русскихъ говоровъ.—Владимірская губ. Обработалъ Николай Дурново. — Нижегородская губ. Обработалъ Д. Н. Ушаковъ. — Калужская губ. Обработалъ Николай Дурново. — Курская губ. Обработали И. М. Тарабринъ и Н. Н. Дурново.—Тульская губ. Обработано Н. Н. Дурново.—Воронежская губ. Обработано Н. Н. Кононовымъ.—Рязанская губ. Обработали Д. Н. Ушаковъ и Н. Н. Дурново. — Костромская губ. Обработали А. Д. Григорьевъ и Н. Н. Дурново. — Вологодская губ. — Пермская губ. — С.-Петербургская губ.

Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета, кн. I—XII. Алфавитный указатель авторовъ и статей, напечатанныхъ въ Ученыхъ Запискахъ въ 1908 г. Кн. XII.—*А. Архангельскій.* Русская литература XVIII в. Кн. II, X и XI.—*Его же.* Введеніе въ исторію русской литературы. Кн. XII.— *В. Богородицкій.* Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Наблюденія надъ произношеніемъ съ помощью губного аппарата Розанелли. Кн. I.—*Его же.* Курсъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ. Кн. II и IV.— *Его же.* Сравнительно-грамматическій комментарій къ текстамъ аріо-европейскихъ языковъ. Санскритъ. Кн. III и X.—*Его же.* Основы ариѳметическаго счета. Кн. VI—VII.—*Д. Смирновъ.* Курсъ исторіи религій.

Новости этнографической литературы [1]).

Ад. А. Теорія статистики. Курсъ по лекціямъ проф. Ю. Э. Янсона. 2-е изданіе. Спб. 1909.

Аникинъ, С. Мордовскія народныя сказки. Съ иллюстр. 102 стр. Спб.

Аракчіевъ, Д. И. Народная пѣсня Западной Грузіи (Имеретіи). Съ приложеніемъ 83 пѣсенъ въ народной гармонизаціи, записанныхъ фонографомъ. М.

Архангельская Карелія. Изд. Арханг. Губ. Стат. Комит. Архангельскъ. II+II+101+39+1 карта.

Барвинскій, В. Очерки изъ исторіи общественнаго быта старой Малороссіи. Кіевъ.

Бекштремъ, А. Изслѣдованія въ области этрускологіи. В. 2. Спб. II+ +174 стр.

Боголюбовъ, А. Ковровыя издѣлія Средней Азіи. В. I. съ 24 табл. Спб. F.

Болсуновскій, К. Символика эпохи неолита (съ табл. рис.). Кіевъ. 4°.

Былины новой и недавней записи изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Подъ редакціей проф. В. Ѳ. Миллера, при

---

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

участіи Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М. V+312 стр.

Вертоградскій, Н. И. Нарвскій тріумфальный щитъ. Спб.

Веселовскскій, А. Н. Собраніе сочиненій. Томъ III. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 586 стр.

Вознесенскій, И. О складѣ или ритмѣ и метрѣ краткихъ изреченій русскаго народа. Кострома. 23 стр.

Вяземскій, Н. В. кн., Восточные славяне. Русскіе, сербы и болгары. Спб. 1909.

Гатцукъ, А. Сказаніе о старинѣ незапамятной. Съ рис. М.

Георгіевскій, М. Д. Русско-корельскій словарь. Издано подъ наблюденіемъ акад. Ф. Фортунатова. Спб.

Гетнеръ. А. Россія Культурно-политическая географія. Переводъ съ нѣмецкаго съ дополненіемъ: „Азіатская Россія". 1909. М.

Глаголевъ, С. Мистеріи на берегахъ Конго. Сергіевъ-Посадъ.

Гнатюкъ, В. Віршована легенда про рицаря і смерть. Львів. 19 стр.

Гольдинъ, Н. Исторія древняго востока. Лекціи. Харьковъ.

Давыдовъ, К. На островахъ Ару. Спб. 245—351 стр. 4°.

Даниловъ, В. Литературные матеріалы и очерки. 2. Разсказъ I. И. Успенскаго „Парамонъ Юродивый". Варшава. 47 стр.

Дашкевичъ, Н. Славяно-русскій Траянъ и римскій императоръ Троянъ. Кіевъ.

Евсѣевъ, И. Археологическіе поиски въ Орловскомъ краѣ лѣтомъ 1907 г. Орелъ. 16 стр.

Завадскій-Краснопольскій, В. А. Географія Японіи. Переводъ съ японскаго языка 1-й и 2-й части „Сёгаку цири" 1905 г. Спб.

Ивановъ, Й. Български старини из Македония. София. V+310 стр.

Іоксимовичъ, Чед. М. Всеславянскій вопросъ. Анексія Босніи и Герцеговины. Разныя мнѣнія. 1909.

Карауловъ, Н. Свѣдѣнія арабскихъ географовъ IX и X. вв. по Р. X. о Кавказѣ, Арменіи и Адербейджанѣ. Тифлисъ.

Карлейль, Томасъ. Герои, почитаніе героевъ и героическое въ исторіи. Перев. съ англ. Съ портретомъ автора 3-е изданіе. Спб.

Карскій, Е. Ѳ. Бѣлоруссы. Томъ II. Языкъ бѣлорусскаго племени. 1. Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія. Варшава.

Каутскій, Карлъ. Античный міръ. Іудейство и христіанство. Спб. 1909.

Кошутичъ, Р. Сербскій народъ и анексія Босніи и Герцеговины. Публичная лекція. Спб. 56 стр.

Крассовскій, С. С. О языкахъ и нравахъ. Приведеніе наблюденій, подтверждающихъ правильность „таблицы членораздѣльныхъ звуковъ и ощущеній". Выпускъ II. Спб. 100+3 стр.

Кружокъ любителей Этнографіи, ревнителей Музея Антропологіи и Этнографіи имени Петра Великаго. Спб. 10 стр. 16°.

Кузнецовъ-Красноярскій. Минусинскія древности. Мѣдно-бронзовый и переходный періоды. В. I. Съ 12 табл. Томскъ. 4°.

Лебедевъ, А. Пижемское городище. Съ 3 рис. Казань.

Lemm, O., von. Kleine koptische Studien. Спб. 68 стр.

Лео, Фр., проф. Очеркъ исторіи римской литературы. Перев. съ нѣм. и предисловіе проф И. И. Холодняка. Спб.

Логофетъ, Д. Н. На границахъ Средней Азіи. Путевые очерки. Въ 3-хъ книгахъ. Книга I. Персидская граница.—Книга II. Бухарско-афганская граница.—Книга III. Русско-афганская граница. Спб. 1909.

Лупповъ, П. Обозрѣніе Вятской епархіи епископомъ Ниломъ въ 1836 г. Вятка. 32 стр.

Его-же. Село Биляръ, Елабужскаго уѣзда Вятской епархіи. Вятка. 12 стр.

Меѳодій (архимандр.) Старопечатная второй половины XVI ст. псалтырь въ слогоудареніяхъ ея глагольныхъ формъ. Матеріалы для исторіи ударенія въ русскомъ языкѣ. Варшава. 31 стр.

Murko, M. Geschichte der älteren südslavischen Litteraturen. Leipz. X+248 стр.

Мухаммедъ-Салихъ. Шейбани-намэ. Джагатайскій текстъ: Посмертное изданіе проф. П. М. Меліоранскаго. Подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ прив.-доц. А. Н. Самойловича. Спб.

Нараяна Хитопадеша. Доброе наставленіе. Сборникъ древнеиндійскихъ разсказовъ. Перевелъ съ санскритскаго Д. Кудрявскій. Юрьевъ.

О необходимости увеличенія пособія, выдаваемаго отъ казны Минусинскому городскому Мартьяновскому Музею. Записка Городской Думы. Минусинскъ. 24 стр.

Ончуковъ, Н. Е. Сѣверныя сказки. (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборникъ. Изд. Отд. Этнографіи И. Р. Г. О-ва. Спб. 1909. XLIII+646 стр.

Die osteuropäischen Litteraturen und die slavischen Sprachen... T. I. Berl. u. Leipz. VIII+396 стр.

Остроумовъ, Н. Сарты. Этнографическіе матеріалы. Изд. 3. Съ рис. Ташкентъ.

Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1905 г. Съ 6 табл. и 163 рис. Спб. 144 стр.

Отчетъ о дѣятельности Рязанской ученой Архивной Комиссіи за 1905 г. Рязань. 22 стр.

То-же. За 1906 г. Рязань. 15 стр.

Отчетъ по Минусинскому городскому Мартьяновскому музею за 1907 г. Канскъ. 18 стр.

Памяти почетн. чл. О-ва Нестора Лѣтописца, заслуж. ордин. проф. и академика *Н. П. Дашкевича.* Кіевъ. 57 стр.

Памятники древне-русскаго искусства. Вып. 1. Съ 11 табл. Спб. 4°.

Передольскій, В. В. По Енисею. Бытъ енисейскихъ остяковъ. Съ рис. Спб.

Петровскій, Сергій. прот. Молокане или „духовные христіане". Одесса.

Писаревскій, Григорій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. 1909.

Подгорбунскій, И. А. Русско-монголо-бурятскій словарь. Иркутскъ. 1909.

Покровскій, Н. В. Губернскія ученыя Архивныя Комиссіи. Спб. 24 стр.

Поликарповъ, Ѳ. Заселеніе и образованіе Нижнедѣвицкаго уѣзда. Воронежъ. 24 стр.

Поповъ, П. С. Краткое введеніе къ изученію китайскаго языка. Іокогама. 1909.

Православная богословская энциклопедія. Томъ IX. Съ 15 рис. Составленъ подъ ред. проф. Н. Н. Глубоковскаго. Спб. 1909.

Приселковъ, В. Очерки по исторіи культуры. В. 1. Греція. Зарайскъ.

Пришвинъ, М. За волшебнымъ колобкомъ. Изъ записокъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи и Норвегіи. Съ рис. Спб.

Путеводитель по музею Псковскаго Археологическаго О-ва. Съ рис. Псковъ.

Путинцевъ, А. М. Народная пѣсня новаго времени. Казань. 1908. 12 стр

Пыпинъ, А. Н. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изданіе 4-е. Спб.

Радловъ, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. 22-й. Спб. 961—1280 стр.

Рѣдинъ, Е. Икона „Недреманное Око". Съ рис. Харьковъ.

Сборникъ Средне-Азіатскаго Отдѣла О-ва Востоковѣдѣнія. Библіографія Афганистана. Спб.

Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями *В. И. Ламанскому*, по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности. Ч. II. Спб. IV+657—1479 стр.+III табл.

Сиротининъ, А. Бесѣды о русской словесности. Спб. 1909. X+345 стр.

Смирновъ, А. В., проф. прот. Курсъ исторіи религій. Казань.

Смирновъ, П. С. Изъ исторіи раскола первой половины XVIII вѣка. Спб.

Смирновъ, Я. Рисунки Кіева 1651 г. по копіямъ ихъ конца XVIII в. Съ 4 табл. М. 4°.

Соболевскій, А. Древняя церковнославянская литература и ея значеніе. Харьковъ. 22 стр.

Его же. Изъ переводной литературы Петровской эпохи. Библіографическіе матеріалы. Спб. 47 стр.

Его же. Нѣсколько словъ о лицевыхъ рукописяхъ. Спб.

Его же. Славяно-русская палеографія. Лекціи. Спб. 120 стр.+XX табл.

Суворовъ, А. Латино-русскій словарь, расположенный по корнямъ. Варшава. XV+730 стр.

Сѣрошевскій, В. Томъ VII. Дальній Востокъ. Съ 52 иллюстраціями. 3-е изданіе. Спб. 1909. Томъ VIII. Корея. 34 иллюстр. 3-е изданіе. Спб. 1909.

Сэндерлэндъ, І. Библія, ея происхожденіе, развитіе и отличительныя свойства. М.

Тайлоръ, Эд. Антропологія. Перев. И. Ивина. Съ 18 рис. Спб.

Тарасовъ, Н. и *Гартвигъ, А.* Изъ исторіи русской культуры. Полюдье. Съ рис. М.

Теръ-Аствацатурянцъ, Айкъ. Доисторическій человѣкъ. Съ 13 рис. Тифлисъ. (На арм. яз.).

Труды Саратовской ученой архивной Комиссіи. В. 24. Саратовъ. 151+152 стр.

Труды Ярославской ученой Архивной Комиссіи. Кн. V. LXIV+444 стр.

Трупинскій, А. Среднее Поволжье. Съ рис. М.

Указатель статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Тифлисъ.

Холодовъ, Н. Уссурійскій край. Историко-географическое описаніе. Съ

4 рис., 3 план. городовъ и 1 картой въ текстѣ. Спб.

Чамберлэнъ, Б. Х. Грамматика японскаго разговорнаго языка. Теоретическая часть. Переводъ съ анг. прив.-доц. В. Костылева. Спб.

— Упрощенная грамматика японскаго языка. (Новый письменный стиль). Переводъ прив.-доц. В. Костылева. Спб

Шахматовъ, А. А. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. XX+687 стр.

Его-же. Сказаніе о преложеніи книгъ на словенскій языкъ. Berl. 171—183.

Шемшуринъ. Андр. Стихи В. Брюсова и русскій языкъ. Москва.

Шергинъ, И. А. „Богатство Сѣвера". Путевыя замѣтки, очерки и разсказы. Изданіе 2-е дополненное. Спб. 1909.

Шпигельбергъ, В. Пребываніе Израиля въ Египтѣ въ свѣтѣ Египетскихъ источниковъ. Съ нѣм. Съ 12 рис. Спб.

Эйнгорнъ, В. Къ исторіи иноземцевъ въ старой Малороссіи. 53 стр. (Изъ „Тр. О-ва Ист. и Др.).

Яворскій, Ю. А. Къ исторіи карпаторусскаго фольклора XVIII вѣка. Харьковъ.

Его-же. Малорусскій отрывокъ Измарагда XVIII в. Berl. 12 стр.

Янъвичъ, Ор. М. Опытъ объясненія легенды объ „Ивиковыхъ Журавляхъ". Черниговъ.

Өедоровъ, А. М. За океанъ. Съ иллюстраціями. Спб. 1909.

Готовится къ печати книга Э. Ренана **„Происхожденіе языка"**. Книга выйдетъ подъ редакціей и съ примѣчаніями академика Ө. Е. Корша.

Въ скоромъ времени подъ заглавіемъ **„Пугачевщина"** выйдетъ въ свѣтъ психологическое изслѣдованіе о народныхъ волненіяхъ проф. Н. Н. Өирсова.

Въ настоящее время печатается **„Критико-библіографическое обозрѣніе** дневниковъ, мемуаровъ, записокъ, воспоминаній, путешествій и писемъ, относящихся къ исторіи Россіи", С. С. Минцлова.

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумаги печатается обширный трудъ по исторіи архитектурнаго искусства **„Мечети Самарканда"**. Этотъ трудъ, снабженный роскошными рисунками, издается Императорской археологической комиссіей.

Вышла изъ печати новая книга Шарля Дилля **„Юстиніанъ и византійская цивилизація** въ VI вѣкѣ".

По словамъ „Нов. Вр.", въ Токіо вышла изъ печати **„Исторія Японіи"** за послѣднія 40 лѣтъ, составленная и изданная графомъ Окума. Изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ по тысячѣ страницъ каждый. Въ составленіи „Исторіи" принимали участіе до 200 спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ, благодаря чему она представляетъ собой какъ бы сборникъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ. Связующимъ звеномъ между статьями является лишь личность редактора, графа Окума.

ОТДѢЛЪ V.

Хроника.

Въ Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

№ 11. Засѣданіе 7 ноября. 1) Окончаніе сообщенія чл.-сотрудника *Ив. С. Абрамова*. **„Поѣздка въ Стародубье"**. (О старообрядцахъ, штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губ.). 2) Сообщеніе *Н. И. Привалова*: **„Историческая эволюція русской народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ"**. Программа: Общая характеристика русскаго народнаго пѣснотворчества. Отзывы русскихъ и иностранныхъ авторитетовъ о пѣсняхъ русскаго народа. Два образца русской пѣсни въ отношеніи текстовъ. Народные пѣвцы и гусляры въ старину. Раздѣленіе русскаго населенія на „лучшихъ людей" и „простую чадь" съ приходомъ греческаго духовенства. Византійскіе идеалы и осужденіе русскаго пѣснотворчества. Вліяніе Западной Европы въ XVII столѣтіи. Поворотъ къ русскому національзму въ XIX вѣкѣ. Начало собиранія пѣсенъ и созданіе на основаніяхъ русскаго пѣснотворчества русской школы въ искусствѣ. Уклоненіе народа отъ источниковъ своей старинной поэзіи. Образцы новой современной пѣсни. Работа русскаго общества надъ возвращеніемъ въ народъ его старинной художественной пѣсни и инструментовъ. Общій очеркъ исторіи русскихъ народныхъ инструментовъ.

Въ исполненіи хора любителей И. А. Смолина были показаны (съ объясненіемъ) образцы обрядной пѣсни, былины, духовнаго стиха и пѣсенъ бытовыхъ.

Кромѣ того, русскія народныя пѣсни были исполнены крестьянскимъ хоромъ О. У. Смоленскаго *на жалѣйкахъ* и *гусляхъ*.

№ 12. Засѣданіе 21 ноября: 1) Новости этнографической литературы. 2) Сообщеніе чл.-сотр. *М. М. Пришвина*: **„Поморы русскаго крайняго сѣвера"**. Программа: Этнографическія наблюденія на лѣтнемъ берегу Бѣлаго Моря. Бытъ деревни Дуракова. Какъ объясняютъ себѣ поморы сѣверное сіяніе и другія явленія сѣверной при-

роды. Плаванiе на льдинахъ промыслотыхъ артелей по морю и океану (ромши). Западный берегъ Бѣлаго моря („Поморье") въ лѣтнее время. Путь по Лапландiи на Мурманъ (наблюденiя изъ жизни лопарей). Бытовыя наблюденiя во время лова трески въ океанѣ: 1) на шнякѣ, 2) на 1-мъ русскомъ траулерѣ. Русскiе поморы въ Норвегiи. (Были показаны дiапозитивы).

№ 13. Засѣданiе 5 декабря. 1) Рукописи, поступившiя въ Отдѣленiе. 2) Сообщенiе чл.-сотрудника *М. Б. Едемскаго.* **„Свадьба въ Кокшенгѣ, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ."**. Программа: Литература. Недостатки записей. Особенности записи Кокшенгской свадьбы. Наиболѣе близкiя по обрядамъ и языку причетовъ свадьбы другихъ мѣстъ. Стародавность обычая и новизна въ немъ. Запоручиванье невѣсты и „невѣстина нидиля". Выходъ невѣсты на угоръ и на поварню. Сватальной день. Причитанье надъ воротами. Выводъ невѣсты и отдача за столъ. Свадебное колдовство; сторожа. (Были показаны дiапозитивы).

№ 14. Засѣданiе 10 декабря. Сообщенiе дѣйствит. члена *П. Н. Луппова:* **Кумышка—напитокъ вотяковъ** (историческiй очеркъ). Программа сообщенiя: *Предисловiе.* Нѣсколько словъ о печатной литературѣ по исторiи кумышки и объ источникахъ настоящаго сообщенiя. I. *Обзоръ правительственныхъ мѣропрiятiй относительно кумышковаренiя.* II *Свѣдѣнiя о религiозномъ значенiи кумышки.* Дѣла о жертвоприношенiяхъ вотяковъ въ 1752 году.—Указанiе на связь кумышки съ языческой вѣрой вотяковъ въ 1802 году.—Донесенiе Глазовскаго Миссiонера и приходскихъ священниковъ въ 1830-хъ годахъ.—Данныя о кумышкѣ, собранныя Вятскимъ епископомъ въ 1838 году. III. *Потребленiе вотяками кумышки въ прежнiя времена.* Свидѣтельство Миллера.—Всеподаннѣйшая записка Вятскаго Губернатора 1845 г. Записки двухъ священниковъ Малмыжскаго (Вят. г.) и Мамадышскаго (Каз. г.) уѣздовъ.—Случай на вотскомъ жертвоприношенiи въ 1838 году. *Заключенiе.*

Русское Антропологическое О-во. 5 декабря былъ назначенъ докладъ д-ра *И. Н. Шмакова:* „Физическiй типъ русскихъ лопарей".

О-во Любителей Древней Письменности и Искусства. 5 декабря сообщенiя: Некрологъ Н. В. Султанова.—*Н. М. Каринскаго.* Неизданныя записи Псковскихъ рукописей XIV—XV вѣковъ.—*Ст. В. Смоленскаго.* Клавесинная музыка въ Россiи по русскимъ сочиненiямъ 2-й половины XVIII в., съ исполненiемъ нѣсколькихъ пьесъ на инструментѣ второй же половины XVIII в. Въ засѣданiи 9 янв. 1909 г. сообщенiе *Хр. М. Лопарева* „Слово о погибели Рускыя земли".

13 января состоялось первое въ текущемъ году собранiе членовъ **еврейскаго литературнаго общества**, на которомъ С. Л. Цинбергъ прочиталъ докладъ на тему: „Исторiя ассимиляцiи евреевъ въ Западной Европѣ".

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ.*

ОТЧЕТЪ

по Отдѣленію Этнографіи И. Р. Г. О-ва за 1908 годъ.

Въ истекшемъ году Отдѣленіе Этнографіи имѣло 13 засѣданій (изъ нихъ одно соединенное съ Отдѣленіемъ Статистики), на которыхъ было заслушано 17 сообщеній, сдѣланныхъ какъ членами Отдѣленія, такъ и посторонними лицами, проявившими свою дѣятельность въ какой-либо области этнографіи. Сообщенія эти были слѣдующія:

1) „Поѣздка въ Стародубье“, чл.-сотр. *И. С. Абрамова;*

2) „Буддійскій монастырь Лавран“, дѣйств. чл. *Б. Б. Барадійна*;

3) „Свадьба въ Кокшеньгѣ, Тотемск. у., Вологодск. губ.“, чл.-сотр. *М. Б. Едемскаго;*

4) „О зырянахъ“, *К. Ѳ. Жакова;*

5) „Султанатъ Сіакъ и его обитатели“, *О. И. Іона*;

6) „Бузогашишный вопросъ нашихъ окраинъ“, *И. С. Левитова*;

7) „Кумышка — напитокъ вотяковъ (историческій очеркъ)“, дѣйств. чл. *П. Н. Луппова;*

8) „Черноморское побережье Кавказа“, *А. А. Миллера;*

9) „Русскія военныя поселенія Тифлисской губ., Сигнахскаго и Телавскаго уу.“, *Б. Ф. Михайлова;*

10) „О новой теоріи происхожденія человѣка“, чл.-сотр. *В. А. Мошкова;*

11) „Сказки и сказочники сѣвера“, дѣйств. чл. *Н. Е. Ончукова*;

12) „Туруханскій край, его исторія и современное положеніе“, дѣйств. чл. *П. Е. Островскихъ;*

13) „Историческая эволюція русской народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ“, *Н. И. Привалова*;

14) „Поморы русскаго крайняго сѣвера“, чл.-сотр. *М. М. Пришвина*;

15) „Новости этнографической литературы“, почетн. чл. *А. И. Соболевскаго*;

16) „Этнографическія наблюденія въ Астраханской губерніи“, *И. И. Солосина*;

17) „Новыя вѣянія въ безпоповщинѣ“, дѣйств. чл. *Ѳ. Г. Шубина.*

Почти всѣ доклады сопровождались показываніемъ діапозитивовъ или демонстраціей различныхъ предметовъ изъ собранныхъ докладчиками этнографическихъ коллекцій. Сообщеніе же *Н. И. Привалова* сопровождалось вокально-инструментальнымъ концертомъ, составленнымъ изъ наиболѣе типичныхъ русскихъ пѣсенъ.

Изъ только что приведеннаго перечня сообщеній, сдѣланныхъ въ Отдѣленіи, видно, что кругъ вопросовъ, освѣщенію которыхъ посвятили свою дѣятельность члены Отдѣленія обширенъ и разнообразенъ: великоруссамъ (преимущественно сѣвернымъ) было посвящено 4 сообщенія, инородцамъ—2, инорусскимъ народностямъ—2, старообрядцамъ—2, Кавказу — 2, Сибири — 1, Средней Азіи — 1 и, наконецъ, общимъ вопросамъ этнографіи и народной словесности—3 сообщенія.

Кромѣ чтенія сообщеній въ засѣданіяхъ Отдѣленія докладывалось о текущихъ дѣлахъ, обсуждались нѣкоторыя мѣропріятія, направленныя къ достиженію опредѣленныхъ „Уставомъ“ О-ва задачъ Отдѣленія и дѣлались сообщенія и отзывы о вновь вышедшихъ книгахъ и рукописяхъ, поступавшихъ въ Отдѣленіе. О нѣкоторыхъ рукописяхъ, по предложенію Отдѣленія, давали свое заключеніе ученые члены Отдѣленія, спеціально занимающіеся извѣстнымъ отдѣломъ этнографическихъ изученій.

Замѣтно увеличилось число рукописей, поступившихъ въ распоряженіе отдѣленія, особенно по сравненію съ двумя предшествующими годами, когда поступленій почти не было. Въ теченіе отчетнаго года нижеслѣдующія лица прислали собранія матеріаловъ и статьи.

И. С. Абрамовъ. „Дѣвичья доля въ пѣсняхъ и обычаяхъ Волынскихъ крестьянъ“.
— „Заговоры, примѣты и суевѣрія на Волыни“.
А. К. Бассова. Записи киргизскихъ легендъ, сказокъ и преданій (10).
А. Васильевъ. „Сказки, слышанныя отъ крестьянина Ф. Н. Календарева“.
І. Васильевъ, свящ. „Замѣтки къ познанію вотскаго языка“.
Г. Г. Гинкенъ. 12 книгъ и 17 тетрадей матеріаловъ по литовскому языку.
А. А. Лебедевъ. „Саратовская“ (къ исторіи пѣсни).
А. Малиновскій. „Похоронные причёты въ Устюжнскомъ у., Новгородской губ.“
Н. Насаревъ. „Дѣтскіе стихи и прибаутки“ } Каргопольскаго у., Олонецкой губ.
— „Звукоподражанія въ народѣ“ } Каргопольскаго у., Олонецкой губ.
А. Д. Неуступовъ. „Клады по народнымъ разсказамъ и преданіямъ Кадниковскаго у.“
г. *Новожиловъ.* Пѣсни Кириловскаго у., Новгородской губ.
Б. Пилсудскій. „Аборигены о. Сахалина“.
— „Роды, беременность и выкидыши у туземцевъ о. Сахалина“.
Ѳ. Поликарповъ. „Въ деревнѣ“ (очеркъ).
— „Пурина“ (народный обычай).
В. Ф. Поповъ. „Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ“.
Н. А. Ригнасъ. „Древнее шаманство у монголовъ“.
гг. *Рождественскій* и *Успенскій.* Собраніе духовныхъ стиховъ и роспѣвцевъ сектантовъ.
С. Г. Рыбаковъ. „Изъ исторіи татарства и мусульманства въ Россіи“.
И. Савченко. „12 мѣсяцевъ въ умовоззрѣніи малороссійскаго народа“.
Н. А. Санинъ. „Вишерскій край и его населеніе“.
— „Населеніе Чердынскаго уѣзда“.
А. К. Сержпутовскій. Рядъ рукописей по бѣлорусскому языку, этнографіи и народной словесности.
П. И. Слюнинъ. Матеріалы по народной словесности Курской губ.
И. А. Тихоміровъ. „Повѣрья, примѣты, поговорки и пѣсни Ярославской губ.“ (Нѣкоторыя сравненія).
А. А. Шустиковъ. „Право семейной и личной собственности среди крестьянъ Кадниковскаго уѣзда“.
— „Приплавухи“ (старинный обычай).

Часть этихъ рукописей передана въ Архивъ О-ва для храненія, остальныя же рукописи — въ редакцію журнала „Живая Старина" для напечатанія.

Издательская дѣятельность Отдѣленія Этнографіи выразилась въ слѣдующемъ:

Отпечатано въ теченіе года.

Записки по Отд. Этнографіи, т. XXXIII. *Н. Е. Ончуковъ.* Сѣверныя сказки.

„Живая Старина", 4 вып.

Печатаются.

Сборникъ статей въ честь Г. Н. Потанина.

Алфавитный и систематическій указатель къ журналу „Живая Старина" за 15 лѣтъ его существованія. Сост. *Н. Н. Виноградовымъ.*

Приготовлены къ печати.

Ю. А. Яворскій. Карпаторусскія сказки, легенды и преданія.

гг. *Рождественскій* и *Успенскій.* Собраніе сектантскихъ духовныхъ стиховъ и роспѣвцевъ.

г. *Милорадовичъ.* Малорусскія сказки. Приготовлены *Н. И. Коробкою.*

При матеріальной поддержкѣ со стороны Отдѣленія совершены были этнографическія экскурсіи: *И. С. Абрамовымъ* въ Стародубье, для изученія мѣстнаго раскола и сектантства; *Н. Н. Виноградовымъ* въ Костромскую губернію, преимущественно для изученія быта черемисъ; *М. Б. Едемскимъ* въ Вологодскую и Архангельскую губерніи, для выясненія вопросовъ колонизаціи даннаго района, и *А. А. Макаренко* въ Сибирь (районъ р. Катонги), для изученія языка и быта тунгусовъ.

I. Краткій отчетъ объ экскурсіи чл.-сотрудника И. С. Абрамова въ Стародубье, лѣтомъ 1908 г.

Лѣтомъ 1908 г. членомъ-сотр. И. С. Абрамовымъ была совершена поѣздка въ сѣверные уѣзды Черниговской губ. съ цѣлью собиранія этнографическихъ данныхъ о бытѣ старообрядцевъ и сектантовъ (баптистовъ, штундистовъ, толстовцевъ, хлыстовъ) даннаго района; г. Абрамовымъ собраны свѣдѣнія о промыслахъ слобожанъ (трепальщикахъ пеньки, щетинникахъ, коробейникахъ-книгоношахъ), о хороводахъ и свадьбахъ, о сектѣ пасхальниковъ, о новыхъ явленіяхъ въ жизни старообрядцевъ послѣ указа о вѣротерпимости 17 апрѣля 1905 г. и т. п. Вышеозначенныя свѣдѣнія собраны въ городахъ и посадахъ: Новозыбковѣ, Клинцахъ, Стародубѣ, Еліонкѣ, Воронкѣ, Лужскихъ и др. О своей поѣздкѣ г. Абрамовымъ было сдѣлано сообщеніе въ засѣданіяхъ Этнографическаго Отдѣленія 17 октября и 7 ноября.

II. Краткій отчетъ по поѣздѣ въ Костромскую губернію дѣйств. чл. И. Н. Виноградова, лѣтомъ 1908 г.

Все лѣто 1908 г., съ 2 іюня по 22 августа, я провелъ въ экскурсіяхъ по Костромской и, отчасти, сопредѣльнымъ съ нею губерніямъ. За это время я проѣхалъ свыше 1.500 верстъ, главнымъ образомъ на лошадяхъ, съ частыми остановками въ болѣе интересныхъ съ той или иной точки зрѣнія мѣстностяхъ. Главной цѣлью моей поѣздки служило собираніе матеріаловъ по діалектологіи, народной словесности и этнографіи въ сѣверо-восточной части Костромской губерніи, очень мало обслѣдованной въ указанныхъ отношеніяхъ. Какъ результатъ поѣздки — является значительное количество діалектологическихъ записей, позволяющихъ установить отличительныя черты мѣстнаго говора (цоканье и чоканье, къ сѣверу постепенно усиливающееся). Собранный матеріалъ приводится мною въ порядокъ для представленія доклада по сему вопросу на предстоящемъ областномъ Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Костромѣ. Кромѣ того мною обращено было также вниманіе на говоръ мѣстностей, пограничныхъ съ черемисскими поселеніями, и на говоръ переселенцевъ-пимаковъ (изъ Вятской губ. въ Тоншаевскую волость, Ветлужскаго у.). Изъ собранныхъ мною матеріаловъ по народной словесности наиболѣе любопытными являются: заговоры, старинныя пѣсни (есть историческія), значительное собраніе „частушекъ“ и игровыхъ пѣсенъ, легенды и преданія. Есть такеже рядъ записей болѣе мелкихъ произведеній (пословицы, поговорки, загадки, отдѣльныя слова и выраженія) или отдѣльныхъ крупныхъ (напр. сказки). Болѣе важнымъ и интереснымъ матеріаломъ по этнографіи я считаю записи и наблюденія, произведенныя среди черемисъ Тоншаевской волости, Ветлужскаго уѣзда. Этотъ, затерянный въ дремучихъ, почти непроходимыхъ лѣсахъ, небольшой осколокъ черемисской народности имѣетъ свое особое нарѣчіе, настолько разнящееся отъ другихъ, что приглашенные въ качествѣ учителей луговые черемисы (наиболѣе близкіе по языку) не понимали мѣстныхъ жителей, а тѣ ихъ.

Еще живы старые обычаи; стоятъ кереметища; ворожцы совершаютъ моленья и жертвоприношенія. Но какъ быстро вымираютъ черемисы, такъ же быстро рушится и постепенно сходитъ на нѣтъ ихъ старинный укладъ жизни. Къ моему крайнему сожалѣнію время не позволило мнѣ въ достаточной мѣрѣ заняться изученіемъ черемисъ. Но все-таки я успѣлъ записать до 1.000 отдѣльныхъ словъ, значительное количество выраженій, описаніе свадьбы и нѣкоторыхъ другихъ обрядовъ, собрать значительную коллекцію одеждъ, вышивокъ и различныхъ предметовъ быта и домашней обстановки, а мой компаньонъ по поѣздкѣ снялъ до 100 фотографій. Въ другихъ же мѣстностяхъ собраны матеріалы: по постройкамъ и вообще матеріальной культурѣ (есть значительное количество фотографій), по описанію обрядовъ, обычаевъ, увеселеній, по суевѣріямъ и повѣрьямъ, по обычному нраву. Независимо отъ сего собирались, при случаѣ, матеріалы по ономастикѣ, археологіи (были произведены даже небольшія раскопки) и мѣстной исторіи, преимущественно церковной (житія святыхъ).

III. Отчетъ о поѣздкѣ съ этнографическими цѣлями въ Вологодскую и Архангельскую губерніи члена-сотрудника М. Б. Едемскаго, въ іюнѣ и іюлѣ 1908 года.

Помимо собиранія матеріаловъ изъ области народной словесности и быта жителей сѣвернаго края, цѣлью моей настоящей поѣздки я ставилъ также и выясненіе вопроса о движеніи заселенія нѣкоторыхъ захолустныхъ мѣстъ на границѣ этихъ двухъ губерній.

Имѣя у себя кое-какія, собранныя раньше, свѣдѣнія касательно заселенія Кокшеньги Тотемскаго (и Вельскаго) уѣзда поселенцами съ Ваги, изъ Шенкурскаго уѣзда, я полагалъ ознакомиться, для пополненія имѣющихся въ моемъ распоряженіи данныхъ по этому вопросу, съ нѣкоторыми памятниками живой старины по всему протяженію рѣчной системы Кокшеньга-Устья-Вага-С. Двина; и такъ какъ вся область этой системы состоитъ въ постоянномъ общеніи съ г. Архангельскомъ, то и разсчитывалъ я найти кой-какія руководящія въ предполагаемой работѣ указанія, главнымъ образомъ, историческаго характера въ г. Архангельскѣ и отчасти въ Соловецкомъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, надежды мои въ этомъ отношеніи совсѣмъ почти не оправдались. Въ Архангельской библіотекѣ не нашлось ожидаемыхъ свѣдѣній, а ризница Соловецкаго монастыря, въ которой хранятся многія болѣе или менѣе древнія рукописи, оказалась совершенно закрытой для обозрѣнія. Отчасти благодаря этому обстоятельству, отчасти по другимъ соображеніямъ, пришлось нѣсколько видоизмѣнить и самый планъ поѣздки, хотя не оправдавшіеся въ указанномъ направленіи разсчеты мои и были до нѣкоторой степени вознаграждены тѣмъ, что по дорогѣ въ Соловецкій монастырь, а также въ самомъ монастырѣ и въ г. Архангельскѣ удалось завязать нѣсколько знакомствъ съ лицами, отъ которыхъ я получилъ не мало интересныхъ свѣдѣній изъ области этнографіи и частью исторіи края. Весьма полезнымъ въ этомъ отношеніи было знакомство и съ архангельскими музеями (городской, рыбопромышленный и древнехранилище). Съ древнехранилищемъ, находящимся въ стѣнахъ Архангельскаго монастыря, познакомилъ меня лично главный устроитель и блюститель его, редакторъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, І. М. Сибирцевъ, любезно удѣлившій отъ своихъ даже срочныхъ текущихъ дѣлъ значительное количество времени для указаній и объясненій. Въ древнехранилищѣ, помимо большого количества церковныхъ и домовыхъ иконъ, иногда весьма старинныхъ и рѣдкихъ по исполненію, среди которыхъ встрѣчаются вырѣзанныя на деревѣ и даже на камнѣ (одна каменная икона, изображающая распятаго Господа І. Х., Божію Матерь и Марію Магдалину, вѣситъ 8 пудовъ)—не мало предметовъ церковной утвари и одежды, а также книгъ; цѣлая коллекція писанныхъ масляными красками портретовъ мѣстныхъ архіереевъ; встрѣчаются интересные предметы иного характера, вродѣ такихъ, напримѣръ, какъ зеркало царевны Софіи, попавшее въ этотъ край вмѣстѣ съ заточеннымъ сюда въ свое время кн. В. В. Голицынымъ. Очень хорошей сохранности церковные брачные вѣнцы изъ рябиновой коры. Большая коллекція церков-

ныхъ ризъ изъ крестьянскаго холста, повидимому, мѣстнаго производства, обращаетъ на себя вниманіе красотою и искусствомъ ихъ окраски, благодаря которой нѣкоторыя изъ нихъ въ отдаленіи производятъ впечатлѣніе бархатныхъ.

Изъ старыхъ книгъ одно евангеліе принадлежитъ XIV вѣку.

Въ городскомъ музеѣ обращаютъ на себя вниманіе образчики предметовъ мѣстныхъ производствъ и промысловъ: рыболовныя сѣти и разнаго рода снасти, модели судовъ, крестьянскихъ построекъ, соляныхъ варницъ, образчики различныхъ видовъ холста и узорчатаго тканья крестьянскаго. Встрѣчаются старинные портреты и гравюры, между которыми находится, между прочимъ, писанное масляными красками въ лицахъ „родословное дерево“, насколько помнится, XV вѣка. Есть предметы, относящіеся къ быту инородцевъ края.

О жизни инородцевъ любопытныя свѣдѣнія даютъ русскіе старожилы въ тѣхъ мѣстахъ. Такъ свящ. П. Преображенскій, миссіонеръ, жительствующій въ г. Кеми, разсказывая о проповѣди православія среди кareловъ, жалуется на полное почти отсутствіе здѣсь какого-либо просвѣщенія, что, разумѣется, препятствуетъ проникновенію сюда добрыхъ культурныхъ вліяній вообще и въ частности дѣлу религіознаго просвѣщенія, поэтому даже среди православнаго по имени населенія еще слишкомъ много языческаго. Между прочимъ, упорно держится обычай закалывать, на 3-ей или 4-ой недѣлѣ великаго поста, оленя и съѣдать торжественно съ особыми обрядами въ честь бога Ке.

Въ полномъ согласіи съ этими данными находятся также указанія на мѣстный бытъ другого корельскаго старожила, фельдшера Кистеневской волости, Д. П. Смирнова, который разсказывалъ, между прочимъ, что у корелъ Кемскаго уѣзда, считающихся безпоповцами, а по духу скорѣе язычниковъ, браки до сихъ поръ совершаютъ колдуны, обводя жениха и невѣсту вокругъ ящика, иногда съ приданымъ невѣсты, или вокругъ какого-нибудь чурбана; при этомъ онъ шепчетъ какое-нибудь колдовство, по временамъ останавливаясь и дѣлая кресты на окружающихъ предметахъ. Иногда во время обвода жениха и невѣсты другія дѣвушки подбѣгаютъ и присаживаются на этотъ ящикъ, чтобы скорѣе выйти замужъ. (Примѣта).

Изъ Архангельска по Двинѣ и Сухонѣ черезъ Устюгъ я проѣхалъ до Тотьмы. Въ Устюгѣ за время остановки парохода удалось проѣхать по всему городу и побывать въ нѣсколькихъ церквахъ, которыя построены здѣсь очень скученно, иногда по нѣскольку вмѣстѣ. Въ церкви св. Прокопія Устюгскаго у раки его мощей находится, между прочимъ, ваза изъ темнаго кристаллическаго валуна, выпавшаго, какъ говорятъ, изъ каменной тучи вмѣстѣ съ другими камнями; преданіе объ этой тучѣ, надвигавшейся на г. Устюгъ и чудесно отведенной молитвами св. Прокопія на глухой лѣсъ (сузё'мъ) въ 20 верстахъ отъ города, широко распространено по сѣверу. Изъ всѣхъ церквей, которыми такъ богатъ Великій-Устюгъ, наиболѣе древнею и по мѣсту и по времени постройки является церковь свв

Павла и Варлаама, находящаяся, вмѣстѣ съ другой болѣе поздней стройки церковью, на старинномъ городищѣ, подъемъ на которое со стороны пароходной пристани идетъ отлогимъ откосомъ, но которое съ трехъ остальныхъ сторонъ спускается большими крутизнами: къ р. Сухонѣ, съ одной стороны; съ другой, противоположной—къ значительныхъ размѣровъ пруду и съ третьей—въ широкій ровъ. Время постройки церкви свв. Павла и Варлаама относятъ къ XV столѣтію; рядомъ съ ней недавно стояла и обрушилась отъ ветхости еще болѣе старинная церковь. По всей вѣроятности, городище было однимъ изъ первыхъ мѣстъ поселенія предковъ нынѣшнихъ устюжанъ. Иконы и живопись по стѣнамъ церкви Павла и Варлаама вѣютъ глубокой стариной. Къ сожалѣнію, живопись испещрена сѣтью мелкихъ трещинъ, между которыми краска кой-гдѣ начинаетъ отставать; необходима умѣлая реставрація. На картинѣ страшнаго суда имѣется въ группѣ поставленныхъ ошуюю любопытная надпись: „жыды литва кизилбаши арапы немцы купцы и русь".

Всю средину лѣта, отъ конця іюня до начала августа, я провелъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, сначала въ Кокшеньгѣ, въ ста верстахъ къ сѣверу, отъ г. Тотьмы—въ Спасской волости, а потомъ—въ с. Леденгскѣ, отстоящемъ отъ Тотьмы на 35 верстъ въ противоположную сторону.

Въ Кокшеньгѣ я посвятилъ нѣкоторое время фотографированію сценъ изъ быта мѣстныхъ крестьянъ. Было сдѣлано почти до ста снимковъ: пивовареніе, свадьба, сѣнокосъ, бученье, пахота, ѣзда въ тарантасѣ и проч. Наряду съ фотографированіемъ я собиралъ и записывалъ и памятники народной словесности: духовные стихи, сказки, пѣсни; записано два-три заговора; провѣрены и пополнены записи свадебныхъ причетовъ, сдѣланныя здѣсь раньше; собрано нѣсколько отрывковъ изъ сказанія о Царѣ-Соломонѣ. Кромѣ того, были пріобрѣтены кой-какіе изъ предметовъ крестьянскаго обихода, выходящихъ уже изъ употребленія, вродѣ, напр., деревяннаго колокола, называемаго *ропотомъ* или *ропотней*, подвѣшиваемаго на шею коровъ при выгонѣ ихъ на пастбище; или—были куплены у старушки Х. Д—ой „башмаки", родъ туфель съ высокими каблуками и фигурными желѣзными подковками, изъ легкой матеріи и безъ задниковъ. Любопытно, что въ такихъ „башмакахъ", по словамъ Х. Д—ой, дѣвушки-невѣсты ѣздили раньше къ обѣднѣ даже среди зимы, въ морозы, иногда за нѣсколько верстъ: „такова ужъ была мода, поясняетъ Х. Д—ая, и моя маменька разсказывала, какъ она въ нихъ *о Крещеньѣ* щеголяла на погостѣ".

— ——— —

Село Леденгскъ или Леденгское, называемое у стариковъ Тотемскаго и близъ лежащихъ мѣстностей другихъ уѣздовъ Усольемъ, иногда Усольемъ Леденгскимъ, раскинулось по берегамъ р. Леденьги, вокругъ когда-то большого казеннаго солеваренваго завода, имѣвшаго свыше 20 варницъ со всевозможными богатыми сооруженіями, о которыхъ въ настоящее время свидѣтельствуютъ въ большинствѣ случаевъ лишь грандіозныя развалины.

Желѣзисто-соляные источники, бьющіе изъ нѣсколькихъ трубъ артезіанскихъ колодцевъ, иногда съ глубины слишкомъ въ сто два-

дцать саженъ, обладаетъ высокими цѣлебными качествами для ревматиковъ, неврастениковъ и другого сорта больныхъ, и при самой примитивной приспособленности ихъ къ утилизаціи собираютъ и нынче въ теченіе лѣта до 150 человѣкъ больныхъ, преимущественно изъ ближайшихъ сѣверныхъ городовъ и мѣстечекъ. Въ самое послѣднее время я имѣю свѣдѣнія объ ассигнованіи Тотемскимъ земствомъ, взявшимъ у казны эти источники въ аренду на 24 года, двадцати пяти тысячъ рублей на устройство ваннъ и гостиницы для пріѣзжихъ больныхъ; такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ с. Леденгское обратится въ заправскій курортъ.

Населеніе села достигаетъ 1500 жителей и состоитъ изъ заводскихъ крестьянъ, надѣленныхъ отъ казны землею. Собралось оно въ значительной части изъ другихъ, болѣе древнихъ соляно-заводскихъ районовъ сѣвера и частію изъ окрестныхъ мѣстъ. Изъ трехъ наиболѣе распространенныхъ здѣсь фамилій—Бабушкиныхъ, Сысоевыхъ и Мезеневыхъ—происхожденіе послѣдней связывается съ городомъ Мезенью; Сысоевы считаются еврейскаго происхожденія.

При своей крайней бѣдности населеніе живетъ не тужитъ и славится своими пѣвцами и пѣвицами, а также плясунами и плясуньями. Въ воскресные и праздничные дни лѣтомъ, а зимой и въ будни, молодежь собирается большими партіями, отплясываютъ „чижика" и другіе танцы и нерѣдко импровизируютъ прекрасные хоры старинныхъ народныхъ пѣсенъ (напѣвы нѣсколькихъ такихъ пѣсенъ записаны, лѣтъ 7—8 тому назадъ, любителемъ-этнографомъ А. Н. Поповымъ). Среди молодежи болѣе зажиточныхъ семействъ, по образу жизни приближающихся къ городскимъ обывателямъ, распространены пѣсни и игры (и тоже старинныя) нѣсколько иного характера, чѣмъ въ остальномъ народѣ. Изъ такихъ были записаны мною, съ указаніемъ хода игры, 12 нумеровъ:

1) Розочка, 2) Какъ по морю, 3) Заинька по сѣничкамъ, 4) Въ хороводѣ были мы, 5) По за городу ходитъ, 6) Заинька погуляй, 7) Стой, частой березникъ, 8) Ѣхала кума, 9) Зáтоню, 10) Подойду, подступлю, 11) Какъ у дяди N было семеро дѣтей и 12) Я горю, горю на калиновомъ мосту.

Сверхъ того, были также записаны еще три сказки.

Наряды и костюмы какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, мало чѣмъ отличаются отъ городскихъ и потому не представляли особаго интереса для фотографированія.

По языку и пѣснямъ населеніе Леденгска стоитъ нѣсколько ближе къ населенію Кокшеньги, сравнительно съ гораздо болѣе близкими по мѣсту жителями Евденьги и по-сухонскихъ приходовъ, между Леденгскомъ и Кокшеньгой.

Собранные мною матеріалы, по мѣрѣ обработки, будутъ поступать въ распоряженіе Этнографическаго Отдѣленія И. Р. Г. Общества, которому долгомъ считаю выразить мою признательность, какъ и глубокоуважаемому Предсѣдателю его В. И. Ламанскому, за оказанную мнѣ поддержку въ моихъ скромныхъ попыткахъ принести посильную пользу для русской этнографіи.

IV. Краткій отчетъ о поѣздкѣ къ тунгусамъ бассейна р. Катонги чл.-сотр. А. А. Макаренко, лѣтомъ 1908 г.

Во вторую этнографическую поѣздку къ тунгусамъ бассейна рѣки „Катонги“, предпринятую по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, А. А. Макаренко былъ занятъ пополненіемъ лексическаго матеріала по языку тунгусовъ, продолжалъ изученіе образа жизни ихъ, шаманства и обычаевъ; собиралъ свѣдѣнія о разселеніи тунгусовъ, объ устояхъ ихъ экономической жизни и условіяхъ и формахъ торговли съ ними русскихъ; имъ записаны также тунгусскія сказки: о якутскомъ царѣ Тыгы-ракта (по-якутски: Тыгын-ыра̄хта̄ђы), о „Шоломон“ царѣ и др.; добыты образцы рисовальнаго искусства и письменности тунгусовъ и пр.

Экскурсантъ совершилъ поѣздку въ обществѣ двухъ своихъ, испытанныхъ въ предыдущія командировки въ Сибирь, спутниковъ: К. А. Масленникова и П. Т. Воронова. Первый велъ подъ наблюденіемъ г. Макаренко метеорологическія наблюденія, занимался при помощи гипсотермометра опредѣленіями береговыхъ высотъ, а также заново воспроизвелъ по компасу глазомѣрную съемку фарватера рѣки „Катонги“ (она же Средняя Тунгуска), съ ея притоками, на протяженіи слишкомъ 900 верстъ; первая съемка была сдѣлана въ 1907 году въ полую воду (большую); съемка этого года, начатая съ начала вскрытія рѣки, закончена была лѣтомъ, когда обнаружились ея пороги и шиверы; получены, такимъ образомъ, весьма интересныя данныя для сравнительнаго сужденія, въ связи съ промѣрами, о высотахъ уровня воды въ „Катонгѣ“ въ главные моменты навигаціоннаго времени и объ условіяхъ возможнаго по ней судоходства. П. Вороновъ, будучи уроженцемъ Ангарскаго края и въ то же время прекраснымъ охотникомъ и знатокомъ мѣстности, оказалъ весьма полезное содѣйствіе при собираніи свѣдѣній о поверхности, флорѣ и фаунѣ бассейна „Катонги“, во многомъ сходныхъ въ таковыми Ангарскаго края; своимъ лоцманскимъ искусствомъ Вороновъ, кромѣ того, былъ неоцѣнимымъ проводникомъ въ тайгѣ и по рѣкѣ, изобилующей серьезными препятствіями: благодаря его распорядительной предусмотрительности, быстрой находчивости и поразительному присутствію духа, утлая лодка экскурсантовъ не разъ избѣгла серьезной опасности въ нѣкоторыхъ порогахъ „Катонги“.

Переѣздъ до мѣста назначенія въ 1.200 слишкомъ верстъ былъ сдѣланъ зимнимъ (въ январѣ) путемъ на лошадяхъ; въ глубь жительства тунгусовъ совершена поѣздка на оленяхъ; а главный маршрутъ по „Катонгѣ“ и ея видномъ притокѣ—Чунѣ былъ сдѣланъ на небольшой лодкѣ.

На сокращеніе экспедиціоннаго времени и на сравнительно малый результатъ этнографическихъ изысканій повліяло, между прочимъ, распространеніе оспенной эпидеміи среди тунгусовъ изслѣдованнаго края; послѣдніе, по словамъ А. Макаренко, избѣгали, благодаря этому, посѣщеній ярмарочныхъ мѣстъ и уходили въ невѣдомыя малодоступныя таежныя трущобы.

По той же немаловажной причинѣ оказался мало успѣшнымъ

сборъ этнографическихъ коллекцій среди тунгусовъ, порученный А. Макаренко Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго музея Императора Александра III. Имъ доставлены въ обѣ поѣздки (1907—1908 г.) предметы домашней утвари тунгусовъ, одежды съ раскраской и бисернымъ шитьемъ, оружіе, орудія промысла, ремеслъ, амулеты, предметы шаманскаго культа и похоронъ (гробъ съ останками и пр. принадлежности), берестяная лодка, лыжи, посохи, а также броня тунгусскихъ воиновъ, скованная по старинному образцу, и проч.

Кромѣ того, согласно заявленіямъ чл.-сотр. *М. М. Пришвина* и студента Имп. Спб. У-та *Б. Ф. Михайлова,* имъ были выданы отъ О-ва открытые листы для совершенія этнографическихъ поѣздокъ: первымъ — по Костромской и Нижегородской губ., вторымъ — по Кавказу.

Въ члены-сотрудники Отдѣленія были избраны: *Б. Б. Барадійнъ* и *М. Р. Фасмеръ.*

За труды на пользу Этнографіи были назначены Отдѣленіемъ, по предложенію Медальной Коммиссіи, и утверждены Совѣтомъ О-ва слѣдующія почетныя награды:

Большая золотая медаль Отдѣленія—*Н. Е. Ончукову* за сборникъ „Сѣверныхъ сказокъ", согласно отзыву *С. Ф. Ольденбурга.*

Малая золотая медаль—*А. К. Сержпутовскому* за представленные въ Отдѣленіе рукописи: „Собраніе Бѣлорусскихъ пословицъ" и „Бѣлорусскій словарь", согласно отзыву *Д. К. Зеленина.*

Серебряныя медали: *П. Н. Зенбицкому* за работы, напечатанныя въ „Живой Старинѣ", и *Н. И. Привалову* за работы по изученію и распространенію русской народной пѣсни и музыки.

О числящихся при Отдѣленіи Этнографіи *Постоянныхъ Коммиссіяхъ:*

1) По собиранію народныхъ пѣсенъ съ напѣвами, и 2) По собиранію народныхъ юридическихъ обычаевъ—въ Отдѣленіи никакихъ свѣдѣній не имѣется. Что же касается прекратившей свою дѣятельность „Коммиссіи по собиранію и изданію русскихъ народныхъ сказокъ" — то слѣдуетъ отмѣтить, что возбужденъ вопросъ объ ея возобновленіи и, по всей вѣроятности, въ будущемъ году она возобновитъ свою дѣятельность.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи *В. Ламанскій.*

Товарищъ Предсѣдательствующаго *Н. Веселовскій.*

Секретарь Отдѣленія *Николай Виноградовъ.*

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Приложеніе.

Отдѣлъ V.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVII годъ изданія 1908

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVII годъ изданія 1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и Секретаря Отдѣленія Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ— 5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Типографія М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Николай Виноградовъ.

Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч.

Выпускъ II.

Посвящается четвертому Областному Археологическому Съѣзду въ г. Костромѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.
1908.

Изъ журнала „Живая Старина", вып. I—IV. 1908 г.

ЭТОТЪ ВЫПУСКЪ

«Заговоровъ, обереговъ, спасительныхъ молитвъ и проч.»

ПОСВЯЩАЕТСЯ

четвертому Областному
Археологическому Съѣзду
въ г. Костромѣ.

Ниже прилагается таблица такъ называемой „тарабарской грамоты“, такъ какъ нѣкоторые заговоры написаны этимъ именно шифромъ, и въ печати не всѣ мѣста могутъ быть расшифрованы:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	п

Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч.

(По стариннымъ рукописямъ и современнымъ записямъ).

XX.

[Рукопись въ переплетѣ, на 5 листахъ въ восьмушку, ш. 11 снт., дл. 17,5 снт. Письмо—тщательный и красивый полууставъ поморскаго типа, съ титлами, удареніями и др. строчными и надстрочными знаками. Писано по двумъ линейкамъ, намѣченнымъ острымъ инструментомъ. Бумага довольно старая, очень хорошаго качества, безъ филиграней, приблизительно, половины XVIII вѣка. На л. 1, вверху, небольшая заставка хорошей работы, исполненная чернилами и киноварью. Въ узорѣ—рѣшетка, на ней корона съ четвероконечнымъ крестомъ и вѣтками растенія по сторонамъ. На л. 1 b начальная буква писана киноварью съ растительнымъ орнаментомъ. На л. 5b небольшая черная концовка (завитокъ съ листочками). Заглавія статей и начальныя буквы писаны киноварью, а на л. 4—4 b цѣлыхъ десять строкъ писаны сплошь киноварью. Вообще вся рукопись отличается особою тщательностью и изяществомъ работы. Записей и приписокъ нѣтъ.

Рукопись содержитъ въ себѣ молитву „отъ всякія болѣзни“ и заклинанія противъ трясавицъ. Впереди рукописи приклеена хорошо нарисованная отъ руки многоцвѣтная картина (ш. 17,5 снт., дл. 22 снт.), служащая иллюстраціей къ тексту заклинаній. Девять трясавицъ спускаются съ горы, покрытой мелкимъ кустарникомъ. Надъ пятью изъ нихъ [1]) надписи: „Трясови. Меди. Ярустошо. Коркуша. Коркодія“. Первая изъ нихъ, Трясовица,

---

[1]) Начиная съ идущей впереди. Остальныя трясавицы помѣщены на темномъ фонѣ горы, и поэтому надписи сдѣлать было невозможнс.

держитъ въ рукахъ маленькаго краснаго человѣчка, окруженнаго языками пламени. Ниже, подъ тѣнью густого дерева, еще двѣ трясавицы, изъ которыхъ одна сидитъ (Чемія), а другая изогнулась; около нея надпись: „Невія“. Изображенія одной трясавицы, повидимому—одинадцатой, Нелюдіи—нѣтъ. На противоположной горѣ съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ сидитъ преподобный Сисиній, простирая лѣвую руку къ трясавицамъ. Вверху, на облакахъ, четыре евангелиста (надпись—„Іеvан— — гѣлісты“) съ пучками прутьевъ въ рукахъ и летящій отъ нихъ внизъ ангелъ также съ пучкомъ прутьевъ [1]).

Переплетъ рукописи простой бѣлый, съ зелеными наугольниками; корешокъ коленкоровый.

Пріобрѣтена рукопись въ 1907 г., лѣтомъ, въ Костромѣ, на толкучкѣ.

Орѳографія исправлена, фонетическія особенности сохранены].

№ 1. Молитва Господу нашему Іисусу Христу.

Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.

Сія молитва взята бысть во Іерусалимѣ, у гроба Господня, отъ всякія болѣзни.

Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помови мнѣ во всѣхъ притчахъ и скорбѣхъ, рабу Божію (имя рекъ), и съ домочадцы его. Аминь, аминь, аминь. (№ 135) [2]).

№ 2. [Заговоръ отъ лихорадки].

Святому Отцу и Сыну сѣдящимъ [3]) на горѣ Синайстей, идущимъ дванадесятію дѣвицамъ; онъ же рече имъ: „окаянныя діявольницы, что есть вы, и къ кому грядете?“ И отвѣща едина изъ нихъ: „мы есть трясовицы, дщери царя Ирода; идемъ мучить весь родъ человѣческій“. И услыша святый отецъ Сисиній, помолися Господу, глаголя: „Господи, Іисусе Христе, Боже, избави родъ человѣческій отъ таковыхъ окаянныхъ діявольницъ“. Господь посла святаго архистратига Михаила и четырехъ евангелистовъ: Марка, Луку, Матфея и Іоанна Бого-

---

[1]) Картина эта воспроизведена въ краскахъ въ „Исторіи русской литературы“ подъ редакц. Е. В. Аничкова, т. I, вып. 1.

[2]) № поставленный послѣ текста обозначаетъ счетъ заговоровъ съ начала I выпуска.

[3]) Нужно читать: „Святому отцу Сисинію сѣдящему“, и т. д.

слова. Они же ихъ поимаша и начаша мучить тремя дубцами желѣзными, и даша имъ множество ранъ. Они, окаянные, начаша молитися имъ. Святый Сисиній, архистратигъ Михаилъ и четыре евангелиста: Марко, Лука, Матфей, Іоаннъ Богословъ глаголаша къ нимъ: „что есть имена ваша?“ И рече первая: „мнѣ есть имя Трясовица. Яко пещь распаляетъ дровами, тако я распаляю у человѣка всѣ члены и кости“.

Вторая рече: „мнѣ есть имя Медія[1]), зноблю бо у человѣка всѣ члены, и тотъ человѣкъ не можетъ согрѣтися въ пещи“.

Третія рече: „мнѣ есть имя Ярустошо, ложуся у человѣка во главѣ и закладываю уши, и тотъ человѣкъ бываетъ глухъ“.

Четвертая рече: „мнѣ есть имя Коркуша, ложуся у человѣка подъ ребрами, и тому человѣку тяжко дыхати“.

Пятая рече: „мнѣ есть имя Коркодія, ложуся у человѣка подъ воздухами, и, аще что вкуситъ изъ пищи, то зъ души скинетъ“.

Шестая рече: „мнѣ есть имя Желтодія. Яко въ полѣ цвѣтъ цвѣтетъ и желтѣетъ, тако и у того человѣка тѣло таетъ и увядаетъ“.

Седьмая рече: „мнѣ есть имя Люмія[2]), ломитъ бо у того человѣка всѣ кости“.

Осьмая рече: „мнѣ есть имя Секудія—то-есть всѣхъ проклятѣйшая: сѣку жилы въ одно мѣсто“.

Девятая рече: „мнѣ есть имя Пухлія—пускаю въ народъ опухоль“.

Десятая рече: „мнѣ есть имя Чемія—я ножныя жилы свожу“.

Перваянадесять рече: „мнѣ есть имя Нелюдія—ночью сна не даю, но къ себѣ никого не допущаю, и съ ума человѣка свожу“.

Втораянадесять рече: „мнѣ есть имя Невія—вся проклятая и старѣйшая трясовица... Не можетъ человѣкъ отъ меня излѣчиться и лишится жизни“. (№ 136).

№ 3. [Заклинаніе трясовицъ].

Аще кто сію молитву хощетъ читать на здравіе тѣла отъ діявольницъ сихъ и проклятыхъ трясовицъ, сице да творитъ и читаетъ надъ главою болящаго. И ты, снемъ крестъ съ себя, и положи въ пріуготовленную воду въ сосудѣ и глаголи сице[3]):

---

[1]) Вѣроятно—Ледея—отъ слова ледъ.

[2]) Вѣроятно—Ломея.

[3]) Все это наставленіе написано киноварью.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь.

Окаянныя трясовицы, заклинаю васъ Господемъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ, и пречистою владычицею нашею Богородицею, и всѣми святыми, святымъ архангеломъ Михаиломъ и преподобнымъ Сисиніемъ, и четыремъ евангелистомъ: Маркомъ, Лукою, Матфіемъ и Іоанномъ Богословомъ.

Окаянная ты еси, Трясовица!
Окаянная ты еси, Мѣдія!
Окаянная ты еси, Ярустошо!
Окаянная ты еси, Коркуша!
Окаянная ты еси, Корködія!
Окаянная ты еси, Желтодія!
Окаянная ты еси, Люмія!
Окаянная ты еси, Секудія!
Окаянная ты еси, Пухлія!
Окаянная ты еси, Чемія!
Окаянная ты еси, Нелюдія!
Окаянная ты еси, Невія!

Побѣжите отъ раба Божія (имя рекъ). Аще не бѣжите, то пришлю на васъ святаго архистратига Михаила и преподобнаго отца Сисинія, и четырехъ евангелистовъ: Марка, Луку, Матфія, Іоанна Богослова. И дадутъ вамъ по тысящѣ ранъ. Отидите, окаянныя, отъ раба Божьяго, (имя рекъ). Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Дай воду пить болящему и рцы: піетъ рабъ Божій, имя рекъ, на здравіе тѣлесное купѣ же и душевное. Аминь, аминь, аминь. (№ 137).

XXI.

[Обыкновенная ученическая тетрадь изъ 16 листовъ, въ синей обложкѣ, въ четверку; оборотъ каждаго листа чистый. Изъ архива Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. На тетради помѣтка: „Записано въ реэстрѣ на стр. 42. I. 1903 г.“ Заговоры записаны управляющимъ Жоховскимъ имѣніемъ, Димитріемъ Дементьевымъ, со словъ слѣпой дѣвицы-старицы, крестьянки Пыщугской волости, деревни Ираклихи, Костромской губерніи, Ветлужскаго уѣзда (см. запись на л. 16). Запись сдѣлана, вѣроятно, въ томъ же 1903 году, или около того времени].

№ 4. Заговоръ охотниковъ для ловли звѣрей въ капканы.

Господи благослови! Спать ложася и перекрестяся, умоюся свѣжею водою, ледяною утреннею росою, утруся шитою, браною святою пеленою, помолюся образу Спасу, Кузьмѣ-Демьяну, Пресвятой Богородицѣ, Гаврилу Осподню, всей небесной силѣ. И благословите меня, раба Божія (имя рекъ), вся небесная сила идти въ чистое поле, въ востошную сторону, на море на окіянъ. На морѣ на окіянѣ, на востромъ[1]) на Буянѣ, стоитъ храмъ Божей, святая церковь золочёная, оволочёная, священная, моленная, апостольская. Въ той же церквѣ стоитъ златъ пристолъ, на златѣ пристолѣ сидятъ двѣ матушки Божьи Богородицы: Тифиньская и Владимирьская. Благословите меня, раба Божьева, Тифиньская и Владимирьская поклонитця и помолитьця, идти въ чистое поле, въ востошную сторону, въ Богову пазушку, въ Христову зелену дубровушку, покидать и пометать своихъ поставушекъ, своихъ половушекъ, своихъ золотыхъ капканьчовъ, позолоченыхъ пружинокъ и тайныхъ силъ — на вольныхъ звѣрей, на бѣлыхъ зайцовъ, заячихъ семей, на красныхъ, сѣрыхъ и бурнастыхъ лисичъ, рысей, росомагъ и сѣрыхъ волковъ. И бѣгите же вы въ мои поставушки, въ мои половушки старыми тропками, новыми слѣдочками, и бейте же вы задними ножками и передними ножками, лежитеся туловами, буйными головами, не выскребайтеся, не выѣдайтеся и не выкатывайтесь. И бѣгите же вы въ мои поставушки, въ мои половушки по всякую пору, по всякое время, днемъ при соньцѣ, ночью при мисецѣ, при частыхъ звѣздахъ, при темныхъ оболокахъ, по вечеру позно и по утру рано, на утренней зарѣ и на солносходѣ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (№ 138).

Пастушьи молитвы.

№ 5.

Сбирайся, мое милое стадо, ко всякой ночкѣ къ своему дому, какъ збирается міръ православный ко звону колокольному, ко духовному, и пѣнію церковному. Какъ муравей[2]) дити чарю свому муравью служатъ и слушаютъ; и какъ медовыя мцѣлы

---

[1]) Вмѣсто—островѣ...

[2]) Слѣдуетъ читать—муравьевы

слетаются въ гнѣздамъ своимъ и не забываютъ дитей своихъ, и не покидаютъ; и какъ стекаются быстрыя рѣчки и малыя, и большія въ славный окіянъ море, и такъ бы мое стадо стекайтесь на голосъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, другъ отъ дружки не отставайте; изъ-за озеръ, отъ мховъ зыбучихъ, отъ черныхъ болотъ, изъ-за рѣкъ, изъ-за ручьевъ, изъ-за лѣсовъ и полей, ко своему дому спѣшите начевать вѣкъ по вѣку. Аминь. (№ 139).

№ 6.

Постави, Осподи, вокругъ моего стада тынъ золѣзной, а другой булатный, а третѣй мидяной и стѣну каменну во глубину земную—сколь небесная высота, а вышиною до небесъ. Вокругъ стѣны завали, Осподи, землею матерней во глубину неизмѣримую; и проведи, Осподи, рѣку огненную со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ востока до западу и отъ сѣвера и до лѣта; и повели, Осподи, тыны и стѣну каменну запереть и заложить святому апостолу Петру своими златыми ключами и снести ихъ самому Осподу Іисусу Христу, Сыну Божьему, на пристолъ, подъ святую ризу его нетлѣнную. И какъ тѣхъ ризъ видѣть нихто не можетъ, и такъ бы нихто не могъ бы вредить моему стаду: коровамъ, овцамъ, егнятамъ, баранамъ, быкамъ, лошадямъ—разношерстные дикіе звѣри: медвиди, медвидицы, волки и волчицы, росомаги и росомашихи, зміи—не вредили и не прикасались отнынѣ и до вѣку. Аминь. (№ 140).

№ 7.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Встану я, рабъ Божій, благословясь и перекрестясь; выйду я, рабъ Божій, изъ избы дверьми, изъ дверей въ ворота. И матернимъ благословеніемъ выйду на бѣлую улицу и встану на мать сыру землю, на восточную сторону; и помолюсь я, рабъ божій, Осподу Богу Саваоѳу, Спасу нашему, Исусу Христу, Сыну Божію, и Пресвятой Дѣвѣ Маріи, царицѣ Небесной, и Архангелу Архистратигу Божію, и Іоанну Предтечѣ, крестителю Христову, и апостоламъ Петру и Павлу, Николаю Чудотворцу и всѣмъ небеснымъ силамъ. Съ умиленіемъ молюсь: помогите и оградите Крестомъ животворящимъ меня, раба божія, любимое мое стадо коровье и овечье отъ сегодня и дó вѣку. Аминь. Архангельскимъ и ангельскимъ путемъ сопроводите меня, раба Божьяго, съ моимъ малымъ скотомъ, коровьимъ, овечьимъ и коневымъ

стадомъ, пасти и сохранить отъ сегодня и во все теплое лѣто, и до бѣлаго снѣга—путемъ и дорогою, мхомъ и болотомъ, въ поскотинѣ и въ осѣку, и въ волоку. Ѣшьте зеленую траву и не болотную воду пейте, а пейте ключевую воду во все теплое лѣто и до бѣлаго снѣгу. Закройте и защитите, и заградите, и закрѣпите святыми своими божественными ризами въ моей поскотинѣ и въ осѣку, и за осѣкомъ, и по ухожимъ мѣстамъ моимъ, и по зеленымъ мѣстамъ, и на всякомъ мѣстѣ—милой мой скотъ: лошадей, коровъ, овецъ, егнятъ, барановъ, быковъ, кладенцовъ и некладеныхъ, телокъ и подтелковъ, комолыхъ и рогатыхъ, домокормленныхъ и новоприбавленныхъ, красныхъ, бурыхъ, бѣлыхъ, черныхъ, пестрыхъ, чалыхъ, сивыхъ, сѣрыхъ, саврасыхъ, и разношерстную скотину—сохрани, Осподи, отъ звѣрей черныхъ, бурыхъ, сѣрыхъ, отъ широлоба медвѣдя и медвѣдицы, отъ пакостника и злодія провидни-росомаги, отъ пакостнаго прохожаго, рыскучаго волка и волчицы, отъ змія-скорпіона, отъ черныя зміи подколодныя, отъ пестрыя подкаменныя, отъ разнопятыя зміи, подцвѣтошныя, отъ ползучаго гада, отъ ночного, отъ уроку, отъ призору, отъ притчи, отъ падежу, отъ всякаго лихого человѣка, отъ пытовщика, отъ порченика, отъ пострѣлка, отъ всякаго дьявольскаго, нечистаго духа, отъ стрѣчнаго и настигающаго, и со стороны мимоидущаго; отъ мужа, отъ бабы пустоволоски, отъ парня, отъ дѣвки отъ косматки, отъ одножона, отъ двоежона, отъ троежона, отъ красноволосыхъ, отъ однозуба, двоезуба, троезуба, отъ одноглаза, двоеглаза и отъ всякаго разнаго чина людей. Заговариваю свое стадо—коровье, овечье и коневье: сколь твердо, крѣпко основаніе земное, никто не можетъ сдвинуть съ мѣста, и сколь крѣпокъ гробъ Осподень на воздухѣ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, и сколь твердъ и жостокъ камень синій въ окіянѣ морѣ, не крошится и не колется—столь крѣпокъ мой заговоръ на словахъ моихъ вѣкъ по вѣку. Аминь. (№ 141).

№ 8. Молитва отъ всѣхъ болѣзней.

Во избавленіе отъ болѣзней рабу Божію (имя рекъ) крестъ хранитель, крестъ красота церковная, крестъ держава царямъ, крестъ скипетръ князей, крестъ рабѣ Божіей (имя рекъ) огражденіе, крестъ прогонитель отъ рабы Божіей (имя рекъ) всякаго врага и супостата. Святые святители Иванъ Предтеча и Богословъ, другъ Христовъ, Тифинская, Казанская и Смоленская Божья Матерь, во святомъ крещеньѣ Пятница Парасковья,

молите Бога о избавленіи отъ болѣзней рабу Божію (имя рекъ). О, Здвиженье честнаго и животворящаго креста Господня, святый Побѣдоносецъ Егорій Храбрый, великомученикъ, возьми ты свое копье, которое держащее на змія льстиваго; архангелъ Михаилъ, возьми ты свое пламенное копье и отразите у рабы божіей (имя рекъ) тишинку и родимца сновидящіе, ревущіе и отрыгающіе вѣтры и пострѣлы, денные и ночные переполохи, и всякія скорби и болѣзни изъ семидесяти суставовъ, изъ семидесяти жилъ и отъ всей внутренности тѣла, двѣнадцати родимъ-родимцамъ и двѣнадцати женамъ простоволосымъ. Святые архангелы и ангелы, херувимы и серафимы, небесныхъ силъ воевода Михайло Архангелъ, Вознесеніе Осподне, святый пророче Божій Илья, Великая святая Софія надъ вратами Царя-града, Анастасія и Варвара великомученица, святыя жены мироносицы, праведный Иванъ юродивый, Богородица во Іерусалимѣ, градѣ Іудейскомъ, въ который пришедъ Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, преподобные отцы Изосимъ и Савватій, Соловецкіе чудотворцы, молите Бога о избавленіи отъ болѣзни рабу Божію (имя рекъ). Какъ же не достанетъ дерево отъ земли до небеси вершиной и какъ у истиннаго Христа Бога нашего не бывать ни тишинки, ни родимцовъ, ни какихъ скорбей и болѣзней отъ видимыхъ и невидимыхъ, супротивныя силы и врага отлученнаго, отъ храмоизгнаннаго лукаваго духа возобновлятся у раба Божья (имя рекъ) отъ всякія скверныя и отъ вѣтровъ буявыхъ, и отъ воды пришедшихъ, всякихъ скорбей и болѣзней я святымъ крестомъ огражусь. На престолѣ сидитъ самъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, и святый Михаилъ и Гавріилъ архангелы, Тихонъ преподобный, Макарій Унженскій [1]), Димитрей Ростовскій—на прогоненіе изъ головы, реберъ и всей внутренности, и тѣла—водяныхъ, большихъ болотныхъ скорбей-недуговъ: ключевая, струевая и вѣтреная отъ вѣтровъ. И молюся: отнесите отъ рабы Божіей (имя рекъ) тишину и родимца, ревучіе и отрыгучіе, головиого и повѣтреннаго пострѣла, денные и ночные переполохи, камчуги [2]), черевухи [3]), вереда [4]), своробу [5]), гоголи [6]) и всякія скорби и болѣзни двѣнадцати родовомъ-родимцемъ и двѣнадцати женамъ просто-

---

1) Мѣстный святой.
2) Каменная болѣзнь
3) Поносъ.
4) Чирьи.
5) Чесотка.
6) Сифилисъ.

волосимъ, симъ стоитъ гора Ѳаворъ, на горѣ лежатъ скирды церковныя самыя Пресвятыя Богородицы, владычицы. Владимирской, Казанской, Спасской, Федоровскія[1]) и Обновленія въ новѣ градѣ Іерусалимѣ, на лобномъ мѣстѣ, и вовобновляются, я, раба Божія (имя рекъ), тишину и родимца, стрегучіе, ревучіе, сновидные, повѣтренные, водяные, денные и ночные переполохи и всякія скорби и болѣзни отъ супротивныя силы при рожденіи мѣсяца, при полномъ и при ветхомъ мѣсяцахъ, и во всякое время дня и ночи прогоню. Еще же я, раба Божія (имя рекъ), крестомъ крещусь, крестомъ огражусь, крестомъ Бога на помощь призову, крестомъ дьявола прогоню, крестомъ всякія скорби, болѣзни очищаю. Осподи, помилуй мя, рабу Божью (имя рекъ). Аминь. (№ 142).

XXII.

[Фрагментъ рукописи, на 16 листахъ in folio (ш. 21 снт., дл. 34 снт.). Филигрань—искаженный гербъ города Амстердама, очень схожій съ № 3547 атласа Н. П. Лихачева (1689 г.). Письмо—полууставъ, съ надстрочными знаками; изъ знаковъ препинанія изрѣдка употребляется точка и запятая; писано по двумъ линейкамъ, проведеннымъ острымъ орудіемъ. Въ заглавіяхъ выцвѣтшая киноварь.

Рукопись представляетъ собою незначительный по объему обрывокъ большого сборника конца XVII вѣка, списаннаго съ другого, болѣе древняго, текста. Нѣкоторыя слова не разобраны и для дополненія оставлены пустыя мѣста. Часть ихъ заполнена, очевидно, впослѣдствіи скорописью, другимъ почеркомъ и другими чернилами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробѣлы такъ и остались не заполненными.

Весь отрывокъ вообще сохранился очень плохо: края и, особенно, углы обтрепаны и оборваны, подмочены и промаслены; бумага сыплется. Л. 1-й оборванъ по правому краю, сверху до половины. Между 1 и 2 лл. нѣсколько листовъ утрачены. На л. 2 b.— приписка плохимъ полууставомъ: „во имя отца и сына и святаго духа ныне и присно и во веки векофъ аминь“. Лл. 2 и 3—чистые, были приготовлены для письма, такъ какъ разлинованы какимъ-то острымъ орудіемъ по двумъ линейкамъ. На л. 3 b. молитва „Крестъ хранитель“... писанная скоропис-

---

[1]) Чудотворная икона въ г. Костромѣ.

нымъ полууставомъ. На лл. 4—7 b.—„Молитва Великаго Василія“... Передъ ней небольшая черная заставка (ш. 14 снт., выс. 2,5 снт.) геометрическаго характера, тщательно выполненная. Лл. 7 b.—8—„Да воскреснетъ Богъ“... Лл. 8—16 b „Молитва Святаго Священномученика Кипріяна“... окончаніе—воронкой. Рукопись куплена въ Костромѣ на толкучкѣ, въ 1907 г. Правописаніе исправлено, фонетическія особенности сохранены].

№ 9. [Отрывокъ молитвы къ Пресвятой Богородицѣ].

[Начало рукописи, а вмѣстѣ съ ней и молитвы, оторвано, а также оборванъ и правый верхній край].

...надежда всѣмъ концемъ... пречистая Дѣво, Госпоже, Богородице, м... не гнушайся мене, сквернаго... ся твоея милости угаси ми п[омыслъ грѣ] [1]) ховный и ороси покаяніемъ и... сердце и очисти умъ мой отъ грѣх[овныхъ] помыслъ, пріими съ воздыханіемъ... и отъ сердца мольбу ти приносяща; буди мнѣ ходатайца къ сыну своему и Богу и укроти [2]) материими си молитвами душевныя ми и тѣлесныя язвы; изцѣли, Госпоже, Владычице [3]), облегчи болѣзнь, утиши бурю злыхъ нападеній, отыми бремя грѣховъ моихъ и не остави мене... погибнути, ты бо еси во... [человѣч]скому роду, въ печали моей [по]мощница, мати истиная... нашего. Помози мнѣ, грѣшному [рабу св]оему (имя рекъ), всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (143).

№ 10. [Отрывокъ молитвы къ Пресвятой Богородицѣ].

Пресвятая Госпоже, Дѣво, Богородице, Владычице, мати Богородительнице Творца моего, услыши мя, грѣшнаго, и помилуй мя, раба своего (имя рекъ); умилосердися, Госпоже, тебе бо имѣю помощьницу, пресвятая... (144).

[На этомъ словѣ молитва прерывается. Далѣе нѣсколько листовъ вырвано и идутъ чистые, приготовленные для письма, т. е. разлинованные листы].

---

[1]) Въ квадратныхъ скобкахъ помѣщено чтеніе по догадкѣ.

[2]) Въ подлинникѣ здѣсь оставлено мѣсто для неразобраннаго переписчикомъ слова.

[3]) Въ подлинникѣ—„вдцеˮ.

№ 11. [Молитва Честному Кресту].

Крестъ хранитель, всей вселеннѣй слава. Крестъ Господень—церковная красота. Крестъ Господень—бѣсомъ язва; на прогоненіе всякому злу сѣтеловящихъ. Молитва чтется надъ какою главою—да разрѣшится отъ сия молитвы связаніе и обдержаніе, и занависть, и ревность, и зло стрѣтеніе, и ѣственнаго отравленія, и клятвы убо стоятъ. Хто сію молитву говоритъ въ дому своемъ, да будетъ соблюденъ отъ всякаго изнуренія, отъ потравы и отъ отравъ лукавыхъ человѣкъ; и отступятъ злые бѣсове отъ раба Божія (имя рекъ). И, Господи Боже, ему же область дана на небеси и на земли ради имени твоего великаго, несказаннаго, и ради единородного ти Сына, Господа нашего, Исуса Христа, съ нимже благословенъ еси во вѣки вѣкомъ. Аминь. (145).

№ 12. Молитва Великаго Василія [1]).

Заклинаю тя, злоначальниче хульный, начальниче отверженный, самодѣтельниче лукавый! Заклинаю тя, отверженнаго отъ вышнія [2]) свѣтлости и во тьму [3]) глубины низведеннаго за гордость! Заклинаю тя и всю спадшую ти силу въ слѣдъ твоея воли! Заклинаю тя, душе нечистый, Господемъ Богомъ Саваофомъ и всѣми воинствы ангельскими Божіими: изыди, отъиди отъ созданія сего! Заклинаю тя Богомъ-Словомъ, Единороднымъ Сыномъ Его, рожденнымъ отъ Него прежде вѣкъ; неизглаголаннымъ и Святымъ Духомъ, исходящимъ отъ Него, иже сотворившимъ видимую тварь и создавшимъ человѣка по образу рукою своею и по подобію, и словесемъ животнымъ, исполнившимъ и вселенную писаніемъ, первѣе родъ всякъ научившимъ и писаніемъ на путь истинный волею наставльшимъ, и ангеломъ приставленіемъ сохранившимъ, и потоплышимъ водою свыше, и поднебесныя бездны наводнившимъ, и исполни [4]) нечествовавшая погубльшимъ, и столповъ скверныхъ стрясшимъ, и землю Содомскую и Гоморскую огнемъ Божіимъ исполнившимъ, его же свидѣтель—дымъ, не угасая, курится, и раздѣлившимъ море жезломъ, и люди своя немокрыми стопами проведшимъ, и му-

---

1) Киноварь; оба „В"—черныя.

2) Въ подлинникѣ написано—„ѡвышия" (надъ ѡ—т).

3) Слова—„и во тьму" вписаны послѣ.

4) Вѣроятно—„исполини".

чителя Фараона и воя Богоборца въ вѣки волнами погруждшимъ, и языки иноплеменники потребльшимъ, и законы нечестія разрушившимъ брани, и воплотившимся отъ Маріи дѣвы, напослѣдокъ неизрѣченно ти[1]) печати чистоты сохранившимъ и изволившимъ крещеніемъ омыти ветхую скверну, нашимъ же есми преступленіемъ осквернилися, и погруженіемъ насъ отъ грѣхъ омывшимъ. Заклинаю тя Богомъ, крещшимся во Іорданѣ и образъ намъ чистоты подавшимъ, въ водѣ погруженнымъ, емуже ангели и вся силы небесныя удивишася, воплощаема[2]) Бога видяще, смирившася и Божественное свое существо скрывша, отъ нижняго же безначальный Отецъ собезначальное Рождество открый и Святаго Духа сшествіемъ Тройчное естество свидѣтельствова. Заклинаю тя Богомъ, запретившимъ вѣтромъ и волненіе морское укротившимъ, и прогнавшимъ бѣсовъ множество, и зѣницы очію изъ чрева ослѣпленѣ и бреніемъ слѣпому зрѣти сотворившимъ, и первый рода нашего созданія образъ намъ обновльшимъ. Заклинаю тя Богомъ, давшимъ хромымъ ходити и теченіе крови безъ числа затворшимъ, и отрясшимъ проказы отъ струпнымъ[3]), и мертвыя изъ гробъ источити сотворшимъ, бесѣдовавшимъ намъ страстьми до гроба, и ада испровергшимъ воскресеніемъ, и все человѣчество не объято смертію устроившимъ. Заклинаю тя Богомъ, всѣхъ и вся исполнившимъ, и Богомъ безсмертнымъ, вездѣ сущимъ, отъ Того бо трепещутъ[4]), Того убоятся, егоже вся ужасаются и трепещутъ, и боятся, и отступаютъ. Заклинаю тя Богомъ вседержителемъ, божественный свой Духъ вдохнувшимъ въ пророки и апостолы, поспѣшествовати, и всю вселенную благочестія наполнившимъ: убойся, бѣжи, отъиди весь, о, бѣсъ нечистый, злый, сильный, преисподніи глубина и лживый блазномъ, льстивый, необразный и многообразный, видимый безстудія ради, невидимый лицемѣрія ради; идѣже аще еси и отонюдуже аще идеши, или самъ еси, Вельзауле, князь бѣсомъ, или невидимъ, или гордъ, или животнымъ привидѣніемъ являяся, или зміевымъ образомъ, или звѣринымъ лицемъ, или яко куреньемъ дыма нѣкоего являяся или яко огнь измѣняяся, или привидѣніемъ являяся мужескимъ поломъ и женскимъ, или гадомъ, или птицею, или нощію глаголя, или слухъ страша, или претекій, или творяся

---

[1]) Слово „ти“ вставлено впослѣдствіи въ оставленный пробѣлъ.

[2]) Въ подлинникѣ написано—„воплощаея“.

[3]) Вѣроятно—„отъ струпныхъ“.

[4]) Въ подлинникѣ написано—„трепешутъ“.

въ свѣтѣ, или во снѣ, или въ спаніи тяжцѣ, или въ язвѣ, или въ болѣзни, или въ слезахъ похотныхъ, или на смѣхы пущая, или пустошенъ, или похотенъ, или идолескъ, или чары любя, или на похоти неистовъ, или звѣдочтецъ, или чаромъ обрѣтать, или піянствомъ обрѣ[1]) и кровемъ, и мятежемъ творецъ, безстуденъ, ревнивъ, нестроенъ, съ луною ся перемѣняя, или со временемъ нѣкимъ превращаяся, или наутрія, или на полудне, или въ полунощи, или въ безгодія нѣкая, или заутра, или приключеніемъ ся еси утолклъ, аще еси посланъ къ нимъ, или приближился еси внезапу, или изъ моря, или изъ рѣкъ, или изъ брегъ, или изъ кладязя, или изъ рова, или изъ озера, или изъ тростія, или изъ-подъ земли нечистыя, или изъ лѣса лужнаго, или изъ древа, или изъ птицы, или изъ грома, или изъ града, или изъ молнія, или изъ основанія храмины, или изъ покрова баннаго, или изъ купели водныя, или изъ гроба идольскаго, или отнюдуже вѣмъ и не вѣмъ, отъ знаемыхъ и не знаемыхъ, и отъ не посѣтимаго мѣста—отлучися и измѣнися, устыдися образа, образованнаго рукою Божіею, убойся воплощеннаго Бога, уподобися и не укрыйся врагъ[2]) Божіихъ (имя рекъ), ибо жезла гнѣва Божія и пещъ огненная, и преисподняя, и скрежетъ зубный, прещеніе ослушанія ждетъ тебе; убойся, бѣжи отъ мене и не возвратися ни единъ, ни со иными злыми духи нечистыми, но отъиди на непроходную землю и на безводную, и не дѣланную, на нейже человѣкъ не живетъ, Богъ же единъ призираетъ, связая и вся прельщающія его образъ, и совѣщавающія, и узами во тьмѣ преисподней связавъ тя, всему злу діявола, и долгую нощъ и день посади тя и заключи, яко велій страхъ Господень и велія слава Его, и вся работна Ему, Отцу и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (№ 146).

[Далѣе помѣщена молитва „Да воскреснетъ“... въ раскольнической редакціи, т. е.].

Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его... отъ лица огню... знаменающихся крестнымъ знаменіемъ, возвеселимся, рекуще: радуйся, Кресте... со пресвятой Госпожею Богородицею и со всѣми святыми небесными силами всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (146а).

---

[1]) Какое-то не дописанное слово въ концѣ строки.

[2]) Повидимому, нужно читать—„въ рабъ Божіихъ“.

№ 13. Молитва Святаго Священно Мученика Кипріяна [1])

Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его; яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ бѣси отъ лица Божія, а праведницы возвеселятся о силѣ Божіи [2]), въ Тройцы славимаго.

Начинаемъ глаголати молитву святаго священномученика Кипріяна въ день и въ часъ, въ оньже упражняется сила его, сопротивнаго, ради славы Божія. Сей святый священномученикъ Кипріянъ, молящеся Богови всею душею, глаголя: Господи, Боже, сильный, содержай вся, святъ сый и прославленъ, царь царствующимъ и Господь господствующимъ, слава Ти во свѣтѣ безчисленномъ — егоже ужасаются всяческая, егоже никтоже видѣ и не видѣти можетъ, иже тысяща тысящъ и тьмами темъ ангелъ и архангелъ предстоятъ предъ Тобою, Господи, и Ты вѣси, Тебѣ работаютъ, еликоже тайная раба твоего, яко не познавшимъ Тебе первіе сія держахъ: облаки, яже не одождити; древеса садовная, еже не творити [3]) плода; непраздныя жены — не ражати, и иныя жъ не зачати; на огражденіе винограда токмо взирахъ и творяхъ—розги, еже не цвѣсти, такожде и злакъ вертоградный, не прозябати; и рыбы морскія не плавати, и птицамъ лѣснымъ возбранихъ летати [4])...

...Господь [5]) нашъ, Исусъ Христосъ, услыша мя въ часъ сей, недостойнаго раба твоего. Идѣже аще почтется сія молитва, да разрушится, яко воскъ таетъ отъ огня, всяко лукаво ухищреніе отъ всякого вида человѣческаго и животнаго безсловеснаго, четвероножнаго, или виноградаго, или вертограднаго; и отъ всякаго имѣнія малыхъ и великихъ, яко во имя святыя и единосущныя Троицы суть просвѣщени и развѣ Тебе—Бога не знаемъ. И якоже отъ камени Моисеовымъ сыновомъ Израилевымъ источалъ еси воды, тако, Господи, Боже силамъ, положилъ руку свою державную, святую свою, полну сущу благословенія надо мною, гла-

---

[1]) Киноварь; всѣ заглавныя буквы черныя.

[2]) На полѣ выноска—„живаго Бога"...

[3]) Въ подлинникѣ написано—„не ворити".

[4]) Въ подлинникѣ послѣ сего написано: „Господа нашего, Исуса Христа, услыша"—и обчеркнуто кругомъ, какъ неправильно написанное.

[5]) Издаваемый здѣсь списокъ „Молитвы святаго священномученика Кипріана" нѣсколько спутанъ. Такъ, весь этотъ абзацъ (начиная съ „Господь"... и кончая словомъ „бывшихъ"... нужно помѣстить послѣ слѣдующаго абзаца, передъ абзацемъ, начинающимся со слова... „исцѣленія"... Причемъ нужно замѣтить, что въ данномъ мѣстѣ допущенъ еще небольшой пропускъ.

голющаго сію молитву. И якоже насадилъ еси, Боже, рай во [1]), и отъ того исходятъ четыре рѣки: Фиссонъ и Илтигрѣй, Ендрантъ [2]), и обходятъ всего міра въ тихости, и Адамъ, райскій человѣкъ, не можетъ ихъ удержати. Якоже умножилъ еси лѣта Іезекіи царю, да умножатся лѣта, имущаго сію молитву службою ангелъ, пѣніемъ серафимскимъ, Благовѣщеніемъ пресвятыя Богородицы и отъ архангела Гаврила, плотцкаго отъ Духа Святаго славнаго рождества, заколенія младенецъ, святаго крещенія воспріемъ во Иотранстѣй рѣцѣ, постъ и искушеніе, еже подъятъ отъ діявола; ужаснаго суда, ужаснѣйшихъ твоихъ чудесъ, въ мірѣ бывшихъ...

...и просто всяко чародѣйство творити, и вси лукавіи бѣси мнѣ работаху. И се убо, Господи, Боже, сильный и великій, благоволивый отъ недостойнаго достойну ми быти и спричаститимися священному твоему стаду, и преставленнымъ [3]) величествомъ, милостивнымъ о мнѣ, и не восхотѣ погубити беззаконіемъ, знаема мя сотвори твоей правой и непорочной вѣрѣ; не гнушай [4]) мене грѣшного и недостойнаго раба твоего. Припадаю къ Тебѣ [5]), прося твоея отъ Тебе милости о всѣхъ христіанехъ твоего, Христа, стада словесныхъ овецъ; и прошу пресвятое твое имя во славныхъ христіянехъ, ихже имѣютъ чародѣяніе...

...исцѣленія дарованія, прокаженныя очищая, мертвыя оживляя ихъ; во Іерусалимъ входъ и въ церкви младенцомъ, воспѣвающимъ: осанна, сыну Давидовъ, святый страстный [6]) распятіе и еже изъ мертвыхъ воскресеніе, и еже на небеса вознесеніе, тмочисленныхъ словесъ восходнаго твоего пѣснословія, ежедесную сѣданія, втораго и страшнаго пришествія, и власть, ея же далъ еси своимъ ученикомъ и апостоламъ, и рекъ: имже держите грѣхи— держатся, а имже отпустите—отпустятся; и, аще елико разрѣшите на земли, суть разрѣшени... [7]) И сихъ ради именъ и ради силы твоея великія, честнаго и животворящаго Креста твоего, заклинаю и проклинаю вся духи лукавыя и отъ злыхъ человѣкъ—отъ раба Божія (имя рекъ) и отъ дому его: созданнымъ Адамовымъ, жертвою Авелевою, искушеніемъ Іевлимъ,

---

[1]) Здѣсь было оставлено мѣсто для не разобраннаго при списываніи слова—„Едемѣ“.

[2]) Нужно было написать: „Геонъ, Фисонъ, Тигръ и Евфратъ“.

[3]) Слово—„преставленнымъ“ вписано послѣ скорописью.

[4]) Нужно—„не гнушайся“.

[5]) Слова „къ тебѣ“ въ подлинникѣ пропущены и записаны на полѣ.

[6]) Нужно: „святую страсть“.

[7]) Рядомъ съ этимъ словомъ на полѣ написано: „разрѣшено будетъ и на небеси тако жъ...“

пренесеніе Енохово, вѣра Авраамлею и пророчество пророкъ святынею патріархъ и святитель, и священномученикъ кровію и апостольскихъ преставленія мученическая и вѣнчанія ихъ, заколенія святыхъ апостолъ [1]) Павла, дѣвства Іоанна Богослова, благоволенія Сиѳова, жезла Моисеова, священничества Аронова, дѣвства [2]) святость Самойлову, Корнильеву ревность, моленія Елисеево [3]), пророчество Іоны, видѣнія Данилова, жертву Исакову, послѣднее преступленіе Іовле, проданіе Іосифова, кротость Давидову, премудрость Соломонову, неопалимую купину въ горѣ Синайстѣй, силою ста и шестидесятъ ангелъ, иже во Египтѣ сшедшихъ подати исцѣленія человѣкомъ; моленіемъ честнаго, славнаго пророка и. предтечи крестителя Господня, Іоанна; страшнаго и несказаннаго имени твоего, всесильнаго и всевида Бога, емуже предстоятъ тысяща тысящъ и тьмы тьмами ангелъ и архангелъ [4]), и святыхъ мученикъ, и преподобныхъ отецъ, и святыхъ праведныхъ богоотецъ Іоакима и Анны, и святыхъ, и праведныхъ, и блаженныхъ, и Христа ради уродивыхъ, пустынножителей, пустынникъ и пустынницъ, и святыхъ постникъ, постившихся постомъ и моленіемъ, иже въ горахъ и въ пещерахъ, и въ пропастехъ земныхъ, и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка Тебѣ благоугодившихъ Господу Богу нашему. Ради бо сихъ именъ и ради святыхъ ангелъ, молитвами ихъ, прогоняемъ и отдаляемъ всякую злобу и лукавства, и зависть, и ревность, и связаніе, и удержаніе, и злострѣленіе, и лукаво око, и злоглаголаніе, и язычное уяденіе, и примолвы, и все, что бѣдное [5]), и совѣтованіе злыхъ человѣкъ, лихой зглядъ и иныхъ уроки, злыя, пакостныя, и злыя примолвы бѣсовскія, и клятвы, и заклинанія душепагубныя и тѣловредныя, и недугованія, и къ смертоноснымъ язвамъ, и всякихъ шкотъ житія сего суетнаго ко убожію и умаленію живота и имени, къ полученію злыхъ всякихъ страстей, бѣдныхъ, насилованныхъ и на всякихъ, всякимъ волхвованіемъ волхвующихъ, наглость, или худость и всякую шкоту, что зло да отдалится отъ раба Божія (имя рекъ), аще глаголю и милися [6]) дѣю единаго непобѣдимаго Бога, иже въ

---

[1]) На полѣ поправка—„святаго апостола“.

[2]) Оставлено мѣсто для неразобраннаго слова; нужно читать „Іисуса Навина“.

[3]) Вмѣсто „Елисеево“ начато было—„Моисе“ и обчеркнуто.

[4]) Въ подлинникѣ стоитъ- „архангемъ“.

[5]) Вѣроятно—„вѣдное“.

[1]) Въ подлинникѣ—„и мылся“.

трехъ лицѣхъ воспѣваемаго, яко да подаси всѣмъ человѣкомъ [1]) православнымъ спасеніе и рабу своему (имя рекъ), въ немже лежитъ святая сія молитва. И что лукаво бысть въ дому томъ, въ немже прочтется сія молитва, яко да разрѣшится, аще будетъ на небеси связано или на земли, да разрѣшено будетъ, или въ мори, яже на земли сей, или на пути, или на поли, или въ горахъ, или въ пещерахъ, или въ пропастехъ земныхъ, или въ рѣцѣ, или во истоцѣхъ, или въ кладези, или въ кровли, или въ дверехъ, или во оконцѣ [2]), или въ верхнемъ порогѣ, или въ нижнемъ, или на здѣ, или въ тинѣ, или въ основѣ, или въ стѣнѣ—да разрѣшится. Или во дворѣ, или [3]), или во входѣ, или во дверцѣ, или на пути, или на поли, или въ горахъ [4]), или въ пещерахъ, или въ пропастехъ земныхъ—да разрѣшится. Или во брусѣ, или во рвѣ, или въ древѣ, или въ листѣ и корени, и въ вѣтвіи—да разрѣшится. Или на поли въ нивахъ и въ виноградехъ, или во рвѣхъ, или въ травѣ, или въ древѣ, или въ бани, или въ пещи, или въ капищи идольскомъ, или во власѣхъ брадныхъ, или въ кожи плотской, или въ главнемъ убрусѣ, или въ ножныхъ обувеніи [5]), или въ златѣ, или въ сребрѣ и въ мѣди, или въ свинцѣ, или въ оловѣ, или въ желѣзѣ, или въ морскихъ рыбахъ, или въ животныхъ четвероногихъ земныхъ, или во птицахъ, летающихъ по воздуху, движимыхъ и недвижимыхъ, или въ харатьи, или въ бумаги, или въ чернилѣ, или въ нѣкоторой вещи — да разрушится. Аще ли есть написано въ семидесяти двою языцѣхъ—да разрушено будетъ, понеже азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю Калуса, Пира, Маруса, Лукми, Лурами [6]), Рахана прогнахъ и еще отъ раба Божія (имя рекъ) и отъ дому его, имущаго сію молитву, и отъ всего имѣнія его малаго и великаго силою честнаго и животворящаго Креста Господня и со всѣми небесными силами, предстоящими предъ высокимъ и страшнымъ престоломъ Господнимъ силъ, ангелъ и архангелъ, и святыхъ и праведныхъ патріархъ—Авраама и Исаака, и Іакова. Таже молю святого собора пророкскаго: Захарію и Іоанна Предтечю, и Елисея [7]), и Осія, Наума, Аввакума,

[1]) Въ подлинникѣ—„человѣко“.

[2]) Послѣ этого слова на полѣ скорописью написано,—

[3]) Въ текстѣ оставлено мѣсто для неразборчиваго слова.

[4]) Въ подлинникѣ стоитъ—„вгоpаъ“.

[5]) Нужно читать—„обувеніихъ“.

[6]) Въ подлинникѣ эти слова написаны такъ: „лоукми лоурами“.

[7]) Въ подлинникѣ написано—„иелесня“.

Софонія, Аггея, Михея, Малахія, Іеремія, Іезекиля, Исайю, Данила, Амоса, Самуйла, Илію и святыхъ тріехъ отрокъ— Ананію, Азарію, Мисайла. Молю сословіе святыхъ, праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, Іосифа Обручника, Давида, пророка и царя, Іякова, брата Господня, Симеона Богопріимца и Симеона, сродника Господня, святаго, праведнаго Іова и Іоны, и всѣхъ святыхъ, молитвами ихъ отъ вѣка благоугодившихъ и послужившихъ Господу Богу нашему, Исусу Христу. Молюся и прошу лики святыхъ и славныхъ, и всехвальныхъ двѣнадцать апостолъ и собора семидесяти апостолъ, иже во святыхъ отецъ нашихъ вселенскихъ учителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іерофія Афинейскаго и Діонисія Ареопагита, и Іоанна Милостиваго, Амфилохія, епископа Иконійскаго, Аверкія Ерапольскаго, Афонасія Великаго и Кирилла; иже во святыхъ отца нашего Николы, архіепископа, Миръ Ликійскихъ чюдотворца, и иже во святыхъ отца нашего Петра, митрополита Московскаго, чюдотворца; иже во святыхъ отца нашего Леонтія, епископа Ростовскаго, чюдотворца [1]), и Амбросія, епископа Медіоламскаго, Потапія, Ипатія и Спиридона, и Елеуферія, Епифанія, Андрея Критскаго, Софронія Іеросалимскаго, Селивестра, папы Римскаго, Григорія чюдотворца, Лазаря, иже въ Галасіи, Григорія Акраганскаго, Прокопія Десятоградца, Григорія великаго [2]) Армени, преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ: Сергія и Варлаама, и Кирила, и Семіона Столпника, Евменія чюдотворца, Данiила Столпника, Алимба и Аникиты, и преподобныхъ отецъ нашихъ, иже въ Синаи и въ Раифѣ избіенныхъ, и преподобныхъ отецъ нашихъ: Козмы Халкидонскаго, Іоанна Дамаскина, Стефана Саваита, Георгія Никодимійскаго, Феодора Написаннаго, Антонія Великаго, Арсенія, Евфимія и Саввы, Ефрема Сирина, Павла Фивейскаго, Іоанна Кушника, Павла, иже въ Латрѣ, Феодосія общія жизни, Викулы, епископа Змирскаго, Иларіона чюдотворца, Марка, епископа Фряческаго. Кирила діякона, святаго священномученика Власія, епископа [3])

и Поликарпа, Ипатія Ганграскаго, Дорофея Тирскаго, Феодота Киринейскаго и всѣхъ святыхъ священномученикъ моленіемъ и молитвами, соблюди раба своего (имя рекъ). Молю убо лики святыхъ, славныхъ, добропобѣдныхъ Христовыхъ вели-

---

1) Въ подлинникѣ—„чюдвωр҆ца“.
2) На полѣ поправка—„ия“; нужно читать—„Великія Арменіи“.
3) Оставлено мѣсто для вписанія неразобраннаго слова.

комучениковъ [1]) воинства: первомученика Стефана, архіепископа [2]), Георгія [3]) Побѣдоносца, славнаго чудотворца, Димитрія великомученика, Сидора Ліоградскаго, Феодора Тирона [4]), Феодора Стратилата и иже съ ними, всѣхъ [5]) четыредесяти тысячъ мучениковъ и мученицъ, всѣхъ небесныхъ твоихъ силъ [5]); и трехъ святыхъ мученикъ Евстратія, Авксентія, Евгенія, Мардарія [6]) и Ореста; и святыхъ мученикъ Мины, Виктора и Викентія; и святыхъ исповѣдникъ Гурія и Самона, и Авива дьякона; и святыхъ мученикъ Мины, Ермогена, Евграфа; и святаго великомученика Никиты; и святыхъ великомученикъ сорокъ, иже въ Севастіи; и святыхъ младенецъ, избіенныхъ за Христа, четырнадцать тысящъ; и святыхъ седми отрокъ, иже во Ефесѣ, и святыхъ мученикъ Карпа и Папилы [7]), и Ермила, Стратоника, святаго мученика Іакова Пермскаго и святаго праведнаго Алексѣя, человѣка Божія, и святыхъ мученикъ Изарія [8]), Гервасія, Протасія и Келесія, и святыхъ чюдотворцевъ и безсребрениковъ Козмы и Доміяна, Кира, Іоанна, Пантелеймона [9]) и Ермона [10]), Самсона и Деомида, Моисея и Фалелія, Фотея и Аникиты, и всѣхъ святыхъ мученикъ, иже проліявшихъ кровь за Тебе, Христа Бога нашего, и всѣхъ святыхъ твоихъ молитвами. И ликъ святыхъ мученицъ: Евдокіи, Феодоры Александрійскія и святыя великомученицы Екатерины, и Парасковіи, Варвары, Ульяны, Мавры, Пелагіи, Ирины, Гликеріи и святыя Елены царицы и со царемъ Константиномъ, и святыя Феодосіи дѣвицы, преподобныя мученицы Февроніи, святыя мученицы Евфиміи всехвальныя и святыхъ Кирика и матери его Улиты, и преподобномученицы Евдокіи, и всѣхъ святыхъ молитвами. Молитвъ [11]) пречистыя твоея матери помилуй и спаси раба твоего (имя рекъ), яко благій Богъ и человѣколюбецъ. Аще хто сію молитву держитъ въ дому, не придетъ къ нему злой,

---

1) Начало слова—"велико" приписано на полѣ.
2) Нужно читать—„архидіакона".
3) Въ подлинникѣ написано—„Георія".
4) Въ подлинникѣ написано—„тира".
5) Со слова „всѣхъ", кончая словомъ „силъ" вписано впослѣдствіи скорописью въ оставленный при письмѣ промежутокъ.
6) Имена—„евстратия авксентия евъгения мардария" повторены скорописью на полѣ.
7) М. б.—„Вавилы".
8) Вѣроятно—„Назарія".
9) Въ подлинникѣ написано—„Пантелемона".
10) Вѣроятно—„Ермолая".
11) Пропущено—„ради".

ни лукавой духъ [1]), зависть и ревность, и чародѣяніе, и бѣдами болѣзными, которое злое лукавство ни въ утрѣ, ни въ день, ни въ вечеръ, ни въ нощъ, ни въ полунощъ, яко написана бысть сія молитва отъ святаго священномученика Кипріяна и утвержена, и назнаменана бысть отъ святыя Троицы единосущныя, отъ Отца и Сына, и Святаго Духа на погубленіе и на прогнаніе всякому злу злыхъ сѣтей ловящихъ саддукей, [2]) нарицаемыхъ Елефанъ, аще рѣхъ, Самосовыхъ и всего рода ихъ, Исамена и всего лика ихъ, и все отбѣгаетъ ихъ словесемъ Господнимъ, о немже утвердися небо и земля, и молитвами Матери твоея и святыхъ небесныхъ силъ со всѣми святыми нынѣ и присно, и во вѣка вѣкомъ. Аминь. (147).

XXIII.

[Тетрадь изъ четырехъ листовъ въ четвертую долю, ш. 17 снт., дл. 22 снт., съ небольшими полями (ш. 1,5 снт.) съ лѣвой стороны. Бумага очень плохой выдѣлки съ филигранями „1818", „В. Ф.", „С. Р.". Почеркъ неувѣренный лица, мало державшаго перо въ рукахъ; знаковъ препинанія нѣтъ; орѳографія очень неправильная. На л. 4 записи другими чернилами: „Лавренътей Корънековъ руку приложилъ за себя". „Петръ Корънековъ руку приложилъ за себя". На л. 4 в. приписка передъ заговоромъ № „Сия слова пучеглазиковъ ловитъ". Въ разныхъ мѣстахъ тетрадки, между строчками, различными почерками и чернилами вписано еще нѣсколько отдѣльныхъ словъ.

Рукопись пріобрѣтена отъ крестьянина Андрея Антонова Вологодской губ., Сольвычегодскаго уѣзда, Черевковской волости, въ декабрѣ 1907 года; а имъ куплена въ Солигаличскомъ уѣздѣ Костромской губерніи у охотника.

Орѳографія исправлена, фонетическія особенности сохранены].

---

[1]) Часть молитвы со слова—„Аще...", кончая словомъ „духъ"..., вписана скорописью въ оставленный промежутокъ.

[2]) Оставлено мѣсто для внесенія неразобраннаго слова.

№ 14. [Заговоръ на удачную охоту].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій Александръ, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле, поклонюсь и помолюсь истинному Христу, Бѣлому Царю, Егорію Храброму, схожу солнышку: Истинный Христосъ, Бѣлый Царь, Егорей Храбрый, дайте мнѣ зайцевъ бѣлыхъ, ярыхъ Божьихъ звѣрей, черноухихъ, короткохвостыхъ,—ко мнѣ, рабу Божію Александру, на весь на куломный промыселъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ двѣнадцати вѣтровъ, съ востока и съ запада, съ лѣта и съ сѣвера, изъ-за рѣкъ, изъ-за рѣчекъ, изъ-за горъ, изъ-за ручьевъ, изо всякихъ логовъ, ото всякихъ ловцовъ, изо всякихъ суземовъ, изъ-подъ ельниковъ, изъ-подъ березниковъ, изъ-подъ мелкихъ чащей,—собирайтесь, собѣгайтесь къ рабу Божію Александру на весь на куломный промыселъ! Собирайтесь, собѣгайтесь, у меня на куломномъ промыслу есть ѣства сладкая, медвяная, питеръ идера[1]), вишеніе, калачи и пряники, ситнево мягкое[2]), осиново прутье сторожевое. И вы, зайцы бѣлы, яры, Божьи звѣри, черноухіе, короткохвостые, еству сладкую медвяную и осиново прутье сторожевое пейте, ѣшьте, веселитеся безотпяточно, безоглядочно вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. На небеси громныя тученьки здымаются, изъ тѣхъ изъ громныхъ тученекъ дождь, громъ, молнія сверкаетъ; такъ же бы у меня, раба Божьяго Александра, на куломномъ промыслу пейте, ѣшьте и веселитеся, осиново прутье сторожевое, безотпяточно и безоглядочно, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Какъ съ небеси снѣгъ валится, такъ у меня, у раба Божьяго Александра, зайцы бѣлы, яры, Божьи звѣри, черноухіе, короткохвостые, у меня, у раба Божьяго Александра, куломки ронили бы вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Какъ истинный Христосъ сотворилъ небо и землю и держитъ у Себя,—тако бы мой промыселъ зайцевъ сдерживалъ, прочь не отпускалъ. И какъ нашъ Бѣлый царь всю Россію держитъ, такъ бы мой промыселъ зайцевъ державъ, прочь не отпускалъ. Какъ я, рабъ Божій Александръ, радуюсь Христову дню, Христовой Пасхѣ, пирогамъ и шаньгамъ, и вся Россія, мать-

---

[1]) Очевидно переписчикъ при списываніи не разобралъ это мѣсто.

[2]) Хлѣбъ изъ—„ситной“, т. е. просѣянной сквозь сито, муки; мягкій ситный считается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лакомствомъ, за неимѣніемъ лучшаго.

земля, маленьки ребятки—яичкамъ, Христосъ воскресе,—такъ бы зайцы бѣлы, яры, Божьи звѣри, черноухіе, коротхохвостые, пейте ѣшьте эту ѣству сладку, медвяную, осиново прутье сторожевое, пейте, ѣшьте и веселитеся безотпяточно, безоглядочно, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Которые слова забытущія и обыдущія—будьте вы, мои слова, всѣ сполна переговорены вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Тѣмъ словамъ небо—ключъ, земля—замокъ. (148).

№ 15 [Заговоръ противъ порчи].

Всякому рожоному человѣку: соли въ глазъ, песку горячаго, огня палящаго—злому и лихому, порченику и урочнику. Всякому рожоному человѣку Божіи твари не узнать; облака не открыть, не отпереть; частыхъ звѣздъ не оббивать и не ощипати; утряны зари топоромъ не пересѣкчи; млада мѣсяца не ототкнуть, не отпереть—такъ и меня, раба Божія Александра, ни кому не испортить, не изурочить вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Которые слова забытущія, обыдущія—будьте вы, мои слова, всѣ сполна переговорены вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Небо—ключъ, земля—замокъ. (149).

№ 16. [Заговоръ противъ порчи].

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Встану я, рабъ Божій Александръ, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле, поклонюсь и помолюсь истинному Христу, Бѣлому Царю, Егорью Храброму; облакомъ оболокусь, утренней зарей подпояшуся, младымъ мѣсяцемъ сотьнуся (?), частыми звѣздами затычуся отъ призоровъ, отъ причи (такъ), отъ прикосовъ, отъ урочливаго человѣка, отъ прикосливаго человѣка, отъ черпаго, отъ черемнаго, отъ русаго, отъ бѣлаго, отъ черноглаза, отъ сѣроглаза, отъ бѣлоглаза, отъ черноплота, отъ сѣроплота, отъ бѣлоплота, отъ одножена, отъ двоежена, отъ однозуба, отъ двоезуба и отъ троезуба, и отъ колдуна, и отъ колдуньи, отъ бѣдуна (такъ) и отъ бѣдуньи (такъ), и отъ всякія злыя, лихія, и отъ своей жены, и отъ чужія, и отъ своего человѣка, и отъ чужого, и отъ своей семьи, и отъ чужія, и отъ всякаго рожденнаго: отъ сутулаго и отъ горбатаго, напередъ покляпаго, отъ старца, отъ старицы, отъ чернеца, отъ черничихи и отъ попа, и отъ дьякона, и отъ подоморя, и отъ всего

крылоса, и отъ дѣвки-простоволоски, отъ бабы-бѣлоголовки, отъ дѣвки-простоволоски, на дорогѣ стричнаго, постигающаго, засмотряющаго, завидяющаго. Злому и лихому, порченику, урченику, всякому рожденному человѣку—мякина въ глазъ, желѣзна спица въ гузно, дресвяный камень въ зубы—злому и лихому, порченику и урченику. (150).

№ 17. [Заговоръ на удачный промыселъ].

Зайцы бѣлы, яры, Божьи звѣри, черноухіе, короткохвостые, собирайтесь къ рабу Божію, Александру, на куломный промыселъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ двѣнадцати вѣтровъ, пейте, ѣшьте и веселитеся осиново прутье сторожевое; пейте, ѣшьте и веселитеся по всякъ день, по всякъ часъ, безотпяточно, безоглядочно.

Которые слова забытущія, обыдущія, будьте, мои слова, всѣ сполна переговорены по всякъ день, по всякъ час, безотпяточно, безоглядочно, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. (151).

№ 18. [Отрывокъ заговора противъ порчи].

Чуръ, глаза своего, чужого; чуръ, думы своея, чужія; чуръ, человѣка своего, чужого; чуръ, своей семьи, чужія; чуръ, отъ своей жены и чужія; чуръ, съ велика и до мала; чуръ, человѣка всякаго! (152).

[Послѣ этого заговора другою рукою и другими чернилами написано]:

Сия слова пучеглазиковъ ловитъ.

№ 19. [Заговоръ на удачную охоту].

Какъ я, рабъ Божій Александръ, пойду по куломному промыслу, увидѣлъ у меня куломка, лежитъ у меня въ куломкѣ зайчикъ, лежитъ: у меня сердце зрадовалось и звеселилось и кровь во мнѣ закипѣлась—и тако же бы и въ зайчикахъ бѣлыхъ, ярыхъ, черноухихъ, короткохвостыхъ. Идите по куломному промыслу, увидите, у меня куломка стоитъ; у куломки осиново прутье сторожевое,—такъ бы у васъ сердце зрадовалось и звеселилось, кровь у васъ закипѣлась. Пейте и ѣшьте, и веселитесь вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. (153).

№ 20. [Отрывокъ заговора на удачную охоту].

Какъ куда ты идешь,—туда батюшка и матушка, братецъ и сестрица, дѣдушка и бабушка, родъ и племя, всѣ туда идите. (154).

№ 21. [Отрывокъ заговора отъ порчи].

Отбился рабъ Божій, Александръ, отъ уроковъ ото всякихъ. (155).

XXIV.

[Тетрадочка изъ десяти ненумерованныхъ листовъ въ восьмую долю, ш. 10 снт., дл. 16 снт.; безъ полей. Бумага плохой выдѣлки, филиграни чуть замѣтны и неразборчивы. Написана скорописью XVIII вѣка (средина); почеркъ красивый, четкій, убористый — опытнаго писца — съ завитками и разнаго рода украшеніями. Каждый заговоръ отчеркнутъ отъ сосѣднихъ горизонтальными линіями; заглавія обчеркнуты со всѣхъ сторонъ. Записей, указывающихъ на происхожденіе и владѣльцевъ этого любопытнаго сборничка, нѣтъ. Немногочисленныя приписки и поправки отмѣчены въ текстѣ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Находящіеся въ моемъ распоряженіи листки представляютъ собою только нѣкоторую часть, можетъ быть, довольно обширнаго сборника заговоровъ. Л.л. 1—8 составляютъ первую тетрадь сборника, отъ второй тетради остались лишь средніе листики (пришитые довольно прочно), а сколько всего было листовъ опредѣлить невозможно. Такимъ образомъ, между 8 и 9 листами этого сборника нѣсколькихъ листовъ недостаетъ, конецъ также утраченъ. Рукопись носитъ на себѣ слѣды долговременнаго и частаго употребленія: разбита, запачкана, углы обтрепаны и загнуты, двойная сшивка, слѣды продольныхъ и поперечныхъ перегибовъ; послѣдніе листы совсѣмъ смяты.

Переписчикъ этого сборника заговоровъ былъ человѣкъ для своего времени, повидимому, довольно образованный. Прежде всего, онъ знаетъ одну изъ системъ тайнописанія (такъ называемую „тарабарскую грамоту“ [1]) хотя, употребляетъ ее довольно

[1]) Ключъ „тарабарской грамоты“ см. на стр. 4.

своеобразно: иногда почти весь заговоръ сплошь написанъ „тарабарской грамотой“, иногда же только отдѣльныя слова, или даже отдѣльныя буквы въ словахъ. Привожу типичный примѣръ: заговоръ № 25-й.

Муца упякь. |В о̃ г̃ и д| зерся ло ощсадерь: м̃цъ с'слпивто^м хесѣфипа збмошию[1]) лкапь муца петапь у̃ б ı о̃пыпѣ идовѣту і шовѣки шѣтошъ арипь| прочошо^р да нсю^п до 3^х на воду.

Зналъ переписчикъ также и латинскую и, повидимому, польскую азбуки. Онъ очень любитъ вставлять отдѣльныя буквы и цѣлыя слова, написанныя латиницей. А иногда и нѣсколько строкъ подъ-рядъ изображаетъ латинскими буквами. Напр.: заговоръ № 24-й.

Slova na гимей. Чошогит 3^жд hatot Perst o^tmezenца... и т. д. А предыдущее средство почти сплошь написано латинскими буквами.

Кромѣ „тарабарской грамоты“, латинскихъ и польскихъ буквъ, переписчикъ обильно пользуется сокращеніями словъ (выбрасывая среднія буквы, отбрасывая конечныя), и даже однѣми начальными буквами. Вотъ какъ написано начало заговора № 29 О лужокѣ.

Г б б ѿ в ѿ ı̃ и' д| Я р ıм̃

Поэтому, въ связи съ нерѣдкими ошибками въ „тарабарщинѣ“, расшифровать всѣ заговоры стоило порядочныхъ усилій, а нѣкоторыя слова такъ и остались не прочтенными.

Въ виду типичности и незначительнаго объема я помѣщаю весь сборничекъ цѣликомъ, не смотря на то, что нѣкоторые отдѣлы имѣютъ не совсѣмъ близкое отношеніе къ матеріаламъ, помѣщаемымъ въ этомъ выпускѣ.

Рукопись была пріобрѣтена въ Шишкинской волости, Костромского уѣзда, черезъ одного изъ учениковъ Семиловской второклассной церковно-приходской школы. У владѣльцевъ она употреблялась на цыгарки, когда не имѣлось болѣе подходящей бумаги.

Орѳографія исправлена; фонетическія особенности, за исключеніемъ явныхъ описокъ и искаженій, сохранены].

---

[1]) Вѣроятно, описка, вм. „змошію“, т. е. скровію.

Кмашпить [т.-е. Травникъ].

Есть трава **Осоть**. А та трава добра. А кто ея знаетъ, и тотъ великій талантъ обрящетъ. А ростетъ та трава прекрасна, свѣтла; листочки кругленькія, что денешками; высотою съ пять[1]); цвѣтъ разной всякой.

Есть тр.[2]) **Ковыка**. А та трава добра; собою въ человѣка ростомъ, а по ней—что иглы; цвѣтъ мохнатъ, синь. А ростетъ по пахотнымъ мѣстамъ. А та трава добро держать во всякой храминѣ; и коли животина вертится, вложи корень свяско (?) въ шерсть—не станетъ вертѣться.

№ 22. Молитва къ зубамъ.

Радуйся, стѣн и коренія. Изми болѣзнь отъ челюстей и зубовъ раба Божія (имя рекъ), да не обрящутся во вѣки. Христе Боже, дай же ему, Господи, помощь и здравіе, исцѣленіе болящимъ зубомъ и главою челюстей рабу своему (имя рекъ). Святый Тихонъ, утиши, Господи, болѣзни и вся недуги зубные, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ ангелъ и архангелъ, и святыхъ апостолъ, и мученикъ, и всѣхъ святыхъ отецъ ради молитвами укроти недуги у раба Божія (имя рекъ), яко Ты еси самъ Богъ и Владыка всѣхъ, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну, и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь (156).

Говорить на соль или на чеснокъ.

Есть трава **Богородицкая**. Ростетъ кустиками; а листочки—что дикая мята; собою мягка; цвѣтъ на немъ синь. А та трава добра человѣку отъ уроковъ и отъ призоровъ при—всякихъ; или у женскаго пола болятъ груди—истолки, хлебай и парь. Или очи прѣютъ—парь травою, поможетъ Богъ.

Есть трава **Котовыя Руци**[3]). Ростетъ кустиками по рмамъ[4]) и по ячменю; а на ней шишочки синенькія. А та трава добра у кого желви есть—хлебай, помилуетъ Богъ. Или кто избу

---

[1]) Вѣроятно—„въ пядь“, т. е. въ четверть.

[2]) Въ подлинникѣ вездѣ, начиная съ этого мѣста пишется сокращенно вмѣсто „трава“—„тр.“.

[3]) См. „Тарабарскую грамоту“; передъ этимъ названіемъ зачеркнуто другое—„Перекосъ“, см. ниже.

[4]) Вѣроятно—„по ржамъ“.

ставить, положи подъ исподнее бревно—и тотъ станетъ жить славно и богато.

Есть трава **Перекосъ**. Ростомъ мала; видомъ темна и листомъ темна жъ; цвѣтъ воронъ, какъ стручки, а въ ней сѣмечки. И отъ нея спятъ: уже и змія, и лягуша, и всякая гадина; а человѣку положить въ голови—и онъ спитъ судки восьмеры или деветеры. Съ нее сѣмечко положи въ ротъ и поди водою—и вода растyпится. А корень ея какъ человѣкъ.

Есть трава **Царскія Очи**. А та трава велми мала—въ ыглу, и тонка, что игла. А жаръ отъ нея, аки золото; цвѣтъ багровъ. А въ ней кажутся, что всякіе узоры различные; а листу на ней нѣтъ; цвѣтъ—кустиками. А та трава добра къ очамъ, держать ея у себя. Или на бой пойдешь, возми съ собою—напраспыя раны минешь; бодръ и легокъ человѣкъ. Или кто хощетъ птицы ловити, носи съ собою—уловишъ птицъ[1]) и звѣрей.

Есть трава **Одолѣнъ**[2]). Ростетъ при рѣкахъ и при каменьи, и при черной землѣ, на сильныхъ[3]) мѣстахъ, на старыхъ лугахъ. А та трава голуба, ростомъ въ локоть, цвѣтъ рудожелтъ, листочки бѣлые. А та трава добра, коли человѣкъ окормился смертною ядію, дай ему пить—скоро пронесетъ верхомъ (и низомъ[4]). А корень ея добръ отъ зубныя болѣзни; и коли пастухъ хочетъ скотъ пасти, чтобъ скотъ не расходился—держать у себя. Аще кто тебя не любитъ, дай ему пить—и тотъ человѣкъ отъ тебя не можетъ отстать до смерти. Или хошъ звѣря убить, дай ему ясти.

Есть трава **Еугорь**. А ростетъ та кустиками по сильнымъ мѣстамъ и по ременамъ[5]). А та трава добра—иному попадетъ и иному нѣтъ. А та трава держать торговому человѣку, кто хощетъ богатъ быть, и ту траву. носить съ собою, куды не пойдетъ—много добра обрящетъ и у людей честенъ будетъ; во всякихъ ремеслахъ пошлетъ Богъ, съ великою честію и славою вознесется тотъ человѣкъ. А корень ея свѣтелъ, что ярый воскъ. А ростетъ та трава при моряхъ и при большихъ озерахъ.

Есть трава **Ацароша Глава**; ростетъ возлѣ сильныхъ мѣстахъ, розметныхъ болотахъ, кустиками по 5 и по 6 и по 10, листочковъ. А вышиною въ пядь, на мѣстѣ высок...[6]); а

---

1) Въ текстѣ—„п҃“.
2) Сверху приписано: „хомов“, т. е. хорош.
3) Въ текстѣ—„на синихъ“.
4) Скобки въ подлинникѣ.
5) т. е. „по раменьямъ“.
6) Надъ строкой какая-то неразборчивая лигатура.

цвѣтъ багровъ, а иной рудожелтъ; а какъ розцвѣтетъ —велми хороша, кукшинцами всякимъ цвѣтомъ. А ту траву рвать со крестомъ Господнимъ и говорить: „Отче нашъ“,—„Помилуй мя, Боже“... Аще кто въ грамотѣ не умѣетъ, сотворить 300 молитвъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго!“ А ту траву давать пить, кто порченой человѣкъ— облегчитъ въ тотъ часъ. Или у жены дитя не родится, дай ей пить, женѣ,—и родитъ. А кто хочетъ діявола видѣть или еретика, и тое травы окатить корень водой, и положи на престолъ, и не зимай 40 дней [1]); и какъ [2]) пройдутъ тѣ дни, и ту носи съ собою—и ты увидишь бѣсовъ воздушныхъ и водяныхъ. И коли кто ставитъ церковъ и полату—земля кажется подъ нимъ.

Аще у кого **гной идетъ** изъ ушей, вари вербу въ водѣ и лей въ уши—гной выйдетъ изъ ушей.

О травѣ **Колганъ**. А ростетъ суха и тепла. А кто траву держитъ подъ языкомъ—а кровь пущаетъ и лихую кровь изгонитъ.

Возми **Папорокъ** неистлѣнъ, на все счастливъ въ бѣдахъ; дай попу освятить—носи при себѣ.

А кто **изломитъ руку** или ногу, возми меду прѣсного да розсыти гораздо, да утри кирпичю, да утри сѣмени льняного, да 9 яицъ, смѣшай все вмѣстѣ и прикладывай къ больному мѣсту.

Чтобъ изъ **носа шла** [3]) **кровь**, возми мяты огородной [4]) смѣшай съ прѣснымъ медомъ густо и скатай катки, какъ гвоздики, и клади въ ноздри.

Аще кто **Лебеду** варитъ въ винѣ, да піетъ порану — всю нутряную болѣзнь изгонитъ.

Аще у кого **жена бѣгаетъ**, и ты поймай ласточку и вынь сердце, дай ей съѣсть или пить и не будетъ бѣгать.

[Писано латинскими буквами].

У ково конь **нотряной болѣзнью** болитъ, возьми муравьева гнѣзда да парь въ водѣ долго. И какъ выкипитъ въ треть, и ты процыди сквось сито, да навари соку конопляного, смѣшай съ тою водою вмѣстѣ. Давать коню въ ротъ по 3 лошки ве-

---

[1]) Было сначала написано „недѣль“, потомъ перечеркнуто и написано— „дней“.

[2]) Слова- „и какъ“ написаны дважды.

[3]) Вѣроятно—„не шла“.

[4]) Въ подлинникѣ—„мятой огород.“.

ликихъ, чтобъ проглотилъ, и привяжи его, да покрой его теплымъ, чтобъ припотѣлъ,—и здравъ будетъ.

У кого **конь сохнетъ**, и возьми 3 лошки дектю да три головки чесноку, да яицъ сырыхъ, и смѣшай вмѣстѣ, да вбей коню въ ротъ—отъ того здравъ будетъ.

Есть зелье, **отъ мороза** добро: конопли дикія да кропивного сѣмя, да смѣшавъ съ прѣснымъ медомъ, да мажь лице и руки, и ноги, и тѣло свое—ино хотя босъ поиди, не станетъ зябнуть.

Аще что хощеши у кого просить, есть трава на то—**Быліе.** А растетъ она по дубравамъ; а цвѣтъ, что коноплянъ. И какъ у кого что просишь, ту траву держи въ правой рукѣ и съ ней, не жалая, даютъ.

У кого **глава болитъ** за многое время, или обморокъ обходитъ, или глухота, или горечь, и ясти не сладитъ, да испиваютъ Ѳирьяки—исцѣлитъ и удушью помогаетъ.

У кого сердце болитъ,—есть трава **Мачелино Яйцо**. А ростетъ по пожнямъ; а листъ у нея, какъ копыто конево; а корень у нея черный. И какъ змія уястъ, скоро исцѣлитъ. А корень уквась въ житномъ квасу и пей на тощее сердце.

№ 23. Егда женился человѣкъ и у жены потеряетъ нифцу [1]).

Говоритъ на чистую воду трижды и окати дѣсту.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Како Христосъ, царь небесный подъ землею кромѣшной адъ словомъ крѣпокъ и плотенъ, и неизбѣжанъ и словомъ своимъ святымъ разверзивъ его; тако развяжи, Господи, словомъ моимъ у сей рабы Божіей (имя рекъ) отъ жилъ 3, 2, единую жилу становую и проходную, и отвори у ней водяной проходъ, (Pizdu) [2]) какъ, прежде сего, чтобъ шла изъ нея мочь и кровь, и женская немочь отъ сихъ моихъ словъ въ новѣ и ветхѣ, и по всякой день отнынѣ и до вѣка, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (157).

А которая жена ляжетъ съ мужемъ, а **колганъ** держитъ подъ языкомъ, ино въ ту ночь не зачнется младенецъ. Иному не надобно сказывать, трава.

[Весь этотъ отдѣлъ записанъ латинскими буквами].

---

[1]) Сбоку этого заговора приписка—„сокшомис", т. е. сотворилъ.

[2]) Такъ написано и въ подлинникѣ.

№ 24. Слова на чирей.

Говорить трижды на тотъ перстъ отъ мезенца: Да плюнь на перстъ трижды. Да очерти кругомъ чирья перстомъ тѣмъ трижды.

Господи, Боже! Благослови, отче! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Ни отъ камене плоду, ни комени (?) отъ угля, ни травы, ни зелени. Тако бъ у раба Божія (имя рекъ) отъ чирья не было ни щепоты, ни болѣзни—всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (158).

№ 25. Руда унять.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Земля со облацемъ, мѣсяцъ съ солнышкомъ, желѣзина зъ бровію [1]). Стань, руда, не кань у раба Божія (имя рекъ) отнынѣ и до вѣку и во вѣки вѣковъ. Аминь. (159).

Проговори, да и илюнь до трехъ разъ на воду.

№ 26. На щепоту.

Наговоръ на деревянное масло.

Господи, Боже! Благослови, отче! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Есть рѣка-рѣченька. Противъ рѣки-рѣченьки стоитъ тутъ стопка. Что въ той стопки сѣдитъ старая баба, шьетъ у раба Божія (имя рекъ) кости и жилы, щыпоти [2]) и болѣзни, и всякіе уразы. И чтобы у меня, раба Божія (имя рекъ), не было бы ни щепоты, ни болѣзни, ни въ кости, ни въ сердцы—всегда, отнынѣ и до вѣку, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (160).

№ 27. О лкояпіи жуя.

Есть гора костяна. На той горѣ есть стулъ костянъ. На томъ стулѣ костяномъ сѣдитъ царь костянъ, подпершись своимъ костылемъ костянымъ: шляпа на главы костяна, рукавицы на рукахъ костяны и сапоги на ногахъ костяны. И весь тотъ царь костянъ, и вси семьдесятъ три жилы костяны, и становая жъ жила кость. Такъ бы и у меня, раба Божія (имя рекъ), вси семьдесятъ три жилы и вси семьдесятъ три жилы—суставы были бы

---

[1]) Вѣроятно нужно—„съ кровію“.

[2]) Въ подлинникѣ стоитъ—„быноки“.

костяны, и вся и становая жъ жила была бы костяна, и стояла бъ она на жуѣ сто разъ и тысячу на постреканіе, на малое мѣсто на женскую нифцу и дѣвичью: на черную, на русую, на красную, на бѣлую и на всякую—мѣсяца молода и ветха, и на перекройныхъ днахъ. (161).

№ 28. О здравіи.

Господи, благослови Боже. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Святый Боже, свѣтлое красное солнце, вкапай въ меня, раба Божія (имя рекъ), руда мѣдна, руда желѣзна, руда оловянна и заключи, истинной Христосъ, своими божественными устами сердце мое. (162).

№ 29. О сухотѣ.

Господи, Боже! Благослови отче! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Я, рабъ Божій (имя рекъ), стану, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ ызбы дверьми, изъ двора воротами; пойду далече, въ чистое поле. Есть далече, въ чистомъ полѣ, славная рѣка *Непръ*. Какъ изъ той рѣки Напра выноситъ ярой осенной ледъ, такъ бы сносило и срывало съ меня, съ раба Божія (имя рекъ), и съ моего бѣлого тѣла, и съ ретивого сердца та свѣжая, ключевая вода тоску и сухоту по той по рабыницѣ Божіи, (имя рекъ). Какъ далече, въ чистомъ полѣ, мечитце бѣлой горносталь межъ темные лѣсы,—такъ бы металась та черная остудная тоска промежъ меня, раба Божія (имя рекъ). И тебѣ [1]) бъ мои словеса силни и крѣпки; тѣмъ моимъ словамъ отнынѣ и во вѣки. Аминь. (163).

[Предъ слѣдующимъ заговоромъ, отдѣльно, написано по тарабарски] Кровь унять.

№ 30. Отъ щепоты.

Господи, Боже благослови. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Есть въ чистомъ полѣ славное Окіянъ море. Въ томъ славномъ Окіянъ морѣ есть бѣлой островъ. На томъ бѣломъ островѣ стоитъ золотъ стулъ. На томъ золотѣ стулѣ сѣдитъ староматера жена, во правой руки держитъ золоту иголочку съ восковой ниточкой, зашиваетъ у меня, у раба Божія (имя рекъ),

[1]) Вѣроятно—„тѣ бы“.

кровавыя желѣзныя раны, укладныя раны: тѣло къ тѣлу, мясо къ мясу, жилу къ жилы, кость къ кости, жила къ жилы, суставъ къ суставу, сердце къ сердцу, печень къ печени—и чтобъ ни щепело бы и не болѣло у раба Божія (имя рекъ), щипѣло бъ и болѣло у мертваго во гробѣ. И стани моя красная кровь, запекися и не кани у меня, у раба Божія (имя рекъ), отнынѣ и до вѣка, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (164).

№ 31. Промышлять звѣря или птицы.

Господи, Боже благослови. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ ызбы дверьми, изъ двора воротми, путемъ-дорогою—въ чистое поле, въ черные лѣсы и въ зеленую дубраву, на промыслы, промышлять всякаго звѣря и всякую птицу. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), въ чистомъ полѣ на востокъ лицемъ, на западъ хрептомъ; и помолюся я, рабъ Божій (имя рекъ), матере Пресвятыя Богородицы: снеси, мать Пресвятая Богородица, Владычица, Духа Святаго съ небесъ; настави мя, Госпоже, раба Божія (имя рекъ), ходечи въ темныхъ лѣсахъ промышляти всякаго звѣря и всякую птицу. И сохрани меня, мать пресвятая Богородица, Владычица, своею ризою нетлѣнною, Духъ Святъ посли съ небесъ—отъ уроковъ и отъ призоровъ, и портежи, и отъ своей думы, и отъ своей мысли, и отъ товарищевой думы, и отъ товарищевой мысли, и отъ всякаго лихого человѣка, и завидливаго глаза, и отъ старца, и отъ старицы, отъ еретика, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ блядуна и отъ блядуньи, отъ кудесника, отъ кудесницы, отъ клеветника и отъ клеветницы, отъ красноглаза и отъ бѣлоглаза, и отъ черноглаза, и отъ бѣловолоса, и отъ русоволоса, и отъ красноволоса, и отъ черноволоса, волоса [1]), и отъ двоезуба, и отъ троезуба, и отъ двоежена, и отъ троежена, и отъ сопливца, и отъ возгривыя [2]), и отъ пучеглаза, и отъ кривого, и отъ слѣпого, и отъ плѣшатаго, и отъ попа, и отъ попадьи, и отъ бѣлоголовки, и отъ двоеголовки, и отъ челоголовъ (?), и отъ вдовца, и отъ вдовицы, и отъ отрока, и отъ отроковицы, и отъ жосоля [3]), и втай смотрящихъ, и въявь смотрящихъ, и съ хвоста смотрящихъ, изъ

[1]) Повидимому, лишнее дополненіе.
[2]) Тоже самое, что и предыдущее слово.
[3]) Можетъ быть—„холопя“.

избы смотрящихъ [1]), изъ окна смотрящихъ и сквозь околницу смотрящихъ, изъ дверей смотрящихъ, изъ сѣней смотрящихъ [2]), изъ воротъ, исъ-подъ воротъ смотрѣть, изъ тыну смотрѣть, и встрѣчю идучи смотрящихъ, и зъ зади идучи смотрящихъ. И сохрани мя, мать пресвятая, пречистая Бого родица, Владычица [3]), [пошли] Духа Святаго съ небесъ, и меня, раба Божія (имя рекъ), ризою нетлѣнною сохрани отъ уроковъ и отъ призоровъ, и отъ портежевъ, и отъ своей думы, и отъ своей мысли, и отъ товарищевой думы, и отъ товарищевой мысли, и отъ всякаго лихого человѣка, и завидливаго глаза. И чтобъ меня, раба Божія (имя рекъ), никто не могъ ни поткнуть, не испортить, ни думою подумать, ни мыслію помыслить. Хто не могъ изъ меня, раба Божія (имя рекъ), и крови испить, и тотъ бы меня, раба Божія (имя рекъ), не поткнуть и не испортить. И хто не можетъ въ лѣси лѣсу изчитать [4]), и тотъ не могъ бы меня, раба Божія (имя рекъ), испортить. И хто не можетъ въ лѣсу хвои исчитати, и тотъ не могъ меня, раба Божія (имя рекъ), не поткнуть, не испортить, ни думою подумать, не мыслію помыслить не въ новѣ мѣсяцѣ, не въ перекровѣ [5]) мѣсяцѣ, не въ полнѣ мѣсяцѣ, не въ ущербѣ мѣсяцѣ, не въ межныхъ дняхъ [6]), не на утрянной зори, не на вечерней зори, не на всходѣ солнышномъ, не по закату солнца, ни въ день при солнцѣ, ни въ нощи при мѣсяцѣ, не въ утряхъ рано, не въ вечеряхъ поздо. Постави Госпоже, мать, пресвятая Богородице, Владычице, Духъ Святъ съ небесъ, закрой своею ризою нетлѣнною и кругомъ меня, раба Божія (имя рекъ), тынъ желѣзной отъ уроковъ и отъ призоровъ, и отъ нортежевъ, и отъ своей думы, и отъ товарищевой думы, и отъ своей мысли, и отъ товарищевой мысли, и отъ земли до небесъ, и отъ неба до земли, со всѣ со четыре стороны,—и чтобъ меня, раба Божія (имя рекъ), не хто не могъ не поткнуть, не испортить, ни думою подумать, не мыслію помыслить отнынѣ и до вѣка. Нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (165).

Выйди промышлять въ лѣсъ, стань на востокъ лицемъ, на запатъ хрептомъ и проговори на топъ [7]) да и плюнь на себя и разотри 3-жды.

---

[1]) Въ подлинникѣ написано—„слотъ регистъ“.

[2]) Въ подлинникѣ—„слотъ слокъ чечистъ“.

[3]) Въ подлинникѣ—однѣ начальныя буквы.

[4]) Слово „изчитать“ въ подлинникѣ написано дважды.

[5]) Вмѣсто—„въ перекроѣ“.

[6]) Въ подлинникѣ—„цнямъ“,

[7]) Неразобранное переписчикомъ мѣсто.

№ 32. Иглу сквозь щеку проводить, мѣдь, желѣзо—не болитъ, не щемитъ.

Море котлянѣетъ, кровь не канетъ у меня, (раба Божія имя рекъ) ни въ семидесяти жилахъ, ни въ семидесяти костяхъ. Уляхся, щепота и ломота моя, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. (166).

№ 33. Корова млеко потеряетъ.

Наговаривать на воду и на крапиву. И этой крапивой подойникъ парить. И на гшерстяно [1]) камень.

М о л и т в а.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Есть славное Океянъ-море. На томъ на славномъ Океянѣ-морѣ есть бѣлъ островъ. На томъ на бѣломъ островѣ есть бѣлой камень. На томъ бѣломъ камени сѣдитъ пречистая Богородица, Мати Божія на престолѣ своемъ. И какъ ты, пресвятая Богородица, испустила моря и рѣки, и озера изъ одного мѣста, исъ-подъ бѣлого камени; такъ ты, пречистая Богородице, испусти молоко изъ моея милыя животины, исъ коровы (какова шерсть) [2]), изъ разныхъ шерстей, изъ ея вымя. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (167).

№ 34.

Есть въ Океянъ-морѣ желѣзной камень, заваленъ булатнымъ бревномъ. И подъ тотъ камень ушла зубатая щука. И какъ той щуки исъ того камсня вонъ не бывать, такъ бы сему (имя рекъ) сей бы желѣзной иглы изъ бѣла тѣла не исходить. Заключаемъ бревенная (?) уста и руки всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (168).

А потомъ.

[Послѣ сего нѣсколько листовъ вырвано.]

---

[1]) М. б.—дресвяный.

[2]) Скобки въ подлинникѣ.

№ 35. [Отрывокъ заговора противъ холоднаго оружія].

.... ни которыя скорби, но такъ же бы я, рабъ Божій (имя рекъ), не слышилъ бы въ себѣ ни побой, ни удару, ни уразу. И какъ же лежитъ мертвецъ въ земли, не слышитъ побой, ни удару. ни уразу,—тако жъ бы я, рабъ Божій (имя рекъ), не слышалъ бы въ себѣ ни побой, ни удару, ни уразу, ни щепоты, ни грыжи. Какъ отваливается камень отъ Господня гроба, такъ же бы отваливалось отъ меня, раба Божія (имя рекъ), всякое разное оружіе. Сколь легко віется хмелевое перо около тычины, столь бы легко падало около меня, раба Божія (имя рекъ), всякое разное оружіе[1]) молода мѣсяца, и ветха мѣсяца, и перекроя мѣсяца, и въ меженные дни, и во исхожую пятницу, во вѣки. Аминь (169).

№ 36. Молитва отъ грыжи избавлять.

Господи, Боже. Благослови, отче! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Есть море-окіянъ. И въ томъ морѣ-окіянѣ есть бѣлой камень Латырь, высота его ξ [2]) саженъ, долгота его 60 саженъ. На томъ камени Латыри стоитъ хрустальной теремъ. И во томъ хрустальномъ терему стоитъ золотъ стулъ. На томъ золотомъ стулѣ сѣдитъ красная дѣвица, подпоясалась золотымъ поясомъ, подперлась золотымъ посохомъ.—„Государони ты, красная дѣвица, дай ты мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), грыжныхъ словъ добрыхъ. Грызетъ у раба Божія (имя рекъ) и вотчину (?) золотная грыжа, лстова грыжа, нуповая грыжа, мокрая грыжа, костянная грыжа, бѣлая грыжа, красная грыжа, родимая грыжа, привязанная грыжа, кила грыжа и изотеческая грыжа, сердечная грыжа, делная (?) грыжа, подпуповная грыжа, поясовая грыжа, водяннaя грыжа, кровавая грыжа, пригнойная грыжа, суставная грыжа, нутрянная грыжа, верхняя грыжа, ручная грыжа, ножная грыжа. Грызетъ та грыжа ветха [3]) мѣсяца и молода [4]) мѣсяца, и въ перекрои мѣсяца; по утрянымъ зорямъ и по вечернимъ; по всякой день, по всякой часъ

---

[1]) Здѣсь между строчками сдѣлана какая-то неразборчивая приписка блѣдными чернилами; далѣе такъ же есть нѣсколько такихъ приписокъ и поправокъ.

[2]) Шестьдесятъ.

[3]) Конечное *а* переправлено блѣдными чернилами на *у*.

[4]) Тоже.

и по всякое время“.—И зговоритъ красная дѣвица: „Ой еси ты, Грыжа! пошла еси ты, Грыжа, отъ раба Божія (имя рекъ) въ отчину[1]) щукою; и ты выйди изъ него (или изъ нея) и пади къ бѣлому каменю; буди тамо до скончанія вѣка. Доспѣй себѣ грыжа въ камени гнѣздо крогло (?) [2]), а не грызи ты у меня, раба Божія (имя рекъ), вотчины, ни крови, ни тѣла, ни кости, ни мозговъ. Грызи себѣ, злая Грыжа, у тридевяти рѣкъ головы, а не ѣшь ты, злая Грыжа, у раба Божія (имя рекъ) ни тѣла, ни крови, ни костей, ни мозговъ. Грызи себѣ, злая Грыжа, у тридевяти[3]) головы, а не ѣшь ты, злая Грыжа, у раба Божія (имя рекъ) ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ. Грязи себѣ, злая Грыжа, у тридевяти древъ головы, а не ѣшь ты, злая Грыжа, у меня, раба Божія (имя рекъ), ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ. Грызи себѣ, злая Грыжа, горькое древо осину, а не ѣшь ты, злая Грыжа, у раба Божія (имя рекъ) ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ отнынѣ и до вѣка, и до гробной доски; въ день и въ ночь, по всякой часъ. Спаси, пречистая Богородице, святый Господь (!), Козмо и Даміянъ,—и предстаньте, государи, въ помощь къ сему нашему дѣлу. Которое слово вырвано[4]), то бъ было вставлено; которое слово напреди то бъ было назади; кое слово назади, то бъ было напереди. Чтобъ не было больше мастера меня, раба Божія (имя рекъ); во мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), отъ востову и до западу, отъ юга и до сѣвера, и мнѣ, рабу Божію (имя рекъ) на здравіе, души моей на спасеніе, болѣзни моей на исцѣленіе, словамъ моимъ на прибыль—до умертвія тѣла моего, во вѣки вѣковъ. Аминь. (170).

Говори трижды на сало ворванное наштикисъ и натерино млеко[5]). А мазать безъимяннымъ перстомъ или щучьими зубами противъ того мѣста, гдѣ грызетъ.

№ 37. [Заговоръ противъ тоски по женщинѣ. Отсуха].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь, въ чистое поле, въ зеленые луги, къ матерѣ рѣки (имя рекъ). И какъ у матки рѣки береги стоятъ не розно, а другъ по другѣ, не тол-

[1]) М. б.: во пучину.

[2]) Вѣроятно „кругло“.

[3]) Пропущено названіе тридевяти предметовъ.

[4]) Сверху надписано—„не“.

[5]) Какія-то, очевидно, неразобранныя переписчикомъ слова.

кутся и вмѣстѣ не сходятся, и течетъ та рѣка на нисъ безотпатно и безповоротно во вѣкъ по вѣку, и съ тѣхъ береговъ смываетъ и изрываетъ всякіе наносы и приносы и носитъ, и сноситъ сулой на мхи и на болота, и внисъ по рѣкамъ на дикіе острова и на чемерису, опричь русскихъ людей,— и съ раба Божія (имя рекъ) сходила бъ тоска и сухота смертная и переломная, и женская красота. И какъ та матка-рѣка не имѣетъ тоски и сухоты въ себѣ,—и тако бъ и я, рабъ Божій (имя рекъ), не имѣлъ бы въ своемъ сердцѣ тоски и кручины и злыя женскія красоты отнынѣ и до вѣку. Аминь. И какъ сей новопреставльшійся мертвецъ (имя рекъ) отсталъ сего свѣта и отъ колокольнаго звону, и отъ пѣнія церковнаго, и отъ міра крещеннаго, и не чуетъ, и не слышитъ на своемъ сердцѣ ни тоски, ни сухоты, ни злыя женскія красоты,—такъ же бы и я, рабъ Божій (имя рекъ), отсталъ отъ сей рабы Божіей (имя рекъ) тоски.... (171).

[На этомъ мѣстѣ заговоръ кончается. Конецъ рукописи утраченъ].

XXV.

[Сборничекъ изъ 42+9+29, а всего изъ 80 нумерованныхъ листовъ въ восьмую долю, ш. 10,5 снт., дл. 17 снт., съ маленькими полями въ 1—1,5 снт. Въ ветхомъ картонномъ переплетѣ, съ кожанымъ корешкомъ. Переплетенъ изъ трехъ тетрадей, писанныхъ тремя различными почерками. Первая тетрадь болѣе новаго письма, послѣдняя—наиболѣе стараго. Но, въ общемъ, всѣ тетради написаны новымъ раскольничьимъ полууставомъ (первыя двѣ очень красивымъ и отчетливымъ) по двумъ линейкамъ, проведеннымъ острымъ орудіемъ. Въ началѣ первыхъ двухъ тетрадей помѣщены узкія заставки, а въ концѣ—небольшія концовки, растительнаго характера, выполненныя черными чернилами. Такого же рода концовка помѣщена и послѣ „заклинательной молитвы Марка Ѳрячскаго“ во второй тетради. Нѣкоторые заговоры и молитвы во второй и третьей тетрадяхъ отдѣлены другъ отъ друга нѣсколькими горизонтальными линіями. Заглавія и начальныя буквы статей, а также и нѣкоторыя замѣчанія писаны киноварью. Болѣе другихъ киновари въ первой тетради.

Записей и приписокъ никакихъ нѣтъ, поправокъ тоже, хотя тексты заговоровъ и молитвъ списаны довольно неразумительно.

Всѣ три тетради написаны въ разное время и вначалѣ

существовали какъ отдѣльныя рукописи и только впослѣдствіи были соединены въ одномъ переплетѣ [1]). Двѣ послѣднія тетради перепечатываются здѣсь сполна, а первая лишь въ извлеченіи съ отмѣткою пропущенныхъ статей. Послѣдняя тетрадь потерпѣла болѣе прочихъ и отъ времени, и отъ рукъ лицъ, пользовавшихся ею, тогда какъ первыя двѣ почти совсѣмъ новыя.

Орѳографія исправлена, явныя описки и искаженія тоже; фонетическія особенности сохранены.

Рукопись пріобрѣтена лѣтомъ 1907 года въ г. Костромѣ, на толкучкѣ, у торговца старыми книгами и вещами].

№ 38. Молитва заклинательная Марка Ѳряческаго [2]).

иже принуди бѣса исповѣдати, колико есть могущихъ словомъ изгнати бѣсы, и како бѣсы боятся его. По искушеніи преподобнаго Марка, иже дерзну, аки добрый воинъ Христовъ, самъ единъ обратися [3]) со ополчающимъ враговъ душепагубныхъ и возжделѣ зѣло въ затворѣ.

Молитеся Богу, всегда помышляя о затворническомъ житіи. Господь глаголетъ сіе: „ты же, егда молишися, вниди въ клѣть и, затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему втайнѣ — и Отецъ твой, видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ". Но добрый отецъ возбранихуся ему, отнюдь сего не творити, аки паче иныхъ, терпящихъ брань отъ прелестнаго врага. Воспомянухъ бо, како тамо одолѣхъ врагъ Марко, обращашеся съ ними наединѣ ихъ, егда многими споспѣшествующихъ молитвами, воздвигоша тогда прощенія, иже созданъ бо и тамо начавшія въ затворѣ зѣло подвизатися и жити, и о спасеніи своемъ велія тщанія имѣти, по вся дни на большія труды простираяся, умерщвляя вся страсти похотныя гладомъ воздержанія, посѣкая тѣхъ мечемъ духовнымъ, сіе есть глаголомъ молитвы; лукаваго же разженныя же стрѣлы водою слезъ погашая.

И тако благодатію Божіею не точію самъ уязвенія бѣсовскаго страненъ бѣ, но и пріялъ отъ вседаровитаго Господа даръ исцѣленія чудотворно различныя язвы и недуги въ людехъ, изгоняти бѣсы. Къ сему убо, божественному, между иными приведенъ бысть нѣкогда для изцѣленія человѣкъ, одержимъ бѣсомъ, зѣло лютымъ и крѣпкимъ, яко древо неудобное, носимо десятію мужи, онъ единъ, вземъ, заверзаше. Желая прославленія

[1]) Такое представленіе, даетъ подробное разсмотрѣніе сборника.
[2]) Съ этой молитвы начинается *вторая* тетрадь сборничка.
[3]) Вѣроятно—братися, т. е.—бороться.

быти благодати отечествія своего духовнаго, глаголю къ Марку, и повелъ таковаго человѣка тамо вести. Тогда бѣсный нача вопити: „Къ кому посылаеши мя? Азъ бо не знаю приближитися къ нему святыхъ ради положеніи. Въ ней же тридесять живущихъ черторисцевъ, ихже боюся, съ прочими же брань имамъ". Сія обладати бѣсному исповѣдавшу, повелъ паки нуждею его паки тамо влещи, да глаголанная имъ паче увѣрено будетъ. Влекущимъ убо вѣдуще, яко николиже бѣсный бывалъ и никогоже знаетъ въ немъ. Вопросиша его: „Которыи суть, ихже ты боишися?" Бѣ бо тогда всѣхъ сто и осмьдесятъ. Бѣсный же изочте по имени тридесять и глаголя: „Сіи вси словомъ единымъ изгнати мя могутъ". И рекоша ему паки тіи влекущіи: „Мы хощемъ затворитися". Онъ же отвѣщая: „Кая польза мнѣ есть съ мертвыми братися? тіи бо нынѣ небольшія дерзновенія имутъ къ Богу молитися о всѣхъ черноризцехъ, приходящяхъ къ нимъ. Но аще хощетъ брань мою видѣти, кромѣ бо тридесяти, якоже рекохъ, съ прочими бесми [1]) братися могу". И нача показывати силу свою, глаголя, просторѣча бесми [2]) языки, ихже николиже слышасте человѣкъ той, яко зѣло убоятися влекущимъ его, дивящимся измѣненію языка его и разногласію. Таже прежде даже не внити имъ, изгонящимъ бѣсы, зѣло страшна бѣсомъ, и отбѣже бѣсъ отъ человѣка, нечистой той духъ, и нача изцѣлѣвый добре творити и смыслити, сущіи же съ нимъ радостни быша и внидоша съ тѣмъ же, воздаянія ради хвалы Богу. Еже увѣдавъ, пріиде со всею таможде въ церковь и не знаяше менѣ и иже [3]) единаго отъ всѣхъ тридесяти, ихже нарече бѣснуяся. Тогда вопросиша его: „Кто изцѣливъ тя?" Онъ же, взирая на образъ пресвятыя Богородицы, глаголаше: „Яко съ тою срѣтоша насъ святіи отцы, тридесять числомъ, и таке изцѣлѣвъ". Имже убо тѣхъ помянеши, въ лице же ни единаго знаеши тогда изгнати бѣса. Ему же слава во вѣки вѣкомъ. Аминь. (172).

[Послѣ сего въ рукописи помѣщена нарисованная чернилами концовка въ видѣ цвѣтка].

№ 39. [Заговоръ отъ двѣнадцати лихорадокъ].

Сорокъ разъ: „Господи, Іисусе, Христе, Сыне Божій, помилуй мя, раба Божія (имя рекъ)".

Двѣнатцать разъ — „Богородицу"...

---

[1]) М. б.—весьма, или же—всѣми.

[2]) Вѣроятно—всѣми.

[3]) Вѣроятно: имена ниже.

Избавь, Господи, отъ двѣнадцати кумохъ, отъ Иродовыхъ дочерей, худыхъ, босыхъ, нагихъ.

Тринатцать разъ говорить. (173).

№ 40. [Заговоръ, чтобы деньги велись]

Господи, благослови.

Ходи сіе древо на деньги: на злато, сребро и мѣдь. Деньги въ землѣ скрыты; утаенно сребро, разженно, искушенно, отъ земли очищенно седмерицею. Ты, Господи, сохраниши ны и соблюдеши ны отъ рода сего и во вѣкъ. Аминь. (174).

№ 41. Молитва заклинательная.

Аще Господь самъ спасался на Валивонцкой горѣ сорокъ дней и сорокъ нощей, себя показывалъ болящимъ рабомъ Божіимъ на исцѣленіе, душамъ на спасеніе. Прилетѣлъ діявольской аггелъ Господа Бога исцѣляти: кто можетъ кромѣ мене лѣчить, я всѣмъ лѣкарь! Аще загорится сей камень, сожгися сей діаволъ во огнѣ. Силою честнаго и животворящаго Креста Господня заклинаю тя. Преврати, Господи землю камнемъ, вглубь ходу нѣту. з-се-ме-[1]) преврати, Господи, въ нашу пользу. (175).

[Здѣсь кончается вторая тетрадь].

№ 42. [Заговоръ противъ оружія] [2]).

Бога, Господа нашего, Іисуса Христа...[3]) заговариваюсь и своимъ златымъ щитомъ ...[4]) меня, раба Божія (имя рекъ), стрѣлять стрѣлою желѣзною и ударить саблею, и ткнуть копіемъ и рогатиною, и всякимъ каленымъ желѣзомъ. И пойдетъ стрѣла-желѣзница отъ меня, раба Божія (имя рекъ), во всякое желѣзо сѣкучее и каленое, и простое. И пойдетъ изъ столпа въ дубъ, изъ дуба пойдетъ во всякое древо; и древо[5]) пойдетъ за море Хвалынское. Похвала отца отъ стрѣлы-желѣзницы, отъ сабли и рогатины, и сѣкиры доспѣшныя, отъ булата краснаго и синяго, отъ стали и ножа, и отъ чинжала, и отъ свинцу,

---

[1]) Какія то странныя слова.

[2]) Съ этого заговора начинается третья тетрадь.

[3]) Повидимому, пропускъ въ текстѣ или плохо разобранное мѣсто.

[4]) Тоже.

[5]) Вѣроятно—изъ древа.

и отъ мѣди, и отъ проволки мѣдныя и желѣзныя, и отъ всякаго приправу желѣзнаго. Лежитъ ли бѣлъ каминь Алатырь въ мори-окіянѣ, кругъ того камня тридесять замковъ желѣзныхъ. И сколь тѣ замки крѣпки—моего супостата стрѣла втуне бываетъ и сѣкира за поясомъ, и рогатина въ рукахъ у всякаго лихова человѣка. Стоитъ ли пречистая Богородица, мати Христа Бога нашего, своею ризою защищаетъ меня, раба Божія (имя рекъ), отъ стрѣлъ-желѣзницъ и отъ булата, и отъ сабли, и отъ сѣкиры доспѣшныя, рогатины и свинцу, и мѣди, и отъ проволки, и всякаго приправу желѣзнаго. Стоитъ великій Николае Чюдотворецъ и отженяетъ отъ меня, раба Божія (имя рекъ), всякаго лихова человѣка, немирнаго, емлющаго за руку и за волосы, и за всѣ составы; не пущаютъ моего супостата, лихова человѣка, и стрѣлы изъ рукъ его. Сколь крѣпки въ окіянѣ-морѣ тридесять замковъ, столь бы и на меня, раба Божія (имя рекъ[1])... Сколь крѣпка на бѣломъ камнѣ кора, столь бы крѣпко было мое тѣло, раба Божія (имя рекъ). На горахъ каменныхъ стою я, рабъ Божій (имя рекъ), покланяюся на всѣ четыре стороны Исусу Христу, Вышнему Творцу, и Храброму Георгію, и архистратигу Михаилу, и всѣмъ небеснымъ силамъ, Гавріилу и Козмѣ и Доміяну, и архидіякону Стевану, и святымъ апостоломъ Петру и Павлу, и всѣмъ святымъ апостоломъ. И ставлюся я, рабъ Божій (имя рекъ), въ горшокъ и въ котелъ желѣзной; и покрываюся церковію желѣзною, отыкаюся кругъ себя, раба Божія (имя рекъ), въ тридесять тыновъ желѣзныхъ, и замыкаюсь въ тридесять замковъ желѣзныхъ отъ своихъ супостатовъ и отъ всѣхъ воиновъ, и немирнаго плеча, отъ вѣдуна и отъ вѣдуницы, отъ отрока и отроковицы, отъ всякаго лихаго человѣка. Тогда меня, раба Божія (имя рекъ), испортятъ, когда на небеси перещитаютъ звѣзды частыя и коли окіянъ-море высохнетъ, и когда тѣ ключи изъ моря-окіяна востанутъ, и коли ту змѣю исъ того камня выгонятъ. И коли тѣ ключи востанутъ, и коли та змія-скоропивка востанетъ,—тогда меня, раба Божія (имя рекъ), сыщутъ вѣдуны и вѣдуницы, и всякой лихой человѣкъ. И тѣхъ имъ въ небеси звѣздъ не перещитать, и моря не выпивать, змія-скоропивка не выгнать, раба Божія (имя рекъ) не парчивать, а моимъ супостатомъ и всякимъ людямъ, и воинскимъ людямъ, вѣдунамъ и вѣдуницамъ — древенъ камень, желѣзной тынъ въ горло всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (176).

[1]) Незамѣченный переписчикомъ пропускъ.

№ 43. [Заговоръ противъ оружія].

Бога, Господа нашего Исуса Христа, заговариваю я, рабъ Божій (имя рекъ), тѣло свое грѣшное отъ стрѣлы и отъ сабли, и отъ рогатины, и отъ сѣкиры доспѣшныя. Буди тѣло мое грѣшное крѣпче камени и булата, и всякія вещи, и желѣза простого, и паче мѣди. Помилуй, Господи, раба Божія (имя рекъ) отъ пули и ядеръ, и стрѣлъ... Крестъ Господень, миръ Господа, Бога и Спаса нашего, Исуса Христа. Стой, стрѣла, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ)! Не ходи, стрѣла, чрезъ Дѣву Марію и чрезъ пророка Іоанна, Крестителя Господня, и чрезъ ангели и архангели, и чрезо вся святыя жены, и чрезъ вся праведные христіяны, которые поживши въ заповѣдехъ и въ законѣ Господни! Стой, стрѣла, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ), повелѣніемъ Бога и праведнаго, чрезъ Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы! Стой, стрѣла, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ), чрезъ обѣщаніе милосердія Божія! [1]) Стой, стрѣла, не ходи чрезъ терновъ вѣнецъ, который былъ на главѣ Господа нашего, Исуса Христа! Стой, стрѣла, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ), чрезъ копія и гвоздіе Господа нашего и Спаса, Исуса Христа, всемогущаго Бога, иже никтоже не можетъ сокрушити служебника своего, раба Божія (имя рекъ), и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (177).

№ 44. [Заговоръ противъ оружія].

Есть езеро желѣзное; есть царь желѣзный. И тотъ царь имѣетъ власть, и защищаетъ отъ всякаго желѣза меня, раба Божія (имя рекъ), отъ сабли и копія, и отъ мѣди, и рогатины, и отъ топора, и ножовъ, и отъ всякія дѣтели припл0дныя. Помилуй, Господи, насъ, истинный Христосъ, Царь Славы небесной, мене, раба Божія (имя рекъ): роса буди о всякое желѣзо. Поведи, Царь, стрѣлы прочь отъ меня, раба Божія (имя рекъ), во всякое древо и желѣзо, клей — въ рыбу, а рыба — въ море; а перья — во птицу, а птица — въ небо; полети отъ меня, раба Божія (имя рекъ), всякое желѣзо и всякія стрѣлы, и рогатины, и копія, и сабли, и кинжалы, и топоры — прочь отъ меня, раба Божія (имя рекъ), нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (178).

---

[1]) Въ текстѣ: милосердіе Божіе.

№ 45. [Заговоръ противъ оружія].

Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его, и да бѣжатъ отъ лица его ненавидящіи его, яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога; буди путь ихъ тьма и ползокъ, и ангелъ Господень прогоняя ихъ, видящіи мя вонъ бѣжаша отъ мене, раба Божія (имя рекъ), падутъ на нихъ угліе огненно, низложиши ихъ во вратѣхъ, благословеніе Господне на главѣ моей, всуе зубы супостатомъ сокрушилъ еси, Господи, и на мнѣ благословеніе. Азъ усну[1]) и спахъ, яко Господь заступитъ мя. Суди, Господи, обидящимъ мя, возстани на борющія мя, возстани, сокруши, Господи, подъ ноги наша, да порены[2]) были бы намъ и падшіи подъ ноги нашими. Сокруши, Господи, лукъ ихъ и стрѣлы, и пищали, и пушки, и пули, свинецъ и олово, и всякое желѣзо, и древо ихъ. Крестомъ ограждаюся, супостатомъ своимъ сопротивляемся, не боящеся его коварства и ихъ обаятельства, яко гордость ихъ упразднися и попранъ бысть на древѣ крестнѣмъ. Силою распятаго Христа спаси, Господи, люди своя и благослови достояніе свое. Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (179).

[Слѣдующій заговоръ, хотя и написанъ сплошь, но легко можетъ быть разбитъ на размѣренныя строки, что мною и сдѣлано].

№ 46. Заговоръ на ружье и порохъ.

Идетъ Адамъ дорогой,
Несетъ въ рукахъ колоду.
Порохъ — грязь,
Дробь — прахъ.
Я въ ево насцу,
Онъ меня не убьетъ,
А отъ мово выстрѣла не уйдетъ.
Нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (180).

№ 47. Молитва отъ сердоболи.

Боже великій, Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, иже еси разрѣшилъ по твоему смотрѣнію, иже суть были во гробѣхъ

---

1) Въ псалмѣ читается—уснухъ.

2) Вѣроятно—покорены.

отъ всѣхъ вѣкъ. Разрѣши, Господи, болѣзнь сію сердечную рабу своему (имя рекъ) всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (181).

№ 48.

Молитва

грознаго архистратига Михаила, чиноначальника [1]) небеснымъ силамъ. Отъ ускопу. Аще человѣку поднесутъ или [2]) на чемъ подадутъ [отъ порчи].

Найди на полѣ два кола огородныя вмѣстѣ съ увиткою и вырѣжь по жеребейку исъ каждаго кола, и почерпни воды исъ проносу [3]) или пекату [4]), и вложи оныя въ воду, два жеребейка, и прочитай молитву архангеломъ трижды, и пить оную отъ порчи.

Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь.

Господи благослови отче. И архангелы Михаилъ, Гавріилъ и Урiилъ, и Рафаилъ, и всѣ зрятъ у дверей Господнихъ, и держатъ свипетры въ рукахъ своихъ, иже хранятъ Господне, и дивятся множество ангелъ и архангелъ, и рекутъ: проклените Сатану со діявольскою силою и спадшею въ подземельную пропасть, въ бездну адову, идѣже Мамонтъ, бѣсъ проклятый, и Люцыперъ зломышленный, Сатана треокаянный. Да не прикоснутся [5]) или преисподнія, или воздушныя силы ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), или дому моему, или роду и подроду моея исчадіи ни во дни, ни въ нощи, ни на пути, ни при рѣкахъ и берегахъ, моряхъ и рѣкахъ, и езерахъ, и источникахъ водныхъ, при горахъ и холмахъ, и пескахъ, и на распутіяхъ, и водахъ, и при косогорахъ, и дебряхъ, и лѣсахъ, и во боротахъ [6]), и при поляхъ, и огородахъ, и разныхъ садахъ и усадахъ, истовахъ и кладязяхъ, и во всякомъ построеніи жиломъ, дворномъ и недворномъ, полевомъ и степномъ, ниже въ храмѣхъ Божіихъ и молитвенныхъ домѣхъ, ни при роспутіи часовенокъ, которыя при накрытіи лѣсномъ, отъ низпаденія, отъ воздуха. Да не утаится отъ знаменія и силы честнаго и животворящаго Креста Господня. Аминь. Но соблюди, Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, молитвами пречистыя и препрославленныя Владычицы

---

[1]) Въ подлинникѣ—чиночальника.

[2]) Здѣсь кончается киноварное письмо.

[3]) У Даля: *проносъ на рѣкѣ*, стрежень, русло, сильное теченье.

[4]) М. б.—перекату.

[5]) Въ подлинникѣ—не прикоснется.

[6]) Есть—бортяныя ухожи (см. Даль).

нашей, Богородицы, Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, спаси мя, раба Божія (имя рекъ), во дни и въ нощи, предстоящихъ и молящихся за ны и за всѣхъ православныхъ и согрѣшившихъ предъ тобою и пречистымъ единороднымъ Сыномъ твоимъ, Господемъ нашимъ, Исусъ Христомъ. Аминь. (182).

№ 49. Молитва святыхъ двѣнадцати апостолъ [1])

и прочихъ семидесяти двухъ пророкъ, и праведныхъ святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, великомученикъ и мучениковъ, преподобныхъ отецъ нашихъ Іоакима и Анны и всѣхъ святыхъ молитвами. Аминь.

По окончаніи молитвъ архангельскихъ, надъ чѣмъ говорилъ, велѣть больному сложить крестъ въ руцѣ тѣлесный и перекреститься, глаголя: Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, благослови и освяти меня, раба Божія (имя рекъ), и сохрани мя силою Креста животворнаго ти. Трижды перекрестись и приложись трижды. (183).

[**Далѣе помѣщается цѣлое чинопослѣдованіе противъ порчи молодыхъ—„когда другъ друга не узнаютъ“**. Типиченъ псаломъ 90, гдѣ подлинный текстъ перемѣшанъ съ тирадами, ничего общаго съ псалтирью не имѣющими].

Аще что касается при свадьбѣ надъ молодымъ, *когда другъ друга не узнаютъ*: возьми воды и омочи обручальныя свѣчи по единому разу, и возьми два комочка воску отъ свѣчъ, и пусти на воду,—и перстни на чистой ниточкѣ, и говори трижды.

№ 50. Молитва первая.

Царю небесный...

Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня, раба Божія (имя рекъ), и рабовъ Божіихъ новосочетавшихся бракомъ: раба Божія (имя рекъ) и рабы Божіей (имя рекъ). Господи благослови. Аминь. (184).

Царю небесный...

№ 51. Псаломъ 90.

Живый въ помощи вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится,речетъ Господеви: заступникъ мой еси—рабъ твоихъ (имя рекъ). Заступи, спаси и сохрани, и помилуй отъ скорби, болѣзни душевной и тѣлесной, и сердечной. Ты еси и прибѣ-

---

[1]) Киноварь.

жище мое, Богъ мой, и уповаю нань, яко той избавитъ тя отъ сѣти ловчи и отъ словеси мятежна; плещма своима осѣнитъ тя и подъ крылѣ его надѣешися; оружіемъ обыдетъ тя истина его, не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы, летящія во дни, отъ вещи, во тьмѣ преходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго. Ограждаюся, рабъ Божій (имя рекъ), именемъ Исусъ Христовымъ и животворящимъ Крестомъ. Благослови и освяти, [Господи], и будь милостивъ рабомъ твоимъ, якоже прежде послалъ еси архангела своего Рафаила со отрокомъ Товитомъ избавити отъ пожренія рыбы и твоею неищетною и богатою милостію соопредѣлилъ еси раба Божія (имя рекъ) отца и матери и обладаему дѣвицу древнимъ зміемъ Люцеперомъ, и сокруши его въ полунощи мечемъ невидимо силою архангеламъ твоимъ, и пресыпа его въ прахъ и пепелъ. Аминь. Падаетъ отъ страны твоея тысяща и тьма одесную тебѣ, къ тебѣ же не приближится. И нынѣ сотвори милость надъ симъ рабомъ Божіимъ (имя рекъ), якоже и прежде. Обаче очима своима смотриши и воздаяніе грѣшникомъ узриши, яко ты, Господи, упованіе мое, вышняго положилъ еси прибѣжище твое; не пріидетъ къ тебѣ зло и рана не приближится тѣлеси твоему, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ. Сохрани, Господи, во всѣхъ путехъ твоихъ раба твоего (имя рекъ) отъ потвора людскаго, мужеска пола и женскаго, и всякаго званія сопротивнаго и богоотступнаго чиновна и подчиновнаго, и разноязычнаго отъ икоты, потяготы, ломоты, тоски и утопа банняго и передбанняго, налетна и потворна, и костоломна, и черноемошна, и кровоточна, проходна и утробна, предгрезъ и переполоха дневнаго и нощнаго, и оболученія всякія дичи, невстанихъ обоего пола, опышки, одышки и волоченія, и всякаго дичи насланныхъ отъ еретикъ и еретицъ, колдуновъ и колдуней, вѣдуновъ и вѣдуней избѣды слеса[1]) и переполохи, и всякія дичи отъ души и сердца, изо всея плоти и утробы, изъ главы и мозгу, отъ персей, изъ рукъ, изъ ногъ и всякія крови жильной и поджильной, и мозгу костнаго, и живицы, и подноготія. Иже аще реклъ еси, Владыко, человѣколюбче Господи, въ писаніихъ своихъ: аще чисто соблюдеши душю свою мене ради и Матере моея, на рукахъ возьмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ноги твоея. Господи, силою честнаго и животворящаго Креста твоего огражденіемъ спаси и сохрани, наступати на змія и скорпія, на аспида и василиска наступиши и попереши льва лютаго и змія дракона, яко на мя упова и избавлю и, покрыю и, яко позна имя мое воззоветъ ко мнѣ. (185).

---

[1]) Привожу буквально по подлиннику это невразумительное мѣсто.

№ 52. Псаломъ 10.

Глаголы моя внуши, Господи, разумѣй званіе мое, вонми гласъ молитвы моея, Царю мой и Боже мой, яко къ тебѣ помолюся, Господи, — заутра услыши гласъ мой и услышу и, съ нимъ есмь въ скорби, изму и, прославлю его, долготу дній исполню и, и явлю ему спасеніе мое. Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. Аллилуіа трижды. (186).

И дать выпить, внедогатку спрыснуть. Потомъ молитва архангеломъ, которая впереди (см. № 48).

[Здѣсь, очевидно, кончается чинопослѣдованіе противъ порчи новобрачныхъ].

№ 53. Молитва отъ духовъ нечистыхъ.

Боже вѣчный, избави насъ отъ плѣненія діяволя, изми раба твоего (имя рекъ) отъ всякаго дѣйства духовъ нечистыхъ, — и имъ бѣсомъ отступити отъ души и тѣла отъ раба твоего (имя рекъ), и да не пребудутъ, ниже таятся въ немъ, или на него нападающи, но да отбѣжитъ именемъ твоимъ единороднаго ти Сына, Господа нашего, Исуса Христа, и животворящаго Креста, и Святаго твоего и животворящаго Духа отъ созданія рукъ твоихъ, да очист ится отъ всякаго діявольскаго дѣйствія, навѣта, преподобне и праведне, и благочестне поживетъ, сподобляемъ пречистыхъ и животворящихъ таинъ, единороднаго ти Сына и Господа Бога нашего, Исуса Христа, съ нимже благословенъ еси и препрославленъ, съ пресвятымъ и благимъ, и животворящимъ ти Духомъ,—всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (187).

№ 54. [Молитва отъ духовъ нечистыхъ].

Да отбѣгнутъ и отступятъ отъ дому сего и отъ мѣста сего' и яже вхожденіи всякомъ путномъ и путешествіи, въ ядeніи и питіи, отъ раба Божія (имя рекъ)—всякаго діявольскаго обстоянія и чародѣянія волшебная дѣйства окровленіемъ[1]) молитвы и воды сея окропленіемъ исчезните вси діявольскія силы во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. (188).

Послѣ оныя честь молитву архангеломъ, которая напереди (см. № 48).

---

[1]) Вѣроятно—окропленіемъ.

№ 55. Молитва священномученику Кипріяну.

Господи, Боже, великій, всесвятый сый и препрославленный, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ. Слава ти сѣдѣвшему во свѣтѣ безсмертномъ, егоже никтоже видѣ, ниже видѣти можетъ; иже тысящами тысящъ и тьмы тьмами святыхъ ангелъ и архангелъ: 1. Михаилъ, 2. Гавріилъ, 3. Рафаилъ, 4. Уріилъ, 5. Семфіилъ[1]), 6. Рагудіилъ, 7. Варахіилъ — предстоятъ предъ тобою. Ты вѣси рабу твоему (имя рекъ), яко не познавшю ми тебе, истиннаго Бога, первѣе сіе дерзахъ: блудъ творяхъ съ тмочисленными женами и во образъ человѣкомъ, и спроста рещи—всякое чародѣйство дѣлахъ, и лукавы бѣси мнѣ работаху. Нынѣ убо, Господи сильный и великій, благоволивый отъ недостойнаго достойному быти, и сотвори мя причастника быти священному ти стаду, и преестественнымъ величествомъ милосердвовавый о мнѣ, рабѣ твоемъ (имя рекъ), не восхотѣ погубити мя со беззаконіи моими, знаема мя сотвори святѣй твоей непорочной вѣрѣ, не отверзи мя, грѣшнаго и недостойнаго раба своего (имя рекъ), припадающаго; Отче всесильный, Михаилъ архангелъ, иже ко Владыцѣ благоразумнѣ, яко слуго вѣрный сохраняя, архангельскимъ и мысленнымъ старѣйшинствовати учиненъ бывъ отъ Вседержителя и, видѣвъ отступника падша, собравъ архангельскія лики, и рече: вонмемъ добре предъ сотворшимъ ны. Спасенію же нашему сопротивникъ и ратникъ, разгордѣвъ на Зиждителя и не сумнѣвся, рекъ: престолъ мой на облацѣхъ поставлю и Вышнему подобенъ буду. И тако похвалихся, архангельскія испаде власти, яко же рече Господь: видѣхъ Сатану, яко молнію, съ небесе спадша; данный же ему чинъ такожде съ нимъ низпаде, и, презорствовавъ, пострада.

1. Архангелъ Михаилъ есть побѣдитель супостатомъ, топчющъ Люцыпера, лѣвицею держащъ вѣтвь финичю зеленую, десницею же копіе, имуще верху своемъ хоругвь бѣлую, отъ копій конецъ обвивающуюся, а на ней червленый крестъ исткань.

2. Гавріилъ — вѣстникъ Божіихъ таинъ, держащъ десницею фонарь съ вовженною внутрь свѣщею, въ шуйцѣ же зерцало каменно, аспида зелена, червленности нѣчто[2]) мѣстами въ себѣ имущу.

---

[1]) Ниже—Сеалфіилъ, правильнѣе—Салафіилъ

[2]) Въ подлинникѣ—но что.

3. Рафаилъ—врачъ недугомъ, шуйцею, мало поднесенною, держащъ алавастръ врачеванія, десницею водящъ Товію отрока, носящаго рыбу, въ Тигрѣ ятую.

4. Уріилъ—сіянія сый, огня Божественнаго, просвѣтитель есть потемненныхъ, держащъ десницею мечъ обнаженный противу персей въ шуйцѣ, же низпущенной — пламень огненный.

5. Сеалфіилъ—молитель, моляй Бога выну о человѣцѣхъ и человѣка къ молитвѣ возбуждаяй; лице и очи долу низпущени имѣяй, руцѣ же къ персямъ согбени, по подобію молящагося умиленне.

6. Рагуділъ—славитель Бога, иматъ служеніе утверждати человѣкъ, труждающихся любо славы ради Божія и ходатайствомъ воздаяніе; въ десницѣ имущь вѣнецъ златъ, въ шуйцѣ же бичъ, отъ трехъ перловъ черныхъ, съ тремя концы.

7. Варахіилъ — благословенія Божія податель и божіихъ благодѣяній намъ ходатай, носящъ въ нѣдрахъ одежды своея цвѣты розъ бѣлыхъ.

И еже зрятъ у дверей Господнихъ, и держатъ скипетры въ рукахъ, еже хранятъ ложе Господне и дивятся множество ангелъ и архангелъ, и рекутъ: прокленитe Сатану и діявола, да не прикоснется ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), ни въ день, ни въ нощь, ни на пути, ни на семъ же мѣстѣ,—но соблюди, Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, молитвами всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (189).

№ 56, Завѣщаніе Кипріаново.

И азъ, окаянный, обѣщаюсь и кленусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ его образомъ, да разрушатся [1]), понеже и азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю, и всю силу бѣсовскую проклинаю:

1. Калу,
2. Сапусъ,
3. Мараса,
4. Лукъ Малоубійской,
5. Ехорана, князя бѣсовскаго,
6. Верзаула совсею силою его проклинаю и прогоняю,
7. Чирила и всю силу его проклинаю,
8. Гайку,
9. Тагайку [2]),

---

[1]) Вѣроятно—разрѣшатся.

[2]) Можно читать и—Таганку.

10. Марту Фраску,
11. Фараонка,
12. и высокоумнаго Войну,
13. Обдѣнка,
14. Измаила Измаиловича и всю силу его,
15. и темнаго блуднаго бѣса Сольцу проклинаю,
16. проклинаю Карживалка,
17. Картиналову жену,
18. и Штипильлимку,
19. Акѳенееса,
20. Дунейса,
21. Хрисовулиса,
22. Оракушку,
23. Дуйдукулиса,
24. Пантикалиса,
25. и Ерлидякевеса,
26. Ернидевоса,
27. Фекфектипилиса,
28. Анѳиріяла,
29. Факѳіяла,
30. Мардикіяла.

Проклинаю и прогоняю:

Ихида бѣса,

Ефіопа грознаго,

31. Езуйта страшливаго,
32. Синца блуднаго,
33. Истукана грубнаго и огневиднаго,
34. Политама смутнаго
35. и водянаго бѣса Ярахту.

Проклинаю и прогоняю:

36. Тахія,
37. Сенахія,
38. Елизду,
39. Даила,
40. Мара,
41. Салуктамара,
42. Еремiорка и въ глубинѣ проклятаго змія, который привелъ Христа на распятіе.

Прогнахъ и прогоняю, и ихъ бѣсовъ проклинаю, и гдѣ кладезь со огнемъ адскимъ, изъ котораго данъ былъ ключь лютому змію:

43. Люципера, егда спаде съ небесе въ преисподняя земли, гдѣ суть купно съ нимъ и осужденныя,

44. Мамонъ беззаконный,
45. Сатана треокаянный,
46. Амодей[1]) похотливый,
47. Веліаръ превратный,
48. Верзаулъ, князь бѣсовскій,
49. Бемеръ окрутный,
50. Левитанъ, начальникъ надъ всѣми сыны гордыми, и вси духи подземныя, которыя часто отверзаютъ землю и творятъ быть вѣтромъ прежестокимъ, и причиняютъ за грѣхи наша многія пакости.

Обаче же, Богу попущающу, проклинаю и прогоняю:
51. Сисайка,
52. Вентирка,
53. Обдулка.

Проклинаю и прогоняю:
54. Вентилируску,
55. Дуйдуску,
56. Дойдунка.

Проклинаю и прогоняю:
57. Афикола,
58. Голиѳито,
59. Коръ,
60. Корчала,
61. Тымусита,
62. Подра,
63. Артимана,
64. Елолима,
65. Амикрота,
66. Дивита,
67. Затайку,
68. Ливитута,
69. Ливакраса,
70. Ликраса,
71. Луѳроса,
72. Пулла,
73. Галифита,
74. Сайча,
75. Ссора,
76. Чала,
77. Помалита,
78. Ѳовру,

[1]) М. б.—Асмодей.

79. Актимана,
80. Елоѳома,
81. Амихала,
82. Натолетку,
83. Ливотуса,
84. Ливокраса,
85. Хикраса,
86. Лифроса,
87. Меркулка,
88. Амодея[1]) лукаваго бѣса и всю силу сатанинскую прогнахъ и прогоняю, и проклинаю отъ сего раба Божія (имя рекъ), отъ дому его и отъ всего имѣнія его, малаго и великаго. Боже всевышній, иже суть, разрѣши болѣзнь сердечную своимъ рабомъ (имя рекъ) и мнѣ, рабу твоему больному, и разрѣши болѣзнь сію. Заклинаю васъ, бѣсовъ, одѣвающимся свѣтомъ, яко ризою, единъ, имѣяй власть, единъ, имѣяй безсмертіе, и какъ я предъ Богомъ и судомъ его всесильнымъ въ томъ когда отвѣтъ дать могу, что предъ[2]) нхъ всей діявольской силы ни подъ какимъ видомъ ихъ не имѣть и ни отъ кого впредь не принимать, и объ нихъ разглагольствія проклятыхъ бѣсовъ не чинить, и никаковыхъ ихъ писенъ себѣ въ руки ни отъ кого не принимать, и ничему не учиться. Какъ суще мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ.

Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего, яко тому подобаетъ всяка слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну, и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (190).

№ 57. Заговоръ нащетъ суду.

Господи, благослови, отче! Одѣяйся свѣтомъ, яко ризою; пропинаяй[3]) нѐбо, яко кожу; покрываяй облаки, препояса поясомъ Пресвятыя Богородицы, свяжи уста, языки и гортани у князей и бояръ, и управителей, и вельможъ, и у всякихъ властителей, и у приказныхъ служителей, подъячихъ и моихъ супостатовъ, которые со мной, рабомъ Божіимъ (имя рекъ), судитися станутъ; свѣтъ отъ нощи всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (191).

---

[1]) Вѣроятно—Асмодея.
[2]) Вѣроятно—впредь.
[3]) Въ псалмѣ—простираяй.

[Я не считаю удобнымъ печатать здѣсь сполна обширное чинопослѣдованіе надъ бѣсноватыми, помѣщенное на первыхъ 42 листахъ этого сборника, такъ какъ, во-первыхъ, нѣкоторая часть его (незначительная впрочемъ) является вполнѣ каноническою (напр. псалмы Давида), а, во-вторыхъ, весь текстъ его я разсчитываю помѣстить въ другомъ мѣстѣ, снабдивъ нужными поясненіями, примѣчаніями и параллельными мѣстами. Но, по моему мнѣнію, все-таки нужно и вполнѣ умѣстно ознакомить съ содержаніемъ этого чинопослѣдованія лицъ, занимающихся заговорами и т. под. произведеніями, такъ какъ и въ данномъ случаѣ все основывается на вѣрѣ въ мощную силу словъ заклинателя. Поэтому въ дальнѣйшемъ даются тексты начальныхъ и конечныхъ заклинательныхъ молитвъ, перечисленіе ихъ и описаніе дѣйствій заклинателя. Сначала]

№ 58. Заклинатель со умиленіемъ и слезами чтетъ молитву сію: [1])

Господи, Іисусе Христе нашъ, всея твари Творче, Содѣтелю, живаго и безсмертнаго Отца, Сыне [2]), собезначальне и присносущне, многаго ради безмѣрнаго [3]) твоего человѣколюбія апостоломъ своимъ власть давый, еже наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію, и еже о имени твоемъ бѣсы изгоняти. Отъ нихъ же и азъ недостойный другопріимательне твоимъ человѣколюбнымъ смотрѣніемъ сіе достоинство пріимъ [4]), Твое великолѣпое и всестрашное имя со страхомъ и трепетомъ въ [5]) смиреніи множемъ призывая, Тебѣ, Владыцѣ моему [6]), молюся: призри на мя, недостойнаго раба твоего, и, презрѣвъ ми вся согрѣшенія вольная и невольная, укрѣпи мя нынѣ на брань сію, дерзновеніе ми подавая и силу, еюже побѣдимъ [7]) бывъ сатана, яко молнія съ небесе ниспаде; яко да и азъ, твоею побѣдою вооруженъ крѣпко, побѣжду и сокрушу лютаго сего змія силу. Твоя бо есть держава, сила же и царство, и слава со безначальнымъ ти Отцемъ и пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ ти Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (192).

[1]) Заглавіе писано киноварью.
[2]) Въ подлинникѣ—Сына.
[3]) Въ подлинникѣ—безсмертнаго.
[4]) Въ подлинникѣ — пріими.
[5]) Въ подлинникѣ *въ* пропущено.
[6]) Въ подлинникѣ—владычице моемъ.
[7]) Въ подлинникѣ—побѣдити.

№ 59. А сіе, воставъ, водою священною кропитъ себе и бѣсноватаго, и всѣхъ глаголя: [1])

Сила и дѣйство всесвятаго и животворящаго Духа, освятившаго[2]) воду сію, да свободитъ отъ всякаго насилія и обстоянія вражія и насъ всѣхъ да утѣшитъ. (193).

Посемъ глаголи: [№ 60].

Благословенъ буди день и часъ, воньже Господь и Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ, родивыйся[3]) отъ Дѣвы Маріи на сокрушеніе и [4]) разрушеніе діавольскаго мучительства и спасенія вѣрныхъ......[5]) (194).

[Далѣе приводятся лишь киноварныя помѣты и начало и конецъ молитвъ].

Заклинатель знаменуетъ себе крестнымъ знаменіемъ и крѣпкою вѣрою.

Во имя Отца и т. д. Повелѣваю вамъ, вселукавымъ, сквернымъ и нечистымъ духовомъ.... Конецъ... изображеніемъ знаменія честнаго и животворящаго креста Господня, нашего Іисуса Христа, имже испразднена бысть немощная ваша и мучительская власть.

№ 61. Вземъ въ десницу крестъ, подноситъ его, крестообразно знаменуетъ бѣсноватаго, глаголя:

Се Крестъ Господень, бѣжите, противныя силы, побѣдилъ бо есть, отъ колѣна Іудова, Господь и Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ, поправый и сотрый вашу немощную силу. (195)

Знаменуетъ себе и обою страну крестомъ:

Господи, оружіе на діавола Крестъ твой далъ еси намъ.... Конецъ... заступленіе сему бѣсу (или бѣсомъ) раба Божія сего (имя рекъ) душу и тѣло.

---

[1]) Киноварь.
[2]) Послѣ сего въ подлинникѣ еще разъ поставлено—Духа.
[3]) Въ подлинникѣ—родися.
[4]) Въ подлинникѣ—сукрушеніе.
[5]) Точки въ подлинникѣ.

[Далѣе, съ незначительными пропусками, помѣщенъ безъ обозначенія „Псаломъ 67". Послѣ него:]

Слава... и нынѣ. Аллилуіа 3-жды.

И абіе начинаетъ со всякимъ вниманіемъ и велімъ дерзновеніемъ иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго надъ страждущимъ:

Боже Боговъ и Господи Господей, огненныхъ чиновъ Творче и невещественныхъ силъ Хитрче... Конецъ... твое бо пѣснословится пресвятое имя и отъ всякаго дыханія со страхомъ славится всесвятое имя Отца и Сына и т. д.

Announcement

Веемъ священный поясъ, обложивъ выю бѣсноватаго, паки повелѣваетъ [1]) симъ образомъ:

Повелѣваю тебѣ, иже аще тебѣ [2]), нечистый душе, и всѣмъ клевретомъ твоимъ.... Конецъ... дондеже силою Бога вседержителя изгнани будете. Сице вамъ завѣщаю, крѣпко повелѣваю во имя Отца и Сына....

[Затѣмъ читается евангеліе отъ Матфея, зачало 34 (гл. X, ст. 1—8), въ которомъ говорится, какъ Іисусъ Христосъ далъ ученикамъ власть надъ духами нечистыми.]

И паки, возложивъ десницу на главу его, глаголетъ: [№ 62].

Словесами [3]) божественнаго евангелія да угаснетъ и исчезнетъ въ тебѣ (имя рекъ) вся сила лукаваго діавола и да вселится сила Божественнаго Духа. Аминь. (196).

Крестомъ благословляетъ:

Се Крестъ Господень... Прежде написася (см. № 61). Господи, оружіе... (см. № слѣд.).

[Послѣ сего слѣдуетъ] псаломъ 53. [Послѣ псалма заклинатель]

---

[1]) Въ подлинникѣ—аки повелѣваемъ.

[2]) М. б.—въ тебѣ.

[3]) Въ подлинникѣ—словеса.

абіе со всякимъ дерзновеніемъ и крѣпостію чтетъ молитву Василія Великаго:

Заклинаю тя, злоначальника хульнаго, начальника сопротивнаго возстанія.... *Конецъ*.... предавый въ долгую нощь и день тебе, всѣхъ злобы искусителя, изобрѣтателя [1]) діаволу, яко велій еси страхъ Божій и велія слава Отца....

И абіе со умиленіемъ чтетъ сію молитву:

Господи Саваофъ, исцѣляй всякую болѣзнь и всякій недугъ, призри на раба твоего... *Конецъ*... безъ всякаго препятія славити Тебе, единаго Бога, въ Троицѣ святѣй славимаго Отца и Сына, и т. д.

Да исчезнетъ въ тебѣ (имя рекъ) вся сила лукаваго діавола и да вліется сила Божественнаго Духа. Аминь.
Псаломъ 117. „Исповѣдайтеся Господеви"...

Молитва святаго Григорія Чудотворца:

Запрещаетъ ти Господь, діаволе, пришедый въ міръ, вселивыйся въ человѣцѣхъ... *Конецъ*... устранися отъ Божіяго созданія сего своею силою и ангелы твоими. Яко прославится имя твое Отца и Сына...

Таже символъ православныя вѣры 1-жды Таже «Трисвятое» и по «Отче нашъ».... Молитва Богоматери:

„Богородице, Дѣво, радуйся"...

Чти молитву сію:

Боже вѣчный, избавивый родъ человѣческій... *Конецъ*... благословенъ и препрославленъ съ пресвятымъ и благимъ, и животворящимъ ти Духомъ нынѣ и присно....

Псаломъ 34. „Суди, Господи, обидящія мя..."

---

[1]) Въ подлинникѣ—изорѣтателя.

Молитва Іоанна Златоустаго:

Божественное и святое, и великое, и страшное, и нестерпимое... *Конецъ*... во вся дни живота своего Богу живому и истинному. Тому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе.....

Молитва святаго Іоанна Златоустаго:

Всѣмъ нечистымъ духовомъ запретивый и силою глагола изгнавый легеона... *Конецъ*... съ нами свободно прославится. Безначальнаго Отца съ единороднымъ Ти Сыномъ...

Молитва святаго Григорія Чудотворца:

Богъ святый, страшный и славный во всѣхъ дѣлѣхъ и крѣпости своей... *Конецъ*... предавъ во тьму кромѣшную, идѣже червь не усыпаетъ и огнь не угасаетъ. Яко держава Христа, Бога нашего со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ...

Псаломъ 3-й. „Господи что ся умножиша"...

[Двѣ заклинательныя молитвы помѣщаю далѣе въ полномъ видѣ].

№ 63. Молитва святаго священномученика Кѵпріана [1]).

Призываемъ тя Владыко, Боже Вседержителю, вышній, неискусимый, мирный Царю! Призываемъ Тя, сотворшаго небо и землю, отъ Тебе бо произыде алфа и омега,—сій есть начатокъ и конецъ, предавый человѣкомъ въ послушаніе четвероножныя и безсловесныя животныя. Ты бо покорилъ еси, Господи, простри руку твою крѣпкую и мышцу твою высокую и святую, и просвѣщеніемъ твоимъ святымъ посѣти созданіе твое сіе, и исполни ему ангела мирна, ангела державна, души и тѣла хранителя, яко да запретитъ и отженетъ отъ него всякаго [2]) лукаваго и нечистаго демона. Ты бо еси единъ Господь высокій, Вседержитель благословенный въ вѣки вѣковъ. Аминь.

Заклинаю тя Духомъ, вдохнувшимъ человѣкомъ животъ вѣчный, егоже имя страшно и усты человѣческими неизглаголанно!

---

[1]) Заглавіе писано киноварью.

[2]) Въ подлинникѣ слова: отъ него всякаго—написаны дважды.

Заклинаю тя грядущимъ огнемъ и жупеломъ, и пескомъ, и трубою; ему же явшуся, солнце побѣжитъ на западъ и звѣзды спадутъ на землю, и восплачутся вся племена и людіе!

Заклинаю тя сшедшимъ въ дольняя страны и земли и расторгшимъ твердыя вереи, и разрушившимъ болѣзни смертныя, и благовѣстившимъ патріархомъ изъ мертвыхъ воскресеніе!

Заклинаю тя ходившимъ по морю и укротившимъ волны его!

Заклинаю тя повелѣвающимъ морю издати[1]) вся въ немъ истопившіяся и земли въ ней лежащихъ мертвыхъ преставити живыхъ на судъ Богу!

Заклинаю тя повелѣвшимъ морю не преступати предѣла своего, дондеже пріидетъ Господь судити міру!

Заклинаю тя сошедшимъ на Синайскую гору и глаголавшимъ съ Моисеемъ и Арономъ, и явившимся имъ въ пламени огненномъ и въ столпѣ облачномъ!

Заклинаю тя изведшимъ люди своя отъ земли Египетскія и давшимъ имъ изъ камени сладкую воду пити, и претворившимъ воду въ кровь.

Заклинаю тя казнившимъ Египта Моисеемъ десятію язвъ![2])

Заклинаю тя поразившимъ первенца Египетскаго!

Заклинаю тя попалившимъ Содома и Гоморру, и пять градовъ иныхъ одожденіемъ съ небеси огненнаго града!

Заклинаю тя сѣдящимъ на престолѣ славы, предъ нимже огнь течетъ и емуже предстоятъ тьмами темъ ангелъ и тысящами тысяща архангелъ и серафимъ, вопіющихъ: „святъ, святъ, святъ, Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы твоея: Благословенъ еси во вѣки. Аминь!"

И ты, душе лукавый, аще и не хотя, воздаждь славу имени святому его, идѣже аще сѣдиши въ удеси тѣла созданія сего, или въ главѣ, или въ тѣлеси, или въ крови, или въ очи, или въ сетехъ, или въ языцѣ, или въ выи, или въ плещу, или между плещами, или въ мышцахъ, или въ персяхъ, или въ души, или въ сердцы, или въ селезнѣ, или въ плющахъ, или въ чревѣ, или подъ чревомъ, или въ точилѣхъ, или въ естественныхъ предѣлахъ, или въ крѣпости, или въ жилахъ, или въ костѣхъ, или въ лыстѣхъ, или въ голенѣхъ, или въ ногу, или въ жилицахъ, или въ кровицахъ, или въ костѣхъ, или въ мозгу, или въ крови, или въ властѣхъ, или въ нохтѣхъ, или во всемъ тѣ-

---

1) Въ подлинникѣ: повелѣваю хотящимъ по морю и здати...

2) Разстановка словъ должна быть: Моисеемъ, казнившимъ Египта десятію язвъ.

леси—отлучися, отстранися и изыди, душе лукавий, и даждь славу Господеви, яко Господь сильный надъ всѣми есть; ибо клятся[1]), идѣже аще кто призоветъ имя Господне, еще исчезнути вамъ.

Заклинаю тя именемъ Господа, Іисуса Христа, распеншагося при Понтійстемъ Пилатѣ!

Заклинаю тя рекшимъ: „небо мнѣ престолъ есть, земля же подножіе ногама моима!“

Заклинаю тя архангелами его Михаиломъ и Гавріиломъ, Уріиломъ и Рафаиломъ!

Заклинаю тя великимъ именемъ сына Божія отлучитися отъ созданія сего и ниже съ нимъ ясти, ниже съ нимъ сложну быти съ нимъ, подати славу имени святому его!

Заклинаю тя всеобразне на злострѣтеніе и нападеніе дневное и полуденное, и полунощное, идѣже аще еси, отлучися отъ созданія сего и не изведи душу, не разсыпли, ниже разруши тѣло его, но остави его чиста и жива на службу Богу!

Заклинаю тя грядущимъ утвердити[2]) престолъ между небомъ и землею и судити всему роду человѣческому, праведнымъ же и грѣшнымъ!

Ты убо, душе нечистый, убойся имени святаго его и отъиди отъ созданія сего, убойся огня неугасимаго, ровва огненнаго, всепоядающаго; убойся и уготованнаго огня и жупела[3]) и приклони губителей; убойся явльшагося Моисееви и Аарону на горѣ Синайстей; убойся явльшагося[4]) Іоанну на рѣцѣ Іорданстей, егоже видѣвше, рѣка убояся, и уступи, и возвратися вспять. И ты, душе лукавый, убойся, отступи, отстранися отъ созданія сего. Заклинаю тя одѣющимся свѣтомъ, яко ризою, единѣмъ, имѣющимъ безсмертіе[5]). Тому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну, и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (197).

№ 64. Молитва заклинательная[6]).

Заклинаю тя, гордыни и всякой злобы, лукавства же и отступства изобрѣтателю[7]) и начальниче, діаволе, превеликимъ,

[1]) Въ подлинникѣ—клястеся.
[2]) Въ подлинникѣ—утверди.
[3]) Въ подлинникѣ—огнь и жупелъ.
[4]) Это слово вставлено мною.
[5]) Въ подлинникѣ—безсмертнѣ.
[6]) Заглавіе писано киноварью.
[7]) Въ подлинникѣ—изорѣтателю.

предивнымъ, страшнымъ именемъ единаго, въ Троицѣ славимаго и покланяемаго Отца и Сына, и Святаго Духа, небо и землю, и вся, яже на нихъ, видимая и невидимая, и тебе, добра и свята, отъ небытія сотворшаго и извергшаго[1]) тя и всѣхъ споспѣшниковъ твоихъ злобъ, нечистыхъ духовъ, съ небесъ, узами мрака связавши ихъ[2]). Убойся сего, осужденниче, и скоро изыди отъ созданія сего!

Заклинаю тя, вселукавый враже человѣческаго рода, древнимъ зміемъ, превеликимъ и страшнымъ именемъ Господа нашего, Іисуса Христа, ему же всяко колѣно небесныхъ и земныхъ, и преисподнихъ съ трепетомъ покланяется. Убойся, проклятый низверженниче, изыди, устранися, отъиди отъ созданія сего!

Заклинаю тя и запрещаю ти спасительнымъ воплощеніемъ Господа нашего, Іисуса Христа, и преславнымъ его отъ приснодѣвы Маріи рождествомъ, имже ключи дѣвы невредимы[3]), цѣлы сохрани. Убойся сего, истины сопротивниче, отъ созданія сего!

Заклинаю тебе, всѣхъ злыхъ искусителю, плотію осмодневною обрѣзавшимся Господемъ и четыредесятимъ днемъ съ двою матерію во Іерусалимѣ приведеннымъ[4]), и на обьятіяхъ праведнаго Симеона возлегшимъ, и дванадесятолѣтняго возрастомъ сый вошедшимъ во Іерусалимъ, и посредѣ учителей сѣедшимъ и разумомъ своимъ Божественнымъ и отвѣты предивными всѣхъ послущихъ удививый. Убойся сего, отступниче мерзкій, скоро изыди.

Заклинаю тя, скверный демоне, Господемъ, во Іорданѣ плотію крестившимся[5]), и Духомъ Святымъ, во образѣ голубиномъ сошедшимъ нань и гласомъ Отчимъ съ небесе бывшимъ: „Ты еси сынъ мой возлюбленный, въ Тебѣ благоволихъ!“ Убойся сего, безстудный лестче, и отъиди, и ктому не возвратися!

Заклинаю тя, погибельный душе, четыредесять дней и четыредесять нощей постившимся и твое искушеніе, діаволе, побѣдившимъ; рекъ: „не искусиши Господа Бога твоего!“ Убойся сего, всякія[6]) лжи отче, и абіе отъ созданія сего устранися!

Заклинаю тя, діаволе, Богомъ воплощеннымъ, на земли явившимся и съ человѣки пожившимъ, неизщетнаго благодѣянія

[1]) Въ подлинникѣ—извергшагося.
[2]) Въ подлинникѣ—связавшихъ.
[3]) Въ подлинникѣ—невредимъ.
[4]) Въ подлинникѣ—приведены.
[5]) Въ подлинникѣ—крестившагося.
[6]) Въ подлинникѣ—всякаго.

сотворшимъ и путь спасенія мірови показавшимъ, и повелѣнія спасительныя давшимъ, и бѣсы словомъ прогнавшимъ, и различные недуги исцѣлившимъ. Се, убойся сего, адскій вселукавый смотче, вострепещи, устранися!

Заклинаю тебе, адскій, всепагубный льве, прокаженныя очистившимъ, слѣпыя прозрѣти, нѣмыя глаголати, глухія слышати, хромыя ходити, разслабленныя возстати сотворшимъ и мертвыя воскресившимъ [1]). Убойся сего, исконный человѣкоубійца, діаволе, и скоро съ трепетомъ бѣжи!

Заклинаю тя, прегордый лукавства рачителю, смиреніе намъ показавшимъ въ низложеніе твоея высокія гордыни умовеніемъ [2]) ногъ святымъ своимъ апостоломъ. Убойся сего, гордынею вознесыйся и до ада низверженіемъ смиривыйся, и абіе изыди и бѣжи!

Заклинаю тя, всякаго сороства и немилости исполненный мучителю, на тайной своей вечери преестественно существо хлѣба въ тѣло свое пречистое и существо вина въ кровь свою пречистую претворившимъ и вѣрнымъ своимъ въ снѣдь [3]) и питіе въ оставленіе [4]) грѣховъ подавшимъ и сіе творити въ свое воспоминаніе повелѣвшимъ. Убойся Того, всѣхъ ересей изобрѣтателю и нечестія всякаго кореню, діаволе, и ничтоже умедли, но абіе изыди, устранися!

Заклинаю тя, всѣхъ грѣховъ и погибели источниче, безкровною, страшною, животворящею жертвою тѣла и крове Господа нашего Іисуса Христа, еюже [5]) вѣрніи спасаются, ты же и погибельная твой сила испражняется. Убойся сего [6]), непокаятельная злоба, мерзкій нечистый душе, и бѣжи отъ созданія сего!

Заклинаю тя, зависти глубина преестественная [7]), въ вертоградѣ молитвою Господнею и каплями крове, яко потъ отъ пречистаго тѣла его на землю капнувшими. Убойся сихъ, доброненавистниче и погибели сыне, и скоро изыди!

Заклинаю тя, прелести всякія источниче, изволившимъ связанъ, біенъ и веденъ къ Аннѣ и Каіафѣ, заушенъ же и оплеванъ, и люто мучимъ въ нощь быти, и Пилату представшимъ,

---

1) Въ подлинникѣ—воскресшимъ.
2) Въ подлинникѣ—умовеніе.
3) Въ подлинникѣ—въ снѣди.
4) Въ подлинникѣ—овленіе.
5) Въ подлинникѣ—его-же.
6) Въ подлинникѣ—сея.
7) Въ подлинникѣ—глубиною преестественною.

и отъ него много истязаннымъ мучимый, и у столпа нагопривязаннымъ, и битымъ, и въ хламиду на руганіе облеченнымъ, вѣнцемъ терновымъ обложеннымъ [1]), тростію по главѣ біеннымъ, отъ Ирода укоренннымъ и поруганнымъ [2]), и на смерть отъ Пилата осужденнымъ. Убойся сего, древняя злоба, всякія муки достойный, и его лютыхъ болѣзней, и страшныхъ, намъ же спасенныхъ [3]) мукъ, имиже [4]) твою немощную силу сокруши, и съ трепетомъ въ бѣгство претворися!

Заклинаю тя, съ небесе спадшаго, Деннице, на смерть ведомымъ Господемъ и крестъ свой понесшимъ, и многая уничиженія, и раны тогда отъ вѣрующихъ его спасенія нашего погибели же тогда отъ вѣрующихъ его ради претерпѣвшихъ! [5]).

Заклинаю тя, безстудный оболгатель и клеветниче, наго на крестѣ посредѣ двою разбойнику пригвожденнымъ, оцтомъ и желчію напоеннымъ [6]) и лютыми и неизглаголанными болѣзнми Его, яже лютыми на крестѣ нашего ради спасенія, осужденія же [7]) твоего, діаволе, претерпѣ; и святыми Его пречистыя крове нещадными изліянія [8]). Убойся сихъ, Божій враже и лжи, и лукавства источниче, ужаснися и абіе изыди!

Заклинаю тя, безстудный оболгателю и клеветниче, седмію словесъ Господнихъ на крестѣ на спасеніе наше, на твою вѣчную погибель изреченными, и животворною его смертію, еюже мы ожихомъ, ты же умерщвленъ еси. Убойся сего, всякія благости вѣчно осужденниче, возстени и скоро исчезни отъ созданія сего!

Заклинаю тя, всякія правды противниче, Тѣмъ, егоже солнце на крестѣ висяща, видѣвши, померче и земля вострепета, и завѣса церковная раздрася, и его же силою каменіе распадошася и гробы отверзошася, и тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа и, по воскресенія Его, внидоша во святый градъ, Іерусалимъ, и явишася многимъ. Убойся сего, суровый мучителю и лукавства бездно, и скоро изыди, устранися отъ созданія сего.

Заклинаю тя, развратниче вселукавый, прободеніемъ пречистаго ребра Господня, изъ негоже истече кровь и вода въ

1) Въ подлинникѣ—обложенъ.
2) Въ подлинникѣ—поруганъ.
3) Спасительныхъ.
4) Въ подлинникѣ—имже.
5) Весь этотъ абзацъ очевидно спутанъ.
6) Въ подлинникѣ—напоенный.
7) Этого слова въ подлинникѣ нѣтъ.
8) Въ подлинникѣ—изліяній.

наше спасеніе и обновленіе, въ твое же конечное сотреніе и силы твоея сокрушеніе. Убойся силы[1]) сего огня вѣчнаго вещество и скоро устранися!

Заклинаю тя, безчинія всякаго и раздорства изобрѣтателю, Боготѣлеснымъ Господа нашего, Іисуса Христа, погребеніемъ и всесильнымъ Его во адъ съ душею и Божествомъ сошествіемъ, иже тамо силою своею Божественною тебе, во злобѣ сильнаго злоначальника, связа и силы твоя, твоея злобы, изпраздни, и души праведныхъ, тамо связанныхъ плѣни, и съ Собою[2]), яко силенъ въ крѣпости, возведе. Убойся сего, вѣчнаго Божія гнѣва наслѣдниче, и скоро отъ созданія сего отъиди!

Заклинаю тя, крамольниче навѣтливый, смертію смерть поправшимъ и твою мучительскую державу разрушившимъ, преславно же изъ мертвыхъ силою своего[3]) Божества самовластно воскресшимъ, Господемъ нашимъ, Іисусъ Христомъ. Убойся крѣпкаго побѣдоносца, Божій сопротивниче и погибельный сосуде, и стрепетно вскочи, устранися!

Заклинаю тя, клятвы осужденія наслѣдниче, по воскресеніи своемъ апостоломъ своимъ преславно плотію явившимся и миръ свой тѣмъ, и власть свою на прогнаніе тебе давшимъ, и съ ними рыбы печеной и отъ пчелъ сотъ ядшимъ, и Ѳому прикосновеніемъ своихъ ребръ пречистыхъ, ручныхъ же и ножныхъ язвъ увѣрившимъ и четыредесять дней на земли пребывшимъ. Убойся сего, вѣчныя муки повинниче, скоро изыди и далече отскочи отъ созданія сего!

Заклинаю тя, мерзкій и всякія нечистоты исполненный душе, плотію вознесшимся на небеса Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, со славою[4]) одесную отца сѣдящимъ и, скончавшимся днемъ Пятьдесятницы, по своему неложному обѣщанію Духа Святаго, отъ Отца исходящаго, на своя апостолы во огненныхъ языцѣхъ ниспославшимъ, и тѣмъ благоразуміемъ тѣмъ же весь міръ просвѣтившимъ, и отъ идолослуженія къ себѣ обратившимъ, тебе же и твою лесть испразднившимъ. Убойся, всякой злобы неистощимая пучино, вострепещи, убойся, отбѣжи!

Заклинаю тя, напрасный, свирѣпый и напущенный душе, паки со славою многою на облацѣхъ грядущимъ судити живыхъ и мертвыхъ[5]) великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ,

[1]) Въ подлинникѣ—„силы“ въ скобкахъ.
[2]) Въ подлинникѣ—и собою.
[3]) Въ подлинникѣ—своею.
[4]) Въ подлинникѣ—славу.
[5]) Въ подлинникѣ здѣсь снова повторено слово—судити.

Іисусъ Христомъ, тебе же и всю споспѣшную, злобную силу вѣчному огню въ нескончаемую муку предати хотящимъ. Убойся сего, духъ хищный, звѣрю, огня же геенскаго и муки вѣчныя виновниче! Изыди, что медлиши? небесныя брани побѣжденный начальниче! Отступи, Божій отступниче! Устранися, Богомъ побѣжденный хульниче! Бѣжи, Христомъ испраженный и попранный, враждоначальниче!

Богъ, сильный въ крѣпости и крѣпкій въ силѣ, страшный въ бранѣхъ и дивный въ чудесѣхъ,—Той тебѣ, милости недостойному, всякія неправды исполненному и свѣтоносія лишенному прелестнику, крѣпко и грозно мною, рабомъ своимъ (имя рекъ) повелѣваетъ отъити отъ созданія сего въ пустая и безводная мѣста, идѣже ниже человѣкъ, ниже звѣрь обитаетъ, и ктому во вѣки не возвратитися къ нему, яко сила и держава, царство, слава Христа Бога нашего съ безначальнымъ его Отцемъ и пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ его Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (198).

[Далѣе, послѣ черной чернильной концовки, помѣщенъ списокъ именъ святыхъ, помогающихъ противъ духовъ нечистыхъ].

№ 65.

1. Михаилъ архангелъ,
Гавріилъ архангелъ,
Илья пророкъ,
Харлампій священномученикъ,
5. Іоаннъ преподобный,
Николай чудотворецъ,
Сергій Радонежскій,
Тихонъ преподобный,
9. Нифонтъ преподобный. (199).

XXVI.

[Отрывокъ, два листа in Folio (ш. 21 снт., дл. 33 снт.), какого то большого сборника, представлявшаго собою нѣчто вродѣ записной книги. Бумага и почеркъ (скоропись) второй половины XVIII вѣка. Филигрань—сидящая въ загородкѣ съ длиннымъ посохомъ фигура и буквы А. Г. В; на другомъ листѣ монограмма (срвн. Лихачевъ табл. 84, № 582[1]—1762 г. и 582[2]—1770 г.).

Въ этомъ отрывкѣ безъ всякаго порядка и связи помѣщенъ рядъ замѣтокъ преимущественно медицинскаго характера, наряду съ которыми записана и печатаемая ниже молитва „Отъ младенческаго“ съ указаніемъ ритуала. Кромѣ медицинскихъ средствъ (какъ напр.: „сиппатея от зубовъ“, „от пьянства“, „естли спазъмы“, „от почесунъ харашо“ и т. под.) здѣсь же даются свѣдѣнія: какъ „узнаватъ какия месецы будутъ“, „для пчелъ“, „от мошки“ и пр. Вообще, вся рукопись была вѣроятно, цѣнной сокровищницей разнаго рода народно-медицинскихъ и суевѣрныхъ средствъ, повѣрій, гаданій и примѣтъ.

Неизвѣстный составитель старался писать по возможности тщательно и четко; съ обѣихъ сторонъ каждой страницы отлинованы узкія поля (2 снт.).

Рукопись не переписывалась съ другой, а отдѣльныя замѣтки заносились по мѣрѣ накопленія матеріала. Это доказываетъ разнохарактерность почерка и различныя чернила, которыми написаны находящіяся рядомъ мелкія замѣтки.

Листы были вырваны изъ переплетенной рукописи.

Пріобрѣтеніе сдѣлано въ Костромѣ на толкучкѣ, вмѣстѣ съ другими бумагами, въ 1908 г.

Орѳографія рукописи исправлена; фонетическія особенности сохранены].

Хараши читать сію молитву, естьли хто въ умѣ помѣшаетца. А читать ее 40 дней, и каждой день по 12 разъ прочитать, то апять придетъ въ разумъ человѣкъ.

[Эти слова, съ которыхъ начинается нашъ отрывокъ, вѣроятно относятся къ другой, не сохранившейся, молитвѣ].

№ 66. Отъ младенческаго молитва.

Изусъ шолъ чрезъ Іорданъ, встрѣтилса въ дѣтескимъ младенцомъ. Изусъ спросилъ: „гдѣ ты хочешь идти?“ Младенецъ сказалъ:—Имъ-мерикъ [1]).— А Исусъ сказалъ: „Тебѣ не нада идти; воротись въ Іорданъ!“ (200).

Когда эту молитву читать, то сложить три пальца и вокрукъ водить, докамѣсъ читаешь, потомъ читать будетъ.

„Во имя Бога Отца“... Х и перекрестить. „Бога Сына“... Х перекрестить. „Бога Святаго Духа“... Х перекрестить. „Аминь, аминь, аминь“. Х перекрестить.

А до креста читать, то всо тремя пальцами обводить.

[1]) Вѣроятно это значитъ—имя рекъ.

[Позволяю себѣ, для характеристики отрывка, присоединить еще одну любопытную запись о леченіи осиновой коркой болѣзни въ боку, такъ какъ здѣсь указанъ и своеобразный результатъ леченія].

№ 67. Отъ боку лекарство осиновая корка.

Одна дѣвочка была больна съ ребячества до 17 лѣтъ бокомъ, Калуской губерніи, господина Валадимера Иваныча Демидова. Сколько лекари не лечили, не было лехче. Но старуха-мать ее наскоблила осиновой корки и напарила, и, процѣдя жижу, пила по два стакана въ день, а коркой парила,— то боку стало лехче, перешло въ животъ, и здѣлались муки и патуги, и черезъ 5 дней родила камень порядочной, и стала здарова. (201).

XXVII.

[Въ архивѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, не смотря на сравнительное обиліе матеріаловъ по Костромской губерніи, при тщательномъ просмотрѣ рукописей удалось найти только два помѣщаемыхъ ниже подходящихъ №№. Крайне скудны въ архивѣ О-ва свѣдѣнія и вообще по народной медицинѣ Костромской губерніи].

№ 68. [Заговоръ отъ порѣзу или порубу].

На морѣ, на океанѣ лежитъ Латышъ камень; на томъ камнѣ сидитъ дѣвица: золотой гребешокъ, шелковый узелокъ; прядетъ тонко-на́-тонко, навиваетъ того-на́-туго. Когда ниточка порвется, то и кровь уймется. (202).

[Изъ архива И. Р. Г. О-ва; XVIII, 19. Рукопись *І. Тихомирова*. „Этнографическое описаніе села Рождествина Нерехтскаго уѣзда Костромской губерніи“, стр. 9. 1853 г.].

№ 69. [Средство отъ утина].

При болѣзни поясницы кладутъ больного на порогъ дома, головою въ сѣни. На спинѣ кладутъ двѣ въ четверть длины палочки крестообразно. Первый рожденный человѣкъ, мужчина

или женщина, либо послѣ всѣхъ рожденный, беретъ топоръ и по палочкамъ три раза ударяетъ остріемъ.

Больной спрашиваетъ:

„Иванъ, что ты рубишь?"
Тотъ отвѣчаетъ:
— „Утинъ рублю!"
Больной опять приговариваетъ:
„Руби больше, чтобы не было!" (203).

[Изъ архива И. Р. Г. О-ва; XVIII, 14. Рукопись *С. Кострова*. „Галичъ и его уѣздъ", стр. 7].

XXVIII.

[Заговоры, записанные лѣтомъ 1908 г.]

[А.) Отъ Анны Петровой, прислуги въ г. Ветлугѣ, крестьянки изъ подгородной деревни, 39 лѣтъ отъ роду. Она уже болѣе десяти лѣтъ живетъ въ прислугахъ „по господамъ", т.-е. въ усадьбахъ и въ городѣ, но въ силу заговоровъ вѣритъ, хотя и говоритъ, что не всякій заговоръ силу имѣетъ и не всякій человѣкъ заговаривать можетъ: другой только зубы заговариваетъ, т. е. болтаетъ зря, безъ пользы. Заговорамъ научилась отъ матери, которая знала ихъ „нѣсколько" (въ смыслѣ много), а сама Анна Петрова не всѣ выучила, а которые и попризабыла.]

№ 70. Заговоръ отъ блохъ, клоповъ, таракановъ и другихъ насѣкомыхъ.

Блохи, клопы, тараканы и всякая тварь,
Вотъ иду я къ вамъ, гость:
Мое тѣло, какъ кость;
Моя кровь, какъ смола;
Ѣшьте мохъ, а не меня!
Слово мое крѣпко. Ключъ, замокъ.
Аминь, аминь, аминь. (204).

№ 71. Утренняя молитва.

Ангелю мой,
Сохранителю мой,
Сохрани душу мою,
Скрѣпи сердце моё.
Врагъ-сатана,
Отступись отъ меня—
Есть у меня
Почище тебя,
Да получше тебя:
Марко да Лука,
Третей Никита, св. мученикъ,
За меня муку терпитъ,
За меня Христа молитъ;
Есть Иванъ-богословъ,
Другъ Христовъ.
Попередъ меня крестъ,
Назади меня крестъ,
Я крестомъ крестилась (лся),
„Богородицей“ оградилась.
Господи, благослови.
Аминь. (205).

№ 72. Приговорить парня.

Господи, благослови,
Господи, спаси,
Господи, помоги!
Голубчикъ мой,
Я—голубка твоя,
Хочу съѣсть тебя
Съ руками,
Съ ногами,
Съ ясными очами,
Со буйной головой,
Съ умомъ, мыслью твоей,
Человѣческой.
Я—дыхать,
Ты по мнѣ вздыхать;
Я—поминать,
Ты по мнѣ тосковать,

Ни днемъ, ни ночью покоя не видать;
Мой—вздохъ,
Твой—охъ!
Такъ бы и было, какъ сказано,
Крѣпко-на-крѣпко завязано. (206).

Зааминить трижды. Читать по зарямъ, на вечерней и на утренней.

№ 73. Отговорить дѣвку отъ парня.

Не во имя, не Отца, не Сына и не Духа Святаго. Не аминь.

Встану я, раба Божія (имя рекъ), не благословясь, пойду, не перекрестясь, изъ дверей не въ двери, изъ воротъ не въ ворота, сквозь дыру огородную. Выйду я не въ чистое поле, не въ подвосточную сторону, посмотрю въ подзакатную сторону. Подъ той ли подзакатной стороной течетъ смородяная [1]) рѣка; по той ли смородяной рѣкѣ плыветъ смердячій челнъ, въ смердячемъ челнѣ сидитъ Немалъ-человѣкъ—чертова рожа, змѣиная кожа, сычьи глаза, волчья пасть, медвѣжій взглядъ, образъ звѣриный, а вздохъ змѣиный. И какъ этотъ Немалъ-человѣкъ страшенъ и ужастенъ, горекъ и приторенъ,—такъ же бы казался и страшенъ, и ужастенъ, и горекъ, и приторенъ рабъ Божій (имя рекъ) рабѣ Божіей (имя рекъ) днемъ и ночью, утромъ и вечеромъ, въ полдень и заполдень, въ полночь и заполночь, на ветхомъ мѣсяцѣ и на молодикѣ, и на перекроѣ; во всякое время и безвремянье! Какъ бы звѣрь рыскучій въ темномъ лѣсѣ, какъ змѣй ползучій въ чистомъ полѣ. Не могъ бы рабъ Божій (имя рекъ) съ рабой Божіей (имя рекъ) ни думы подумать, ни мысли помыслить, ни взглядъ взглянуть, ни бесѣды побесѣдовать. Дрались бы и цапались, и въ глаза кидались, въ кровь царапались и навстрѣчу бы не встрѣчались, и на умѣ другъ друга не держали всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ. Аминь, аминь, аминь! (207).

Послѣ этого заговора взять сучекъ двойняшку, разломить надвое, одну часть сожечь, а другую закопать въ землю, съ приговоромъ:

№ 74.

Какъ двумъ этимъ часточкамъ не сростись и не сойтись, такъ же бы рабѣ Божіей (имя рекъ) съ рабомъ Божіимъ (имя рекъ) не сходиться и не встрѣчаться навѣчно. (208).

---

[1]) Т. е.—смрадная, зловонная.

№ 75. Противъ крови заговоръ

Встану, благословясь,
Поиду, перекрестясь,
Въ чистое поле,
На синее море.
Въ чистомъ полѣ,
На синемъ морѣ
Синій камень,
На немъ конь карій;
На конѣ сидитъ человѣкъ старый,
Держитъ въ рукахъ иголку золотую,
Ниточку шелковую;
Шьетъ, рану зашиваетъ,
Кровь-руду унимаетъ,
Щемоту-ломоту вынимаетъ,
Призоры, прикосы отгоняетъ,
Отъ раба Божьяго (имя рекъ).
Ты, кровь, стань
Не теки и не кань
У раба Божьяго (имя рекъ [1]).
Во вѣки вѣковъ. Аминь. (209).

Говорить три раза, обводя трижды иголкой вокругъ раны. Иголку бросить въ рѣку или колодецъ.

№ 76. Отъ усовей [2]).

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.
Возьму я спицу желѣзную,
Востреѐ у спицы мѣдное,
Пойду усовь колоть.
„Усовь, ты, усовь колючая,
Ты меня колешь разъ, я тебя—два;
Ты меня—два, я тебя—три;
Ты меня—три, я тебя—четыре;
Ты меня—четыре, я тебя—пять;
Ты меня—пять, я тебя—шесть;
Ты меня—шесть, я тебя—семь;
Ты меня—семь, я тебя--восемь;

---

[1]) Заговоръ раздѣленъ на стихи мною.
[2]) Колотье въ поясницѣ и въ бокахъ.

Ты меня —восемь, я тебя—девять;
Ты меня—девять, я тебя—девяносто девять,
Сто, пятьсотъ и тысячу.

Не переколоть тебѣ меня ни во вѣки вѣковъ. Аминь. Изыди и не коли раба сего (или рабу сію, имя рекъ). Аминь, аминь, аминь. (210).

Приговаривая эти слова покалываютъ больное мѣсто какимъ-либо острымъ орудіемъ, лучше всего „громовой стрѣлкой“.

[Б) Сюда же присоединяю и двѣ нижеслѣдующія вещи, записанныя въ Ветлугѣ же отъ ямщика, урожденца Ветлужскаго уѣзда, имя и фамилію котораго, равно какъ и мѣстожительство, записанныя на отдѣльномъ лоскуткѣ бумаги, унесъ вѣтеръ изъ случайно раскрывшейся моей записной книжки].

№ 77. Бумага къ лѣсовику.

Пишу: царю лѣсному, царицѣ лѣсной, съ малыми дѣтями; царю земляному и царицѣ земляной, съ малыми дѣтями; царю водяному и царицѣ водяной, съ малыми дѣтями. Увѣдомляю я васъ, что у раба Божьяго (такого-то) потерялась бурая (или какая) лошадь (или корова, или другая скотинина, обозначить съ примѣтами). Ежели найдется у Васъ, то пошлите, не мѣшкая ни часу, ни единой минуты, ни единой секунды. А какъ по моему не сдѣлаете, буду молиться на васъ святому великомученику Божью Егорью и царицѣ Александрѣ. (211).

[Такого рода бумагу или „прошеніе“ пишутъ, если у кого либо пропадетъ какая-нибудь скотинина. Пишутъ на берестѣ справа налѣво (обыкновенно только начало, а остальное договариваютъ) въ трехъ экземплярахъ: одинъ привязываютъ къ дереву въ лѣсу, другой зарываютъ въ землю, а третій бросаютъ съ камнемъ въ воду. Послѣ этого пропавшая скотина должна притти сама на дворъ къ хозяину].

№ 78. Если корова удой потеряетъ.

Сходи на семь ключей или на семь рѣкъ, возьми воды въ одну бутылку. Придя домой, зажги Богоявленскую свѣчу и обойди съ „Богородицей“ вокругъ коровы трижды. Потомъ водой съ семи ключей обмой вымя и говори:

Есть царь лѣсной, есть царь земляной, есть царь водяной, а Небесный Царь всѣмъ царямъ Царь. Благослови, Господи,

меня, раба Божія (имя рекъ), и крестьянскій мой животъ. Взята сія вода не ради хитрости, не ради мудрости, а ради Божіей милости: былъ бы милый мой животъ крестьянскій здравъ и цѣлъ; и доила бы по прежнему и больше прежняго во сто разъ, и бѣжало бы молочко по титечкамъ утромъ и вечеромъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (212).

[В) Выписано изъ рукописи, принадлежащей священнику с. Иввалъ, Хмелевицкой вол., Ветлужскаго уѣзда, о. Константину Островскому].

№ 79. Отъ дури (сумасшествія).

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Самъ Господь родился, бѣлый свѣтъ установился. Самъ Господь, Іисусъ Христосъ, съ небесъ спущался и святым(и) молитвам(и) благословлялъ раба своего (имя рекъ[1]). Не кипи горячая кровь, не играй сердце у раба Божія (имя рекъ[2]) отъ дурной собаки, отъ лѣсныя, отъ водяныя, отъ первыхъ щенковъ. Самъ Господь, Іисусъ Христосъ, съ небесъ спущается и беретъ правой рукой шелковую плетку и отхлестываетъ отъ нечистаго духа, отъ вѣтрянаго, отъ лѣсного, отъ водяного, отъ еретика, отъ еретицы. Съ вѣтра пришло, на вѣтеръ поди; съ лѣсу пришло, на лѣсъ поди; съ воды пришло, на воду поди; отъ дурной собаки пришло, на собаку поди; отъ еретика пришло, на еретика поди; отъ еретицы пришло, на еретицу поди. Заря потухаетъ и полегаетъ; у безъимяннаго перста имя нѣтъ, имя не было—и не будетъ вѣки по вѣки, отнынѣ и до вѣка. Аминь. (213).

№ 80. На леченіе скота.

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь; выйду я въ чистое поле, подъ красное солнце на Окіанъ-море. На Окіанѣ-морѣ стоитъ Божья церковь. Въ Божьей церкви—златъ престолъ. За златымъ престоломъ Самъ Господь, Іисусъ Христосъ, сидитъ и отчитываетъ 74 ногтя, 74 когтя, 74 скорби, 74 болѣзни. И беретъ Самъ Господь, Самъ Іисусъ Христосъ три прута желѣзные и бьетъ корову (назвать имя

[1]) Шептунъ говоритъ свое имя.
[2]) Называется имя больного.

скотины, родъ и цвѣтъ шерсти), и убиваетъ 74 скорби, 74 болѣзни, 74 ногтя: костовой, мозговой, выпрягальный, запрягальный, тпрукальный, нукальный. Что не договорилъ, переговорилъ,— то впереди слово будетъ. У безъиманнаго перста имя нѣтъ, имя не было и не будетъ вѣки по вѣки, отнынѣ и до вѣка. Аминь. (214).

[О. Константинъ Островскій, занимаясь собираніемъ свѣдѣній по народной словесности для Костромской ученой Архивной Комиссіи, разспрашивалъ лицъ, слывущихъ за колдуновъ, объ ихъ заговорномъ искусствѣ. Но всѣ они отнѣкивались, только одинъ, да и то „подъ веселую руку", рѣшился сказать священнику два приведенные выше заговора. На уговариванье священника бросить свое занятіе старикъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, батюшка, польза большая вѣдь отъ ихъ бываетъ. Да, ну, хоть ругай, не ругай,—а тебѣ сказать можно было, потому какъ ты моложе меня". И помолчавъ немного, добавилъ: „А и забавникъ же ты, батюшка!" намекая очевидно на его разспросы и записи].

Заговоры и нашептыванія, кажется, обнимаютъ весь бытъ крестьянина, здоровье его самого и его скота; для примѣра приведемъ хотя вотъ эти:

[Г) Записаны въ с. Спасскомъ Кологривскаго у.].

№ 81. Заговоръ отъ пчелъ.

Сыра земля матушка,
Изосима и Савватія,
Пчолья мати,
Пчолушки-матушки,
Вы меня не жальте,
Въ бѣло тѣло не впивайтесь,
Кровь-руду на землю не пускайте!
Крѣпко-на-крѣпко, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (215).

№ 82. Шутливый заговоръ отъ зубовъ

Зубы, вы, зубы,
Выболите всѣ зубы,
Останьтесь однѣ губы! (216).

[Не смотря на явно шуточный характеръ заговора, больные зубами часто сердятся, когда его слышатъ, такъ какъ вѣрятъ, что это пожеланіе можетъ исполниться, если у произносящаго дурной глазъ, или если есть какое-нибудь неудовольствіе на больного].

XXIX.

[Тетрадь, 11 л. въ четверку (ш. 18 снт., дл. 22 снт.), второй половины XVIII вѣка; почеркъ—скоропись; филигрань—гербовый щитъ, поддерживаемый двумя львами, и годъ—„1783“. Начало и конецъ утрачены. Рукопись содержитъ въ себѣ рядъ духовныхъ стиховъ и апокрифовъ, но начинается и заканчивается отрывками молитвъ. Пріобрѣтена рукопись въ Ветлужскомъ у. Костромской губ.].

№ 83. [Молитва].

... и исцѣли ему душевные и тѣлесные недуги, струпы же и язвы, яко да прославитъ величество ея, Благодатныя, и поетъ съ нами имя Твое святое. Ты бо еси истинный Богъ нашъ, Врачъ душамъ и тѣлесѣмъ нашимъ, и Тебѣ славу возсылаемъ—Отцу и Сыну, и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (217).

№ 84. [Заговоръ при трудныхъ родахъ].

Не борзясь.

Иже обрѣте Іисусъ Христосъ со Іоанномъ Богословомъ, и обрѣте жену родшу и сердцемъ болящу, не можетъ родити. И рече Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, Іоанну Богослову: „гряди, Іоанне, рцы ей въ правое ухо: отъ Бога раждающу, отъ Бога питающу, изыди, младенецъ Христовъ, Христосъ тя зоветъ“. Помяни, Господи, сыны Едомскія, въ день Іерусалимль глаголющія: истощайте, истощайте до основанія земли! Яко Твоя держава и Твое есть царство, и сила, и слава Отца и Сына, и Святаго Духа—нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (218).

№ 85. Молитва Антипѣ чудотворцу.

Рцы съ умиленіемъ:

О, великій священномучениче Антипо, помилуй мя, грѣшнаго раба своего (имя рекъ), отъ такой великой и тяжкой болѣзни зубовной, тебѣ бо дана отъ Бога таковая благодать — цѣлити болѣзнь зубную. О, великій священномучениче Антипо, помилуй мя, грѣшнаго смиреннаго раба своего (имя рекъ); виждь мою скорбь и воздыханіе и преложи мою печаль... (219).

XXX.

[Извлекаю также нѣсколько напечатанныхъ уже, но повидимому мало извѣстныхъ заговоровъ

А) „Костромскія Губернскія Вѣдомости", 1865, № 30, ч. неофф., стр. 249—250. Корреспонденція „Изъ Кологривскаго уѣзда"].

№ 86. Отъ тишины у младенца [1]).

„Встану я, рабъ Божій *такой-то*, благословясь, перекрестясь, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ черныя облака; есть у меня, раба Божія,—въ чистомъ полѣ океанъ-море,—на океанѣ-морѣ стоитъ златъ островъ, на златѣ островѣ стоитъ престолъ, на златѣ престолѣ стоитъ Мать Пресвятая Богородица, съ синя моря пѣну сдуваетъ и спахиваетъ,—сдуй, смахни съ раба Божія (такого-то) двѣнадцать тишинъ, двѣнадцать камчужищевъ [2]), двѣнадцать недужищевъ, двѣнадцать щировыхъ [3]), костовыхъ, ломовыхъ, жильныхъ и полужильныхъ; ключи, замки—въ воду, огонь въ гору; во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь". (220).

Прочитать этотъ заговоръ трижды.

---

[1]) Тишиною называется всякая болѣзнь, соединенная съ потерей сна, задумчивостью или бредомъ, поврежденіе умственныхъ способностей, у дѣтей—родимецъ, падучка и др.

[2]) Названіе чирьевъ кучковатыхъ и паховиковъ.

[3]) Вѣроятно—жировыхъ, *Н. В.*

№ 87. Отъ ногтя у скота [1]).

„Я, рабъ Божій,—встану, перекрестясь, Богу помолясь, честнымъ иконамъ поклонясь, выйду въ чисто поле, пойду изъ заворъ въ заворы [2]) къ синю морю, у синя моря стоитъ кузница; въ кузницѣ великіе кузнецы: Мать Пресвятая Богородица, да четыре Евангелиста Марко и Матвѣй, Иванъ и Лукоянъ, [3]) и Кузьма и Даміанъ [4]). Мать Пресвятая Богородица благослови, прикажи заковать, забить, отъ благословеннаго живота отъ скотинушки—двѣнадцать злыхъ недужищевъ: корчевыхъ, ломовыхъ, костовыхъ, жильныхъ [5]), загонить ихъ въ океянъ море, на самое роднище [6]), безживотную сторону; дайте Божьей скотинушкѣ житье и здоровье, хозяину-христіанину на радость и вспомогу. Аминь“. (221).

Есть заговоры отъ людского, т. е. какъ бы напущеннаго людьми, отъ переходящаго и проч.

Въ ловлѣ звѣрей или птицъ, у пчеловодовъ, занимательны нѣкоторые пріемы и дѣйствія, наприм., если принесенную домой птицу—рябка, тетерю, зайца испортитъ кошка или собака въ томъ мѣстѣ, гдѣ хранится, то, по убѣжденію ловца, непремѣнно нужно, чтобъ на будущее время была удачна охота, той кошкѣ или собакѣ разрѣзать ухо, добыть крови, окуриться ею самому, окурить ружье или капканъ, или петли—прочитавъ напередъ заговоръ, обыкновенно, благословясь, перекрестясь—съ призываніемъ святыхъ, отговариваніемъ отъ призоровъ, отъ бабъ пустоволосыхъ, разноглазыхъ, кривозубыхъ, двоезубыхъ и т. д. Охотникъ окуривается самъ, окуриваетъ ружье, капканъ, петли; пчеловодъ окуриваетъ ульи пахучими травами: богородской травою, бѣлою дремою, овсянкою и многими другими, и непремѣнно тутъ у него же есть росной ладонъ, бывшій въ церкви, богоявленская, субботняя и пасхальная свѣчка; у пчеловода—осколки отъ краевъ церковныхъ колоколовъ [7]).

---

[1]) Здѣсь разумѣется чемеръ и друг. въ этомъ родѣ.

[2]) Проходъ въ огородѣ, забираемый жердями.

[3]) Лука и Лукіанъ—имена въ народѣ не различаются.

[4]) Приводятся и другіе святые, кому и гдѣ какіе по обычаю нужны: здѣсь разумѣется обычай православныхъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни молиться извѣстнымъ святымъ.

[5]) Набирается двѣнадцать кому какихъ съумѣется.

[6]) Туда, гдѣ какъ бы самое море зачинается—въ бездну.

[7]) Добываемые въ первый пасхальный утреній звонъ.

Бортяники въ Великій четвертокъ залѣзаютъ на дерева, жужжать и гагайкаютъ въ томъ повѣрьи, что какъ далеко слышенъ ихъ крикъ, такъ отъ тѣхъ поръ пчелы будутъ узнавать его борть и садиться въ нее, магнитъ тоже непремѣнная принадлежность пчеловода.

Здѣсь не приводимъ еще другой видъ заговоровъ, въ противуположности выше приведеннымъ, называемыхъ противными и читаемыхъ съ конца, что называется—съ аминя, и уже не съ призваніемъ святыхъ, а темной силы; не имѣемъ ихъ въ подлинникѣ, но прочетъ ихъ слыхали, и добыть ихъ списанными едва-ли удастся, какъ секретъ знахарей, содержимый особенно въ тайнѣ.

Суевѣріе есть и такого рода: прошедшаго лѣта былъ падежъ скота—одинъ крестьянинъ, для избавленія отъ падежа своего скота, зарылъ живими кота и свою охотничью собаку; другое семейство закопало живую одну собаку.

[Б) Изъ „Костромской Старины", изд. Костромской Губернской Архивной Комиссіи].

IV. Дѣло о Костромскомъ посадскомъ Дмитріѣ Ш., судившемся за написаніе къ женѣ своей чародѣйственной записки и дурное съ нею обращеніе.

(Началось 5 окт. 1827 года, кончено 10 окт. 1827 года).

Чародѣйственная записка... слѣдующаго буквально содержанія:

№ 88. [Присушка].

Ка дверь приклоняется, какъ приклонись женщина ко мнѣ, къ рабу Дмитрію,—Александра утромъ, вечерами и зарями, и днями, и часами — и до(ро)лы, и дьяволы, и сотоны, и чертенята. Послю тучу грозную и всѣхъ ваши дома выжгу и горье, долы и темны лѣса, и боры, и горы — все разрушу. (222).

№ 89. [Присушка].

Ка дверь притворяется, какъ приклонись женщина къ рабу Дмитрію Александра, приклонилась утрами, вечерами и днями, и часами, и минутами, но кажные въ умѣ держала, не спала и не лежала, что раба того на умѣ держала, и не пила, и не ѣла, и дьяволы, и сотоны, и чертенята, и сатанята приклонитесь къ намъ; луга, болота, горы и долы дѣлайте по моему;

рабыню, ежи не сдѣлаетъ по моему, не давайте ей ни ста(ть) и лежать, посылайте ко мнѣ, то раззорю луга и болота, и темные лѣса, послю тучу грозную; на морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, вѣтры буйные, вѣтры храбрые, вѣтры полуденные, ночные и полуночные, денные и полуденные дуйте и подувайте, Дмитрію Александрову [1]) присушите и приворотите 70 жилъ, 70 покосковъ, 77 суставовъ, 77 костей, 77 подкосковъ; какъ дверь воскидается туго на туго, также и она ко мнѣ, къ рабу, приклонясь утрами и вечерами... (далѣе непечатныя ругательства) ...идолы, дьяволъ, покрывайте эти слова. (223).

Однажды Александра III. разсказывала ей при посадской, Авдотьѣ Алексѣевой Колодкиной, что поила своего мужа потомъ въ чаю и менструальной кровью въ красномъ винѣ и совѣтовала и имъ сдѣлать это, говоря, что мужья ихъ будутъ ихъ больше любить и не будутъ ни за что наказывать... (295 стр.).

„Костромская Старина“, вып. 3. Кострома. 1897. *Н. А. Амбицкій.* Извлеченія изъ 6 дѣлъ бывшей Костромской Уголовной Палаты 1810—1836 гг. (Стр. 277—278).

[В) Изъ „Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, 1908, № 17. „Отчетъ миссіонера Уреньскаго края Варнавинскаго у.“ о. Успенскаго].

Церковныя молитвы иными старообрядцами искажаются до неузнаваемости. Напримѣръ, приходилось мнѣ слышать, говоритъ о. миссіонеръ Успенскій, чтеніе молитвы ангелу-хранителю въ такомъ видѣ:

№ 90. [Молитва ангелу-хранителю].

Ложился спать (имя рекъ) отъ Духа Святаго,
Отъ печати Христовой.
Ангелъ мой,
Хранитель мой,
Сохрани меня
Во всю ночь безъ грѣха.
Дьяволъ-сатана
Откачнись отъ меня.
Есть на тебя
Исусова молитва,
Ангельскій крестъ.
Нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (224).

[1]) Вѣроятно—Александру.

или:

№ 91. [Молитва ангелу-хранителю].

Ангелъ дневной и ночной, и полуночной, и часовой! помолися за меня, за грѣшнаго раба Божія. Положи, Господи, всѣхъ сусѣдей и сусѣдокъ по сердцу ко мнѣ, ко сиротѣ. (225).

За усопшихъ многими молитва читается такъ:

№ 92. [Молитва за усопшихъ].

Упокой, Господи, въ великомъ житіѣ семъ, яко человѣкъ согрѣши, яко человѣки Богъ проститъ и помилуетъ ихъ, вѣчныя муки избавитъ и причастія ученикамъ нашимъ болѣзнямъ сотвори. Избавь, Господи, отъ вѣчныя муки рабъ и рабынь, и родительскія души безгрѣшныя и безвременныя. Отведи меня, Господи, отъ муки отъ вѣчныя, отъ огня отъ горючаго, отъ смолы отъ кипучія, отъ червей отъ ядучіихъ, отъ морозовъ трескучіихъ, раба Божія (имя рекъ), нынѣ и присно и т. д. (226).

Есть много въ приходахъ Варнавинскаго края „знахарокъ" и „заговорщицъ", отчитывающихъ разныя болѣзни. („Отчетъ о состояніи и дѣятельности правосл. Костромского Θеодоровско-Сергіевскаго братства за 1907 г.", стр. 11—12).

[Г). Сюда же присоединяются и двѣ нижеслѣдующія молитвы апокрифическаго характера, которыя подъ разными наименованіями (молитва о. Іоанна Кронштадтскаго, Серафима Саровскаго и др.) усердно распространяются желающими получить *большую радость*. Благодаря несложнымъ условіямъ, обезпечивающимъ исполненіе желаній, во всѣхъ городахъ находится много людей, занимающихся ея разсылкой.

Вотъ что, напр., напечатано въ Костромской газетѣ:]

„Въ одномъ изъ номеровъ нашей газеты сообщалось, что одному изъ обывателей подкинуто было письмо слѣдующаго содержанія:

„Господи Іисусе Христе, молимъ тебя, святый Боже и т. д. Въ Іерусалимѣ былъ слышенъ голосъ, что кто будетъ читать эту молитву, тотъ будетъ избавленъ отъ всѣхъ бѣдъ, а не исполнившій будетъ наказанъ, т. е., если кто не обратитъ вниманія на молитву и не раздастъ ее 9 знакомымъ лицамъ".

За послѣднее время многіе изъ обывателей получили такія письма. Такъ, на-дняхъ, точно такую же молитву, съ подписью „Голубка", подкинули въ лавку Бородкина, что на Молочной горѣ; но такъ какъ это не достигло цѣли, то ему вскорѣ опять подбросили ее; такъ продолжалось три раза [1]).

[И въ то же время мы имѣемъ подобное же извѣстіе изъ далекаго Порта Аяна, стоящаго на берегу Охотскаго моря:]

„...... лавочникъ былъ обезпокоенъ полученнымъ изъ Владивостока письмомъ неизвѣстнаго корреспондента. Письмо начиналось такими словами: „Во время литургіи въ Іерусалимѣ былъ слышенъ голосъ: накажу васъ, народы!" Внизу было приписано: „Кто эту молитву въ теченіе 9-и дней будетъ читать и 9 лицамъ каждый день пошлетъ одну, то уже послѣ 9-и дней желаніе его будетъ исполнено". Задача была нетрудная, но въ данной глуши неисполнимая: какъ ни бился лавочникъ, онъ не могъ найти девять грамотныхъ лицъ ни въ Аянѣ, ни въ его окрестностяхъ. Это обстоятельство очень безпокоило суевѣрнаго лавочника" [2]).

[Привожу тексты такого рода молитвъ:]

№ 93. Молитва.

Господи, Іисусе Христе, Тебѣ молимся! святый Боже, помилуй мя и всѣ людіе твоя; спаси насъ отъ грѣховъ, ради Пречистыя крови—нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О, Іисусе Христе, Тебѣ молимся! святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ отъ вѣчныя муки, ради пречистыя Твоей крови; прости намъ наши согрѣшенія, ради пречистой, пресвятой крови—нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кто эту молитву будетъ читать самъ въ продолженіи девяти дней, и также въ теченіи того времени долженъ разослать разнымъ лицамъ, желаніе его будетъ исполнено.

Во время литургіи во Іерусалимѣ былъ гласъ: „накажу всѣ грады! И кто будетъ читать эту молитву, отъ всѣхъ бѣдствій и напасти будетъ спасенъ".

Молитва эта была прислана епископу Воронежскому Антонію съ тѣмъ предостереженіемъ, чтобы ее разослать девяти лицамъ. А кто не захочетъ воспользоваться милосердіемъ этимъ, будетъ посѣщенъ несчастіемъ. (227).

---

[1]) „Поволжскій Вѣстникъ", 1908, № 779.

[2]) „Сибирскіе Вопросы", 1908, №№ 49—52. *Ив. Абрамовъ, Эд. Пекарскій.* „На краю Сибири".

№ 94. Молитва.

Господи Іисусе Христе!

Тебѣ молимся: Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ и всѣхъ людей твоихъ! спаси отъ грѣховъ нашихъ, ради Пречистой Крови Твоей,—нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О, Іисусе! Тебѣ молимся: Святый Безсмертный, помилуй насъ и всѣхъ отъ всякихъ мукъ, ради Пречистой Твоей Крови,—нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ Іерусалимѣ, во время литургіи, былъ слышенъ голосъ говорящій: „всякому, кто будетъ читать эту молитву, того Богъ избавитъ отъ бѣдствій!“ Эта молитва была прислана Епископу, чтобы онъ разослалъ ее девяти лицамъ, и сказано: кто не хочетъ этого сдѣлать, того постигнетъ большое несчастье. И дѣйствительно,—въ Харьковѣ одинъ обыватель, получивъ эту молитву, не обратилъ на нее вниманія и сжегъ ее, и былъ наказанъ—онъ лишился единственной дочери. По полученіи этой молитвы и вы разошлите *ее девяти* [1]) знакомымъ и на девятый день Васъ постигнетъ большая радость. (228).

Трехдневный срокъ [1]).

XXXI.

[Записи *Я. Кузнецова*, сдѣланныя въ с. Троица-Леденгскомъ Костромской губ., Кологривскаго у. для Этнографическаго бюро кн. Тенишева].

№ 95. Урошная молитва.

Господи Боже, Господи благослови.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Лягу я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, стану, перекрестясь; умоюсь святою утренней росой; утруся шитой, браной пеленой, и пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), въ чистое поле, въ востошную сторону. Въ востошной сторонѣ стоитъ златъ столпъ; на златѣ столпѣ сидитъ старъ мужъ—Святъ Духъ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Святымъ Духомъ снимаетъ и сдуваетъ уроки, призоры и лихіе приговоры отъ одноволоса, двоеволоса, троеволоса; одноглаза, двоеглаза и троеглаза; однозуба, двоезуба, троезуба; одногуба, двоегуба и троегуба; однодумця, двоедумця и троедумця; отъ попа, отъ попадьи; отъ дьякона, отъ дьяконицы; отъ дьячка, отъ дьячихи; отъ бабушки просвирни, отъ бабы нерасчески, отъ дѣвки волосогрызки; отъ колдуна, отъ колдуньи, отъ своея думы крѣпкія. Подьте же вы въ широкіе лѣса, въ глубокіе омуты, тамъ вамъ жить добро, спать тепло. Будь моя молитва крѣпка и липка: хитряе хитрова хитрова, мудряя мудрова мудрова. Кои слова были въ забытьѣ, будьте тѣ слова по путѣ. Мало молодо, (3[1]) крѣпче булатнаго меча, вострѣе вострова ножа. Замокъ крѣпокъ, ключъ во ртѣ. (3) Замка изъ моря не доставывати, ключа изо рту не вынимывати и мою мольбу не испорчивати. (229).

№ 96. Урошная молитва.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь; пойду изъ избы въ двери, изъ дверей воротами; пойду я, рабъ Божій, въ чистое поле, подъ красное соньце, подъ свѣтлой мисецъ, подъ частыя звѣзды, подъ теплыя оболока. Я, рабъ Божій, теплыми оболоками оболокуся, частыми звѣздами вокругъ сибя обтычуся, утренной зарей оповяжуся, вечерней зарей опояшуся. Пойду я, рабъ Божій, ко святу Окіяну морю, есть святъ островъ тамъ; на святѣ острову лежитъ бѣлый камень Латеръ; на томъ камнѣ стоитъ церковь папы Римской; въ ефтой церквѣ стоитъ златъ престолъ; на златѣ престолѣ сидитъ самъ Ісусъ Христосъ, Матерь Божья, Царицә небесная, въ златѣ ризѣ, держитъ золото перо и смахиваетъ, и спихиваетъ, и сдуваетъ, сметаетъ со свята Окіяна желту пѣну. Я ей покорюся и помолюся, отъ бѣла лиця до земли поклонъ возложу: смахни и спихни съ милые съ моия скотинки, съ целовика или животинки; отсылай и посылай въ темные лѣса, въ зеленыя дубровы злые уроки, злые призоры и пакосные слова. Тутъ бы жили онѣ во вѣкъ, отъ нынѣ и до вѣку. Ключь въ морѣ, замокъ въ ртѣ. Аминь. (230).

---

[1]) Знакъ 3 означаетъ, что слова „мало молодо“ надо произнесть трижды, какъ и далѣе „замокъ крѣпокъ, ключъ во ртѣ“.

№ 97. Отъ урока бѣлки [1]).

Подымаются вѣтры вихори со всѣхъ цетырехъ сторонъ, отъ востоку до западу, сымаютъ и сдуваютъ съ крутыхъ горъ бѣлы снѣжки, сымаютъ и сдуваютъ съ вшивова добытка уроки, озепы, призоры, злые-лихіе приговоры. Подьте же вы, уроки, озепы, призоры, злые-лихіе приговоры, понеситесь во лузя болота, дѣ скотинкѣ привольно, народу невходимо, тамъ вамъ жить добро, спать тепло. Будь моя молитва крѣпка и липка: хитрѣе хитрова хитрока и шшучьева зуба. Аминь. (231).

№ 98. Молитва отъ нохти [2]).

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Стану я, рабъ Божій, благословяся, пойду, перекрестяся, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, подъ прикрасное соньце, подъ свителъ мисець, подъ цястыё звѣзды, подъ теплыя оболока. Я, рабъ Божей, оболоками оболокуся, цястыми звѣздами обтыцюся, утренной зорей оповяжуся, вецерней зорей опояшуся. Пойду я, рабъ Божей, ко святу Окіяну, есть тамъ святъ островъ; на святѣ острову лежитъ бѣлой камень Латеръ; на камню Латерѣ стоитъ церковь папы Римской; въ ефтой церквѣ стоитъ пристолъ; на златѣ пристолѣ сидитъ самъ Исусъ Христосъ, Матерь Божья, Присвятая Богородица. Я покорюсь и помолюся, отъ бѣла лица поклонъ до земли возложу: дай мнѣ, Осподи, на помошшъ Михайла Архандила съ каленымъ шшитомъ, ешше дай мнѣ, Осподи, Егорья Хороброва съ вострымъ копьемъ. Михайло Архандель и Егорей Хороброй, вышибите и выстриллите изъ мозговъ гнилой скотины 77 нохтей: изъ головы, изъ глазъ, изъ языка, изъ ушей, изъ губъ, изъ ноздрей, изъ кожи, изъ сердця, изъ лехкова, пеценки, крови горяцёй, изо всѣхъ 77 суставовъ, изъ паноцьковъ, изъ ляшекъ, изъ ходатошныхъ жилъ, изъ кожи, изо всѣхъ 77 нохтей витряной боли. Михайло Архандель и Егорей Хороброй, сѣкитё и рубитё 77 нохтей, отсылайтё и посылайтё въ тихіё лѣса въ зеленыё лузя, изъ пцелки (вмѣсто—челки) въ гриву, изъ гривы

---

[1]) Есть повѣрье, что тотъ охотникъ, который, подстрѣливъ бѣлку, замѣтитъ, что она долго не умираетъ—не будетъ имѣть удачи въ охотѣ, пока не прочитаетъ этого „урока".

[2]) Им. п.—нокоть; болѣзнь лошадей.

въ хрибетъ, изъ хрибта во хвостъ, изъ хвоста въ тихіё лѣса, въ глубокіё омута, дѣ скотинѣ непривольно, народу невходимо. Кои слова въ забытьѣ, текитё впередѣ, служите по порядку той моей молитвѣ. Замокъ въ морѣ, ключь во ртѣ. Трою послѣ моей молитвы никово не имѣли бы уроки. Аминь. (232).

№ 99. Заяшная молитва.

Осподи Боже, Осподи, благослови! Лягу я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, стану, перекрестясь, умоюся святою утренней ледяной росой, пойду, утруся шитой, браной пеленой, подпояшуся свѣтлымъ мисяцемъ, обтыцюся цистымъ мелкимъ звѣздами, пойду я въ цистое поле, въ востошную сторону; въ востошной сторонѣ стоитъ златая церковь, свяшшенная именная и апостольская церковь, въ ефтой церквѣ стоитъ златъ пристолъ, на златѣ пристолѣ сидитъ самъ Ісусъ Хрестосъ, царь Небесной, святъ-присвятая Божья матерь, Богородиця, Михаилъ Архандель, Егорей Хороброй, Микола многомилостивой. Я къ этимъ во святымъ подойду поближе, поклонюсь пониже: благослови миня, Христовъ Боже, ставить свои поставушки и половушки, золоты капканцы, позолоцены пружинки, цѣлковыя силья на вольныхъ збирей: сѣрыхъ, бѣлыхъ зайцевъ; косолапыхъ, короткохвостыхъ, корноухихъ, желтыхъ, бронастыхъ рысей и лисицъ, росомагъ и сѣрыхъ волковъ. И шли бы безпрепятственно онѣ изъ-за тридевятъ морей, изъ-за тридевяти земель, изъ-за тридевяти городовъ, изъ-за тридевяти ловцовъ, изъ-за тридевяти хитрыхъ мудрыхъ мудрецовъ, изъ-за тридевяти паточинъ, такъ бы Божьи звѣри шли бы безпрепятственно по всякъ день, по всякъ цясъ, по всяко Божьё время, днемъ и при свитломъ мисяцѣ, и при цястыхъ звѣздахъ, при теплыхъ оболокахъ и утренней зорѣ, на восходѣ, на прикрасномъ мисяцѣ. Мало молодо, (З [1]) булатнова меця, вострова ножа (З). Замокъ крѣпокъ, ключъ во ртѣ. Какъ замка изъ моря не вынимывати, такъ и моей молитвы на зайцёвъ не испорцивати. (233).

№ 100. Тетеревинная молитва.

Какъ на высотѣ Осподь Богъ украсилъ небо звѣздами, землю—зелеными травами, рѣки—берегами, мужей—женами, насъ лисниковъ-охотниковъ—божіими птицами, рябковъ—ра-

[1]) Смотри примѣч. на стр. 86.

бушками, тетеревой—тетеревушками. Летите же вы, ряпки, рябушки, тетерева, тетеревушки, со всѣхъ цетырехъ сторонъ: отъ востоку до западу, изъ ельниковъ, изъ осинниковъ, изъ березниковъ, изъ малинниковъ, изъ ракитниковъ. Всѣ бы летили впередъ на мой пищикъ [1]). Кои слова въ забытьѣ, служите впереди. (234).

№ 101. Приворотная молитва.

Осподи Боже, Осподи, благослови.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Языкъ—провѣтчикъ, зубы—межа, глаза—вода, лобъ—боръ, веди меня, сударушка, на дворъ, бери клюку, мели муку, пеки хлѣбъ, корми меня, будь отнынѣ и довѣку моя. Спущу я, рабъ Божій, на бабпую Божью дѣвицю (имя рекъ) три тоски тоскуціё, три сухоты сухотушшіё, три жалбы жалбущіё—въ сердце ретивое, въ лехкое, пецень и въ кровь горяцюю, въ глаза и суставы, и въ мозга. И казался бы рабъ Божій (имя рекъ) рабицѣ-дѣвицѣ (имя рекъ) миляя хлѣба-соли, миляя милости Божьей, роду-племени, отця-матере, краснова соньця, свѣтлаво мисеця. Мало молодо (3 [2]). Замокъ въ морѣ, ключь во ртѣ. Какъ замка изъ моря не вынимывати, ключя изо рту не доставывати (3). Кои слова въ забытьи, служите на вѣки впереди. Будь моя молитва крѣпка и липка, луцце и зубастѣе зуба шшуцьева. (235).

---

[1]) Пищикъ—дудочка, которой приманываютъ птицъ.
[2]) Смотри примѣч. на стр. 86.

I. Распредѣленіе заговоровъ и пр. по мѣстностямъ.

II. Распредѣленіе заговоровъ и пр. по содержанію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.